

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ДЕТАЛЬ КОСТЮМА И ЕЕ ФУНКЦИИ В ПРОЗЕ А.П.ЧЕХОВА

Абиева Наиля Мисирхановна

аспирантка, кафедра литературы «АлтГПА», г. Барнаул

В чеховском повествовании представляют немалый интерес отдельные костюмные элементы (напр., шляпа, фуражка, т.п.), которые становятся особым звеном нарратива. Как отмечают исследователи, ранние рассказы Чехова нередко прочитываются через «театральный смысловой ряд» [7, с. 133].

Рассказ «Княгиня» (1889) не рассматривался исследователями в аспекте костюма. Упоминание костюма сведено к минимуму, но на одной детали автор заостряет внимание – это шляпа доктора Михаила Ивановича.

При встрече с княгиней доктор снимает шляпу, делая обычный жест приветствия: «Поравнявшись с княгиней, он снял шляпу и поклонился...» [9, Т.7, с. 238]. Дальнейший разговор трудно назвать диалогом, скорее это монолог доктора, который, поддавшись эмоциям, становится зlostным обличителем. Критики (например, Е.А. Ляцкий) отмечали, что образ доктора оставался в тексте непонятным, плоским. И, тем не менее, авторские ремарки, сопровождающие доктора, углубляют его, расширяя смысловое поле этого персонажа.

Далее жест удваивается («... снимая еще раз шляпу.» [9, Т.7, с. 238]), обретая дополнительные смыслы. В повторении формального приветствия – градация: с одной стороны, княгиня для доктора – зло, с ней связана личная обида (уволрила, не принимала к себе его жену), с другой, объект, на котором можно отыграть, излить всю силу своей назидательности.

Шляпа в руке доктора как вещь обретает многозначность, формируя ассоциативное поле и межтекстовые связи. Таковы функции костюмных атрибутов в «театральной» поэтике раннего Чехова, где каждый предмет несет в себе скрытый игровой потенциал; как отмечает Мазенко В.С.: «Герою даже не надо слишком сильно гримироваться, достаточно какой-то одной детали – ордена на грудь, занимательного словечка...» [5 с. 24].

Горячность доктора в разговоре постепенно усиливается, что видно по его движениям: «– Да разве я сержусь? – засмеялся доктор, но тотчас же вспыхнул, снял шляпу и, размахивая ею, заговорил горячо...» [9, Т.7; с. 240]. Теряя голову, он решается высказать все, а жест снятия шляпы маркирует «точку кипения» доктора.

Шляпа переживает метаморфозы, и в сознании княгини, сосредоточенной на шляпе, она оказывается уподобленной чему-то вроде палки: «...ей стало казаться, что жестикулирующий доктор бьет ее своею шляпой по голове.» [9, Т.7, с. 241] и «У княгини страшно билось сердце; в ушах у нее стучало, и всё еще ей казалось, что доктор долбит ее своей шляпой по голове.» [9, Т.7, с. 243]. Гнев доктора, опредмеченный в шляпе, воздействует на княгиню не только фигурально, но и почти буквально. Парадоксальным образом, доктор, упрямо обвиняя княгиню в игре в кукольную комедию, во всех ее «предприятиях» разоблачая наигранность и фарс, сам демонстрирует театральность поведения – речь,

жестикуляция, заикание демонстрируют экстатичное состояние говорящего. Словесное изливание оказывается бесцельным, разоблачая самого доктора – участника противной ему кукольной комедии, об этом свидетельствует финал. В извинениях – вовсе не отказ от своего мнения, а осознание бесполезности бунта подобного рода. «– Я поддался злomu чувству и забылся. Это нехорошо. И, конфузливо кашлянув, забывая надеть шляпу, он быстро отошел от княгини.» [9, Т.7, с. 245]. Здесь шляпа становится меткой разбалансированности состояния, удержание шляпы в руке сопряжено с угасанием гнева.

Игровая семантика предмета наделяет, казалось бы, плоский персонаж особой глубиной. В театрализованном монологе, неосознанно обыгрывая предмет, персонаж переживает психодраму, которая по своему содержанию включает ролевою игру и драматическое самовыражение. Через проигрывание эпизодов прошлого (воспоминание о работе лекарем у княгини и т.п.) доктор получает новый полезный опыт – осознание тщетности нравоучения.

Вещь полифункциональна, более того, амбивалентна: шляпа в финале несет противоположный смысл, формируя подтекст. Монолог по содержанию является назидательным и разоблачающим, но поднятая шляпа в итоге обретает противоположную традиционной (знак приветствия) семантику: шляпа еще глубже надета на голову.

Отделившись от хозяина («долбит ее своей шляпой по голове»), соломенная шляпа превращается, с одной стороны, в карательный прут. При этом своими внушениями доктор добивается лишь одной реакции – плача княгини. Состояние княгини после «наказания» сродни обиде капризного ребенка, которого обидели: «Она чувствовала себя обиженной и плакала, и ей казалось, что и деревья, и звезды, и летучие мыши жалеют ее...» [9, Т.7; с. 245].

С другой стороны, шляпа становится воплощением маскарадности существования княгини: кукольная комедия присутствовала во всем – в отношении к людям, служащим, предприятию со школой, в приюте для старух, в посещении монастыря. Фальшь княгини автор подчеркивает в описании ее внешности, где чувствуется слепая самовлюбленность, нарциссичность («... своим появлением должна была возбуждать в простых, суровых людях чувство умиления и радости. Каждый, глядя на нее, должен был думать: “Бог послал нам ангела...” И чувствуя, что каждый невольно думает это, она улыбалась еще приветливее и старалась походить на птичку» [9, Т.7; с. 237].) и речь, в которой преобладают неуместные эпитеты (напр., об архимандрите: «Чудный, чудный старик!» [9, Т.7; с. 234], о монастыре: «я каждую минуту мысленно жила в вашем милом монастыре...» [9, Т.7; с. 234]), экзальтация и умиление от осознания собственной прелести.

Состояние княгини после встречи с доктором только укрепило ее уверенность в своей благодетельности. Его речь не вызвала в ней человеческих чувств, Чехов пародийно подчеркивает ее животное начало: «Стараясь походить на птичку, княгиня порхнула в экипаж и закивала головой во все стороны.» [9, Т.7; с. 247]. Безнадежная самоуверенность в героине ужасает: «накрыть птичку шляпой» не удается.

Более поздний рассказ «*Страх (Рассказ моего приятеля)*» (1892) богат литературными подтекстами.

Межтекстовые связи в тексте организуются посредством нескольких деталей, в первую очередь указанием на головной убор центрального персонажа Силина. В тексте называется фуражка – мужской головной убор с козырьком и околышем (ободком, к которому прикрепляется тулья). [2, с.305]

Так, центральный персонаж рассказа – Дмитрий Петрович Силин – явная отсылка к герою романа Л.Н. Толстого «*Анна Каренина*» – Константину Левину. Он бросил службу и занялся сельским хозяйством. В исповеди своему приятелю он делится самым сокровенным: его тяжело волнует вопрос смысла жизни и смерти, страх от осознания ее бесцельности. Переключка с толстовским текстом в ритмическом созвучии фамилий (Левин-Силин) и в наметившейся судьбе Силина (переезд в усадьбу, ведение хозяйства). Уход с государственной службы – это действие символически соотносится с жестом снятия головного убора, знака служащего, при этом Силин не обретает жизнеспособности в новой ипостаси хозяина усадьбы.

Фуражка, (сниженный вариант шляпы) оказывается у Силина на протяжении всего текста снятой и/или забытой.

Вариант снятой фуражки – головы отделенной от тела – обозначен в подспудно введенном шекспировском мотиве: это спрятанный вопрос Силина «Быть или не быть?», который доводится до наивысшего предела – мысли о собственной кончине. Монолог Гамлета, упоминаемый персонажем, как известно, произносился именно в момент созерцания черепа королевского шута Йорика. «Признаюсь вам, как другу, я иногда в тоскливые минуты рисовал себе свой смертный час...» [9, Т.8, с. 130] – эти мысли персонажа о своей смерти демонстрируют наивысшую степень душевного дисбаланса. Не получая удовлетворения от своей деятельности, Силин не видит счастья в семейной жизни и считает брак недоразумением: «Моя семейная жизнь... – мое главное несчастье и мой главный страх» [9, Т.8, с. 132]. Таким образом, снятая фуражка символизирует потерю головы, т.е. потерю жизнеспособности, потерю здравого смысла.

Толстовский мотив получает свое индивидуальное развитие у Чехова: Силин, не нашедший успокоения в деятельности и в семейном счастье, испытывая страх, продолжает пребывать в своем положении мученика до конца произведения.

У Силина есть скрытый двойник – лакей Гаврила Северов (или Сорок Мучеников; его прозвище рифмуется с состоянием Силина, который все время мучается), уволенный за пьянство. Этим персонажам соединяет нечто общее: пьянство одного (символ общения с богами или овладения ими, винопитие использовалось в ритуалах для достижения экзотических состояний [8, с. 256]) и душевная болезнь другого, для обоих это морок или наваждение.

В двойнике Силина реализуется мотив потерянной головы, намеки на это присутствуют в тексте: «...Сорок Мучеников, сняв шапку, посадил нас обоих ...

– Дмитрий Петрович, позвольте к вам прийти, – проговорил он, сильно моргая глазами и склонив голову набок. – Явите божескую милость! Пропадаю с голоду!» [9, Т.8, с. 133]. Опыянение связано с потерей головного убора как буквально, так и символически и с потерей головы (указание на склоненную голову) – это утрата здравого смысла. Сорок Мучеников словно договаривает то, что не решается говорить Силин. В финале задается параллель. Силин: «Мне, вероятно, на роду написано ничего не понимать. Если вы понимаете что-нибудь, то... поздравляю вас. У меня темно в глазах.», «...Сорок Мучеников, уже успевший где-то выпить, и молил пьяный вздор. – Я человек вольный! – кричал он на лошадей. – Эй, вы, малиновые! Я потомственный почетный гражданин, ежели желаете знать!» [9, Т.8, с. 133]. Фраза, брошенная пьяным лакеем, как бы продолжает мысль Силина и обостряет внутренний протест, который не выходит наружу, а только затемняется в сознании. Присутствие двойника подчеркивает страдание Силина.

С женой Силина Марией Сергеевной в чеховское произведение входит пушкинский текст. «... она сказала мне: «Я вас не люблю, но буду вам верна»...» [9, Т.8, с. 133]. Это фраза – неточная цитата из монолога Татьяны в романе «*Евгений Онегин*»: «Но я другому отдана; / Я буду век ему верна» [6, Т.5, с. 162]. Но цитата имеет обратное значение: в финале Мария Сергеевна не хранит нелюбимому мужу верность.

Автор фокусирует внимание на таких деталях ее портрета, как волосы и брови: «...у нее золотистые брови, чудные брови я находил, что у нее в самом деле замечательные волосы...» [9, Т.8, с. 134]. Волосы как культурный символ имеют много коннотаций. С одной стороны, волосы – символ жизненной силы и энергии, «связи с низшим началом» [1, с. 124]. С другой стороны, волосы олицетворяют пагубный аспект женской силы – предчувствие женского предательства. Указание на необычные волосы героини ассоциативно связывает ее с богиней плодородия Персефой, а сама ситуация замужества скрывает архетипический мотив похищения Персефоны Аидом. После долгих уговоров она согласилась выйти за Силина замуж без любви, став пленницей своего решения. Брак Силина и Марии Сергеевны несет метку нечистого еще до его осуществления. Как отмечает Г.П. Козубовская, уход от святых чисел характерен для авторской нумерологии [3, с. 17]. Здесь присутствует, как и в рассказе «*Анна на шее*», отклонение от сакральных «тройки» и «семерки» и наличие «двойки» и «шестерки» (Силин два года ухаживал за Марией Сергеевной, только на шестой раз она ответила положительно). «Шестерка» – плотское число, относящееся к тому, что будет уничтожено, – указывает на дефективный брак. Кроме того, восторг Силина от согласия невесты превращается в источник страха и мучения.

Эпизод предательства жены также будет маркирован забытой фуражкой:

«На столе у меня около книг лежала фуражка Дмитрия Петровича, и это напомнило мне об его дружбе» [9, Т.8, с. 134]. Фуражка здесь как напоминание о человеке, она создает эффект присутствия-отсутствия персонажа.

Символический жест снятой фуражки перед любовником жены: «Тут я забыл вчера свою фуражку... – сказал он, не глядя на меня» [9, Т.8, с. 138]. Так Силин будто намеренно позволяет себя мучить еще больше. Страх

жизни дает ужасающий результат – омертвление при жизни. «Он нашел и обеими руками надел на голову фуражку...» [9, Т.8, с. 138] – это единственный эпизод, где головной убор надевается Силиным, но этот жест оказывается пустым, лишенным содержания. Мотив усекования головы уже состоялся, и человек со всеми своими слабостями не использует возможностей жизни, опускает руки.

Каждый персонаж наделен потенциалом (возможность Силина, спрятанная в фамилии – Силин – «сила»), который остается нераскрытым. Персонаж-рассказчик как наблюдатель, участвующий в действии, также чувствует подавленность: «– Зачем я это сделал? Кому и для чего это нужно было, чтоб она любила меня серьезно и чтоб он явился в комнату за фуражкой? При чем тут фуражка?» [9, Т.8, с. 138]. Нарастающая семейная драма разбивается об обыденность, фуражка метонимически замещает Силина, который «снимает шляпу» перед предавшими его женой и другом, и указывает на пошлый по своей сути адюльтер.

Таким образом, одна деталь (фуражка) в рассказе интертекстуальна, архетипична и метафизична. Она становится осевой деталью, формирующей ассоциативное поле классических текстов, существующих в притяжении-отталкивании с чеховскими произведениями: изначально заданный мотив становится диаметрально противоположным, а в итоге и профанным.

Список литературы:

1. Керлот Х.Э., Словарь символов.- М.: «REFL-book», 1994.-608с.
2. Кирсанова, Р.М. Костюм в русской художественной литературе 18- первой половины 20вв./ под ред. Т.Г. Морозовой. – М., «Большая российская энциклопедия», 1995. – 383с.
3. Козубовская, Г.П. Рубеж XIX–XX веков: миф и мифопоэтика [Текст]: монография / Г.П. Козубовская. – Барнаул: АлтГПА, 2011. – 318 с.
4. Лыкова, Т.В. Авторская модальность в рассказе А.П. Чехова «Княгиня»// Режим доступа:<http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000026/st021.shtml>
5. Мазенко, В.С. Игровое начало в произведениях А.П. Чехова. – Воронеж, 2004.
6. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений: В 20 т. – СПб., 1999.
7. Сузрюкова, Е.Л. Визуальные образы в творчество А.П. Чехова. - Новосибирск, 2010.
8. Тресиддер, Дж. Словарь символов/ пер. с англ. С. Палько. – М.: Фаир-Пресс, 2001. – 448с.
9. Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 тт. – М.: Наука, 1983 – 1988.
10. Шкурагова И.П. Эпистолярный брак А.П.Чехова//Новое и старое в облике классика: психологическая загадка личности А.П.Чехова. Сборник научных трудов // Под ред. П.Н.Ермакова. – М.: «Кредо», 2010. – С. 88-100.

ИЗУЧЕНИЕ НУЖД И ЗАПРОСОВ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СЛОВАРЕЙ СЛЕНГА

Егошина Нина Борисовна

Канд. филол. наук, Ивановский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, г. Иваново

С 60-х годов XX столетия в зарубежной лексикографии начал использоваться термин “*user’s perspective*” (“*перспектива пользователя*”). Постепенно он прочно утвердился в англоязычной лексикографии и в первую очередь в лексикографии Англии и США, где издание словарей стало своеобразной индустрией. Регулярно и в большом количестве издающиеся там лингвистические и энциклопедические словари отличались тогда и особенно отличаются в наши дни большим разнообразием типов: от академических словарей национального языка и специальных этимологических, терминологических, справочников сленга, новых слов, цитат и пословиц, языка писателей до “экзотических” словарей кроссвордов, карточных игр, тюремного жаргона и т.п. При таком широком репертуаре справочников встает вопрос о выборе словаря, который неоднократно выделялся в отечественной лексикографии как одна из основополагающих проблем [6]. Проблема выбора словаря, как считают лингвисты, фактически соответствует термину “*user’s perspective*”, т.к., связана с адресатом словаря, пользователем конкретного справочника, необходимого ему для определенных целей. Впервые научно обосновал стратегию ориентации на пользователя словарём и всесторонне изучил эту проблему английский лексикограф Р. Хартманн [8].

В настоящее время усилия современных лексикографов во всём мире, перед которыми стоит серьёзная задача – адекватно отразить состояние живого национального языка, направлены на решение важного вопроса: «Как удовлетворить нужды и требования сегодняшнего

пользователя?». И именно словарь, как самый компактный и совершенный источник предметной информации о словах, терминах, символах или иного рода знаков, является важнейшим инструментом отражения языковой действительности. Особую ценность представляют именно те лексикографические издания, которые фиксируют актуальный языковой материал [1]. Новые отрасли науки и техники, новые общественные явления и тенденции развития со своей терминологией ставят перед лексикографами весьма актуальную задачу создания не только всеохватывающих универсальных словарей, а скорее – соответствующих специальных переводных словарей с описанием лексики достаточно узких отраслей знаний. Необходимости лексикографического описания специальной лексики – особых социолектов и профессиональных языков, включающих в свой вокубуляр и ненормативную лексику, необходимости разработки методов и принципов лексикографической фиксации и описания семантики лексических единиц этих языков посвящены работы многих исследователей [3, 5].

Лексикография XXI века претерпела значительные изменения, став ориентированной на пользователя и обучаемого, а не на лексикографа и непосредственно словарь. Основной задачей лексикографов является не столько поиск пользователя для того или иного типа справочника, а создание словарей, отвечающих запросам и требованиям представителей различных читательских аудиторий. Исследователи обращают особый интерес на всё возрастающий репертуар специальных словарей, ос-

новая лексикографическая функция которых – предоставление информации целевой аудитории с учётом особых характеристик пользователя и ситуации обращения к справочнику [7].

Объектом описания большинства опубликованных в конце XX – начале XXI вв. новых разновидностей словарей писателей, сленга, акронимов, синонимов, ономастиконов, эпонимов и т.д. стали определённые группы лексики, а развитие мировой лексикографии в целом на современном этапе отличают большое жанровое разнообразие словарей и значительное расширение рамок специальной лексикографии. В теоретической и прикладной западно-, а затем и восточноевропейской лексикографии сформировалось новое направление – *sociology of a dictionary user*, т.е. изучение нужд и спроса пользователей на словари конкретных типов, а отличительными чертами продуктов современной прикладной англоязычной лексикографии стали: 1. электронные корпуса как основа отбора входных единиц в словники и 2. регулярно проводящиеся в различных странах мира опросы пользователей с целью выявления интернациональных особенностей и национальных потребностей и нужд пользователей [9]. Эти опросы проводятся в учебных заведениях многих стран, поскольку для современной лексикографии Великобритании и России, например, характерна, прежде всего, учебная направленность словарей, описывающих язык международного общения.

Таким образом, вместе с постановкой первоочередной задачи в современной лексикографической науке – изучение перспективы пользователя – стала актуальной необходимость исследовательского диалога с заинтересованными или целеполагаемыми группами читателей посредством опроса этих групп в виде анкет и интервью, а также при помощи постоянного мониторинга и тестирования их действий, связанных с использованием справочной литературы. Содержание самих инструментов опроса и мониторинга должно носить оценочную направленность, то есть выявлять параметры и условия использования того или иного справочника, уровень и степень владения навыками словарного чтения и т.д. В результате диалога повышается коэффициент перспективности словарей, предназначенных для различных видов деятельности, в которые может быть вовлечён пользователь (перевод, общение, документоведение, создание текстов, восприятие прочитанного и многое другое [1].

Участники социологических опросов, широко используемых при написании курсовых и дипломных работ, диссертаций по англоязычной лексикографии в Ивановском государственном университете, многократно отмечали необходимость издания словарей сленга, которые составляют меньшинство на рынке специальных словарей. Это связано с тем, что “сленг всегда представлял собой весьма притягательную группу лексики, прежде всего, для изучающих английский язык как иностранный, поскольку в нём отражаются и новые изменения в обществе, и особенности современного словоупотребления” [4, с. 84].

Социологический опрос (анкетирование) как метод изучения перспективы пользователя использовался при проведении диссертационного исследования на тему «Сленг в СМИ»: лексикографический аспект (на материале одноязычных и двуязычных словарей)» [2]. С помощью анкетирования необходимо было выяснить: лексикографическую компетенцию студентов филологических

факультетов, в частности – в отношении словарей сленговой лексики; отношение молодых людей к сленгу; степень востребованности этого лексического пласта языка в молодёжной среде; источники поступления сленгизмов в речь молодёжи; необходимость создания узкоспециальных переводных словарей сленга профессиональных языков, в том числе – необходимость создания такого узкоспециального словаря, как словарь сленга средств массовой информации.

Информантами в социологическом опросе (анкетировании) стали студенты двух отделений Ивановского государственного университета – 30 студентов 1-4 курсов отделения журналистики и рекламы филологического факультета (возраст: 18-25 лет; пол: женский/мужской; родной язык: русский) и 125 студентов 1-5 курсов отделения английской филологии факультета романо-германской филологии (возраст: 19-25 лет; пол: женский/мужской; родной язык: русский), всего 155 информантов. Выбор студентов данных отделений филологических факультетов был не случаен, так как получаемые ими в университете специальность и будущая профессия – журналист и преподаватель/переводчик английского языка – связаны непосредственно с языком и навыками владения им, и именно студенты этих отделений могли быть заинтересованы в проводимом анкетировании и показать достаточно объективные знания по предлагаемой тематике. Результаты социологического опроса были необходимы для определения целесообразности составления двуязычных англо-русских и русско-английских словарей сленга средств массовой информации. Что касается СМИ, в социологическом опросе исследование ограничилось такими электронными СМИ, как ТВ, радио, кино- и видеофильмы, хотя в своих ответах информанты ссылались также на газеты и журналы, Интернет.

Информантам были предложены две анкеты, из полученных ответов на которые стало возможно сделать выводы о том, что (Анкета № 1):

- лексикографическая компетенция студентов филологических факультетов положительная, и 94% из них знают о существовании словарей сленга, и даже если не все имеют или пользуются такими словарями, у 77% из них есть желание приобрести словари сленга;
- что касается типа словаря, 66% информантов отдадут предпочтение двуязычному словарю, а систему расположения словарных единиц явно предпочитают алфавитную – 94%;
- 57% информантов рассматривают сленг как подъязык, т.е. как особый пласт лексики, и считают, что он должен обязательно использоваться в речи, т.к. полезен в некоторых ситуациях и может использоваться для передачи более точного значения – 93%;
- отношение к сленгу у 83% опрошиваемых положительное, но с определёнными ограничениями, главное из которых – “употребление должно быть умеренным и только в определённых ситуациях”, в основном с людьми одного возраста и социальной группы, с которыми говорящий знаком;
- основной целью использования сленга информанты считают достижение экспрессивности и точности высказывания – 69%, а реакцией на неизвестные сленговые слова, адресованные им, является желание “узнать это слово” – 92%;

– среди сленговых слов, которые информанты обычно смотрят в словаре – профессиональный сленг – 56%, студенческий – 46% сленг СМИ – 43%, и компьютерный сленг – 35%;

– основными источниками сленга в языке информанты считают – язык подростков и молодёжи – 78%, язык СМИ – 49%, профессиональные жаргоны и аргот – 34%, вульгарный язык и язык преступного мира 28%;

– ответы на вопросы “какие сленговые слова Вы впервые услышали или они пришли к Вам из СМИ и каково влияние СМИ на появление новых сленгизмов” показывают, что информанты часто не дифференцируют слова из разных слоёв лексики (сленгизмы, вульгаризмы, обценные слова и ругательства, заимствования, имеющие синонимы в русском языке) и объединяют их под общее понятие “сленг”, а влияние СМИ (не создание, а распространение) на появление новых сленгизмов в языке считают значительным – 76%;

– на вопросы о необходимости создания узкоспециальных словарей сленга по различным сферам деятельности, в том числе по СМИ – 80% анкетированных дали положительные ответы с соответствующими комментариями [2, с. 240-242].

В Анкете № 2 студентам было предложено дать оценку определённой группе сленгизмов английского языка, которые наиболее часто употреблялись в СМИ в последнее десятилетие. Анализ английских сленгизмов информантами показал:

– на первые места по употребительности в электронных СМИ вышли сленгизмы, отражающие наиболее актуальные в последнее десятилетие жизненные реалии: *баксы, попса, кайф, шоп, мани, кантри - кантровый, пати, прайс, фейс, хитовый, спич - спикать - спичить, дринк - дринкать, тилл, шузы, митинг - смитингнуться, мэн, сейшн, гейм, тейбл* и т.д.

Что касается допустимости/недопустимости употребления английских сленгизмов, ответы информантов можно свести к таким результатам:

– 84% считают, что в СМИ допустимы выделенные ими, широко употребляемые сленговые единицы;

– в кино/видеофильмах 95% информантов считают допустимыми все сленгизмы, поскольку этот вид коммуникации сродни художественной литературе, письмам знакомым и друзьям, неофициальному дружескому общению, где допустимы определённые вольности и стилистически-эмоциональная окраска;

– в разговорной речи и Интернете информанты также предполагают больше свободы, и 68% считают возможным употребление почти всех сленгизмов;

– почти все информанты – 91% против употребления практически во всех видах коммуникации (кроме кино/видеофильмов) сленгизмов, уничижающих человеческое достоинство, обозначающих физиологические потребности и носящих явно вульгарный, сниженный характер: *краза (крези-хаус, крезанутый), парента (пренты, пэренты), бёздник (бёзник), герла (серловый)* и др.;

– из ответов на вопрос “какие из сленгизмов, употребляемых в СМИ, Вы используете сами в своей речи” очевидно, что информанты активно пользуются наиболее употребляемыми в СМИ сленгизмами, даже теми, которые они отметили как недопустимые во многих типах коммуникации;

– студенты также привели примеры употребляемых ими в разговорной речи сленгизмов, не включённых в анкету,

причём, не разделяя их на разные языки, а преподнеся просто как сленгизмы, например: *аська, брателло (брат), брэд (bread), бустард (bastard - ублюдок), дансинг, дежавюшный, диджействовать, дэнс, дэцл, замутить чейндж (совершить обмен), захайлайлить (выделить цветом при работе на компьютере), кул (cool), маза-фака (mother-fucker), мазер (mother), на Hause gegangen, нет (Net), ОК, он фут (on foot), рума (room), санавабич (son of a bitch), сейвить (save), смоукать (smoke), спеленговать (spell – произносить по буквам), спикать англиши, сорри (sorry), стёбмэн, ти-ви, тины (teen'ы), транспарентный (transparent), фул (fool), хакер, хауз (house), хэти энд, шуя (sure), юзер и др. [2, с. 243-244].*

Таким образом, результаты социологического опроса (анкетирования) дали исследователям ответ на вопрос о необходимости лексикографирования специальной лексики, а именно – сленговой лексики средств массовой информации, занимающей значительное место в языке СМИ и влияющей на культуру речи людей, то есть, в необходимости создания двуязычных англо-русских и русско-английских словарей сленга СМИ.

Список литературы:

1. Денисов К.М. «Перспектива пользователя» как перспективный путь развития лексикографической науки // Ивановская лексикографическая школа : традиции и инновации : сбор. науч. трудов. Иваново : Ивановский государственный университет, 2011. — С. 24—33.
2. Егошина Н.Б. Сленг в СМИ : лексикографический аспект (на материале одноязычных и двуязычных словарей) : диссертация канд. филол. наук. Ярославль, 2013. — 244 с.
3. Квашнина Е.Н. К проблеме лексикографирования единиц устного профессионального языка // Новое в теории и практике лексикографии : синхронный и диахронный подходы : сбор. науч. трудов. Иваново : Ивановский государственный университет, 2009. — С. 126—128.
4. Карпова О.М. Английская лексикография : учеб. пособие с грифом УМО. М. : Академия, 2010. — 176 с.
5. Солнышкина М.И. Профессиональная лексикография : состояние и проблемы // Лексикографические ракурсы : традиции и вызовы XXI века : сбор. науч. трудов. Иваново : Ивановский государственный университет, 2011. — С. 89—92.
6. Ступин Л.П. Лексикография английского языка : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1985. — 167 с.
7. Bergenholz H., Gouws R.H. A Functional Approach to the Choice between Descriptive, Prescriptive and Proscriptive Lexicography // Lexicos 20, 2010. — P. 26—51.
8. Hartmann R.R.K. Sociology of the dictionary user : Hypotheses and empirical studies // Wörterbücher. Dictionaries. Dictionnaires. An International Encyclopedia of Lexicography. Vol. 1. Berlin : W. de Gruyter, 1989. — P. 102—111.
9. Karpova O.M. Modern English Dictionaries from the Russian Users' Perspective // Global English for Global Understanding : summaries of the International Conference in Moscow. М. : Inostrannyi Yazik, 2001. — P. 6.

ЯЗЫК КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЭТНОСА

Фигуровская Юлия Евгеньевна

канд. филос. н., докторант Института философии и права СО РАН, г. Новосибирск

Самосознание отдельного индивида начинается тогда, когда он начинает встраивать себя в окружающий мир; самопознание начинается тогда, когда он, отвлекшись от физиологических потребностей, пытается осознать себя на фоне других. И то, и другое возможно лишь тогда, когда индивид пытается сформулировать все осознаваемое средствами языка, используемого в рамках сообщества, где он существует в этом окружающем мире. И образное, и абстрактное мышление будет облечено индивидом в речевые рамки, понятные для него и того этноса, к которому он себя относит.

Очень удачным примером того, насколько важен родной язык для осознания своей этнической принадлежности, является, по нашему мнению, следующий. Пытаясь общаться с представителями другого этноса и имея некоторые навыки чужого языка, мы сначала строим фразу («про себя»), а потом пытаемся перевести её в соответствии с уровнем владения чужого языка, опять же «в уме». Это демонстрирует, насколько тесно мы привязаны к средствам родного языка. И родной язык, являясь предтечей всевозможных коммуникативных актов, отгораживает нас от «чужих». Именно это противопоставление «свой – чужой» является основой этнической самоидентификации личности.

Обязательным признаком этноса является этническое самосознание, т. е. представление некоторой группы людей о себе как о народе. Этнос – это то, что объединяет людей изнутри, культурно и духовно. Идентификационными признаками этноса являются расовая принадлежность, цвет кожи, географическое происхождение, язык, обычаи и религия.

По мнению акад. Ю.В. Бромлея, этнос – это «устойчивая совокупность людей, исторически сложившаяся на определенной территории, обладающая общими и относительно стабильными особенностями языка и культуры, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознание), что фиксируется в самоназвании (этнониме)»[3] При этом целостность территории не является обязательным фактором; язык не совпадает с этносом, а особенности культуры играют этническую роль только тогда, когда осознаются как таковые. На первое место ставятся этническое самосознание и самоназвание.

Этническое самосознание (самоопределение, самоидентификация) народа состоит в следующем: народ считает себя общностью людей, которая отличается от других народов и иных человеческих общностей, чаще всего объединённых идеологическими причинами. К таковым можно отнести официальные религиозные конфессии и закрытые тайные общества, профессиональные объединения и объединения по интересам, политические партии, отдельные поселения, целые государства – одним словом, некоторые формы организаций, которые, возникнув стихийно, естественным путём, затем формализуются, становятся иерархичными. Чем выше степень формализации такого объединения, тем важнее выбор языковых средств, с помощью которых коммуницируют члены.

Формирование и поддержание отношений, образующих социальный ландшафт, происходит в языке, именно поэтому язык осуществляет основную координацию социальных действий. Язык представляет собой основную

среду определения, сохранения и передачи социального опыта, а также инструмент объективации субъективных значений. Язык придает индивидуальным переживаниям интерсубъективное значение. Все социальные отношения формируются в рамках знаковой системы, которой является язык.

Язык играет важную роль в национальной и этнической дифференциации, так как он охватывает своим влиянием не только духовное бытие той или иной общности, но и обеспечивает ощущение взаимной комплиментарности и отличия от других наций и этносов. Следовательно, национальную и этническую идентичность необходимо рассматривать в тесной связи с языком, так как именно он является одним из важнейших условий существования любой социальной общности.

По мнению Н.А. Бердяева, вне национальности, понимаемой как индивидуальное бытие, невозможно существование человечества. И именно через национальную индивидуальность отдельный человек входит в человечество. «Национальный человек больше, а не меньше, чем просто человек, в нем есть родовые черты человека вообще и еще есть черты индивидуально-национальные»[2]. В силу этого и культура не может быть, по Бердяеву, отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т. е. национальная.

Вопросам национальной идентичности, а также связи данного явления с языком уделяется большое внимание в зарубежной и отечественной научной традиции. Понятия нации и этноса рассматриваются Э. Балибаром, И. Валлерстайном, Ю.С. Семеновым, П. Сорокиным, В.Ю. Сухачевым; понимание идентичности, в том числе национальной и этнической идентичности, описывается Ф. Бартом, П. Бергером, Ю.В. Бромлеем, В.И. Козловым, Т. Лукманом, В. Малаховым, В.А. Тишковым, В.П. Торукало, Ю.В. Хотинец; роль языка в формировании индивидуального ощущения национальной и этнической принадлежности рассматривается в работах Э. Балибара, Д. Джозефа, А.П. Здравомыслова, В.В. Колесникова, Ю.Г. Круглова, Н.А. Купиной, В. Малахова, Е.В. Олесеюк, И. Семенова, М. Сильверстейна, Х.Б. Тадтаева, М. Уолцера, Э. Хобсбаума.

В XX веке зарождается теория, согласно которой разница между семантическими системами языков носит абсолютный характер: именно язык определяет восприятие мира и поведение людей в мире. Данная теория берет начало в трудах И.Г. Гердера, В. фон Гумбольдта и имеет свое продолжение в учении представителей немецкой лингвофилософии Э. Кассирера, Й.Л. Вайсгербера. В американской традиции подобных взглядов придерживаются Ф. Боас, Э. Сепир, Б.Л. Уорф; именно двум последним приписывают «принцип лингвистической относительности». В теоретических рассуждениях А. Вежбицкой, В.В. Ильина, а также в опытных исследованиях Р. Брауна, Б. Берлина, С. Гарро, Г. Гиппера, Г. Глисона, К. Касагранде, Б. Кэрола, П. Кэя, Э. Леннеберга, Е. Малоцки, Л. Томпсона, постулируется взаимосвязь языка с жизнью общества и идиоэтничность языка.

Противоположных взглядов придерживаются С. Линкер, Н. Хомский; они считают, что между семантическими системами языков нет принципиальной разницы и что язык не влияет на образ мышления носителей данного

языка. На первое место они выдвигают биологический фактор, одновременно отрицая социальные факторы. Среди отечественных лингвистов эту точку зрения разделяют М.М. Гухман, Л.С. Ермолаева, В.Е. Звегинцев П.В. Чесноков.

Любой язык, аккумулируя опыт народной жизни во всей ее полноте и разнообразии, является и действительным его сознанием. Каждое новое поколение, каждый представитель конкретного этноса, осваивая язык, приобретает через него к коллективному опыту, коллективному знанию об окружающей действительности, общепринятым нормам поведения, отвергаемым или принимаемым народом оценкам, социальным ценностям.

Из этого следует, что язык не может не влиять на опыт конкретного индивида, его поведение, культуру. Под явным или неявным воздействием литературного языка, его установлений, традиций находятся все сферы жизнедеятельности человека, и ее успешность в немалой степени зависит от того, в какой языковой среде проходит жизнь человека, как он освоил родной язык.

Е.В. Головки и Вахтин Н.Б. считают, что язык не может являться единственным фактором идентификации этноса. К таким факторам, определяющим этническое самосознание, относятся важнейшие идентифицирующие признаки, составляющие социальную жизнь: 1) общность территории; 2) единая социально-государственная организация; 3) сходство хозяйственно-экономического уклада; 4) общность языка, быта, культуры, религии, психологии. Однако ни один из этих признаков, утверждают авторы, не может быть решающим при выяснении того, что представляет собой та или иная группа населения (допустим, жители Полесья, или Закарпатья, или Кавказа) - самостоятельный народ, часть народа или группу народов[4].

В основе этнической идентичности лежит общность культуры. По определению Г. Де Воса, «этническая группа — это самоосознаваемая группа людей, которые имеют общие парадигмы традиции, не разделяемые другими, с которыми они контактируют. Эти парадигмы обычно включают в себя религиозные верования и практику, язык, общее понимание течения истории, общих предков, общую историческую родину» [6].

Ф. Барт трактует этничность как «осознанное поле коммуникации и взаимодействия, основанное на идентификации себя в качестве отличающегося от других»[1].

По мнению В.А. Масловой, человек понимается как «носитель определенной национальности, ментальности и языка, участвующий в совместной деятельности (и что особенно важно - речевой деятельности) с другими представителями национальной общности»[8].

Границы этнической идентичности подвижны и динамичны, но культурно обусловлены так, что народность формируется как языковая группа. По мнению Срезневского, «народ и язык один без другого представлен быть не может»[5]. Именно поэтому самоназвания этноса и языка практически всегда совпадают. Полагают, что среди четырех составляющих национального самосознания (этническое, культурное языковое и религиозное) доминантным является язык. При этом обычно приводится мнение известного культуролога П.М. Бицилли о том, что народы меняют свои учреждения, свои нравы и обычаи, даже свою религию, свое место жительства - все, кроме языка[7].

Говоря о социальных функциях языка, связанных с идентификацией этнокультурных норм, исследователи предлагают выделить функции языка как этнического

признака, то есть речь идет о выделении этнодифференцирующих и этноинтегрирующих свойствах языка.

Исследование связи языка с этнической идентификацией и выбором этнической нормы в условиях коммуникации было проведено Г.Джойсом, Р.Боурджигом, Д.Тейлором, авторами концепции этнолингвистической жизнеспособности. Они рассмотрели социоструктурные детерминанты, способные поощрять коммуникантов к использованию родного языка как средства коммуникации. К таким детерминантам относятся статус языка, количество говорящих и институциональная поддержка. Этнолингвистическая жизнеспособность группы - это то, что объединяет группу, члены которой в межгрупповых ситуациях ведут себя как отличающаяся от других общность.

Исследователи пришли к выводу о том, что межгрупповое отличие будет сильнее, когда члены этнической общности: 1) строго идентифицируются со своей этнической группой и рассматривают язык как важное измерение этой идентичности; 2) воспринимают свою группу как группу с высокой этнолингвистической жизнеспособностью

Последнее дает группе возможность выжить и преуспеть в межгрупповом контексте.

Если же группы имеют низкую этнолингвистическую жизнеспособность или вообще не владеют ею, то они прекращают существовать как отличающиеся от других групп. По мнению вышеуказанных авторов, структура этнолингвистической жизнеспособности включает в себя целый ряд характеристик коммуникантов: социально-экономических, этнических, культурных, религиозных. Отмечается, что этнолингвистическое меньшинство с более престижным языком, чем у доминантной группы, может иметь более высокую этнолингвистическую жизнеспособность, чем меньшинство с менее престижным языком[4].

Язык - этнокультурный феномен, т.к. он:

- 1) функционирует в социуме, которому он принадлежит, и внутри этого социума коммуникация осуществляется именно на этом языке, общем и понятном для всех членов;
- 2) существует в сознании членов общества, реализуется в процессе речи (устной), сохраняется (консервируется) в письменных художественно-литературных произведениях;
- 3) в языке отражаются представления этноса об окружающем мире;
- 4) окружающий мир познается человеком через призму языка;
- 5) язык - это генетический код этноса: он объединяет прошлое и настоящее и направлен в будущее;
- 6) язык является материалом для создания культурных ценностей;
- 7) язык является самым главным средством для передачи знаний от старшего поколения к подрастающему.

В лингвистике и культурологии много написано о функциях языка. Среди общепризнанных назовём: 1) коммуникативную; 2) мыслительную; 3) когнитивную (познавательную); 4) художественную.

По мере роста формальной организации общества возрастает количество социальных функций, которые выполняет язык в данном социуме. Вместе с ростом формализации социума язык становится всё более консервативным, кодированным и нормированным. Однако чем более кодифицированным и нормированным становится язык этнической общности, тем более консолидирующую роль играет он для своего этноса. Объясняется это тем, что чем

более важное место занимает язык в процессе самоидентификации национальной личности, тем больше проявляется в нём символическая функция.

Современная этнология все более склоняется к тому, что единственно адекватным критерием этнической общности является национальное самосознание или внутрigrупповая идентификация. Члены этнического коллектива осознают собственную идентичность, определенную тождественность, «одинаковость» всех членов этноса и в то же время отличают себя от других этнических коллективов. Формирование национально-этнического самосознания происходит по схеме «мы и они». При этом, как правило, формируется предпочтительная, завышенная оценка собственной этнической группы и недооценка внешних этнических коллективов.

Главным элементом национально-этнического самосознания является осознание общности исторических судеб. Этническое самосознание включает в себя также представления об этнической родине, этнической территории, этнической культуре и психологии собственного народа, о роли своего этноса в истории человечества или его определенной части.

Современная этнология предлагает выделить три основные фазы национальной идентификации:

1. Фаза этнодифференциации. На этой фазе происходит осознание особенностей своей общности, отличий «мы» от «они». Речь идет об определении этнонима (самоназвания), мифологизации прошлого общности, ее «почвы» (территории, языка, культуры, религии).
2. Фаза выработки авто- и гетеростереотипов. В рамках данной фазы складываются представления о национальном характере, психическом складе, темпераменте типичного представителя общности. Для описания такого типичного представителя обычно используется либо термин «модальная личность», либо понятие «этноиндивидуальность».
3. Фаза формулирования национального идеала. Эта фаза является своего рода синтезом двух предыдущих, поскольку включает в себя не только оценку своего этноса, но и представление о его социально-исторических задачах, предназначении, а также о господствующих ценностных ориентациях, специфических для данной общности. Основной функцией национальных идеалов является интеграция

общности, остальные же функции (коммуникативная, компенсаторная, аксиологическая, прогностическая, адаптационная и другие) носят вспомогательный характер.[9]

Таким образом, можно утверждать, что язык является одним из основополагающих факторов, присущих этносу.

Язык и этнос, говорящий на этом языке, составляют сложную систему. Являясь одним из факторов, определяющих самоидентичность этноса, он выполняет присущие ему социальные функции, потому что только в социуме носителей эти функции могут быть реализованы. Только этнос, говорящий на данном языке, может реализовать символическую функцию языка, которая объединяет коллектив носителей в единое целое.

Литература

1. Барт Ф. Введение / Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий / Ф. Барт; Сборник статей / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщиковой. М.: Новое издательство, 2006.
2. Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1990.
3. Бромлей Ю.В. Очерки по теории этноса / Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1983
4. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социоллингвистика и социология языка: Учебное пособие. СПб, Изд. центр «Гуманитарная академия», 2004
5. Гухман М.М. Лингвистическая теория Л.Вейсгербера / М.М. Гухман / Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М.: Наука, 1961
6. Евсеева Л. Н. Роль языка в формировании национальной идентичности. Автореф. канд. филос. наук. Архангельск, 2009
7. Здравомыслов А. Трансформация смыслов в национальном дискурсе / А. Здравомыслов / Язык и этнический конфликт, под ред. М. Брилла Олкотт и И. Семенова; Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2001.
8. Ильин В.В. Язык - Понимание - Культура / В.В. Ильин // Язык и культура: Факты и ценности. - М., 2001.
9. Хотинец В.Ю. О содержании и соотношении понятий этническая самоидентификация и этническое самосознание/В.Ю. Хотинец // Социологические исследования. 1999. - №9.

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ КАК ЖАНРООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Фу Сяо

Канд. фил. наук Хэбэйского Объединенного университета, г. Таньшань, КНР

SPEECH ETIQUETTE AS ANNUALRATE FACTOR OF GENRES

Fu Xiao, Candidate of philological Sciences, Heibei United University, Tangshan, China

АННОТАЦИЯ

В рамках речевого этикета речевые жанры являются способами выражения наиболее частотных и социально значимых коммуникативных намерений. Они создаются своеобразными этикетными формулами и реализуют свои коммуникативные функции в тех или иных сферах общения. Особую значимость речевой этикет приобретает в императивных речевых жанрах, которые выступают как условие для реализации социально-ролевых отношений.

ABSTRACT

In the framework of speech etiquette speech genres are ways of expressing the most frequent and socially relevant communicative intentions. They created a kind of etiquette formulas and realize their communicative functions in different areas of communication. The special importance of speech etiquette becomes imperative speech genres, which act as a condition for the realization of social-role relations.

Ключевые слова: речевые жанры, речевой этикет, основные функции языка

Keywords: speech genres, speech etiquette, basic functions of language

Язык участвует во всех видах человеческой деятельности, обеспечивает общение между людьми. В истории любого народа все человеческие качества, сокровенные мысли и чувства находят отражение и выражение в языке. Для того чтобы в той или иной сферах коммуникации познать этикетные нормы речевого поведения, взаимоотношения с окружающими, иначе говоря, овладеть культурой общения, надо ориентироваться в ситуации общения, в ролевых признаках партнера, соответствовать собственным социальным признакам и удовлетворять ожиданиям других людей, действовать по правилам коммуникативных ролей говорящего или слушающего, строить текст в соответствии с общепринятыми нормами, владеть устными и письменными формами общения, а также владеть всей гаммой невербальных средств коммуникации. Речевой этикет представляет собой широкую область стереотипов общения, назначение которых состоит в обеспечении успешности речевого взаимодействия.

Речевой этикет, являясь принятой в данной культуре совокупностью требований к форме, содержанию, порядку, характеру и ситуативной уместности высказываний, представляет собой важный элемент всякой национальной культуры. В языке, речевом поведении, устойчивых формулах (стереотипах) общения отразился богатый народный опыт, неповторимость обычаев, образа жизни, условий быта каждого народа.

Речевой этикет – универсальное языковое явление, присущее всем народам мира. Каждый язык обладает своим запасом слов и выражений, отражающих национальную специфику речевой вежливости. Речевой этикет является одним из важных элементов культуры и неотъемлемой частью общей системы этикетного поведения человека в обществе. Проблематика, связанная с пониманием речевого этикета, активно разрабатывается российскими лингвистами (А.А. Акишина, 1991; А.Г. Балакай, 1999, 2001, 2002, 2004; В.Е. Гольдин 1977, 1983; Э. Новак, 1984; Л.П. Рыжова, 1987; Е.Ф. Сухова, 2001; Н.И. Формановская, 1982, 1987, 1989, 1990, 1992, 2002, 2004 и др.).

В широком смысле «речевой этикет» характеризует практически любой успешный акт коммуникации. Под речевым этикетом понимаются регулирующие нормы речевого поведения «в ситуациях установления, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в соответствии с их статусно-ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения» [1, с.177]. Эти нормы речевого поведения реализуются «в системе устойчивых формул и выражений, принятых в предписываемых обществом ситуациях «вежливого» контакта с собеседником» [2, с. 300].

В узком смысле речевой этикет может быть охарактеризован как система языковых средств, в которых проявляются этикетные отношения. Он составляет «функционально-семантическое поле единиц доброжелательного, вежливого общения в ситуациях обращения и привлечения внимания, знакомства, приветствия, прощания, извинения, благодарности, согласия, отказа, одобрения, комплимента, сочувствия, соболезнования и т.п.» [3, с. 413].

Следовательно, владение речевым этикетом способствует приобретению авторитета, порождает доверие и уважение. Знание и соблюдение речевого этикета в общении позволяют человеку чувствовать себя уверенно и непринужденно, не испытывать неловкости и затруднений в общении.

Речевой этикет базируется на основных функциях языка: фатическая, регулирующая, конативная.

1. Фатическая функция (контактная, контакто-устанавливающая). Понятие «фатическое общение» было введено английским этнографом Б. Малиновским применительно к диалогам, беседам, целью которых является создание ощущения общности путем простого обмена репликами; иными словами, при фатическом общении вопросы и ответы взаимно дополняют друг друга. Под фатической функцией речевого этикета понимается «предназначенность языковых средств для установления и поддержания социально массового и индивидуального контакта, в известной мере определяющего поведение адресата» [4, с. 62].

Фатическая функция присуща всем тематическим группам единиц речевого этикета, но, прежде всего, характерна для форм приветствия и обращения.

2. Регулирующая, или регулятивная функция. А.Г. Балакай дает ей другое название – «прагматическая» функция – и понимает ее как «предназначенность языка для регуляции в процессе общения характера отношений и чувств адресанта к адресату, в том числе для выражения волеизъявления, воздействия на мнение, убеждения, волю и, как следствие, на поведение адресата» [4, с.63]. Указанная функция относится ко всем проявлениям речевого этикета, так как выбор той или иной формулы при установлении контакта регулирует характер отношений адресанта и адресата.

Из нее выделяются подфункции, которые в той или иной степени свойственны этикетным речевым жанрам:

Побудительная функция. Данная функция в системе речевого этикета присуща прежде всего устойчивым формулам императивных действий (просьбе, совету, предложению, приглашению, извинению и т.п.), иными словами, когда язык и его знаки употребляются для побуждения адресата к каким-либо действиям.

Эмоциональная функция. Эта функция в общении реализуется посредством языковых средств эмоционального выражения, доброжелательного отношения к адресату с целью «вызвать соответствующий эмоциональный отклик и тем самым воздействовать на его эмоциональное состояние и поведение»: *“Кого я вижу!”*, *“Как я тебе сочувствую!”*. Значительную роль в передаче эмоций играют «аффиксы, повторы и интонация, вместе с тем существуют и усилители эмоции»: *Ой, как (хорошо)! Ай, какой (хороший)!* [4, с.66].

Данная функция проявляется при реализации коммуникантами избранной тональности общения, характерна для многих единиц, связанных с самой природой установления и поддержания контакта коммуникантов в желаемой тональности (благодарность, поздравление и т.п.). Но некоторые знаки могут не иметь эмоциональной окраски, например, дежурная вежливость, выражающаяся классическими этикетными формами: *“Здравствуйте”*, *“Спасибо”*, *“До свидания”* и т.д.

Оценочная функция. Данная функция существует для выражения положительной и отрицательной оценок человека, явления, действия с намерением. Она характерна для формул комплимента, похвалы, одобрения, которые направлены к адресату непосредственно: *“Какая ты красивая!”*, *“Вы прекрасно выглядите!”*, и опосредованно: *“С вами мне всегда хорошо!”*, а также присуща ласковым обращениям, например, *“красавица”*, *“умница”* и т.п.

Экспрессивная функция. Она предназначена для придания речи большей выразительности, эмоциональной насыщенности, для преодоления шаблонности, стереотипности высказывания. «Стремление говорящего к экспрес-

сивности, как правило, имеет цель повысить эффективность воздействия на мысли, чувства, поведение адресата <...>. Экспрессивная функция является одним из наиболее действенных факторов, обуславливающих развитие лексико-фразеологической системы в целом и лексико-фразеологического состава речевого этикета в частности» [4, с. 68].

В речевом этикете «знаки-сенсibilizаторы» являются словами и устойчивыми выражениями, служащими для усиления вежливости, экспрессивности. Они представлены двумя разновидностями: А) интенсификаторы – усилители интенсивности: “*пожалуйста*”, “*будьте добры*”, “*будьте любезны*”, “*ради Бога*”, “*ради всего святого*”, “*очень вас прошу, умоляю*” и др.; Б) экстенуаторы – смягчители: “*Не могли бы вы...*”, “*Если можно...*”, “*Нельзя ли...*”, “*Не хотел бы вас огорчать, но...*”, “*Был бы вам очень благодарен...*” и мн. др.

Эстетическая функция. Она служит образно-художественному выражению отношения к адресату с целью выражения образного, поэтического восприятия действительности.

3. Конативная функция. Реализация единиц речевого этикета связана с проявлением принятого в обществе обхождения друг с другом членов коллектива, спецификой общения на “Вы” и на “ты”. К ней присоединяется подфункция вежливости, которая, по существу, является этической, так как с ее помощью речевой этикет реализуется для выражения уважительного отношения к собеседнику с учетом его социальной характеристики и этических норм, принятых в обществе или общественной группе.

Специфика речевого этикета видится в том, что они, с одной стороны, регламентируют речевое поведение коммуникантов, с другой стороны, вступают в общение как «протянутая рука» социальной близости [5, с. 40], т.е. чем меньше межличностная дистанция, тем больше свободы в выборе темы общения и в употреблении языковых средств.

Формулы речевого этикета реализуется в определенной ситуации. Ее компоненты находят воплощение в семантической и грамматической структуре единиц, а также в стилистических коннотациях [6, с. 17]. Тенденцией времени является «расшатывание» этикетных ситуаций, обусловленное появлением новых социальных, финансовых и т.д. институтов, новых явлений жизни. При этом речевой этикет остаётся важнейшим жанрообразующим фактором, определяющим функционирование разных типов речевых жанров: императивных, оценочных, информативных, этикетных.

Таким образом, императивные речевые жанры приказа, просьбы, совета и предложения, исследуемые в данной работе, требуют учета речевого этикета. Отбор и употребление тех или иных языковых средств имеет цель-получение определенного эффекта, и во многом зависит от удачного способа выражения интенции.

Литература:

1. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. -М.: Русский язык, 2002, -С. 177.
2. Азимов Э. Г. , Шукин А. Н. Словарь методических терминов. Теория и практика преподавания языков. -СПб.: Златоуст, 1999, -С300.
3. Формановская Н.И. Речевой этикет // Лингвистический энциклопедический словарь. -М.: Сов. энцикл., 1990, -С413.
4. Балакай А.Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания. - Новокузнецк, 2002, -С. 62.
5. Тарасенко Т.В. Этикетные жанры в русской речи: Благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: дис. ... канд. филол. наук. -Краснояр., 1999, -С.40.
6. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. -М.:Русский язык, 1987, -С.17.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОННОТАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

КФУ, старший преподаватель кафедры романо-германских языков и международной коммуникации, г. Казань
Гарифуллина Диляра Басыровна
Хисматуллина Люция Гумеровна

КФУ, канд.фил.наук, старший преподаватель кафедры романо-германских языков и международной коммуникации, г. Казань

В лингвистической науке пока еще не существуют такие понятия, которые при их широкой распространенности и даже банальности остаются расплывчатыми по объему и нечеткими по содержанию, хотя сама сущность, отображаемая в этом понятии, играет далеко не второстепенную роль в организации сообщения. К таким понятиям относится коннотация – семантическая сущность, узально или окказионально входящая в семантику языковых единиц и выражающее эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект. Именно такого рода прагматическая окраска и связывается с термином коннотация в традиционном лингвистическом его употреблении [10, с.5].

Слово «коннотация» появилось примерно в 1200 г. от латинского *connotare*, что означало «вместе – (обо –) – значить», в схоластической логике и использовалось в философско-теологических дискуссиях о смысле слов. Термин «коннотация» стали применять с целью дифференциации слов по образу и действию, в зависимости от того, на что они указывают. В дальнейшем понятие значительно расширилось. Этот термин вошел в языкознание в XVII в. через грамматику Пор-Рояля (лингвистическая теория, изложенная аббатами монастыря Пор-Рояль А. Арно и К. Лансло в книге «Общая и рациональная грамматика» (1660)) для обозначения свойств в отличие от субстанций. В лингвистике XIX в. термином «коннотация» стали обозначаться все эмотивно-окрашенные элементы содержания выражений, соотносимые с прагматическим аспектом речи.

Но, несмотря на длительную историю существования данного термина, его определение в лингвистике до сих пор неоднозначно. Этот термин охватывает различные стороны слова: «дополнительный и маргинальный семантический компоненты», «эмотивные и экспрессивные», «модальные» и «оценочные», «прагматические черты», «семантические ассоциации» и «стилистические ассоциации» и т.д.

В современном языкознании существует множество определений «коннотации». В словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой коннотация определяется как «дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов и могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность и т.п.» [1, с.203-204].

Большой энциклопедический словарь определяет «коннотацию» как логико-философский термин, выражающий отношение множественным смыслом (коннотат) и комплексом имен. Коннотат характеризует денотат, т.е. предметное значение, устанавливаемое в процессе обозначения объекта в имени. Коннотация, которая не сопровождается денотацией, устанавливает идеальный объект, который не имеет существующего в реальности эквивалента, но имя которого не лишено смысла. Например, имя «современный король Франции» обладает смыслом, однако в настоящее время не имеет денотата. Эту идею можно найти в работах Дж.С. Милла, где «коннотация» основывается на оппозиции с денотацией. «Коннотация» по Дж.С. Миллу – это признаки, сообщаемые словом. Его определение основано на трехчастном понимании знака (знак – объект, референт и означаемое): денотация – экстенциональное значение знака, коннотация – его интенциональное значение [8, с.104].

В 1962 г. Т. Павлом впервые выдвигается идея об исследовании с помощью коннотаций семантической структуры метафоры, в которой денотативное значение заменяется контекстуальным, переносным, коннотативным. Начиная с этого времени в языкознании все более укрепляется взгляд на коннотацию как неотъемлемую часть языковой системы, которая не может быть ограничена только стилистическими рамками (цит. по [6, с.84]).

Первые о социокультурном компоненте в коннотации заговорил Л. Блумфилд, который выделил чисто семантические коннотации, относящиеся непосредственно к сфере сознания, и коннотации, имеющие эмоциональную базу. В коннотациях первой группы Л. Блумфилд видел определенный уровень речи, обусловленный социальными, региональными и культурными факторами. К этой же группе он относил коннотации, возникшие в заимствованных словах [3, с.156-160].

Данный подход поддерживается и С. Буллоном, который использует «коннотацию» по отношению ко всем социокультурным ассоциациям, возникающим у носителей языка в связи с тем или иным словом, и о которых носитель языка может и не знать, т.к. эти ассоциации соотносятся с культурой и не могут быть переданы посредством традиционной словарной дефиниции или однословным лексическим эквивалентом при переводе. В качестве одного из примеров С. Буллон анализирует ассоциации, связанные со словом *champagne*. [16, с.27]. В Великобритании это дорогое вино, являющееся социальным

маркером принадлежности к высшим слоям общества, и ассоциируется со свадьбами, крестинами и другими особыми событиями.

В.В. Виноградов, говорит о коннотации основанной на литературных и библейских аллюзиях. Он считает, что слово, актуализуясь в речи, реализует помимо своих и переносных значений еще и потенциальную энергию, оно может быть выражением или отображением побочных, ассоциативно связанных с ним образов, чувств и идей [5, с.162-163]. Например, существительное *lion* ассоциируется с мужеством и храбростью, а слово *sheep* подразумевает покорности и беспрекословности.

В.И. Шаховский считает, что коннотация – это аспект лексического значения единицы, с помощью которой кодированно выражается эмоциональное состояние говорящего и обусловленное им отношение к адресату, объекту и предмету речи, ситуации, в которой осуществляется данное речевое общение [11, с.13-14].

Д.Н. Шмелев рассматривает «коннотацию» со стилистической точки зрения. Он называет коннотацией «эмоциональное наслоение», «экспрессивную окраску» и «экспрессивно-стилистическую окраску» [12, с.254-255].

Однако следует также отметить и точки зрения, отрицающие наличие коннотации. Так, Дж. Эйтс считает, что с чисто теоретической точки зрения такого термина, как коннотация в лексикографии не существует в реальности. Он говорит, что если с помощью лингвистического анализа нельзя выделить любой коннотативный элемент и показать, как он влияет на дискретное денотативное значение слова, этому элементу в словаре не должно быть места [15, с.124].

В татарском языке также наблюдается отсутствие единого мнения относительно термина «коннотация». В основном, это понятие определяется через многозначность слова в разделе семасиология и приравнивается к переносному «күчерелмә» или дополнительному «өстәмә» значению слова.

Исследования в области многозначности слова в татарском языке начались под влиянием русской лингвистики. Одно из первых упоминаний многозначности слова мы находим в словаре татарского языка Дж. Валиди «Татар теленен тулы сүзлеген» (1927). А первым научным трудом, посвященным многозначности слова можно считать статью Ш. Рамазанова «Словарный состав современного татарского языка (лексика, фразеология)», где особое внимание уделяется переносным значениям слова. Дальнейшие исследования переносных значений слов и их классификации можно наблюдать в работах таких лингвистов как Г.Х. Ахатов, Г.Х. Ахунзянов, В.Х. Хаков, К. Ахметьянов, Ш.С. Ханбикова, Ф.С. Сафиуллина, Х.Р. Курбатов, И.Б. Баширова, Э.Х. Кадировой и др.

Следует отметить, что в татарском языке переносные значения слов рассматриваются исходя из двух позиций: как языковые единицы и как поэтические тропы. Анализ существующей лингвистической литературы в татарском языке показал, что особым интересом среди лингвистов пользуются поэтические тропы как слова в переносном значении: «сүзнен күчерелмә мәгънәсенә нигезләнгән сурәтләү чаралары – троплар дип атала» [13, с.133].

Как отмечает К. Ахметьянов, переносное значение слова или тропы отражаются через образные ассоциации, которые называются метафорой, сравнением, аллегорией,

эвфемизмом, иронией, гиперболой, синекдохой и т.д. Подобная трактовка переносного значения встречается в трудах Ф.С. Сафиуллиной, К.С. Сабирова, Г.Х. Ахатова

Однако иной точки зрения придерживается Г.Х. Ахунзянов, который считает, что нельзя приравнивать образность переносному значению [2, с.32]. В пример ученый приводит пословицы и поговорки, которые могут обладать денотативным значением, но при этом обладают образностью и экспрессией.

Как разновидность переносного значения в татарском языке выделяют также эмоциональные ассоциации [4, с.119], которые выражаются в отношении говорящего к предметам или явлениям действительности. Например, существительное *агач* (дерево) помимо своего прямого значения, выражает глупого, тупого человека; а *багана* (столб) может использоваться иронично и выражать высокого и нескладного человека.

При рассмотрении переносного значения слов в татарском языке ученые выделяют особую роль сочетаемости слов с другими словами: «*күчерелмә мәгънәле сүзләр, кагыйдә буларак, теге яки бу аерым бер сүз белән генә килә*» [9, с.16]. Например, прилагательное *ак* (белый) в словосочетании *ак бәхет* (досл. белое счастье) не может сочетаться с такими существительными как *саләт* (способность), *шатлык* (радость), *изгелек* (милосердие) и т.д. При этом следует учитывать и оценочную характеристику слова. Например, *атаклы* (знаменитый) в сочетании со словами *язучы* (писатель), *жырчы* (певец) выражает положительную оценку, а в сочетании с *ялганчы* (врун) это же слово выражает отрицательную оценку.

Изучая переносные значения слов, И.Б.Баширова обращается также к духовным, религиозным, историческим, культурным ассоциациям: «*сүзләренң лексик мәгънәсе тел хуҗасы булган халыкның тарихы, дине, рухы, үй-фикерләренң үзенчәлеген белдерә торган төсмер белән дә баetylган була*» [3, с.371]. Например, в поэме Г.Тукая «Шурале» имеются такие строки:

Зур бу урман: читләре күренмидер, дингез кеби,

Биниһая, бихисаптыр, гаскәри Чыңгыз кеби.

Содержащиеся в этих строках слова «Чыңгыз кеби» пробуждают у читателя воспоминания об истории татарского народа и вызывают ассоциации с великим, сильным, могучим народом.

Таким образом, в татарском языке под коннотацией принято понимать переносные значения слова, которые в свою очередь сводятся к эмоционально-оценочному оттенку, экспрессивно-стилистической окраске и образно-ассоциативному признаку слова.

Обобщая представления о «коннотации» разных авторов в английском, русском и татарском языках можно выделить три направления в изучении проблемы «коннотации»: семиотическое направление; психолингвистическое направление; собственно лингвистическое направление. Семиотическое направление - наиболее широкое - рассматривает «коннотацию» как содержание, для которого денотативная семантика служит выражением, а само это содержание может быть определено в итоге «вычитания» из текста денотата. Психолингвистическое направление подразумевает изучение «коннотации» связанное с понятием ассоциативной и эмоциональной организации речи. Собственно лингвистическое направление включает несколько ответвлений: стилистическое, прагматическое,

лексикологическое и страноведческое или культурологическое. Сюда относятся дополнительные элементы значения слова (экспрессивные, стилистические, оценочные); фиксация отношения говорящего или адресата к тому, о чем идет речь; оценочные значения и культурные ассоциации; добавочные значения языкового выражения, которые придают им экспрессивность; семантические доли значения, дополняющие сведения об объективно существующей реалии сведениями о ее национальной специфике.

Таким образом, коннотация – это достаточно сложное семантическое построение, изучение которой в различных языках может расширить диапазон сопоставительных исследований и стать одной из приоритетных задач современной лексикологии и семасиологии.

Список литературы:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2005. - 576 с.
2. Ахунзянов Г.Х. Образлы фразеологик әйтмәләрнең логик-грамматик һәм стилистик үзенчәлекләре. Казан, 1963. - Б. 30-81.
3. Блумфильд Л. Язык. 2-е изд. Стереотип. М.: Едиорил УРСС, 2002. - 608с.
4. Баширова И.Б. Татар әдәби теле. Семасиология. Казан, 2010. - 532 б.
5. Виноградов В.В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. 2-е изд. доп. М.: Наука, 2000. - 509с.
6. Говердовский В.И. История понятия коннотации // Филологические науки. М.: Наука, 1979. № 2. - С. 83-86.
7. Коропотова Л.В. История развития лексической коннотации // Язык и культура. №1. 2010. - С.33-47.
8. Милл Д.С. Основы логики и силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. М.: Книжный двор, 1899. - 781с.
9. Сафиуллина Ф.С. Хәзерге татар әдәби теле. Лексикология: югары уку йортлары студентлары өчен. Казан: Хәтер, 1999. - 288б.
10. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. - 143 с.
11. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. Волгоград: Изд-во ГУ, 1983. - С. 13-14.
12. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. - 280с.
13. Әхәтов Г.Х. Татар теленең лексикасы: Педагогия институтлары һәм колледжлары студентлары өчен кулланма. Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. - 93б.
14. Әхмәтйәнов К. Әзәбият теорияһе. Дөйөм мәғлүмәт. Өфө. Башкортстан кит. нәшр., 1971. - 388б.
15. Ayto J. On Specifying Meaning. Semantic Analysis and Dictionary Definitions // Lexicography: Principles and Practice / Ed. by R.R.K. Hartmann L.: Academic Press Inc., 1983. - P.89-98.
16. Bullon S. Treatment of Connotation in Learners' Dictionaries // Budalex'88 Proceedings. Papers from the EURALEX. Third International Congress, Budapest, 4-8 Sept., 1988 // Eds. T.Magay and I. Zig'any, Budapest: A'kad'emial Kiad'o, 1990. - P. 27-33.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО СПОСОБА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЯХ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

Герасимова Евдокия Софроновна
к.ф.н., доцент

Выражение категории множественности на лексическом уровне основывается на внутренней семантике слова, и множественность выражается не как раздельная, состоящая из нескольких единиц, а как множественность собирательная. Т.е. данный способ подразумевает передачу значения множественности самой семантикой слова без использования каких-либо грамматических средств множественного числа, а также отдельными лексемами: субстантивированными прилагательными, причастиями, местоимениями и именами числительными. Основными значениями лексического способа выражения категории множественности являются собирательность, совокупное, неделимое множество.

На лексическом уровне выявлены стилистические особенности данных способов выражения категории множественности в функциональных стилях якутского языка:

1. **В разговорном стиле** наблюдается употребление:

а) слов со значением совокупности *ыччат* при обращении к одному человеку. Например: – *Ол эн, төһө да дьадаҥыг иһин, син төрүт киһи төрүбэ, ытык киһи ыччата буоллабын* ‘Ты, хотя и бедный, все-таки являешься отпрыском родовитого, **потомком** знаменитого человека’ [5, с. 10]. – *Сирэйгиттэн-хараххыттан көрдөххө, бэрт ыллыктаах өйдөөх-санаалаах буоларгар сөптөөх үтүө ыччакка дылы эбиккин ээ...* ‘По тебе видно, что ты очень основательный добрый **молодой человек**, оказывается ...’ [3, с. 104];

б) количественных имен числительных *сто*, *тысяча*, *миллион* со значением ‘очень много’. Например: *Харчыг мөлүйүүн эбит диһ* ‘У тебя денег **очень много** (букв.: **миллион**), оказывается’. *Бу ардааха отун былдьаптыт киһи тыһыынчанан буоллаба диһ, мин эрэ буолбатах!* ‘В эту дождливую погоду **очень много людей** (букв.: **тысячи** людей) остались без сена, не только я’. *Аспыт суох диһигит да, холодильниккыт иһэ толору, аскыт мөлүйүүн эбит диһ!* ‘Говорите, что еды нет, а холодильник-то полон, оказывается, у вас еды **вдоволь** (букв.: **миллион**)!’ В таких предложениях передаются разные оттенки чувств, в зависимости от состояния говорящего: гордость, радость, обида, восхищение, зависть и т.п.

2. **В художественном стиле** наблюдается употребление:

а) собирательных имен в форме единственного числа при описании красоты родной природы. Например: *Саас кэлэн, тыаба табыстаххына – чыычаах ыллыыр, ууга киһирдэххинэ – балык ооннуур, көбөрбүт тыам баһын кэрэ дьүһүннээх кэбэ кылым киһэлэри, сарсыардалары этэн чоргуйан сатарытар буоллаба* ‘Весной, в лесу **птицы** поют, в воде **рыбы** играют, над зелеными лесами, не умолкая ни по вечерам, ни по утрам, кукушка сонко кукует’ [5, с. 134]. *Көрдөөх-нардаах Күөх унаар сайын ийэбит Күөйэ көтөн кэлэн, Күөрэгэйбит ыллаата, Күөнэхпит табыста* ‘Лето наше зеленое весело окружилось, **жаворонки** запели, **гольяны** вышли’ [2, с. 258];

б) названий насекомых, ягод для описания мелких деталей, что передает полноту изображения окружающей природы. Например: *Күнү быһа ааспака-арахпака саба*

түһэн сууту уудуур бырдах, күлүмэн да сэдэхсийбит курдук буолбута ‘**Комаров, оводов**, которые весь день не отходят, пьют нашу кровь, стало меньше’ [3, с. 78]. *Отон өссө уутуйа илигэ, кытаанах уонна аһыы этэ* ‘**Брусника** еще не созрела, была твердой и кислой’ [3, с. 151]. *Куула тыатыгар отон, дьэдьэн, сугун үгүс этэ* ‘На южной стороне леса **брусники, земляники, голубики** было много’ [3, с. 170];

в) названий парных предметов для создания и описания художественного портрета персонажей. Например: *Хаххан курдук эрилийбит харахтаах, кэтит сирэйдээх киһи диригинник ыгыранан кэбистэ* ‘Человек с **глазами** круглыми как у филина, с широким лицом, глухо застонал’ [1, с. 232]. *Торум курдук хара бытыктаах, киэн алаа харахтаах толуну эдэр киһи* ‘Крупный молодой человек с пробивающимися черными усами, с большими косыми **глазами**’ [1, с. 230]. *Тэрбэгэр чараас уостаах, силбэһэ түһүөххэ дылы хойуу хаастаах, мунчаарбыт харахтаах, арыы саһыл ыраас хааннаах кыраһыабай дьахтар* ‘С припухлыми тонкими **губами**, густыми **бровями**, грустными **глазами**, с ярким румянцем светлолица красивая женщина’ [8, с. 6].

3. **В публицистическом стиле** преобладает использование:

а) слов со значением совокупности *ыччат*, *норуот*, в основном в заголовках газетных статей. Например: *Норуот тобо итэбэйбэтий?* ‘**Народ** почему не верит?’ [К 2011 №34 34]. *Ыччатты оһуохайга* ‘**Молодежь** на осуохай’ [К 2011 №34 42]. *Ыччакка үлэ миэстэтин* ‘**Молодежи** рабочие места’ [К 2011 №34 38];

б) исчисляемых имен существительных в собирательном значении. Например: *Сарсын – учуутал күнэ* ‘Завтра – день **учителя**’; [СС 2007 №3 2]. *Устудуон быраабын ким көмүскүүр?* ‘Кто защитит права **студентов**?’ [КК 2007 №5 1]. Собирательность как выражение духа коллективизма создает впечатление монументальности высказывания, его значительности и, в целом, приподнятой, хотя порой сдержанной, торжественности речи [4, с. 187-188].

4. **В официально-деловом стиле** преобладают отглагольные существительные с собирательным значением официального характера. Например: *Суут дьүүлээһинигэр диэри кэтэбилгэ тутуллубут суутта-нааччыга накаастабыл сүрүн көрүнүн быһытынан ыстараабы, тустаах дуоһунаска олорор эбэтэр тустаах үлэнэн дьарыктанар быраабын быһыыны анырыгар суут кини кэтэбилгэ тутуллубутун учоттаан, анаммыт накаастабылы сымнаттар эбэтэр бу накаастабылы боруостааһынтан толору босхолоур* ‘При назначении **осужденному**, содержащемуся под **стражей** до судебного **разбирательства**, в качестве основного вида наказания штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью суд, учитывая срок содержания под стражей, смягчает назначенное **наказание** или полностью освобождает его от отбывания этого **наказания**’ [7, с. 47].

5. В научном стиле характерно употребление:

а) производных имен-терминов в собирательном значении. Например: *Биирди тусна молекула хамсааһына – механической хамсааһын ‘Движение каждой молекулы – механическое движение’* [6, с. 3]. *Аһарааччы уһуктарынаабы күүрүүнү уонна киниэхэ сүүрэн күүһүн билэр буоллаха, Ом сокуонунан хас биирди аһарааччы утарсыытын булуохха сөп* ‘Зная напряжение на концах проводника и силу тока в нем, по закону Ома можно определить сопротивление каждого из проводников’ [6, с. 92]. Отвлеченно-обобщенность и подчеркнутая логичность изложения являются специфическими чертами научного стиля, вытекающими из абстрактности (понятности) и строгой логичности мышления.

Таким образом, лексический способ в собирательном, совокупном значениях довольно часто используется во всех функциональных стилях якутского языка.

Список использованной литературы:

1. Амма Аччыгыя. Сааскы кэм. Роман. – Якутск: Бичик, 1994. – 360 с.
2. А.Е. Кулаковская. Ырыа-хоһоон. – Якутск: Кн. изд-во, 1986. – 136 с.

3. Далан. Тулаайах оҕо. – Якутск: Кн. изд-во, 1983. – 352 с.
4. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1983. – 223 с.
5. Николай Неустроев. Төрүөбүт сирбэр, тапталаах дьоммор. Пьесалар, кэпсээннэр, очеркалар, тылбаас, хоһоонор, суруктар, бэлиэтээһиннэр, докумуоннар. – Якутск: Бичик, 1995. – 336 с.
6. Перишкин А.В., Родина Н.А. Физика: Орто оскуола 8 кыл. аналаах учебник. – Якутск: Бичик, 1996. – 191 с.
7. Российской Федерация холоубунай кодекса. – Якутск: Изд-во СО РАН, 2002. – 294 с.
8. Софрон Данилов. Сүрэх тэбэрин тухары. – Якутск: Кн. изд-во, 1967. – 608 с.

Список сокращений:

- К (год, номер, стр.) – “Кыым”. Газета.
 КК (год, номер, стр.) – “Киин куорат”. Газета.
 СС (год, номер, стр.) – “Саха сирэ”. Республиканская газета.

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Голикова Татьяна Александровна

доктор филол. наук, проф. Российского нового университета, г. Москва

NEUROPSYCHOLOGICAL FACTORS OF FORMING POLILINGVOCULTURAL LANGUAGE OF IDENTITY

Golikova Tatyana, doctor of philology, professor of Russian new University, Moscow

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию влияния нейropsихологических факторов на формирование полилингвокультурности языковой личности. Рассматриваются такие категории, как «языковая личность», «региональная личность», «межполушарная асимметрия мозга», «билингвизм». Рассматриваются проблематика влияния билингвизма на когнитивные процессы человека.

ABSTRACT

The article is devoted to the studying of the influence of neuropsychological factors on the formation polilingvocultural language identity(person). There are such categories as "linguistic identity(person)", "regional identity(person)", "hemispheric asymmetry of the brain", "bilingualism" in the article. The problem of the influence of bilingualism on cognitive processes of the man is shown in the article.

Ключевые слова: языковая личность, билингвизм, поликультурность.

Keywords: linguistic identity, bilingualism, multiculturalism.

Современные лингвистические и психолингвистические исследования все чаще обращаются к категории «языковая личность», причем выявляются разные аспекты исследования данной категории.

Концепция языковой личности Ю.Н. Караулова находится в рамках когнитивного аспекта. Языковая личность рассматривается как лингвопсихологический феномен и определяется как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений» [Караулов, с. 3]. Модель языковой личности представляет собой целостную структуру, характеризующуюся иерархичностью строения. Описание языковой личности включает: а) характеристику семантико-строеного уровня ее организации; б) реконструкцию языковой модели мира, или тезауруса данной личности (на основе произведенных ею текстов или на основе специального тестирования); в) выявление ее жизненных или ситуативных доминант, уста-

новок, мотивов, находящих отражение в процессе порождения текстов и их содержания, а также особенностями восприятия чужих текстов [Караулов, с. 43].

Ю.Н. Караулов выделяет три взаимосвязанных уровня языковой личности: 1) вербально-семантический, или лексикон личности, который предполагает для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя - традиционное описание формальных средств выражения определенных значений, единицами этого уровня являются слова; 2) лингвокогнитивный, представленный тезаурусом личности, в котором запечатлен «образ мира», или система знаний о мире, единицы этого уровня - понятия, идеи, концепты; 3) мотивационный, или прагматикон, включающий цели, мотивы, установки, интенциональности, единицами этого уровня являются деятельностно-коммуникативные потребности.

Кроме того, Ю.Н. Караулов выдвигает гипотезу о наличии специфических проявлений национального на

всех уровнях устройства языковой личности. Как утверждает ученый, носителем национального начала в структуре языковой личности выступает инвариантная часть, являющаяся ядерной в общеязыковой картине мира и обусловленная национально-культурными традициями. Именно эта инвариантная часть обеспечивает взаимопонимание в рамках конкретного этноса.

Однако современная действительность требует формирования полилингвокультурной языковой личности, поскольку однонациональная одноязычная среда общения сегодня – скорее исключение, чем норма. В связи с тем, что национально-культурный компонент является ядерным содержанием современной языковой личности, на наш взгляд, может быть выявлен еще один аспект исследования – региональный и определена категория региональной личности. Региональная личность является носителем региональной картины мира или менталитета [Голикова 2005].

Региональная личность является не только носителем менталитета народа, проживающего в данном регионе, но и служит средством его формирования, сохранения и обогащения. Поскольку региональная личность неизбежно ограничивается лингво-культурологическими стереотипами данного региона, основная задача когнитивных исследований заключается в выявлении таких стереотипов и установлении корреляций между национальной и региональной системой стереотипов. Поскольку региональный язык – это система всех языковых механизмов, обеспечивающих порождение и понимание речи в данном регионе, региональная личность может быть определена как языковая личность, ограниченная лингво-культурными стереотипами данного региона. В региональном аспекте возможно также выявление региональной речевой личности как конкретного носителя регионального языка и региональной картины мира или менталитета.

Нейропсихологические исследования мозга билингва и полилингва изучаются с XIX в. Первоначально, предмет исследования нейропсихологов, в первую очередь, связывался с проблемой афазии у полиглотов при очаговых поражениях левого полушария. При этом обсуждалось, главным образом, какой язык больше страдает при афазиях и какой ранее восстанавливается. Показано, что при афатических нарушениях у полиглотов языки ведут себя по-разному, с разной степенью интерференции или вытеснения.

Тем не менее, сегодня очевидно, что два фактора являются ведущими в обсуждении данной проблематики: 1) правое полушарие несет груз по обеспечению билингвизма, хотя суждения о его роли противоречивы, и 2) существенное значение имеет способ овладения языком.

Проведенные Т.В. Черниговской экспериментальные исследования неоспоримо свидетельствуют о том, что левое и правое полушария играют принципиально разную роль в нервной организации родного языка, приобретенного прямым материнским методом, и второго языка, выученного школьным методом. У монолингвов физиологические механизмы правого полушария ответственны за формирование глубинно-семантического уровня высказывания. Левое же полушарие обеспечивает процессы перевода глубинно-семантических структур в поверхностные. Под поверхностными структурами подразумеваются окончательно оформленные в грамматическом и фонетическом отношении высказывания [Черниговская].

Основные достижения в этой области можно суммировать следующим образом. Как указывает Т.В. Черниговская, «за последние годы у теоретиков-лингвистов сменилась точка зрения на природу изучения иностранного

языка: раньше считалось, что это – процесс формирования *совершенно новых навыков* языкового поведения; теперь все более принята точка зрения, что изучение нового языка – это активный процесс творческого так сказать *конструирования грамматики*. Сменяется и ранее абсолютно признанная идея глобальной роли родного языка и следующих отсюда ошибок: теперь более принято считать, что есть некие общие, универсальные ошибки» [Черниговская].

В начале XX в. началось активное изучение влияния билингвизма на когнитивное развитие ребенка, что было связано с появлением и распространением психометрических тестов, которые популярны и сегодня. Первоначально исследования показали, что билингвизм негативно влияет на интеллектуальное развитие и процессы обучения.

Л.С. Выготский выдвигает совершенно противоположный тезис – влияние многоязычия на мышление и уровень развития человека может быть только положительным. В качестве одного из аспектов положительного влияния ученый видит в том, что способность выразить одну мысль на нескольких языках дает ребенку также и возможность увидеть свой язык как одну определенную систему среди многих других, что приводит к особой сознательности в его лингвистических операциях [Выготский, 1935].

В 1962 г. впервые было проведено исследование, в котором контролировалось систематическое смещение билингвизма с социально-экономическим статусом, возрастом, полом и уровнем владения языками и т.п. Данный факт послужил обоснованию положения о том, билингвизм оказывает безусловное позитивное влияние на когнитивные процессы. Проводится огромное количество подобных исследований.

Как указывает Е.М. Верещагин, «Позитивный период» связан с именами канадских исследователей В. Ламберта и Э.Пол. Масштабное наблюдение и исследование большой группы испытуемых школьников в Монреале (Peal, Lambert, 1967), опиравшееся на целый комплекс тестов, которые в довольно высокой степени исключали какие-либо погрешности в оценке речемыслительных навыков, привели их авторов к следующим выводам:

1. У билингвальных детей, по результатам вербальным и невербальным тестов, уровень интеллектуального развития выше по отношению к монолингвальным ровесникам.

2. У билингвов, по сравнению с пространственным воображением, наиболее выражено превосходство пластичности мышления и творческого подхода к работе с понятиями.

3. Двуязычные дети располагают большим количеством сепаратных или независимых друг от друга мыслительных способностей, дающих им преимущество перед монолингвами в разнообразии и гибкости подходов к решению задач, поставленных тестами [Верещагин].

Современные исследователи установили, что двуязычие облегчает протекание множества когнитивных процессов. Однако недостаток многих исследований заключается в том, что они ограничены теми испытуемыми, которые одинаково хорошо владеют двумя языками, с высоким семейным социально-экономическим статусом.

Но как мы видим, современная действительность осложняет проблемы билингвизма целым рядом социальных проблем, главным образом, ситуациями иммиграции и миграции. Более того, дети малочисленных народов в Российской Федерации раньше взрослых поняли простую

вещь – пользование родными языками есть временное состояние. Учащиеся школ, техникумов и вузов, изучающие родной язык – это временные социальные группы. В дальнейшем сфера функционирования родного языка значительно сужается или даже исключается говорящим (см. подробнее [Голикова 2013]).

Анализируя закономерности формирования двуязычия, психология традиционно подчеркивает значение специально организованных условий обучения двуязычных детей. Что становится предметом особой области – психологии билингвизма. Поскольку речь является единственным способом формирования и формулирования мысли средствами языка, а в условиях билингвизма мысль кодируется средствами двух языков. Этот процесс может быть специфичным у детей, имеющих речевые и интеллектуальные дефекты.

С точки зрения лингвистики, абсолютно эквивалентное владение двумя языками - невозможно. Абсолютный билингвизм предполагает совершенно идентичное владение языками во всех ситуациях общения. Достичь этого невозможно. Это связано с тем, что опыт, который человек приобрел, пользуясь одним языком, всегда будет отличаться от опыта, приобретенного с использованием другого языка.

Здесь возникает особое психологическое предпочтение того или иного языка. Чаще всего человек предпочитает использовать разные языки в разных ситуациях. Например, в ситуациях, связанных с обучением, с техническими аспектами знаний, предпочтение будет отдаваться одному языку, а в ситуациях эмоциональных, связанных с семьей - другому. Эмоции, связанные с одним языком всегда будут отличаться от эмоций, связанных с другим.

Два языка обычно бывают сформированы у человека в разной степени, поскольку не бывает двух совершенно одинаковых социальных сфер действия языков и представленных ими культур. Поэтому в определении билингвизма отсутствует требование абсолютно свободного владения обоими языками. Если один язык не мешает второму, а этот второй развит в высокой степени, близкой к владению языком у носителя языка, то говорят о сбалансированном двуязычии.

Кроме того, люди вообще обладают разными языковыми способностями и даже при создании оптимальных условий для усвоения обоих языков не всегда могут овладеть каждым из них одинаково хорошо и на максимально высоком уровне. Другие даже при ограниченном доступе к общению с носителями языка усваивают иной язык очень хорошо.

Вопросам психолингвистически обоснованной разработки теоретических и методических вопросов диагно-

стики и коррекции речевых дефектов у младших школьников посвящена работа С.С. Бакшихановой (на примере бурятско-русского двуязычия). Количественные и качественные различия лингвистических систем бурятского и русского языков влияют на операциональное содержание речевых дефектов. Исходя из исследовательницы предполагается, что при бурятско-русском двуязычии механизм речевого производства обладает своей специфичностью. В связи с этим возникает проблема: каким же образом проявляются эти особенности механизмов речевого производства при диагностике речевых дефектов в условиях бурятско-русского билингвизма?

Так, у детей с речевыми дефектами взаимодействие языков, проявляющееся в опосредованном кодировании мысли знаками второго языка на этапе глубинно-семантического и лексико-грамматического структурирования является осложняющим фактором. При этом прослеживается взаимосвязь структуры речевых дефектов с характером нарушений операций речевого производства.

Как указывают современные методисты и педагоги, одним из доминирующих условий позитивного влияния билингвизма на умственные способности учащихся является построение целенаправленно развивающей системы обучения на двух языках - родном и неродном. Особенно важна последовательность изучения родного и неродного языков, а также привлечение и активизация в процессе обучения символьных кодов первого и второго языков.

Список литературы:

1. Бакшиханова С.С. Анализ механизмов речевого производства как психолингвистическая основа диагностики речевых дефектов в условиях бурятско-русского билингвизма : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – СПб., 1999. – 26 с.
2. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Изд-во МГУ, 1969. – 160 с.
3. Выготский Л.С. Умственное развитие детей в процессе обучения. М.: Наука, 1935. – 134 с.
4. **Голикова Т.А. Психолингвистическая концепция исследования этнического сознания : автореферат дис. ... доктора филологических наук. – М., 2005. – 50 с.**
5. Голикова Т.А. Языки малочисленных народов Сибири: специфика языковой политики // Вестник РСОУ. – 2013. – Вып. 3. – С. 217–222.
6. Караулов Ю.Н. Предисловие // Язык и личность. М.: Наука, 1989. – С. 3-8.
7. Черниговская Т.В. Билингвизм и мозг. Изучение иностранных языков и мозг. Изучение второго языка: психологические и нейролингвистические аспекты // <http://www.csa.ru/DistanceLearning/>

СРАВНЕНИЕ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПЕРСОНАЖА

Горобец Алла Фёдоровна

преподаватель кафедры английского языка КубГТУ, г. Краснодар

Являясь конструктивным элементом художественного текста, сравнение на языковом уровне представляет собой прием эстетического моделирования действительности и воссоздания личности персонажа через сопоставление рационального и чувственно-переживаемого в языковом объекте. На идейно-художественном уровне

сравнение является экспрессивным средством актуализации глубинного, т. е. концептуального смысла художественного произведения.

В сравнении передается авторское отношение к изображаемому, его чувство, находящее выход в ассоциативных связях. Сравнение, которое воплощает образ и актуализирует чувственное отношение к нему, служит средством, возбуждающим воображение реципиента,

вызывающим ответную реакцию, причем в том направлении, которое необходимо писателю для воплощения замысла. Автор использует сравнения для характеристики персонажей (национальной, социальной, психологической, речевой), а также для передачи эмоционального состояния, внутреннего мира людей и т. д.). Конечная цель заключается в том, чтобы донести смысл произведения до реципиента.

Анализируемый рома «Луна и грош» повествует о судьбе художника. Природа творчества, его тайны постоянно привлекали внимание автора. В искусстве он видел особый мир, противостоящий обыденности. Его интересовали связи между моралью творца и плодами его деятельности, между гением и злодейством. Чарльз Стрикленд, показанный как личность аморальная, все же импонирует автору тем, что отказался от респектабельного существования биржевого маклера и обрел личную свободу.

Рассмотрим сравнения, характеризующие главного персонажа романа.

1. Внешние характеристики

В начале романа автор знакомится со Стриклендом незадолго до того, как этот биржевой маклер решает порвать со своим социальным кругом, чтобы полностью посвятить себя творчеству. Свое негативное восприятие его внешнего вида автор показывает, используя в качестве объекта сравнения наименование представителя низших профессиональных сословий и таким образом выражает насмешливую иронию: *He gave you somewhat the idea of a coachman dressed up for the occasion* [6, с.24]. – Чем-то он напоминал принарядившегося кучера [7, с.41]. Образ сравнения позволяет представить персонажа как личность, производящую невыгодное впечатление в той среде, где ему приходится вращаться.

Совершенно иной внешний вид приобретает Стрикленд в парижский период его жизни, когда, отказавшись от обеспеченной жизни, оставив семью, он живет в нищете. Особенно резкие изменения происходят после болезни. Негативная оценка его внешности выражена с помощью традиционного образа: *His clothes hung upon him like rags on a scarecrow* [6, с.110]. – ...одежда болталась на нем как на вешалке [7, с.106]. В словосочетании *rags on a scarecrow* (лохмотья на пугале) слово *a scarecrow* несет негативную коннотацию и в разговорной речи употребляется, когда говорят о необычайно худом человеке [1, с.932].

Существенные изменения видит автор также и в выражении лица Стрикленда и передает это, используя негативно окрашенные образы античной мифологии: *It was a slow smile, starting and sometimes ending in the eyes; it was very sensual, neither cruel nor kindly, but suggested rather the inhuman glee of the satyr* [6, с.90]. – Это была неторопливая улыбка, начинавшаяся, а может быть, и кончавшаяся в уголках глаз; очень чувственная, не жестокая, но и не добрая, а какая-то нечеловеческая, словно то ухмылялся сатир [7, с.91]. Сатир – природный демон греческой мифологии. Сатиры – дикие, насмешливые существа [2, с.510]. В раннем изобразительном искусстве античного периода Сатиров изображали полулюдьми-полуживотными: они покрыты шерстью, длинноволосы, бородаты [3, 191]. Сравнение изобличает внутренний мир этого человека – цинизм, недоброту.

...there was in his face an outraged sensuality <...> it seemed as though his sensuality were curiously spiritual. There was in him something primitive. He seemed to partake of those obscure forces of nature which the Greeks personified in shapes part human and part beast, the satyr and the faun [6, с.111]. – ...была в глаза чувственность, написанная на его

лице <...> это была одухотворенная чувственность. От Стрикленда веяло первобытностью, *точно в нем была заложена частица тех темных сил, которые греки воплощали в образах получеловека-полуживотного – сатира, фавна* [7, с.106]. Согласно римской мифологии, Фавн – бог полей, лесов, пастбищ, животных. Он отождествлялся с греческим божеством Паном, покровителем стад, лесов и полей. Пан как божество стихийных сил природы наводит на людей беспричинный страх [3, с.219]. Автор таким образом сравнивает неспособность Стрикленда задуматься о моральной стороне своих поступков: этот человек руководствуется в жизни только инстинктами.

2. Характер персонажа

Объекты зоонимических сравнений у С. Моэма оценивают разные грани внутреннего мира персонажей. В рассматриваемом далее примере автор показывает жестокость Стрикленда: *He had no compassion. The emotions common to most of us simply did not exist in him, and it was as absurd to blame him not feeling them as for blaming the tiger because he is fierce and cru* [6, с.127] – Он не знал сострадания. Чувства, обычные для каждого из нас, ему были несвойственны, и винить его за это было так же нелепо, как винить тигра за свирепую жестокость [7, с.118]

3. Поведенческие характеристики

Strickland was distinguished from Englishmen by his perfect indifference to comfort [6, с.85]. – Стрикленда резко отличало от его соплеменников полное пренебрежение к комфорту [7, с.88]. Данный пример подтверждает отсутствие стремления у Стрикленда жить в цивилизованном обществе, пользуясь его благами. В этом предложении единичей, организующей сравнение, является предикат *to be distinguished from* (быть отличным от). Эталон сравнения – *most Englishmen* (большинство англичан). Такая сравнительная конструкция приписывает персонажу исключительный признак.

Крайнюю бедность и одинокий образ жизни художника (во время пребывания в Париже и позже, в первые месяцы на Таити) характеризуют объекты сравнений, называющие представителей низших сословий, маргинальных групп, а также зоонимы: *He lived more poorly than an artisan* [6, с.177]. – Он жил беднее любого батрака [7, с.155]. *He lived in Paris more lonely than an anchorite in the deserts of Thebes* [6, с.177]. – В Париже он жил более одиноко, чем отшельник в Фиванской пустыне [7, с.155] *He would come to Papeete every two or three months, when he wanted paints or tobacco or money, and then he would wander about like a lost dog* [6, с.209]. – Он появлялся в Папееэте каждые два или три месяца – словом, когда ему нужны были краски, табак или деньги, и бродил по улицам, *точно бездомный пес* [7, с.179].

С помощью зоонимического сравнения автору удается также показать поведение, выдающее внутреннее смятение Стрикленда: *...but he went on, walking up and down the room like a caged beast, intent on expressing what he felt, but found such difficulty in putting coherently* [6, с.163]. – ...но он, шагая из угла в угол, *точно зверь в клетке*, все силился хоть относительно связно выразить то, что было у него на душе [7, с.145].

4. Характеристики внутреннего мира персонажа

...he was like a wrestler whose body is oiled; you could not get a grip on him; it gave him a freedom which was an outrage [6, с.60]. – Он *походил на борца, намазавшего тело жиром – никак его не ухватишь*, – и это давало ему свободу, граничившую со святотатством [7, с.68]. Благодаря объекту, называемому борца-спортсмена, данное

сравнение представляет в своем основании понятие «неуязвимости» и таким образом раскрывает часть внутреннего мира Стрикленда – его цинизм, делающий его неуязвимым, безразличным к мнению о нем окружающих.

В трактовке автора «Стрикленд-художник неизмеримо существеннее в любом смысле, чем Стрикленд-плохой человек» [4, с.15]. Когда автор повествует о Стрикленде-художнике, он, прибегая к традиционному зоониму, оценивает его как беспомощную жертву страсти к творчеству, поглощаемую этой страстью: *He seems to me to be possessed by some power which is using him for its own ends, and in whose hold he is as helpless as a fly in a spider's web* [6, с.67]. – Он одержим страстью, которая помыкает им. Безраздельно предавшийся ей, он беспомощен, как муха в паутине [7, с.73].

Наиболее ярко ипостась Стрикленда (если рассматривать его как творческую личность) видна в конструкции, содержащей два объекта сравнения, наименования которых представлены С. Моэмом с целью положительной характеристики импонирующего ему качества, т. е. страстной преданности творчеству: *Strickland had the directness of the fanatic and the ferocity of the apostole* [6, с.58]. – Стрикленда отличала прямота *фанатика* и свирепость *апостола* [6, с.67]. Слова *fanatic* (фанатик) и *apostole* (апостол) определяются следующим образом: фанатик [лат. *fanaticus*] – «(1) человек, страстно преданный какому-л. делу, необычайно приверженный какой-л. идее» [5, с.531]; апостол [гр. *apostolos*] – «(2) ревностный последователь какого-л. учения, идеи» [5, с. 49].

Один из замыслов писателя – показать процесс самореализации гения в творчестве – концептуализируется также через сравнение: *I fancy that Strickland saw vaguely some spiritual meaning in material things that was so strange that he could only suggest it with halting symbols. It was as though he found in the chaos of the universe a new pattern, and were attempting clumsily, with anguish of soul, to set it down* [6, с.169]. – Мне начинало казаться, что Стрикленд в

материальных вещах смутно предвидел какую-то духовную сущность, сущность до того необычную, что он мог лишь в неясных символах намекать о ней. *Точно среди хаоса вселенной он отыскал новую форму и в безмерной душевной тоске неумело пытался ее воссоздать* [7, с.149]

Итак, личность персонажа романа «Луна и грош», Чарльза Стрикленда, характеризуется простыми, сложными и развернутыми авторскими сравнениями, а также устойчивыми сравнениями. С помощью негативных окрашенных объектов сравнений (таких, как персонажи античной мифологии, зоонимы) автор показывает характер человека, его поведение и внутренний мир. Характеристика Стрикленда как творческой личности представлена объектами сравнений с положительной коннотацией (фанатик, апостол).

Список литературы:

1. ССАЯ – Словарь современного английского языка: В 2 т. – М.: Русский язык, 1992.
2. СА – Словарь античности. – М.: Эллис Лак; Прогресс, 1994.
3. Ермолова И.Е. и др. Античность. Словарь-справочник по истории, культуре и мифологии. – Дубна: Феникс+, 2007.
4. Скороденко В. Художник слова и англичанин // Моэм С. Луна и грош: Роман; Рассказы; Острие бритвы: Роман. – М.: НФ «Пушкинская библиотека», 2004.
5. СИС – Словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1981.
6. Maugham W.S. The Moon and Sixpence. – М.: Юпитер-Интер, 2009.
7. Моэм С. Луна и грош: Роман; Рассказы; Острие бритвы: Роман. – М.: НФ «Пушкинская библиотека», 2004.

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ АРТИКЛЯ

Городова Елена Анатольевна

преподаватель кафедры английского языка КубГТУ, г. Краснодар

Большинство авторов склоняются к мнению, что артикль представляет категорию определенности/неопределенности. Термины эти весьма малосодержательны и поэтому удобны, ибо вряд ли можно определить значение артиклей одним словом, которое охватывало бы всю сложность их семантики.

Артикль обладает различными функциями в речи. Морфологическая функция артикля заключается в том, что он является показателем имени существительного. Синтаксическая его функция заключается в том, что он определяет левую границу атрибутивного словосочетания: *the leaves, the green leaves; the glossy dark green leaves*. В этой функции он может быть заменен любым другим определителем имени: *those glossy dark green leaves, its glossy dark leaves...*

Основной семантической функцией артикля, как указывает С. Д. Кацнельсон, является актуализация понятия; иначе говоря, артикль соотносит то или иное понятие с действительностью, представленной в данном тексте (текст – любое высказывание независимо от его объема и содержания). Следует заметить, что любой текст актуализирует языковые единицы: в предложении *He is*

here элемент *he* указывает на какое-то известное собеседнику лицо, *is* относит действие к настоящему, *here* указывает на место, известное собеседникам. В отрыве от текста эти единицы – *he, is, here* – не имеют соотносительности с действительностью. Актуализация, возникающая при употреблении артикля, отличается тем, что она отражает субъективное задание говорящего (пишущего). Форма числа также является способом актуализации существительного, и этот способ всегда объективен: мы не можем употребить форму множественного числа, говоря об одном предмете, и наоборот. Артикль же избирается согласно ситуации.

Речь, как известно, служит целям человеческого общения, которое включает в себя два процесса: говорение и слушание (восприятие сказанного). Роль артикля в этих двух процессах различна. При говорении он помогает нам точно выразить свои мысли, при слушании – правильно понять собеседника. Смысловое задание высказывания, ситуативные условия и языковая норма учитываются говорящим и слушающим с разных позиций. Говорящий

оформляет имена существительные артиклем, слушающий расшифровывает смысл имен существительных, исходя из употребленной формы артикля.

Артикль обладает также грамматическими функциями в речи. Первая грамматическая функция артикля – это «грамматическое обозначение своего сопровождаемого», то есть признак имени. Благодаря этому, во многих языках присоединение артикля к неименным словам и формам переводит их в существительное. Так возникает конверсия, когда данное слово переходит в другую категорию и попадает в иную парадигму без изменения своего морфологического состава. Вторая грамматическая функция артикля – это различение грамматической категории определенности и неопределенности, когда существуют парные артикли: the – a (an) – в английском; le – un, la – une – во французском и т. п. Категория, сопровождающаяся определенным артиклем, как правило, выражает грамматически то, что уже известно собеседникам, либо то, что у собеседников во время разговора перед глазами, либо нечто, особо индивидуально выделяемое.

Третья грамматическая функция артикля – это различение рода в чистом виде, то есть при том же слове в той же форме, что встречается редко, чаще при названиях каких-либо народов, язык которых не знает различий рода. Уже на основании наблюдения за употреблением артиклей в сочинительных синтагмах можно утверждать, что идеографическая функция, связанная с обозначением начала речевых единиц, входящих в состав высказывания, является одной из важнейших функций артикля. Указанная функция артикля в некотором смысле сходна с функцией знаков пунктуации. Тем не менее, нельзя не отметить существенного отличия артикля и знаков пунктуации: артикль является первичным, собственно языковым, средством, задающим синтагматическое членение высказывания, в то время как знаки пунктуации являются вторичным отражением синтагматического членения на письме.

Поскольку синтагматическое членение письменного текста допускает разночтения, авторы иногда используют знаки пунктуации, чтобы явственно обозначить правую границу (окончание) синтагмы, в структуру которой входит артикль. В устном тексте этому соответствуют просодико-интонационные сигналы, делающие прозрачной его синтагматическую, смысловую организацию: *...this time she found a little bottle on it ('which certainly was not here before', said Alice) and round its neck a paper label, with the words 'DRINK ME' beautifully printed on it in large letters* [1, 11]. В представленном примере границы речевых единиц в артиклях выделена с учетом средств пунктуации, использованных авторами. Наличие запятой указывает на то, что атрибут, выраженный придаточным предложением или иначе *"a paper label, with the words 'DRINK ME' beautifully printed on it in large letters"*, не входит в синтагму с артиклем.

Часто знаки пунктуации используются как дополнительное к артиклю средство, делающее синтагматическое членение письменного текста более отчетливым, даже тогда, когда синтагматическое членение текста представляется однозначным уже на основании употребления артикля.

Семантическая функция – более широкое понятие, чем значение, поскольку оно охватывает не только собственно значения тех или иных единиц, но и речевые смыслы, в формировании которых существенную роль играют речевая ситуация и фоновые знания. Так, например, к семантическим функциям артикля следует отнести его

различные стилистические функции, ср., например, «эмфатическую» функцию артикля *a* в предложении *He is such a generosity*. Он отличается такой добротой', где этот артикль указывает на то, что существительное должно быть характеризовано, но от "избытка чувств" нужное определение не приходит на ум. Подобная функция легко может быть выведена из свойственного артиклю *a* значения неопределенности (которое сопряжено с известным «вакуумом информации» и ожиданием более детальной характеристики референта), однако вряд ли подобный стилистический эффект следует рассматривать как часть категориального значения артикля *a*.

Имена существительные в английском языке, так же как и в русском, характеризуются потенциальной смысловой разноплановостью, т. е. обладают способностью употребляться в речи в различных смыслах -- находиться в различного рода соотносительности с называемым объектом. В русском языке потенциальная смысловая разноплановость имен существительных не имеет какого-либо формального признака. В английском же она передается в речи с помощью специальных слов – артиклей, каждым из которых является показателем строго определенной смысловой направленности употребленных в речи имен существительных.

Определенный артикль указывает на употребление имени существительного в конкретно-назывном смысле, что предполагает конкретную соотносительность имени существительного с называемым объектом. Такое имя существительное может обозначать наличный, однозначно выделенный или известный собеседникам в силу тех или иных обстоятельств объект (группу объектов).

Неопределенный и нулевой артикли являются показателями употребления имен существительных в общеназывном смысле. Такие имена существительные употребляются вне соотносительности с чем-либо конкретно данным, особым образом выделенным или известным собеседникам благодаря общности их прошлого опыта.

Английские артикли, как сказано выше, указывают на различную смысловую направленность употребленных в речи имен существительных. Определенный артикль показывает, что оформленное им имя существительное употребляется говорящим в конкретно-назывном смысле, т. е. обозначает конкретно данный, находящийся в поле зрения собеседников или известный им в силу тех или иных обстоятельств объект (группу объектов).

Из сказанного следует, что неопределенный и нулевой артикли по своим смысловоразличительным функциям противопоставлены определенному артиклю.

Функция английских артиклей, таким образом, заключается в указании на смысловую направленность имен существительных в процессе речи, которая определяется характером соотносительности имен существительных с называемыми объектами. Функция английских артиклей заключается в указании на смысловую направленность употребленных в процессе речи имен существительных, которая определяется характером соотносительности имен существительных с называемым объектом, его внешней структурой и количественной характеристикой.

Определенный артикль показывает, что имя существительное употребляется говорящим в конкретно-назывном смысле, т. е. предполагает конкретную соотносительность имени существительного с называемым объектом (обозначает наличный, однозначно выделенный или известный собеседникам в силу тех или иных обстоятельств объект (группу объектов)).

Неопределенный и нулевой артикли показывают, что оформленные ими существительные употребляются в

общеназванием смысле, т. е. называют объекты как таковые, не выделяя их как нечто конкретно данное или однозначно выделенное. Не определенный артикль при этом подчеркивает, что называемый существительным объект представлен членимой единицей на фоне класса, а нулевой указывает, что он не представлен членимой единицей на фоне класса.

Список литературы:

1. Льюис Кэрролл
Alice's Adventures in Wonderland. М.: Penguin Books Ltd. 2003.- 256 с.

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С УСЛОВНОЙ ПРИДАТОЧНОЙ ЧАСТЬЮ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Е. ГРИШКОВЦА И З. ПРИЛЕПИНА

Грузнова Ирина Борисовна

Канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка, г. Саранск,

Нестерова Наталья Анатольевна

Канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры русского языка и методики преподавания русского языка, г. Саранск

Сложноподчиненное предложение современного русского языка нашло достаточно полное и разностороннее освещение в ряде фундаментальных исследований (прежде всего в трудах В. А. Белошапковой, Л. Ю. Максимова, Н. С. Поспелова, Е. С. Скобликовой, А. К. Федорова). Однако обращает на себя внимание тот факт, что в большей степени изученными оказались сложноподчиненные предложения с изъяснительной и определительной семантикой. Что касается сложноподчиненных предложений, выражающих обстоятельственные отношения, то предметом специального детального рассмотрения в плане обобщающей, системной характеристики их структуры и семантики они являются достаточно редко (Н. А. Андрамонова, Е. А. Бушман, С. И. Дружинкина, Т. В. Емец, В. И. Лысенко, О. В. Федорова, Е. С. Ярыгина и другие).

Меньшая изученность названных синтаксических конструкций не свидетельствует, на наш взгляд, о меньшей их значимости. Класс обстоятельственных предложений отличается большой семантической емкостью, нагруженностью. Является общепризнанной коммуникативная значимость обстоятельств и обстоятельственных предложений. Об этом свидетельствует их широкая распространенность во всех стилях речи современного русского языка. Именно функциональный аспект изучения синтаксических построений подобного характера до сих пор остается за рамками современных научных исследований.

Текст художественного произведения представляет собой многомерное смысловое пространство, где воплощается психология автора, где реализуется в литературной форме замысел-идея и, наконец, получает свое реальное выражение язык, который через системно-функциональные, семантические, стилистические и иные организации эксплицирует национальную и индивидуально-лингвистическую концептуальную картину мира.

Особый интерес представляет обращение к семантико-структурным особенностям сложных предложений с условными придаточными частями в языке литературных произведений. Активное употребление названных конструкций составляет отличительную черту синтаксиса современных авторов; они таят в себе множество неизученных моментов, а их исследование продолжает оставаться одной из актуальных задач стилистики, лингвокультурологии, поскольку не решены проблемы их выразительных возможностей в художественном тексте.

Предметом изучения в данном исследовании стал анализ сложноподчиненных предложений с условной придаточной в произведениях двух современных отечественных прозаиков – Е. Гришковца и З. Прилепина.

В произведениях обоих авторов данные конструкции встречаются достаточно часто, причем характер этих синтаксических построений обусловлен особенностями художественного метода авторов, героев-рассказчиков, а также тематикой и сюжетом произведений. Так, у Е. Гришковца это, как правило, сложные многочленные конструкции. Например: *Когда мы с дедом были в рыболовном магазине, он, которого я никогда не видел с удочкой, рассматривая лески и прочие снасти со вздохом говорил, что если бы у него тогда были такие же, он бы точно мог бы прокормить рыбой всю семью, и не только* [1, с. 15]. С помощью таких синтаксических единиц организуется «философствующее начало» его прозы, в которой он часто возвращается к уже ранее высказанной мысли, углубляя и расширяя ее. Изложение выстраивается будто сменяющими одна другую волнами; отсюда и название произведения – «Реки». В произведениях З. Прилепина философия также, безусловно, присутствует, но это философия другого рода. Это сиюминутные мысли человека, находящегося в сложной, напряженной и даже критической для жизни ситуации (война, бандитские будни). От скорости и точности размышлений героя зависит его жизнь, отсюда пристальный интерес З. Прилепина к коротким фразам. *Если тебя ищут, то все равно найдут* [4, с. 44]; *Если бы мне вздумалось сказать то же самое, это прозвучало бы слишком искренне* [5, с. 206]. Сложные многочленные конструкции, содержащие условную придаточную, практически здесь не представлены; как правило, автор использует сложноподчиненные предложения с придаточной условия минимальной структуры.

У писателей значительно доминируют конструкции с союзом *если*; встречаются единичные примеры с *когда*, что в целом отражает общую языковую ситуацию на современном этапе развития современного русского языка. Если у З. Прилепина конструкции с этими союзами вполне равнозначны в стилистическом отношении, то у Е. Гришковца они значительно дифференцированы. Союз *если* здесь является нейтральным в стилистическом отношении, тогда как союз *когда* (и содержащие его конструкции) приобретают разговорный характер. Значения условных придаточных с союзом *если* у обоих писателей имеют

модусы реального, ирреального и оттенков уступки. Значения условных придаточных с союзом *когда* – модус реального и ирреального, осложненного временными отношениями. Например: *А много рыбы в нашей реке при мне уже не было. И рыбалка была еще та. Но дед говорил, что если бы у него была леска!* [1, с. 18]. Условная придаточная с ирреальным желаемым значением в данном предложении предполагает продолжение главной части, однако автор не посчитал нужным «озвучить» мечты деда и закончил высказывание восклицанием. В условных отношениях, которые наблюдаются в данном предложении, есть доля предположения; это значение оформляется как ирреальное с помощью форм сослагательного наклонения и автономной частицы *бы*. Поэтому в данном случае мы имеем дело с ирреальным условным значением.

Наоборот, в предложении *Он говорил, что если кто-то приводил белую лошадь, то хозяину такой редкой лошади нужно было от нее не отходить, а то животное могло вернуться в деревню вовсе без хвоста* [1, с. 16] актуализировано реальное условное значение.

Придаточная часть с условным значением и союзом *если* участвует в передаче косвенной речи и потому стоит после подчинительного союза *что*, занимая интерпозитивное положение и разрывая другую придаточную с изъяснительным значением. Поэтому нередко появляется соотносительное слово – коррелят *то*, который является факультативным. «В предложениях с условными отношениями обусловленная ситуация (положение дел) зависит от того, какое из возможных условий выполняется, то есть к понятию «обусловленное» примыкает понятие «альтернатива» – необходимость выбора одного из двух (или нескольких) возможных решений» [2, с. 31].

Условные придаточные с названными союзами выполняют ряд текстовых функций, также связанных со спецификой их употребления в произведениях писателей, авторским замыслом, идеей повествования, образом главного героя-рассказчика, творческой манерой авторов в целом.

В прозе Е. Гришковца придаточным свойственны такие функции, как:

1) акцентирование, сосредоточение внимания адресата речи на определенном отрывке высказывания. Например: *Дед говорил, что хозяйва лошадей больно и метко хлестали мальчишек кнутами, если успевали* [1, с. 17]. Такая позиция придаточной условия с реальным значением способствует ее интонационному и смысловому выделению. В то же время препозитивное использование придаточной условной части также помогает акцентированию на ней внимания читателя: *Если спуститься ниже нашего города по реке километров на пятьдесят, то можно увидеть довольно грозные скалы* [1, с. 26];

2) включение придаточной в присоединительную конструкцию с союзами *и, а*, благодаря чему фраза приобретает ритмичность и интонационную стройность, а текст – целостность. *Просторов сибирских я не чувствую, я чувствую только то самое время... Часовые пояса... А если лететь на самолете, то исчезает и время... И получается, что между городами и в случае полета тоже не километры. Разница расстояний между городами ощущается только во время покупки авиабилета. Разница расстояний выражается в разнице цен на билет* [1, с. 48];

3) реализация основной художественной задачи Е. Гришковца – передать ощущение течения реки времени, когда одна волна воспоминаний, накатываясь, уходит, но тут же следует другая, третья и т. д., что требует постоянных повторов мысли, обращения к тому, что уже было

сказано, с целью пояснения, комментирования, объяснения. Придаточные с условным значением часто помогают писателю построить повествование именно таким образом, например: *Когда к полудню мы пришли к маленькому бревенчатому домику, я уже понимал, что никаких медведей и барсуков вовсе не бывает. А если и есть в тайге озера, то там водятся известные мне пескари, ерши и в лучшем случае карасики, да и то не кишимя кишат* [1, с. 21]; *И по нему было видно, что сам он ничего не построил, а если бы построил, то получилось бы у него точно хуже, чем у немцев. Обязательно хуже!* [1, с. 21]; *Чаще всего Россию изображают занесенную снегом. А если снег – значит зима, а если зима – значит холодно, а если холодно – значит герои должны быть тепло одеты* [1, с. 41];

4) повышение логичности высказывания, фразы в целом. «Некоторые высказывания, благодаря такой придаточной, приобретают форму умозаключений, своеобразного вывода из цепочки суждений, что в результате отражает наивное и в то же время умудренное жизненным опытом мировосприятие автора-повествователя», – пишет по этому поводу исследователь Т. В. Емец [3, с. 6]. Например: *Сибиряк – человек с острым чувством справедливости. Он обладает некой широкой душой и еще всем известным сибирским здоровьем. Если он ест, значит ест, если пьет, значит пьет* [1, с. 51];

5) указание на очередность описываемых событий, организация нарративного компонента: *А ее муж умер недавно, но всю их жизнь он пил, гонялся за ней по двору, а если догонял, бил...* [1, с. 49] (*пил* → *гонялся* → *догонял* → *бил*);

6) повышение эмоциональности, экспрессивности высказывания: *Как они могли представить себе такое, когда я сам не мог представить себе, как может быть не жарко на юге у моря* [1, с. 37].

Функции сложноподчиненных предложений с условной придаточной в прозе З. Прилепина несколько иного плана и связаны прежде всего с их экспрессивными возможностями в ткани повествования. Им свойственны сравнительная функция, функция создания антитезы, а также функции, обеспечивающие реализацию доминантных качеств художественной речи автора: участие в логической организации текста, ее поддержание и усиление. Приведем примеры, в которых рассматриваемые конструкции участвуют в создании противопоставления: *Еще я знаю, что такое ладонь сына и дыхание дочери, – сказал я себе тихо. – Но если я буду думать об этом еще секунду, я умру с расколотым сердцем* [4, с. 40]; играют роль логического вывода из сказанного, весьма значимого в пределах контекста: *На броне сидят омовоцы, один из них по-смотрел на нас, улыбнулся. Улыбка человека, выезжающего из Грозного, значит для нас очень много. Значит, там не убивают на каждом углу, – если он улыбается?* [5, с. 58]. Ритмико-интонационная функция характерна для сложноподчиненных предложений, представляющих собой вопросительные конструкции: *Прижимаюсь спиной к дереву, поглядывая то на саперов, то в сторону «хрущевок». – Что я буду делать, если сейчас начнут стрелять? ...Лягу около дерева...* [5, с. 64]; *Дорога немного развлекла. Когда долго едешь, и ничего не случается, это успокаивает. Как же что-то может случиться, если все так хорошо? Солнышко...* [5, с. 140].

Повышенными экспрессивными возможностями обладают сложные предложения с присоединительными и парцеллированными конструкциями: *Я уже люблю этот город. Не видел более красивых городов, чем Грозный. «Первые руины третьей мировой исходят тепло...» – констатирую я, впад в лирическое замешательство.*

Птиц в самом городе нет. Наверное, здесь очень чистые памятники. Если они еще остались [5, с. 131].

Основная функция сложноподчиненных предложений с условной придаточной – повышение психологизма повествования и раскрытие внутреннего мира героя: *Выбираю себе место на броне ровно посередине, спиной к баине. «Если расположиться полулежа, то сидящие с боков в случае чего прикроют меня», – цинично думаю я* [5, с. 129]; *Делаю два дружинящих прыжка по лестнице, поднимаюсь нарочито быстро, зная, что если я остановлюсь, – мне станет невыносимо страшно* [5, с. 128]. У З. Прилепина рассматриваемые конструкции – это мощное выразительное средство художественного повествования, тогда как у Е. Гришкова это средство скорее «строительного» плана, участвующее в организации ткани изложения.

Проблема рассмотрения структурно-семантических особенностей сложных предложений с условными придаточными в современном русском языке и художественном тексте в функциональном аспекте не является

исчерпанной и представляет несомненный интерес для дальнейшего изучения.

Список литературы:

1. Гришковец, Е. Реки : повесть / Е. Гришковец. – М. : Махаон, 2005. – 116 с.
2. Дружинкина, С. И. Сложноподчиненные предложения с придаточными обусловленности / С. И. Дружинкина // Вестник Челябинского университета. – 2012. – № 26. – С. 30–37.
3. Емец, Т. В. Сложноподчиненные предложения с придаточными условными как формы выражения логических умозаключений (на материале немецкого и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Емец. – М., 1996. – 24 с.
4. Прилепин, З. Грех и другие рассказы / З. Прилепин. – М. : АСТ, 2012. – 416 с.
5. Прилепин, З. Патологии : роман / З. Прилепин. – М. : АСТ, 2011. – 349 с.

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА А. ВОЗНЕСЕНСКОГО В ПОЭМАХ РУБЕЖА XX-XXI ВЕКОВ

Гудкова Светлана Петровна

*Доктор филол. наук., профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск*

Пивкина Екатерина Васильевна

Студент филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск

А. Вознесенский – один из самых ярких представителей «эстрадной» поэзии 60-х годов XX века, в чьем творчестве звучащее эпатажное слово – одна из главных форм общения как с читателем, так и с аудиторией. Совершенно справедливо В. Катаев назвал поэзию А. Вознесенского «депо метафор» [7, с. 7]. Сам поэт значительный акцент делает именно на метафоре, называя ее «мотором формы». Уже раннее стихотворение «Гойя» (1959), где воплотились основные черты его поэтического стиля («Я – Гойя! / Глазницы воронок мне выклевал ворог, / слетая на поле нагое. / Я – Горе. <...> [3, с. 169]), породило двойственное отношение современников к формально-стилистическим экспериментам автора.

Следует отметить, что А. Вознесенский заново пересматривает наследие русских футуристов, обэриутов: возвращает утраченный интерес к смысловым звуковым переключкам, реанимирует и обновляет метафорический рисунок стиха. Необычная версификационность его поэзии, а также личность самого автора, «короля эксперимента», вот уже на протяжении более пяти десятилетий, порождают многочисленные полемические дискуссии [см.: 6; 7; 13].

Яркими языковыми экспериментами отличается и жанр поэмы, активно развивающийся и в позднем творчестве поэта. Поэмы А. Вознесенского в большинстве случаев тяготеют к синтезу лирики и драмы. Лирико-драматическая поэма становится одной из ведущих жанровых форм позднего творчества А. Вознесенского («Ров», 1986; «Компра», 1996; «Гуру ураган», 1998; «Кара Карфагена», 1999; «Девочка с пирсингом», 1999; «Берегите зайк», 1999; «Вампы», 2005 и др.).

С особой трагедийной силой авторская боль по утраченным духовным ценностям, русскому человеку, России звучит в поэзии А. Вознесенского конца XX века. Голос поэта, сливаясь с общим тоном «державно-патриотической» лирики, в большинстве случаев выделяется своим особым звучанием, внутренней надломленностью стиха. Помимо содержательного наполнения важную роль, как мы уже подчеркивали, играет формальная сторона произведения. Поэт для выражения внутреннего состояния своего лирического героя синтезирует разные виды искусства. Художественно-эстетические возможности музыки и живописи в творчестве поэта способствуют наиболее глубокому эмоциональному воздействию на читателя. Он соединяет поэзию и пластическое искусство.

Необходимо отметить, что тема духовного распада проходит через все творчество А. Вознесенского, но со временем смысл ее существенно изменяется. Если в ранний период поэт говорил о распаде старых, отживших свой век форм жизни и искусства, мешавших рождению и утверждению нового, то в конце XX столетия речь уже идет о распаде бытийных, духовно-нравственных ценностей (поэмы «Компра», «Девочка с пирсингом», «Берегите зайк», «Вампы» и др.).

Уже само заглавие поэмы «Компра» знаковое для осмысления основного лирического мотива. Оно становится символом всеобщего недоверия людей друг к другу. Жизнь с опаской, с оглядкой, шантаж – естественное состояние современного человека: «Объявлена всеобщая мобилизация компромата. Генштаб не спит. Компрабушки пикетируют комправнуков. Про. Контра. Мат. Компрадорскую буржуазию вытесняет компрадорский

пролетариат. Держите братьев Компрамазовых!» [2]. Экспериментальные словообразовательные приемы («компрабабушка», «комправнуки») создают прозрачный эффект распада семейственных отношений. В данном случае важной является и поэтическая отсылка к Ф.М. Достоевскому («Про. Контра»), который через призму отдельно взятой, «случайной», семьи рассматривал современное состояние общества. Можно предположить, что поэт противопоставляет героев Ф.М. Достоевского, с одной стороны, потерявших, переступивших нравственные законы, но, с другой, – ищущих пути к духовному очищению [9; 10]. Если у Ф.М. Достоевского все же остается вера в преобразование русского человека («Не убивал, но виновен»), то у А. Вознесенского нет такого оптимистического взгляда на будущее: «Богоматерь скомпрометирована. / Её гонит с квартиры двуногий примат», – безапелляционно заявляет поэт [2].

В основе произведения лежит драматический конфликт лирического героя и общества. Ярким подтверждением того, что «Компра» тяготеет к жанру лирико-драматической поэмы, служит и сама композиция произведения, учитывающая форму классической драмы. А. Вознесенский выстраивает свою поэму не из глав или частей, а из актов (IV акта). Формальная организация поэтического текста также способствует передаче всеобщего состояния – компромата. Автор наряду с актами вводит и прослушивание кассет («первая сторона кассеты», «вторая сторона кассеты», «слушаем»), как неотъемлемую часть аудиокompromата (О Давиде одавидеодавидеодавидеодавидео / Наши теннисные корты, / как авоська, полны компры. / Компромартовские кошки / мажут аудиофон» [2]).

Следует отметить еще один важный поэтический прием, который играет значимую роль в поэтическом тексте А. Вознесенского, – это «кругометы» («одавидеодавидеодавидеодавидео»). Данный прием некоторые исследователи склонны рассматривать как отдельный жанр – «однословие» [11, с. 204], берущий начало в творчестве русских футуристов («вольшевик» Хлебникова, «бюрократиада» Маяковского и др.) и активно развивающийся в поэзии постмодернизма (поэма Д. А. Пригова «Махроть всяя Руси»). Так, М. Эпштейн замечает, что у каждого автора есть свой излюбленный способ формирования новых слов: «Если у Хлебникова это сращение корней, то у Маяковского – экспрессивная аффиксация или переаффиксация, ломание слова через отрыв и присоединение новой приставки или суффикса («громадье», «выжиревший», «препохабие», «тъмутаканясь») [12]. В творчестве А. Вознесенского исследователь обнаруживает особый способ создания однослова – «многочленные, "гусеничные" однослова, в которых конец одного слова становится началом другого» «матьмамамама» («мать» переходит в «тьма» и обратно), <...> Часто такие потенциально бесконечные «словословия» записываются в виде спирали или круга, где нет входа и выхода, но только переход одного слова в другое, своего рода буквенная вибрация» [12]. Сам поэт называет данный тип словообразования – «кругометом» или «круговой метафорой», видя в таком круговращении важную поэтическую находку.

В поэме «Компра» выделенный «кругомет» («О Давиде одавидеодавидеодавидеодавидео») выполняет важную идейно-смысловую нагрузку. Упоминание о Давиде, идеальном правителе еврейского народа, объединившем царства Израиля и Иудеи, в данном случае выступает как

символ могущества и засилья шантажа, компромата, разрушения родственных связей (в цепочке неразрывного слова угадывается переход от «давида» к «видео»).

Противостоянием против всеобщего распада в творчестве А. Вознесенского чаще всего выступают поэзия и искусство в целом. В финале данного произведения звучит характерный для всей поэзии автора мотив подвижнического заступничества и возрождение христианских ценностей: «доказав Всевышнему аутентичность, / предьявлю за людей чистоты компромат. / <...> / Неужель ты впрямь, Россия – / Компромата мессия?!» [2].

В финале голос поэта сливается с голосом лирического героя, становясь одним целым, личностно пережитым. Таким образом, тема предназначения поэта и его роли в обществе тесно слита с размышлениями автора о современной России и ее будущем [5]. Эта тема находит многообразную палитру звучания во многих поздних поэмах А. Вознесенского. Так, например, в поэме «Берегите заик» (1999) представлено двойственное отношение к образу поэтической личности. Автор изображает современную Россию как «заикающуюся» страну, находящуюся под гнетом страха и развала: «Россия демократию симули... / Иконы заикаются на Христе. / XX век заклинился на букве х...» [1]. Но образ «заики» ассоциируется и с образом поэта. Заикание, по его мнению, не болезнь, а, скорее всего, своеобразная внутренняя «застенчивость», тонкость природы в сравнении со страшным веком. «Заика» – это человек, необычный, который должен выполнять особую миссию. Подобное слияние семантических значений совершенно разных слов (игра смыслами) рождает иронически-торжественный пафос, отсюда и одновременное звучание в поэтическом тексте глубоко лирической и сатирической тональностей: «Сохраните заику, потому что заика – / последний индивидуалист»; «Не размазывайте по стенке нас, / российские Ньюсуки, / сохраните в себе языка застенчивость, / сохраните в себе заику» или: «Заики – сегодняшние поэты. / Не лечите заик. Им доступно одним / сказать о нашествии блендомеда: / “Блин!”» [1].

В более поздней поэме «Гениальная ошибка» (2004) поэт продолжает развитие темы поэта и поэзии, оставаясь при этом в характерных рамках поэтического стиля своих ранних произведений. Вся поэма строится на «гиперболической» метафоре – коронарографии («Мое сердце – выставка / коронарной графики»). В прямом значении данный термин используется в медицине: рентгеноконтрастный метод исследования коронарных артерий сердца, который позволяет точно определить характер и степень поражения сосуда. Иначе его можно представить как графический рисунок работы коронарной артерии, отвечающей за работу главного органа – сердца.

Более того, данный термин в поэме А. Вознесенского можно рассматривать и как смысловую игру, где угадывается произнесение фамилий двух известных живописцев-импрессионистов (Коро и Коровина). Метафорическое звучание поэтического текста строится на слиянии прямого и игрового значений слова [см.: 9]. Следует отметить, что для поэта метафора не только средство живописания, но и способ автопортретирования. Он использует характерный для его творчества прием ролевого перевоплощения. Но если поэтический мир ранней лирики был населен конкретными известными личностями, в образы которых часто перевоплощался автор, то в данной поэме происходит самоидентификация личности поэта: «Я спустился по правой ноге / в артерию. / Было горячо, / как в

теплоцентрали. / Ело глаза. Я шел по голосу крови. / Красящие вещества пахли йодом. / Красные шариковы / пожирали белых. / «Я голос крови!» – / Кричал Красный. / «Я го...» – возражал пожираемый Белый. / Я шел вверх по течению, подталкиваемый сзади кровью. / «Родная», – подумалось мне...» [3, с. 67].

А. Вознесенский сравнивает поэта с работой сердечной мышцы («Художник рисует сердцем»). Энергия, биение, частота пульса являются главными показателями здоровья сердца, «здоровья» поэтического голоса, который и на этот раз остается неизменным: «Каждый имеет в сердце непонятый шедевр, / но не каждый выставляет его / на глумление публики. / С нашим автором – другое дело: / он наркоман публичности и откровенности» [3, с. 70]. «Гениальная ошибка» – это своего рода поэтический итог творчества самого поэта, проверка на прочность авторской жизненной позиции, избранного пути. Ошибочный диагноз, вынесенный поэту (болезнь сердца), получает идейно-художественное осмысление значимости его творчества сегодня. Оглядываясь назад, он не раскаивается в своих жизненных ошибках, а напротив, не без доли иронии утверждает: «Без ошибки б не было / коронарной графики. / Без кривой улыбочки / санитары Алена. / Жизнь моя – ошибочка / Гениальная» [3, с. 76].

Только поэт, творческая личность, по мнению А. Вознесенского, может противостоять нашествию все разрушающей цивилизации. В своем творчестве автор выстраивает необычный мир, где сам выступает в качестве «игрослова», «игрографа». Поэт играет мирами, соединяет несоединимое, раскрывая новые смысловые горизонты. В этом отношении он является в некотором роде продолжателем традиций Андрея Белого, для которого было характерным обостренное чувство современности как мистерии, стремление к эклектичности, смешению разных лексико-стилистических пластов, экзистенциальных миров.

Отмеченные особенности со всей полнотой проявились и в целом ряде поэм А. Вознесенского рубежа XX – XXI веков. «Гуру Ураган», «Кара Карфагена», «Девочка с пирсингом», «Вампы», «Возвратитесь в цветы» и др. поэмы представляют Апокалипсис века как нормальное состояние. Характерным символом современного мира выступает у А. Вознесенского серовская «Девочка с персиком». Именно она и являет собой «красоту», которая вряд ли может «спасти мир»: «Не гадайте над Девочкой с персиками / с тайной мамонтовско-серовской. / Разгадайте девочку с пирсингом, проколовшую сердце сережкой» [3, с. 232].

Если в конце тысячелетия поэт сосредоточивает внимание на страхе перед «компрометом», то в начале нового столетия поэт с тревогой говорит о том, что Россия теряет свое настоящее лицо, свою историю, свой язык, национальную самобытность, культуру под влиянием стремительно шагающего научно-технического прогресса, а также модных молодежных увлечений; превращается в образ-«вамп», собирательную фигуру вампира, поглощающего плоды технической цивилизации (поэма «Вампы»).

Таким образом, в поэмах А. Вознесенского рубежа XX–XXI веков представлено лирико-драматическое осмысление современной российской действительности. Основной лирический мотив – это мотив всеобщей боли по утраченным ценностям, ощущение личной причастности к происходящим событиям и чувство ответственности

перед судьбой России. Передаче основной поэтической идеи многих поэм А. Вознесенского служат, в первую очередь, многочисленные языковые эксперименты. Сложный метафорический рисунок стиха, обилие неологизмов, визуализация, лексические и синтаксические нарушения, литературная игра – все это позволяет поэту передать многогранность поэтического чувства, актуализировать сложность внутреннего мира лирического героя, тесно слитого с образом самого поэта. С одной стороны, разрабатывая традиции русской классической литературы, а, с другой, – репрезентируя эксперименты авангардного искусства, А. Вознесенский и сегодня остается своеобразным поэтическим символом времени.

Список литературы:

1. Вознесенский А. Берегите заик. Поэма [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://avos111.narod.ru/beregitesaik>.
2. Вознесенский А. Компра. Поэма [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://avos111.narod.ru/beregitesaik>.
3. Вознесенский А. СтиХХI века. – М.: Время, 2006. – 264 с.
4. Вознесенский А. Тень звука. – М.: Молодая гвардия, 1969. – 258 с.
5. Гудкова С.П. Особенности жанровых трансформаций в современной поэзии (на примере балладного цикла М. Степановой «Песни северных южан») // Гуманитарные науки и образование. – 2013. – № 1 (13). – С. 102-106.
6. Гудкова С.П. «Традиционная» и «авангардная» парадигмы в современной поэтическом пространстве: теоретико-и историко-литературные аспекты проблемы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 4. – С. 210-213.
7. Губайловский В. Испытание на прочность (о поэзии А. Вознесенского) // Арион. – 2004. – № 2. – С. 104-110.
8. Катаев В. Немного об авторе // Вознесенский А. Тень звука. – М.: Молодая гвардия, 1969. – С. 3-9.
9. Осовский О.Е. Бахтин вчера, сегодня, завтра: к завершению изданий собрания сочинений М. Бахтина // Гуманитарные науки и образование. – 2013. – № 2 (14). – С. 101-106.
10. Осовский О.Е., Дубровская С.А. Разработка концепции «смехового слова» в трудах М. Бахтина 1930-1960-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 4-1 (34). – С. 163-167.
11. Эпштейн М. Слово как произведение, о жанре однословия // Новый мир. – 2000. – № 9. – С. 204-215.
12. Эпштейн М. Типы новых слов: опыт классификации [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.grammar.ru/KOL/?id=1.32>.
13. Шайтанов И.О. Дело вкуса: Книга о современной поэзии. – М.: Время, 2007. – 656 с.
14. Шаронова Е.А., Гудкова С.П., Дубровская С.А. Война как карнавал смерти (на материале романа З. Прилепина «Патологии») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 20014. – № 6-1 (36). – С. 204-207.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПАРНЫХ ИДИОМ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ СТРУКТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ

Гузикова Валентина Викторовна

Канд. филол. н., доцент кафедры иностранных языков УрЮИ МВД России, г. Екатеринбург

Фразеология представляет особый раздел лингвистики, отражающий богатый массив выразительных средств языка. Понимание устойчивых выражений, а также их правильное употребление в речи считаются одним из показателей совершенства речевого мастерства и высокого уровня языковой культуры. Неудивительно, что исследователи проявляют закономерный интерес к данной области. Фразеология, по единодушному мнению лингвистов, считается наиболее специфичной и национально-самобытной областью языка. Специфика фразеологических единиц (далее ФЕ) часто обусловлена экстралингвистическими факторами, «консервирующимися» в их образности. Фразеологический фонд – это не только языковая, но и культурно-историческая сокровищница каждого народа. Английский язык широко изучается во всем мире и наша страна не является исключением. Хорошее знание языка предполагает неукоснительное применение его устойчивых фразеологических единиц. Привлекательность использования идиоматики в речи объясняется стремлением говорящего к образности речи, желанием продемонстрировать свободное владение языком, одним из признаков которого является уместное и адекватное использование идиом. Специалисты в области изучения фразеологического состава английского языка отмечают тот факт, что англичане обожают игру слов. Л.Ф. Шитова сообщает, что «по примерным подсчетам в английском языке 25 тысяч идиоматических выражений» [2, с. 3].

Настоящая статья посвящена характерным особенностям английских парных идиом и их классификации. Парными могут выступать разные части речи, как смысловые, так и служебные. Принцип парности, с одной стороны, накладывает некие ограничения на выбор материала, с другой (учитывая широкий взгляд на выдвинутый принцип) позволяет проанализировать в качестве примеров значительное количество разнообразных устойчивых и фразеологических единиц.

Устойчивые выражения (Set Expressions) в английском языке имеют свои особенности, которые и делают их неразрывными и неделимыми. Лингвисты выделяют такие качества устойчивых выражений, как благозвучность, поэтичность и коннотативность (ассоциативность). Часто подчеркивается тот факт, что устойчивые выражения ритмичны, имеют аллитерацию, ритм, рифму, образность, контраст, часто основаны на игре слов. Именно из-за благозвучности и коннотативности, ритмичности замена одного или нескольких элементов идиоматического выражения является невозможной – выражение потеряет свой смысл.

Особое значение имеют биномы (Binomials) или «Сиамские близнецы» (Siamese twins) (СБ), которые часто приравниваются к идиоматическим выражениям и используются в этом качестве. Такими терминами называют английские устойчивые выражения, в которых два слова соединены союзом (чаще всего 'and' или 'or'). Фиксированный порядок слов в СБ не может быть изменен: *to wine and dine* (с распростертыми объятьями); *to give and take* (ты мне, я тебе); *now and then* (время от времени); *first and*

foremost (первое и главное); *sooner or later* (рано или поздно); *slowly but surely* (медленно, но уверенно).

Следует сказать, что не все СБ являются идиомами, – многие из них выступают в качестве фиксированных сочетаний, к примеру, *gin and tonic*, *supply and demand*, *bed and breakfast* и др.

Популярность СБ можно объяснить наличием аллитерации (повторение одинаковых или однородных согласных), присутствующей в их содержании, а также рифмы (созвучие в окончании двух или нескольких слов): *bag and baggage*, *toss and turn*, *wax and wane*, *facts and figures* и т.д. Нужно заметить, что рифмовка, присутствующая в той или иной идиоме, облегчает ее запоминание: *fuddy-duddy*, *walkie-talkie*, *willy-nilly*, *huff and puff*, *itsy-bitsy* и др. Английский язык имеет многочисленное количество в своем арсенале дублей, или удвоений, которые используются для усиления высказывания, или эмфазы: *wee-wee*, *hush-hush*, *fifty-fifty*, *okey-dokey*, *groan, groan*, *zig-zag* и т.д. Подобные повторы часто создаются путем использования фонетического аблаута (чередования гласных в составе одной морфемы, когда в первой части содержится гласный *i*, а во второй – *a* или *o*: *jibber-jabber*, *ding-dong*, *prim and proper*, *riff-raff* и т.д. Явление современной глобализации затрагивает многие сферы нашего бытия. В случае языка глобализация позволяет выходить за языковые рамки и применять целые цепочки иностранных слов с одинаковым значением: *free, gratis and for nothing; nada, zilch*.

Итак, словосочетание, являющееся биномом, состоит из слов, имеющих что-то общее между собой. Слова, составляющие бином в английском языке, могут быть синонимами или антонимами. Они бывают связаны по фонетическим признакам – имеют близкое звучание или рифмуются. Их связующим элементом может быть и грамматический аспект, и редупликация (повтор одного и того же слова). Парные выражения можно сгруппировать следующим образом:

I. На основе звуковой модели: e.g.: *prim and proper* – жеманный, чопорный; *rough and ready* – на скорую руку, поспешный, резкий; *feast or famine* – то густо, то пусто; *life and limb* – жизнь и здоровье и др.

II. Использование в составе выражений неточных синонимов: e.g.: *leaps and bounds* – очень быстро; сломя голову; стремительно; не по дням, а по часам; *null and void* – потерявший законную силу, недействительный; *heart and soul* – всеми фибрами души, беззаветно.

III. На основе антонимической модели: e.g.: *rank and file* – рядовые представители (профессии), рядовые члены организации; *cops and robbers* – казаки-разбойники (игра), фильм с убийствами и погонями; *days and nights* – круглосуточно, непрерывно.

IV. Парные выражения, состоящие из служебных слов: e.g.: *back and forth* – туда и обратно, вперед и назад; *out and about* – в хорошей форме, поправившийся после болезни; *to and fro* – вверх и вниз, туда и сюда.

V. Соединение элементов биннома разными союзами (или их отсутствие): e.g.: *tit for tat* – зуб за зуб, око за око, услуга за услугу; *never ever* – никогда, ни в жизнь;

slowly but surely – медленно, но верно; тише едешь, дальше будешь.

VI. Повторяющиеся слова в составе парного выражения: e.g.: *bit by bit* – шаг за шагом, постепенно, потихоньку, медленно; *day in, day out* – изо дня в день, монотонно; *time after time* – повторно, не раз, постоянно.

VII. На основе приема аллитерации: e.g.: *bag and baggage* – со всеми вещами/ пожитками; *chalk and cheese* – небо и земля; лед и пламень; две большие разницы; *bread and butter* – зарабатывать на жизнь/ хлеб насущный.

VIII. Присутствие рифмы в парном выражении: e.g.: *hocus pocus* – чужь, пустяки; абракадабра; *namby-pamby* – кисейная барышня; неженка; маменькин сынок; *five and dime* – магазин «15 центов», магазин низких цен.

Перевод идиоматических выражений представляет собой одну из самых сложных и интересных проблем, разрабатываемых в рамках современной теории перевода. Трудности перевода идиоматических единиц, объясняются сложностью их семантической структуры. Фразеологизмы не только называют предметы реальности, но, и передают информацию о психоэмоциональном состоянии говорящего и о его эмоциональном отношении к предмету речи.

Через фразеологические единицы исследователи могут получить необычные сведения о народе - носителе языка. Мало знать идиому, надо знать, что за ней стоит, надо рассматривать ее в связи с культурой страны, историей народа. Основной особенностью фразеологизмов, по мнению многих современных исследователей, является несоответствие плана содержания плану выражения, что определяет специфику фразеологической единицы, придает глубину и гибкость ее значению. Эти возможности коренятся в самой природе фразеологизма – замкнутом микроконтексте, в котором реализуются не только формальные связи между планом выражения и планом содержания такого знака, но и ассоциативно-семантические, причем не обязательно логически выводимые из самого микроконтекста. Именно эта невыводимость и позволяет идиоме обозначать сложнейшие явления и отношения

действительности в емкой и выразительной форме. Наиболее убедительным доказательством богатых возможностей фразеологических единиц – и особой сложности их для перевода – является то, что их охотно употребляют и творчески преобразуют многие писатели и журналисты [1, с. 127]. Приведем некоторые примеры употребления парных идиом и приравненных к ним устойчивых выражений с закрепленным порядком слов, так называемых СБ:

e. g. *Spick and span* – сиять чистотой; содержать в идеальном порядке: *When Ruth has finished cleaning, the whole house is spick and span.*

Airy-fairy (Br) – заоблачный, нереальный: *Many democratic principles are rejected by governments in developing countries as too airy-fairy.*

Pick and choose – привередничать; быть разборчивым: *I'm afraid you won't be able to pick and choose. There's a trade fair in Frankfurt, so it's a case of taking any hotel that has a vacant room.*

Talk 'n' chalk – речь и мел (пренебрежительная ссылка на традиционный способ школьного обучения без использования современных средств); говорить и писать на доске мелом: *I'm of the older generations of teachers. I'm a talk 'n' chalk man.*

Итак, для парных идиом характерны такие особенности как дублирование, аллитерация и рифмовка, которые находят свое отражение в структурно-семантической классификации, представленной в данной статье.

Литература

1. Казакова, Т. А. Практические основы перевода. Учебное пособие / Т.А. Казакова. - СПб.: Лениздат; «Союз», 2002. - 320 с.
2. Шитова Л.Ф. Two is a Company: Dictionary of Pair Idioms = Два сапога пара: Словарь парных идиом. – СПб.: Антология, 2014. – 160 с.
3. <http://engblog.ru/binomials> [Электронный ресурс]. / (Дата обращения: 23.09. 2014 г.).

THE SIGNIFICANCE OF OLD WORDS IN TERM FORMATION

Karagulova Balgenge Sagidullina

Candidate of philological sciences, associate professor, Department of Kazakh language theory and teaching technology, Aqtobe regional state University named after K.Zhubanov, Aqtobe, Kazakhstan

Keywords: *term, national terminology, historicism, terminologisation ways.*

Terminology is one of the principal branches of linguistics. Though it experienced its complicated historical development stages, the branch under consideration has been still discussed and examined in a new approach.

A. Baitursinov, K. Zhubanov and other scientists expressed their views on terms used in our language and founded its basis. But with the development of the society the language develops as well. Accordingly there are constant changes taken place in terminology. The following scientist A. Kydar, O. Aytbaev and Sh. Kurmanbayuly have formed their opinions on new terms that have been appearing as the result of innovations made nowadays.

It is known that in the 1960-70th accepting new terms for different spheres, the specialists did not pay attention to native language prospects to enrich term formation process, they used foreign equivalents instead.

In the 1920 – 30th the linguistics tried to find Kazakh equivalents to foreign words, but in the 1950 – 70th the scientists looked for words in the Russian language to replace foreign words, thus they ignored previously successfully formed native terms and did not attach any importance to the language experience made by earlier linguistics. Consequently, lots of native terms, formed earlier fell out of usage and regarded as old words.

The 1990th were the period when the introduction of terms to our language had maintained a national basis. Within those years borrowed terms had been replaced with Kazakh words.

In spite of this fact there are still a number of problems to be solved in terminology.

One of them is to introduce into active use of the native terms, considered as old words, that reflect the nation's traditions and life style.

Nowadays it is one of the fundamental principles of term formation.

To quote (A. Aydar): “In forming terms for different purposes, the most important thing is to use Kazakh native words and the rich source of early formed words totally” [1, 9]

The scientist, dealing with term formation Sh. Kurmanayev’s opinion is well grounded with the opinion of the previous author: “In the term formation profitable usage of old words would not do any harm to a national scientific language, on the country it would give excellent opportunity to form scientific terms in a native tongue, and we would get rid of too many borrowed elements” [2, 57].

Today a lot of old, half – forgotten words have been used in new meanings as terms, based on the principle “to use the rich source of early formed words”.

Such words as: *sarbaz*, *zhasak*, *ulan*, *kedem*, *kazy*, *toraga*, etc. have returned into use as terms.

e.g. used as the military term, the word “*ulan*” is the name of a republic military guard formed by our commander – in – chief.

It is one of the old words common for all Turkic languages. Its old variant “*oglan*” can be found in old languages. In epos and poets’ works this word has kept its original meaning “a hero”, “bravery”. So the word “*ulan*” hasn’t lost its original meaning and used as a term.

One more word that can be an example is “*dabyl*”.

The historical and ethno linguistic origin of this word should be referred to earlier times, especially it is clearly seen in materials concerning the Kirghiz language: “*dabyl*” is the same as “*doalbas*” (there are also some other forms as, “*doal*”, “*dobulbas*”, “*doalbars*”, “*doalbash*”; the first part of which is “*doal*”, (an Indian word) is a kind of small drum, a musical instrument that consists of a tight camel skin stretched over a round frame, used while hunting with a falcon; “*kytaiga kyzyl dobulbas gymyp tuice kyngyrap*” (kirghiz) that means: A Chinese red drum that sounds even if a fly touches it [3.180,197]

At present the word “*dabyl*” is used as a military term in the same meaning as its original one. The original meaning was “a musical instrument used to gather people in some special occasions , like going to a war, celebrating something, etc”. And a new meaning is connected with its primary meaning defined as “alarm”, besides the Russian for this word is “*trevoga*”, e.g. in one of the issues (№12) of the newspaper “The Guardian” we can come across to a sentence used in the meaning of “alarm”. “Officials of Internal Affairs department have all the rights to use their weapons as the signal of alarm or asking for reinforcement”.

The word “*sana*” is one of the words used as a psychological term. Examining the documents referring to the Kazakh language history we come to know that it was used in old Kazakh as well.

e.g. The hero of the Kazakh epos Alpamys: “*Kaida baryp togemin yshimdegi sanany* (whom am I to release my anxiety)” or the words of Beket: “... *yshim tolyp barady, kaigy men sanaga* (I’m bursting of worries and thoughts”. The original meanings of this word were “thoughts, worries, anxiety”.

In the Kazakh language explanatory dictionary two definitions are given:

1. the highest form of humane ability to describe the truth of life in an ideal way.
2. to come to a certain decision, to estimate, to consider something. [4.148]

In Russian – Kazakh psychological dictionary the given word is defined as: “Intellect, mind, memory, notion”.

“*Sana*” is the form of mind depicting things and phenomena in a general sense revealing their obvious qualities [5.127]

In psychological works it has the meaning of: “*Sanaa* is the general notion for human spiritual energy, its highest form” [6.39]

Today one of the out-of-date words used as terms is the word “*alka*”. According to the tradition the people living in the territory of Kazakhstan till the Islamic period, came once a year on tombs for worship the dead. It was called *khalka* [6, 13]. This information can be found in G.P.Snesarev’s work «It is women, collective ceremonies at annual mourning visitings of cemeteries to remember the dead. The women who have collected on a cemetery formed *khalka* (halka-circle), in the middle of which there were the skilled women supervising ceremony...» [7, 155]. In the Kazakh language there are such word-combinations with this word as *alka kotan*, *alka kuru*, *alkalau*. These combinations convey the meaning «to gather round the table for exchange of opinions, to consult».

It is known that in modern Kazakh language the word *alka* has the meanings: 1. meeting, group; 2. board. The meaning of the term *alka* coincides with the meaning of the out-of-date word *alka*, i.e. the meaning is updated here.

One of words with the updated meaning is the word “*zeket*”. According to definition in the dictionary, the word “*zeket*” has religious and historical meanings, i.e. the annual taxation of Moslems the tax from the cattle, attributed by Sheriyat in favour of the poor. There are the facts in the dictionary of the Kirghiz language confirming that this word become outdated: “*zeket*” *rel.* the alms ordered by Sheriyat in favour of the poor. 2. *hist.* The tax from cattle (levied at the time of Kokand khanate) [UD, 290]. This word when gone out of use, has found the place among out-of-date words. And just now it has returned again, being used among religious terms.

At the same time, the word “*toru*” with the meaning “investigate”, has revived from an out-of-date word. In the states of the Middle Ages the term «*toru*» was used in the meaning “putting order”, nowadays it means the law, which regulates human relations in the tribe [8, 24]. In modern Kazakh language this meaning coincides with the meaning to “referee”. As it is marked in one of sources «at the time of domination of Karahids norms of refereeing regulating relations between members of a society in one tribe were based on the folk customs. It has definitely affected synthesis of a state system. Later these judicial rules became a basis in building of the Kazakh nation state» [9,16]. The pledged word became a basis of a term of law «*toRELik sotu*».

As the proof of possibility of resumption of an out-of-date word, its transformation into the term can serve the word *bayrak*. Before occurrence of this word in the Kazakh language words “*tu*”, «*zhalau*» were widely used. And only after receiving independence by the state, after giving a special priority to the Kazakh language, the words *bayrak*, *akym*, *tore*, *bazh* have again entered into the language.

In the short etymological dictionary of the Kazakh language the following definition to this word is made: “the turkic word, outdated – *batyrak*” [BED of KL, 54] is made. And earlier the pole with silk was called “*batyrak*”, being a symbol of valour of army in a battle. Later a sound «*t*» having exchanged on «*й*» the word “*batyrak*” was changed to “*bayrak*”. Many sources testify that the given word is actively used in language as the term.

As we have already stated, nowadays national term formation development is being paid much attention to. Accordingly, the usage of every day words in term formation is of great importance, such kind of opinion has been formed. For instance, Kurmanbayuli Sh. states: “There are no great differences between common words used by people in every day life and terms. If the latter is extended by means of neutral words and created observing general rules of the native

language, it will enrich two groups of words without breaking the constant connection between them” [2, 66]. This opinion is based on the principle “to use the rich source of a native tongue”.

There are old words among common words used by people as well, that means those words can form the necessary terms. Making up new terms out of old words can help us to find out more information about our nation’s traditions, culture and lifestyle, because old words reflect every nation’s way of life, history, culture and their spiritual wealth. Quoting V.I. Abayev “the world of words is the historical upbringing of the whole nation, the open way to show people’s thorough history, genetic root form of a nation, the relations with other nations, the world of spiritual culture.”

Taking into consideration the historical background of the nation we can make up new words out of old ones to develop our language furthermore.

Sum up, forming terms with the help of old words of a native language we can purify our language from borrowings. Moreover, it will give us a chance to renew our old words, closely connected with our traditions, customs and history. It will provide us with reliable evidences of our nation’s lifestyle.

Besides we shall establish term forming habits using possibilities of our language.

Reference

1. Kaydarov A. (1993) *A new look at a Kazakh terminology*. Almaty.
2. Kurmanbayuli Sh. (2005) *The Methods of term formation and terms themselves*. Almaty.
3. Yndachin K.K. (1965) *Kirhiz – Russian dictionary*. Moscow.
4. *The Kazakh language Explanatory dictionary* (1974 – 1967). Almaty.
5. *Russian-Kazakh psychological dictionary* (2005). Almaty.
6. Karagulova B.S. (2004) *Kazakh yeskilikterinin tildegi korinisi*. Aqtobe.
7. Snasarev G.P. (1969) *Relictsy domusulmanskikh verovaniy I obratsov u uzbekov Khorezma*. Moscow.
8. Klyashporniy S.G. (1964) *Drevnetjurksky runicheskiye pamyatniki kak istochnik po istoriy srednyei Asii*. Moscow.
9. Dauleyov E.G. (1999) *Kazakh tilindegi memlekettik kirylys terminologiyasinin kalyptasyu*. Autoreferat. Almaty.

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА РЫБОЛОВНОГО ПРОМЫСЛА В ЯЗЫКОВОМ АРЕАЛЕ ШАЛАКУШИ

Елена Николаевна Коростенко

Ст. преподаватель, САФУ, г. Архангельск

Лексика, связанная с рыболовным промыслом, несмотря на изменения в образе жизни современного населения Архангельского Севера, не утратила своей функциональной активности в речевом пространстве Шалакуши Няндомского района Архангельской области.

По результатам полевых исследований речевого пространства Шалакуши была выделена тематическая группа лексики «Рыболовный промысел», состоящая из пяти лексико-семантических подгрупп, включающих 29 диалектных лексем.

В лексико-семантическую подгруппу «Название лодки» вошли две лексемы. В речи носителей языка коренного населения посёлка Шалакуша сохранился диалектизм *долбёнка* в значении «употребляемая при речном рыболовстве лёгкая, не более двух человек поднимающая, выдолбленная из осинового колоды лодка (то же, что и осиновка, карбас)», зафиксированный в Словаре русских народных говоров (далее – СРНГ) в том же значении.

Вот Володя - сосед делал себе долбёнку, нормальна вышла.

Лексема *осиновка* в значении «употребляемая при речном рыболовстве лёгкая, не более двух человек поднимающая, выдолбленная из осинового колоды лодка» используется в речи носителей языка из числа работающего, социально активного населения. Указанный диалектизм не был обнаружен в диалектных словарях.

Вот мы ездим, рыбачим, у нас лодки называются осиновками, из осины выдалбливаются.

Во второй лексико-семантической подгруппе «Рыболовные снасти» представлено четырнадцать лексем.

Лексемы *вёриша*, *мёрда*, *мёрда* сохраняют широкое употребление в современных архангельских говорах.

Слово *марда* в значении «конусообразный рыболовный снаряд из ивовых прутьев» активно включается в речевые высказывания носителей языка из числа рыбаков Шалакуши в связи с частым использованием данного вида рыболовной снасти для ловли речной рыбы. Наименование *мёрды* (*мёрды*) в значении «плетённая из прутьев или алюминиевой проволоки конусообразная ловушка для рыбы» зафиксировано в СРНГ.

Чтобы рыба мимо марды не прошла, ставили забор, и рыба только в марду.

В Словаре областного архангельского наречия (далее – СОАН) указано следующее значение диалектной номинации этого рыболовного снаряда: «прикрепляемый к рыболовному снаряду забор конусообразный, из оплетенных веревочными сетками планок: мешок, служащий ловушкой для семги при следовании ее из моря в устья рек для метания икры»:

Морды пойдём, папа, ставить, рыба идёт.

Лексема *кошэль* в значении «дальняя часть ловушки мёрды или мёрды» присутствует в современной речи коренных северян на территории посёлка Шалакуши. В аналогичном значении наименование фиксируется в словаре В.И. Даля.

Если в кошель попадет рыба, ей и подавно не выйти.

Широко употребляется в речи северян наименование *вёриши* в значении «рыболовное орудие типа ловушки, корзина конической формы со вставленной прутьяной воронкой», зафиксированное в словаре В.И. Даля в значении «плетень из еловых прутьев».

Вёриши — это как марды вязаные, рыбачат во время прилива воды.

В языковом пространстве посёлка Шалакуша выявлена лексема **брѣдень** в значении «*небольшой невод, которым ловят рыбу вдвоём, продвигаясь в воде бродом*». Архангельский областной словарь (далее – АОС) даёт аналогичное толкование этой номинации.

С Андреем бреднем ловим, то он зовет меня: "Пойдем, — говорит, — один-то я как же".

Диалектизм **дѣнка** встречается в текстах устной речи современных рыбаков в значении «*леска с грузом и наживкой, забрасываемая на дно реки и прикрепляемая к колу, воткнутому в землю на берегу (то же, что закидушка)*». СРНГ включает лексему в значении «*нижний скрепленный ряд многорядного плота*».

На налима донки ставят, то же, что и закидушки, закидывают.

В узусе Шалакуши бытует диалектное наименование **дорѣжка** в значении «*рыболовецкий снаряд, состоящий из лески и одной или нескольких блѣсен, которые тянутся в воде за движущейся лодкой*». СРНГ фиксирует наименование дорожка в значении «*углубление на кровельных досках вдоль их для стока воды*».

Дорожкой, да как спиннингом, тоже выпускаешь блесну, когда едешь на лодке.

Диалектизм **закѣлок** включается в речевые высказывания носителей языка, проживающих на исследуемой территории, в значении «*ряд свай или кольев, вбитых в дно реки и оплетенных прутьями для ловли рыбы*». Данное слово не зафиксировано в диалектных словарях.

Заколки-то по малой воде ставили.

Отмечен нами в речи коренных жителей диалектизм **мерѣжа**, обозначающий «*рыболовную снасть, изготовливаемую из ивовых прутьев и ниток, размером больше марды*». СРНГ фиксирует лексему в том же значении.

Эта ловушка, чтобы под водой ловить, как сетка на обручах — мережа, не марда, это другое ужу.

Частотное употребление лексемы **нѣвод** или **намѣт** было зафиксировано в Шалакуше в значении «*рыболовная снасть в виде кошеля, накидной сетки, прикрепленной к длинной жерди*». СРНГ описывает **намѣт** в значении «*шест, палка, указывающие местоположение рыболовной сети*». Диалектизм **невод** включён в СРНГ в значении «*большая рыболовная сеть*».

Невод такой большой с поплавами, внизу груза.

На территории Шалакуши выявлено наименование **острѣга** в значении «*рыболовное орудие с вилами с металлическими зубьями*». СРНГ включает лексему в значении «*прямоугольная металлическая решётка для огня при ловле рыбы лучением*».

Лов считается такой острогой браконьерский.

Лексема **рогѣтка** выявлена в речи носителей языка посёлка Шалакуша в значении «*устанавливаемое на берегу приспособление для ловли щуки в виде рогатки с прикреплённой к нему леской с крючком, на который насажен живец*». Указанное диалектное наименование зафиксировано в СРНГ в значении «*орудие рыбной ловли (для налима) в виде розетки из металлических крючков*».

Рогатки ещё были, сейчас уж ими не умеет никто удить.

Носителями языка из числа коренного населения Шалакуши активно употребляется диалектизм **блесна́** в значении «*приспособление для ловли рыбы, изготовленная из металла; крепится на леску как приманка*». В диалектных словарях указаны синонимы **блѣсенка** в значении «*прикрепляемая к удьяному крючку вместо наживки оловянная рыбка, на которую ловят щук, белорыбицу и окуней*» (СОАН) и **блѣска** в подобном значении (АОС):

На блесну быстро рыбы надѣргаю.

В лексико-семантической подгруппе «Название сетей» представлено четыре лексемы. Наши наблюдения показали, что в повседневной речи коренного населения функционирует лексема **трясучка** в значении «*специальная сеть исключительно для ловли щуки*». В диалектных словарях не зафиксировано данное значение.

На щуку дак с трясушкой пойдешь, она крепкая.

Лексема **ряжѣвка** в значении «*рыболовная снасть, состоящая из трёх сетей, наложенных друг на друга: двух крупноячеистых (ок. 200 мм) и проложенной между ними мелкоячеистой (20-25 мм)*» встречается в речевом пространстве исследуемой территории довольно часто, особенно в речи социально активного населения. Наименование **ряжѣвка** включено в АОС в значении «*ряжѣвая сеть, состоящая из двух или трех полотен, имеющие ячейки разной величины*».

Трѣхстенки, да частушки, да ряжѣвки — всё одно — сети.

Диалектизм **трѣхстенка** в значении «*рыболовная снасть, состоящая из трёх сетей, наложенных друг на друга: двух крупноячеистых (ок. 200 мм) и проложенной между ними мелкоячеистой (20-25 мм) (то же самое, что ряжѣвка)*» активно используется в речи носителей языка из числа коренного населения посёлка Шалакуша.

Трѣхстенкой-то хорошо рыбу лавливали.

В речи современных поморов Шалакуши представлена лексема **частушка** в значении «*мелкоячеистая сеть (ячей 20-25 мм), ячейки которой называли глазами*». Данное значение не зафиксировано в диалектных словарях.

Ни бредни, ни частушки — ничѣ мне не надо уже, отрыбачил своё.

В лексико-семантической подгруппе «Вид рыбалки» представлен диалектизм **мѣйна** в значении «*вид зимней рыбалки, суть которой состоит в ловле рыбы рюжей подо льдом с помощью нескольких прорубей*». Диалектизм встречается в речи большинства местных жителей Шалакуши. СРНГ даёт лексеме следующее определение: **мѣйна** — «*это полынья; глубокое не застывающее зимою место на реке, озере*».

Для зимней рыбалки — майна, сети продергивают когда.

Лексико-семантическая подгруппа «Название рыб» включает семь диалектизмов.

Диалектизм **верховѣдка** функционирует в речевом пространстве Шалакуши в значении «*рыба светло-серебристого окраса размером не более тридцати сантиметров, обитающая на поверхности водоёма, реки или озера*». Указанный диалектизм содержится в АОС в аналогичном значении.

Такая вытянутая рыба, обитающая у поверхности воды, - верховодка.

Лексема **верховодка** синонимичен диалектизм **кѣпа** в значении «*маленькая серая рыбка*».

Я слышал мнение, что кѣпа — мальки, мол, сѣмги.

Бытует в речи носителей языка из числа коренных жителей Шалакуши наименование **вьѣх** или **вьѣон**, выявленное нами в значении «*маленькая рыба с удлинённым туловищем и усиками, обитающая на мели*». Аналогичное значение лексемы зафиксировано в АОС.

А ещё есть вьѣх, под корягами живет, может, слышали?

Наименование **каргѣл** в значении «*небольшая рыбка, живущая на мели*» употребляется в речи коренных жителей Шалакуши. СРНГ включает данную лексему в том же значении.

А каргал-то на ёрша похожий: тут усики и цвет такой же, маленький.

Наименование *кóрюха* или *кóрюшка* зафиксировано нами в значении «*небольшая морская рыба серебристого окраса семейства лососей, достигающая в длину до 20 см*». Указанная лексема входит в словарь В.И. Даля в том же значении, включена в СОАН в значении «*рыба, водящаяся в устьях Северной Двины и других впадающих в Белое море рек, преимущественно у юго-западного берега*» и встречается в речевых высказываниях современных поморов.

За корюшкой любили отец да дед ездить.

Диалектное наименование речной рыбы *ляхута* встречается в речевом пространстве исследуемой территории в значении «*очень маленькая серая рыбка около семи сантиметров в длину*». В АОС наименование зафиксировано в том же значении.

Ляхута да верховодка — мелочь одна.

В посёлке Шалакуша в речи рыбаков функционирует диалектизм *подъязок* в значении «*небольшая рыбка, которая живёт под камнями и корягами на мели (то же, что и каргал)*». Лексема *подъязок* в том же значении включена в СРНГ.

Подъязка внучок поймал.

Лексика традиционной культуры народных промыслов сохраняется в современном языковом пространстве посёлка Шалакуша Няндомского района и продолжает функционировать в речи социально активного населения и в речи пожилых людей. Сохранение диалектной рыболовецкой лексики в языковом пространстве Архангельского Севера можно объяснить актуальностью рыболовного промысла на всей его территории.

Такой вид промысла, как рыбная ловля и связанные с ним занятия: изготовление сетей, строительство лодок, изобретение ловушек – являются неотъемлемой частью традиционной культуры и жизнеобеспечения северян и нашли своё отражение в языке.

Список литературы:

1. АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовоной. М., 1980-2004.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2000.
3. СОАН – Словарь областного архангельского наречия (в его бытовом и этнографическом применении) // под ред. А.И. Подвысоцкого. – СПб., 1885.
4. СРНГ – Словарь русских народных говоров / под. Ред. Ф.П. Филина. Л., 1965-2007.

ТИПОЛОГИЯ СУБЪЕКТОВ ПОВЕСТВОВАНИЯ В АВТОРСКОЙ ПЕСНЕ

Левина Лариса Александровна

доктор фил. наук, профессор РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина, г. Москва

Авторская песня – явление наджанровое и межродовое. В ней богато представлены лиро-эпические и эпические произведения, которые практически в полном объеме отражают сложившееся в русской литературе разнообразие способов организации повествования и типов повествователей, а именно: 1) первое лицо – герой; 2) третье лицо – автор; 3) рассказчик; 4) хроникер; 5) комбинированные и экспериментальные типы. Наиболее репрезентативно в этом отношении творчество А. Галича и В. Высоцкого, но есть интересный материал и у других авторов.

Во множестве песен А. Галича повествование от первого лица ведет герой: «Да, я с Нинулькой гулял с тети Пашиной, // И в "Пекин" ее водил, и в Сокольников» [4, с. 78] («Красный треугольник»), «Но случилась беда – // Я документ потерял!» [4, с. 375] («Рассказ, который я услышал в привокзальном шалмане»), «Я живу теперь в дому – чаша полная, // Даже брюки у меня – и те на молнии» [4, с. 70] («Городской романс»), «Подвозил он меня раз в Гастроном, // Даже слова не сказал, как полез» [4, с. 162] («Песня-баллада про генеральскую дочь»), «Я гулял на свадьбе в воскресенье» [4, 121] («Жуткое столетие»), а также цикл о Коломийцеве, «Право на отдых», «Баллада о прибавочной стоимости», «Больничная цыганочка», «Желание славы», «Новогодняя фантазмагория», и т.д. Есть такие песни и у В. Высоцкого: «В тот вечер я не пил, не пел» [3, с. 25] («Тот, кто раньше с нею был»), «Я вам мозги не пудрю» [3, с. 339] («Тот, который не стрелял»), «А я сидел с засаленною трешкой, // Чтоб завтра гнать похмелье мое» [3, с. 355] («Смотрины»), а еще «Зэка Васильев и Петров зэка», «Рецидивист», «Песня про стукача», «Городской романс», «Попутчик», «Песня о сентиментальном боксере», «Песня о конькобежце на короткие дистанции...», «В далеком созвездии Тау Кита», «Случай в

ресторане», «Невидимка», «Дорожная история», «Мишка Шифман», и т.д. Можно вспомнить песни Ю. Визбора «Он за мною видно шел» [3, с. 319] («Рассказ женщины»), «Английский язык», «Спартак на Памире», «Рассказ ветерана», «Тост за Женьку» и т.д.; М. Анчарова («Баллада о танке Т-34, который стоит в чужом городе на высоком красивом постаменте», «Одуванчики» и т.д.); М. Кочеткова («Я куплю билет...», «Скука в деревне», «От безденежья и от непухи...», «Лагерная» и т.д.); Л. Филатова, («Дневник прапорщика Смирнова»), Б. Окуджавы («А мы швейцару: "Отворите двери!..."») и многое другое. Все это – эпические произведения, и субъектом повествования в них повествование является герой. Не ролевой и, тем более, не лирический, а просто герой.

Не менее распространен и рассказ от третьего лица, с позиции собственно автора, всезнающего, находящегося вне изображаемого мира. («Леночка», «Возвращение на Итаку», «Летят утки» и др. – у А. Галича; «Пародия на плохой детектив», «Песенка ни про что, или Что случилось в Африке», «Песенка про Козла отпущения», «Песенка про мангустов» и др. – у В. Высоцкого, «Баллада о парашютах» – у М. Анчарова, «Песенка о наивных тайнах», «Граф» – у Ю. Визбора; «Старый король», «Всю ночь кричали петухи...», «Он наконец явился в дом...» – у Б. Окуджавы; «Баллада о крысе» – у Ю. Кима и т.д.). Так как это наиболее простой вариант повествователя, не будем останавливаться на нем детально. Уточню лишь, что речь идет о полностью объективированном всеведущем авторе, который ведет повествование из некой точки вненаходимости – дистанция между таким автором и изображаемым им миром неустраима.

Более интересный вариант повествователя – рассказчик. Не будучи героем или персонажем, не уступая ав-

тору в смысле всеведения, он как будто незримо присутствует в изображаемом мире. Подобно новому Асмодею, он словно приподнимает крыши, давая читателю возможность заглянуть в изображаемый мир. Не углубляясь в теорию, ограничусь сопоставлением организованных подобным образом текстов авторской песни с традиционной «книжной» литературой. Ярчайший пример повествования от лица рассказчика – «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова. Рассказчика отличает ярко выраженная устная, как правило, индивидуализированная речь («Да, следует отметить первую странность этого страшного майского вечера» [1, с. 423]), обилие прямых оценок («Трудно сказать, что именно подвело Ивана Николаевича»; «Приходится признать, что ни одна из этих сводок никуда не годится»), непосредственное восприятие времени («Речь эта, как впоследствии узнали, шла об Иисусе Христе» [1, с. 425], «Впоследствии, когда, откровенно говоря, было уже поздно...» [1, с. 426]) и места («Тут у самого выхода на Бронную» [1, с. 462]), как бы увиденных собственными глазами; и столь же непосредственное – не в отступлениях, а прямо по ходу повествования – обращение к читателю или слушателю (оговорки типа «физиономия, прошу заметить, глумливая» [1, с. 424], практически полностью – описание Грибоедова и т.д.). Как говорится, далее – везде.

Такой повествователь характерен для сказок Высоцкого. Позиция рассказчика-очевидца может быть обозначена пространственно: «А в отчаявшемся том государстве – // **Как войдешь, так прямо наискосок**» [3, с. 104] («Про дикого вепря»). Тон повествования задан – так описать место можно только изнутри. Похожую роль играет и описание «здания ужасного» в «Сказке о несчастных сказочных персонажах»: «Все сверкает, как зарница – // Красота – но только вот...» [3, с. 150]. Аналогичную функцию иногда выполняет время – так в песне «Лукоморья больше нет» сказочное прошлое отчетливо противопоставлено увиденному глазами очевидца пошлому настоящему. В этом смысле характерны указания на непрерывно текущее время: «давно», «в запрошлый год», многочисленные «как-то раз» и «как-то», в том числе и в сочетании со «снова» [3, с. 147-150]. «Недавно прошедшее» время контрастирует с «давно прошедшим» – с тем, «про что писал поэт», и чего «больше нет». Заданная установкой на устную речь интонация рассказчика дает о себе знать в колоритных просторечиях, в неподдающихся точному подсчету эллиптических конструкциях и специфических оборотах: «Воет воем, что твои упокойники» [3, с. 118], «Только всех их и видали – // словно сгнули», «Где такие злые бесы – // чуть друг друга не едят», «Страшно, аж жуть!» [3, с. 119], «Хвать стрелка – и во дворец волокут» [3, с. 104], «Но по-своему несчастное и кроткое, // Может, было то животное – как знать!» [3, с. 150], «Дуб годится на паркет – // так ведь нет» [3, с. 147], «И Русалка – вот дела! – // Честь недолго берегла» [3, с. 148] и т.д. Особое место занимают эмоционально-оценочные всплески, а проще говоря – ругательства: «Танцевали на гробах, богохульники» [3, с. 119], «Но ученый, сукин сын, // Цепь златую снес в торгсин» [3, с. 148], «Ловко пользуется, тать, // Тем, что может он летать» [3, с. 149] и т.д. Это чрезвычайно характерная деталь, в которой сразу же выпукло проступает личность говорящего. Для сравнения – в «Мастере и Маргарите»: «И повесил трубку, подлец» [1, с. 516].

У Галича обычно именно такие нюансы оказываются определяющими: «А шарманщик ел, зараза, хаши», «А часов этак в десять, а может и ранее»; [4, с. 270] «Он и прозвал ее, трепач, // Принцессой с Нижней Масловки»;

«Бабе вокруг – сплошной собес!», [4, с. 175] и т.д. Повествование от лица рассказчика встречаем у Ю. Кима («Там, где-то в смутной глубине, маячит жуткой тенью // Курносый царь. И с ним еще, кажись, фельдгегеря. // Вот отмахали первый акт. Все тихо, как в могиле. // Но тянет, тянет холодком оттуда (тьфу-тьфу-тьфу!)» [6, с. 209-210]), у Л. Филатова («Клавка в струночку, лицо – белей бумаги», «Намекал, что, мол, знаком с самим Феллини, // А по роже и не скажешь, что знаком!» [10, с. 38-39]), у В. Ланцберга («А вы возьмите телескоп, // Только очень хороший телескоп, // Посмотрите сами...» [8, с. 182]). Примеры можно было бы и продолжить.

Особого внимания заслуживает нечастое даже в «книжной» литературе и традиционно ассоциирующееся с романами Ф.М. Достоевского повествование от лица хроникера, то есть персонажа второстепенного или даже эпизодического, в силу этого мало осведомленного, а потому что-то рассказывающего с чужих слов, что-то – по слухам, что-то путающего. Приведем характерные приметы речи хроникера из романа «Братья Карамазовы»: «положительно известно», «по преданию», «кто знает впрочем, может быть» [5, с. 9], «подробностей не знаю, но слышал» [5, с. 12], «повествуют» [5, с. 14], «как передавали по крайней мере», «в точности не знаю, но как-то так случилось» [5, с. 15], «по его собственным словам» [5, с. 21], «утверждали и у нас иные из господ» [5, с. 91], «вот тут-то вдруг и разнеслась по всему городу странная молва» [5, с. 92], «как передавалось потом по слухам» [5, с. 294], «все знали, что были только слухи», «в одном только все были убеждены» [5, с. 311]. Впрочем, «Братьев Карамазовых» в этом контексте можно процитировать практически полностью.

В ограниченном объеме песни детали, позволяющие различить рассказчика и хроникера, единичны, но выразительны. Так в «Фарсе-гиньоль» Галича жизненную ситуацию героя обсуждают люди, явно посторонние, – скорее всего, соседи: «...Все засранцы, все нахлебники – // Жрут и пьют, и воду месят, // На одни, считай, учебники // Чуть не рупь уходит в месяц! // Люська-дура заневестила, // Никакого с нею слада! // А у папеньки-то шестеро, // Обо всех подумать надо...» [4, с. 84]. А в конце мелькает первое лицо, отчетливо ассоциирующее себя с кругом действующих лиц: «Нам бы медленную помощь!» [4, с. 85]. Аналогичные детали пронизывают и песню «Веселый разговор» – от первых строк («А ей мама, ну, во всем потакала», [4, с. 86]) до финала: «Говорят в парадных добрые люди...» [4, с. 88]. Это сказано кем-то бывающим в тех же парадных и знающим ситуацию по слухам. Голос хроникера слышен и в песне «История одной любви, или Как все это было на самом деле». У нее есть подзаголовок: «рассказ закройщика» – то есть работника того же ателье, где служили героиня и ее незадачливые воздыхатели «два закройщика с брючником», куда в качестве клиента приходил ее возлюбленный – «сержант из милиции». На хроникера – сотрудника ателье прямо указывает профессиональная характеристика сержанта: «Был и впрямь он заметным мужчиной – // Рост четвертый, размер пятьдесят» [4, с. 346], – а также строки: «Он нам после доложил на летучке, // Что у ней, мол, со здоровьем лучше» [4, с. 348]. (выделено мною – Л.Л.)

Хроникера можно найти и у Б. Окуджавы («За что ж вы Ваньку-то Морозова? // Ведь он ни в чем не виноват») [9, с. 17], и у В. Высоцкого, применившего редкий тип повествователя в песне «Бал-маскарад»: «Сегодня в нашей комплексной бригаде // Прошел слухок о бале-маскараде», «Наутро дали премию в бригаде, // Сказав мне, что на бале-маскараде // Я будто бы не только // Сыграл

им алкоголика, // А был у бегемотов я в ограде». [3, 64-65] Рассказ ведет персонаж, которого автор своей властью делает героем, а он в этом положении не удерживается – все время соскальзывает куда-то на периферию, оказывается не в том месте, совершает не те действия, повинуется чужой воле и вообще плохо отдает себе отчет в происходящем. В традиционном романе такой вариант хроникера встречается, например, в «Подростке» Достоевского. Героем «Бала-маскарада» все время кто-то манипулирует, ему последовательно навязывается роль алкоголика, а ключевое событие – бал-маскарад – полностью выпадает из поля его зрения и рассказывает он о нем понаслышке. И еще одна интересная деталь: повествование ведется практически в режиме реального времени – от «*сегодня*» до «*наутро*».

Тип повествователя у Высоцкого, как правило, имеет жанровую маркировку: рассказчик также органичен для сказки, как дистанцированный автор – для басни и притчи. Обычно Высоцкий выдерживает тип повествования в пределах одного произведения, но уж если отступает от него, то получается настоящий художественный эксперимент – как в «Бале-маскараде». Или в песне «Рядовой Борисов», где два первых куплета представляют собой драматическую сценку – следователь и герой ведут диалог между собой. А в третьем куплете, содержательно идентичном двум первым, происходит постепенное смещение к рассказу от лица героя: «Рядовой Борисов, – *снова следователь мучил*, – // Попадете вы под трибунал! // «Я был на посту – был дождь, туман, и были тучи, – // *Снова я устало повторял*» [3, 207]. Дальше герой, оправдываясь и ища сочувствия, обращается напрямую к слушателю и рассказывает, что произошло на самом деле: «Правда ведь, – был дождь, туман, по небу плыли тучи... // По уставу – правильно стрелял!» [3, 208]. Линия рампы рушится окончательно.

В отличие от Высоцкого, Галич был склонен к комбинациям способов повествования, а также – при любом типе повествователя – к лирическим отступлениям и «передаче слова» персонажам, в том числе с помощью своего излюбленного приема – несобственно-прямой речи. В песне «Фарс-гиньоль» слово переходит от хроникера к герою и обратно. В «Признании в любви» слово перекидывается как мячик. Повествование начинает рассказчик: «Она стоит – печальница // Всех сущих на земле» [4, 383], – подхватывает героиня: «А дочь в больнице с язвою, // А сдуру запил зять...» [4, 384], – и завершает хроникер: «И тут один – с авоською // И в шляпе, паразит!»; «И – на одном дыхании // Сто тысяч слов подряд! // ("Чем в шляпе – тем нахальнее!" – // Недаром говорят!)» [4, 384-385]. Это явно взгляд изнутри автобуса, в котором разворачивается действие. Слова хроникера-очевидца резко противопоставлены речи рассказчика, дополненной к тому же лирическими отступлениями в начале и в финале.

В песне «Аве Мария» сочетаются авторское повествование и повествование рассказчика, а в песне «По образу и подобию» чередуются голоса автора и героя. В «Балладе о том, как едва не сошел с ума директор антикварного магазина...» основной текст – рассказ героя о своих подлинных или вымышленных злоключениях – обрамляется сконцентрированным в названии и в прозаической коде авторским текстом, чрезвычайно лаконичным, но, тем не менее, радикально меняющим повествовательную структуру. Песня «Вальс-баллада про тещу из Иванова» начинается с рассказа очевидца: «Ох, ему и врезали по первое... // По дерьму, спеленутого, волоком!» [4, 156].

А затем повествователь постепенно дистанцируется, полностью превращаясь к середине третьего куплета в отстраненного автора. Нарастающая интимность происходящего как будто обязывает повествователя деликатно отдалиться.

Многие авторы экспериментировали с типами повествователей. В песне Л. Филатова «Полицай» голоса постоянно меняются. Автор: «Горько плачет полицай – // Кулачище – в пол-лица», – полицай: «Не таи обиды, Верка, // На папаню-подлеца». – автор: «Смотрят из-под кулака // Два гвоздочка, два зрачка...» – автор или полицай: «Ох, и жутко в одиночку // Слушать вечером сверчка!..» – *любой из возможных*: «Верещит в углу сверчок, // Верещит – и вдруг молчок!..» – Верка: «Ты себя, папаня, продал // За немецкий пятачок...» И так далее, причем голос Верки усиливается вплоть до финального «Помирай скорей, папаня, // Поскорее помирай...» [11, 33]. Активно экспериментирует с типами повествователей М. Кочетков – в песнях «Баллада о печальном скрипаче», «О мебели, долларах и хороших людях» и особенно в дилогии «Вдова стрелочника». В последней повествование поначалу как будто от автора: «То ли вдова, то ли невеста, то ли жена // Все не находит себе места, ждет у окна». Но вдруг врывается: «А за окном – картинкой осень или зима, // И вот ее уже уносит в другой роман, // Где *отыскался я, пропащий* в чужой глуши» [7, 37]. Этот новый голос даже трудно классифицировать. Похоже на рассказчика, но, учитывая, что героиня изначально заявлена как *вдова*, происходящее он видит, судя по всему, с того света. Во второй части голос рассказчика в первых строках («Скрипнув стрелкой, подвыпивший стрелочник // Плюнет ржавой слюной на пути» [7, 38]) и в финале («И зарезет его электричкой, // А быть может, и сам он помрет» [7, 39]) обрамляет речь героя, стилистически резко выделенную: «Не дает, а должна ведь, паскудина; // Не царевна – училка, поди» [7, 38]. и эта вроде бы нередкая комбинация звучит специфически, так как мы уже знаем, что голос рассказчика доносится из иной реальности.

Разнообразные типы повествователей, которые обнаруживаются у многих бардов, подтверждают, что в авторской песне богато представлены эпические произведения, характеризующиеся развитым повествовательным началом.

Список литературы:

1. Булгаков М.А. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. Л: Худож. Лит., 1978. – 816 с.
2. Визбор Ю.И. Сочинения. В 3 тт. Т. 1. М.: Локид-Пресс, 2001. – 559 с.
3. Высоцкий В.С. Сочинения в 2 тт. Т. 1. Екатеринбург: У-Фактория, 1999. – 544 с.
4. Галич А.А. Облака плывут, облака. М.: Локид-Эксмо-Пресс, 1999. – 496 с.
5. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. – 511 с.
6. Ким Ю.Ч. Сочинения. М.: Локид, 2000. – 575 с.
7. Кочетков М. Два алкоголика на даче. СПб.: Вита, Нова, 2002. – 160 с.
8. Ланцберг В.И. Условный знак. М.: Аргус, 1996. – 288 с.
9. Окуджава Б.Ш. Чаепитие на Арбате. М.: ПАН, 1996. – 576 с.
10. Филатов Л.А. Бродячий театр. М.: Эксмо-пресс, 2001. – 224 с.
11. Филатов Л.А. Пародии. М.: Эксмо-пресс, 2002. – 192 с.

НОВОСТЬ КАК ОСНОВА ИНФОРМАЦИИ В ТЕЛЕЖУРНАЛИСТИКЕ

*Махорская Екатерина Александровна,
студентка 3 курса факультета филологии и коммуникации
Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, г. Ярославль*

В настоящее время невозможно представить современный информационный социум без средств массовой информации: газет и журналов, телевидения и интернета. Благодаря им, мы узнаем о происходящих в мире событиях, анализируем основные социокультурные новости; задумываемся и осмысливаем действия и явления, которые могли бы изменить.

Актуальность нашего исследования состоит в том, что в современный период развития российского общества успешное решение политических, экономических и социальных задач все больше зависит от действия такого субъективного фактора как социальная активность личности. Важную роль в формировании активности играют средства массовой информации, которые обеспечивают возможность личности получать актуальную новостную информацию, активно позиционируют современные механизмы ее функционирования и развития, эффективно влияют на целевую аудиторию, в том числе и на молодежную.

Особое место в удовлетворении спроса на актуальную информацию и формировании социальных предпочтений современной личности занимают *новостные публикации в СМИ и новостные программы на телевидении*.

Для начала определим, что такое «новость» и какими свойствами она обладает.

Заметим, какого-то одного общепринятого определения этого понятия не существует. Мы считаем наиболее верным и отражающим специфику слова-понятия «новость» в профессиональном контексте следующее определение:

Новость - это творчески преобразованные факты с расчетом на их восприятие аудиторией, чтобы неожиданное, сенсационное сочеталось со значимым, помогающим в социальной ориентации [1, с. 39]. Наряду с этим понятием, существует и онтологическое понятие новости, где она определяется как нечто, что интересно большей части сообщества и что было неизвестно ей прежде. Новостью может стать только интересное, необычное и значимое событие, происшедшее за последние двадцать четыре часа. То есть, прежде всего, важны осязаемая своевременность происшествий или высказанных мнений, их явная близость аудитории, драматизм, выход на общечеловеческую тематику и экстраординарность [там же].

Как известно, любая новость прежде всего отвечает на вопросы: когда? где? кто? что? как? каким образом? В своем развитии новость проходит 3 этапа, что стать информационным поводом для анализа и обсуждения с целевыми группами:

- Реальное событие;
- Информация, которая попала в СМИ;
- Информация, которая была воспринята и оценена аудиторией как новость

Новости востребованы «целевой аудитории СМИ» - языковыми и социальными личностями, поскольку без знания последних событий современный человек не может активно участвовать реальных в социокультурных мероприятиях, быть инициативным и грамотным: развиваться, совершенствоваться, менять взгляды и мировоззрение.

В специальной литературе по новостной журналистике определены важнейшие *критерии, определяющие успешность новостных сюжетов*:

- актуальность (новости всегда несут последнюю информацию о ситуациях, которые произошли совсем недавно, нередко за пару минут до сообщения);
- необычность (люди любят нестандартные, особые новости, зачастую мистические);
- ценность (для конкретного представителя целевой аудитории, узнающего новость);
- известность лица или объекта, о котором звучит новость;
- расстояние до места события (важнейшими для нас будут новости районного, городского, областного и республиканского значения)

Таким образом, характеризуя «новость», мы, в первую очередь, оцениваем значимость ее по отношению к адресату - представителю целевой аудитории. [8, с. 77-81]

А теперь обратимся непосредственно к *особенностям формирования и подачи телевизионных новостей*.

В зависимости от новостного повода в отечественной журналистике выделяются *5 видов новостей*: событие, происшествие, мероприятие, итоги деятельности, планирование. Западные же исследователи выделяют *семь категорий*: новость, несущая определенное значение-смысл; новость - «драма»; новость - «сюрприз»; новость о личности; скандальная новость; новость о масштабном событии. Все вышеизложенное позволяет говорить, что новостной повод находит отражение в *специальном типе новостной программы*. [2, с. 65].

Теперь обратимся к *языковому оформлению новостной программы*. Как известно, язык и стиль телевизионных выпусков новостей должен следовать требованиям публицистики, но в то же время телевизионная речь имеет тенденцию «разговорности». В отношении грамматики, она характеризуется наличием коротких простых предложений, стандартных, даже клишированных фраз; вводные конструкции, как правило, отсутствуют. Динамика событийной информации требует не именного, а *глагольного повествования*, при этом рекомендуется использовать глаголы активного залога («Когда мы связались с регионами, у нас появилась уверенность, что проблема будет решена...») В синтаксисе новостного сюжета очень часто нарушается прямой порядок слов в предложении с целью концентрации внимания зрителя на самой важной информации: главное сообщается в начале высказывания, а менее информативная часть добавляется в конце («В течение семи дней будут соревноваться по необычной программе жители...»)[3, с. 131]

Звукоряд телевизионной речи должен отвечать требованиям эстетической акустики: при написании информационного послания следует помнить о возможности разного рода созвучий в устном тексте, которые могут отвлекать внимание слушающего от смысла высказывания некоторой речевой неэстетичностью. Вот почему такие фразы, как, например, «вначале информация о ходе игр доброй воли, а затем о футболе» или «улучшение снабже-

ния населения продовольствием» использовать не рекомендуется. [6, с.123] из-за появления неоправданного рифмо-стилевого эффекта и неблагозвучия.

Особое внимание нужно уделить *лексике* новостного сюжета. В отношении лексического оформления рекомендуется: избегать сложных речевых конструкций, профессионализмов, диалектизмов и иных слов, известных лишь узкому кругу лиц, и, по возможности, заменять длинные слова более простыми для чтения синонимами; допустимы сленговые и жаргонные выражения. Расширение пределов речемыслительной свободы ведет к смене *речевой тональности* телевизионных новостей. В контекст информационных материалов могут «вплестаться» элементы повествования в *форме анекдота, притчи, песни, детской считалки (в новостном сюжете о сокращении численности армии и высшего военного руководства - звучит начало песни: «Как хорошо быть генералом!»; а сообщение о прошедших переговорах первых лиц государств – начинается со слов: «Клятву скрепляют кровью, дружбу скрепляют нефтью»)*. Допустимо в определенных пределах использование *жаргонных слов и оборотов* в новостных текстовых материалах (*претенденты на посты в правительстве «легли на дно»; президент обещал «не сдавать» своего премьера*). [5, с.155]

Существует несколько универсальных требований к организации новостного сюжета и *представлению новости в эфире новостного вещания*.

Как правило, большой интерес у зрителя вызывает сам *корреспондент*,

его имиджевый портрет и умение организовать начало диалога. Вот почему журналист обязательно должен появиться в кадре, и, поскольку восприятие потребителем информации во многом зависит от самого корреспондента, зрители должны соотнести голос и внешний вид говорящего с тональностью новостного сообщения.

Новостной выпуск развлекательного характера может иметь *музыкальное сопровождение*, поскольку грамотно подобранный мелодический контекст усиливает интерес к сюжету и выступает активным фоновым знаком при передаче новостной информации. Таковую же роль – медийных знаков, привлекающих внимание телеаудитории, играют и *киноцитаты из известных фильмов или рекламных роликов* как актуальные *прецеденты* при передаче новостного факта.

Один из самых очевидных, распространенных и не стареющих приемов усиления новости - *привязка новости к «круглой» дате*. Однако не столь очевидно другое: информационный выход будет большим, если к некоторой дате журналист относится не только как к памятной дню в календаре, а как к жизненному событию, продолжительному и многоступенчатому, и, конечно, привлекательному и для сегодняшней аудитории; лишь формально обозначенному этим днем.

Информационный *повод* можно соотнести не только с праздничной датой, но и каким-либо *общественно значимым событием*. Более того, и само это событие, и связанный с ним праздник можно просто-напросто предложить – презентовать как «актуальное сегодня». Любопытен прием, когда журналисты, не будучи уверенными в успешном восприятии одного события, придумывают еще и второе, желательно иного профиля, т. е. *предлагают событие на выбор или событие в контексте*. Так, в одном событии находят различные новостные поводы, расширяющие круг актуальной информации для большинства телезрителей. Так, например, в сообщении о проведении чемпионата мира по футболу в России в 2018 году для одного зрителя наиболее важными будут спортивные

составляющие (какие команды примут участие), для другого – политические (изменится ли после этого мероприятия расстановка сил на международной арене), а для третьего – экономические (не пострадает ли бюджет государства).

Сделать или «умножить» новость способна и *демонстрация разных взглядов, подходов к одной и той же проблеме*. [4, с.176] Неплохой эффект дает *усиление новости за счет присутствия влиятельных людей*, которые, как *лидеры мнений*, формируют смысловые концепты предлагаемой новостной информации.

Следующий прием повышения значимости новости — *сочетание ее с общественно важной проблемой*. Добавим, что проблему желательно, с одной стороны, максимально конкретизировать, а с другой - проверить ее на предмет «затертости». Стоит отметить, что формула «присутствие влиятельных людей плюс значимая проблема» способна сделать новость очень популярной и востребованной.

Выбор названия для новостного сюжета всегда рассматривается как активный прием для усиления новостного повода. Например, один из новостных сюжетов программы «Время» на «Первом канале», вышедший под названием «Чемпионат по боям пауков прошел в Японии», моментально привлек к экранам десятки тысяч зрителей. [7, с105-110]

Подведем итоги. Для создания и усиления коммуникативной силы новости как информационного продукта в настоящее время в журналистике используются **различные профессиональные коммуникативные приемы организации новостного текста**. Среди данных приемов можно назвать и приемы отбора информации для новостного сюжета, и приемы организации диалога с телеаудиторией и непосредственно оформление телетекста. Суммируя все вышесказанное, можно определить *параметры «качественной новости»*. Качественной можно считать телевизионную новость, которая обладает новизной и актуальностью, посвящена проблеме, интересной для зрителя, имеет региональный контекст, подана динамично, имеет жесткий композиционный центр, отражает позицию лидеров мнений (если возможно); визуальный ряд новостного сюжета соотнесен с новостным поводом и максимально отвечает требованиям ситуационного контекста.

Список литературы:

1. Васильева Л.А. Делаем новости! / Л.А. Васильева. М., Аспект Пресс. 2002. – 190с.
2. Горюнова Н.Л. Художественно-выразительные средства экрана. – М.: институт повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, 2000.- 47с.
3. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
4. Ким М.Н. Технология создания журналистского произведения. – СПб, 2001. – 236с.
5. Князев, А.А. Основы тележурналистики и телерепортажа / А.А. Князев. - Бишкек: Изд-во КРСУ, 2001 – 160с.
6. Леонтьев А.А. Радио- и телевизионная речь как вид общения // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. М., 1974. – 321 с.
7. Молчанова Е.Н. Телевидение в культуре современного информационного общества. – Ставрополь, 2005. -155с.
8. Шостак М.И. Журналист и его произведение: Практическое пособие. - М.: ТОО «Гендальф», 1998. – 96 с.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРМИЧЕСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ ТЕПЛОПЕРЕДАЧЕ СЛОЯ ЖИДКОГО КЕРАМИЧЕСКОГО ТЕПЛОИЗОЛЯЦИОННОГО ПОКРЫТИЯ "БРОНЯ"

Малышев Алексей Владимирович

Канд. техн. наук, н. с., ИФТПС СО РАН, г. Якутск

Степанов Анатолий Викторович

Док. техн. наук, г. н. с., ИФТПС СО РАН, г. Якутск

Введение

Уникальные теплофизические свойства керамических микросфер заполненных разряженным воздухом позволяют их применить для создания высокоэффективных теплоизоляторов. Мельчайшие керамические микросферы, скрепляются между собой акриловым связующим. Причем, связующего вещества в составе теплоизолятора всего 20%, остальные 80% это вакуумные микросферы [1]. Из курса физики известно, что лучший теплоизолятор это воздух, теплопроводность воздуха составляет 0,023 Вт/(м·°С). Если воздух разрежен так, что его состояние оказывается близким к вакууму, то его теплопроводность снижается в значительной степени. Именно такое состояние воздуха достигнуто внутри керамических микросфер. Керамические микросферы используются для создания теплоизоляционных красок, теплопроводность которых, как заявляют производители, составляет 0,001-0,0017 Вт/(м·°С). Имея такой низкий коэффициент теплопроводности, следует ожидать от теплоизолятора значительного снижения теплопотерь с поверхности горячих трубопроводов систем отопления, паропроводов по сравнению с традиционными теплоизоляционными материалами.

Цель работы: Определение термического сопротивления теплопередаче слоя жидкого керамического теплоизоляционного покрытия «Броня» производства НПО «Броня» г. Волгоград.

Подготовка образца: Для определения термического сопротивления теплопередаче слоя теплоизоляции на основе ЖКТ была подготовлена сэндвич-панели размером 0,25×0,25×0,1 м. На одну из сторон, которой была нанесена теплоизоляция толщиной равной 1 мм.

Метод определения термического сопротивления слоя теплоизоляции «Броня»

Для определения термического сопротивления толщины теплоизолятора «Броня» применялся ГОСТ 26254-84 [2]. Метод определения сопротивления теплопередаче ограждающих конструкций. Суть метода заключается в создании постоянного градиента температуры, в пределах толщины слоя ограждающего фрагмента конструкционной панели при заданной температуре на ее поверхностях и замера тепловых потоков на холодной и теплой сторонах панели. Моделирование условий низкой температуры окружающей среды на одной стороне ограждающего фрагмента конструкционной панели осуществлялось в климатической камере BINDER MK-53. Камера работает

по принципу сухого термостата. Точность поддержания температуры внутри камеры ±1°C. Рабочий диапазон температур от -40 до +180°C. Противоположная сторона панели находилась при комнатной температуре. Для регистрации температуры и теплового потока применялся прецизионный преобразователь сигналов термопреобразователей сопротивления и термоэлектрических преобразователей «Теркон» производства «Термэкс». Преобразователь имеет последовательный порт RS-232 для связи с компьютером с установленным программным обеспечением, что позволяет вести регистрацию данных измерений температуры и величин теплового потока, как в виде таблиц численных значений, так и виде графиков.

Для замеров температуры и теплового потока на двух противоположных сторонах ограждающего фрагмента панели, применялся комбинированный датчик – преобразователь теплового потока и температуры ПТП-1Б, разработанный институтом технической теплофизики НАН Украины (Киев). Датчик является нестандартизованным рабочим средством измерения плотности теплового потока и температуры. Постоянные коэффициентов преобразования K_q для термомеров с заводскими № 16560 и 16559 равны соответственно 5,34 и 5,38 Вт/(м²·мВ). Диапазон измерения плотности теплового потока от 10 до 1000 Вт/м². Допускаемая основная относительная погрешность измерения плотности теплового потока ±4%.

Помимо термомеров датчик одновременно оснащен и термопреобразователем сопротивления на базе чувствительного элемента выполненного из платины типа Pt100 класса допуска А с номинальной статической характеристикой $W_{100}=1,385$. Номинальное сопротивление термопреобразователя при 0°C составляет 100 Ом. Диапазон измерения температуры от -30 до +90°C. Предел допускаемой основной абсолютной погрешности измерения температуры ±0,5К.

Установка по определению сопротивления теплопередаче фрагмента сэндвич-панели

Для испытания на термическое сопротивление теплопередаче нам была предоставлена сэндвич-панель размером 0,25×0,25 м с нанесенной на одну из сторон теплоизоляционной краской «Броня». На рисунке 1 приведено изображение фрагмента сэндвич-панели с нанесенной теплоизоляцией.

Рисунок 1. Фрагмент сэндвич-панели с нанесенной теплоизоляционной краской «Броня»

Сэндвич-панель состоит из двух окрашенных оцинкованных стальных пластин толщиной – 0,0005 м и промежуточного слоя выполненного из минеральной ваты толщиной – 0,095 м. Толщина теплоизоляционной краски составляла – 0,0007 м.

Вместо штатной двери климатической камеры BINDER MK-53, устанавливалось теплоизоляционное

ограждение, выполненное из экструдированного пенополистирола размером 0,55×0,55 м и толщиной 100 мм, в его центре сделан сквозной проем размером 0,25×0,25 м, в который устанавливался фрагмент сэндвич-панели. Окрашенная сторона панели была обращена внутрь камеры и поддерживалась при отрицательной температуре.

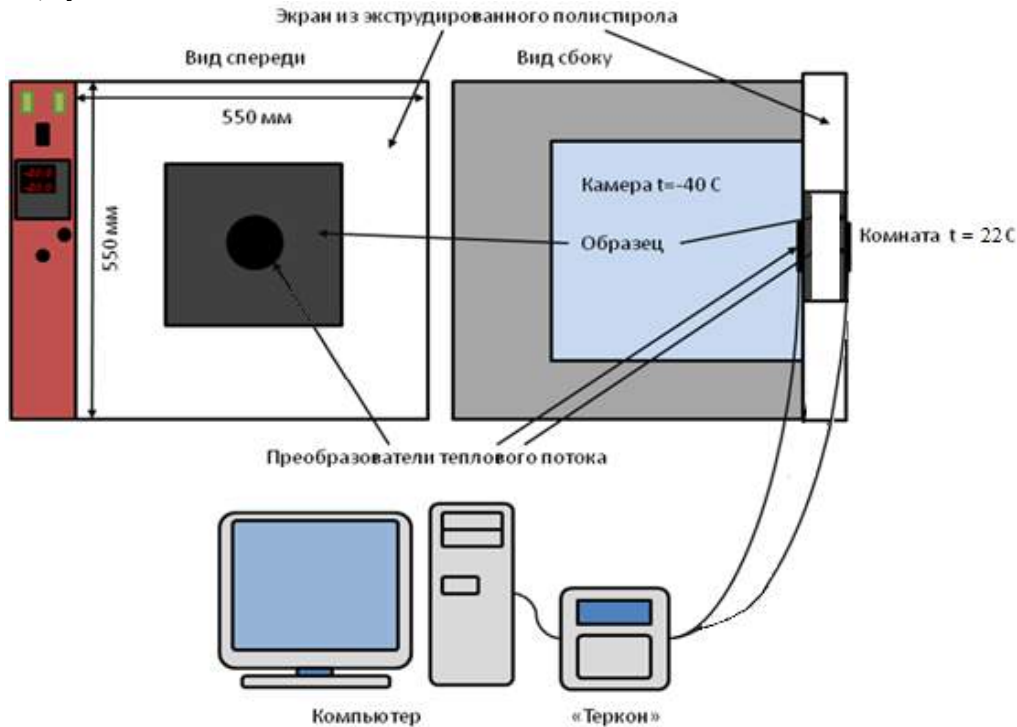

Рисунок 2. Схема экспериментальной установки

Датчики ПТП-1Б устанавливались с двух сторон в центре панели. Во время опытов температуру внутри камеры устанавливали на задатчике контроллера равной - 40°C. Время выхода на стационарный режим легко отслеживается по данным изменения температур и тепловых потоков на холодной и теплой сторонах панели. Сигналы,

поступающие с первичных преобразователей физических величин - температуры и теплового потока идут на вход преобразователя сигналов «Теркон». Далее с преобразователя сигналов информация поступает через последовательный порт на компьютер. Графическое окно приложения представлено на рисунке 3.

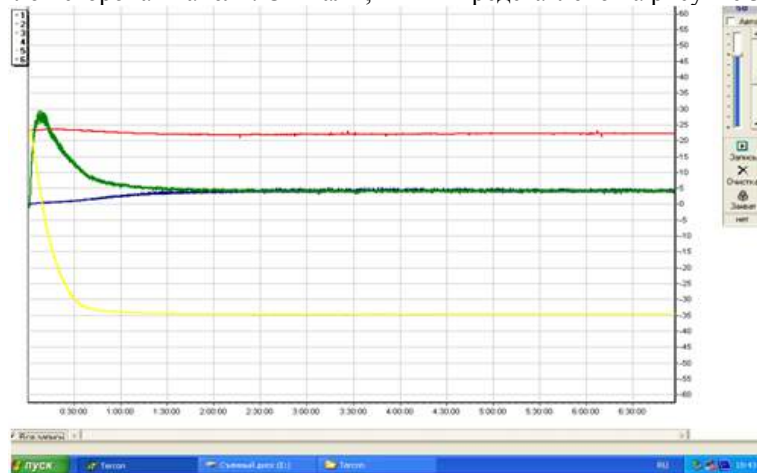

Рисунок 3. Изменение температуры и теплового потока со временем

Сопротивление теплопередаче R , ($m^2 \cdot ^\circ C$)/Вт, согласно ГОСТ 26254-84 многослойной ограждающей конструкции, а также однородной (однослойной) ограждающей конструкции определяется по формуле

$$R = \frac{t_1 - t_2}{\bar{q}} \quad (1)$$

где: \bar{q} усредненный тепловой поток [Вт/м²]; t_1 и t_2 температуры на теплой и холодной сторонах панели [°C].

Результаты определения термического сопротивления фрагмента сэндвич-панели с нанесенной теплоизоляцией и без нее

В таблице 1 приведены результаты измерений сопротивления теплопередаче фрагмента сэндвич-панели. Расчет сопротивления теплопередаче сэндвич-панели проведен по формуле (1).

Таблица 1.

Сопротивление теплопередаче фрагмента сэндвич-панели

$q_1, \text{Вт}/(\text{м} \cdot ^\circ\text{C})$	$t_1, ^\circ\text{C}$	$q_2, \text{Вт}/(\text{м} \cdot ^\circ\text{C})$	$t_2, ^\circ\text{C}$	$R, (\text{м} \cdot ^\circ\text{C})/\text{Вт}$
19,49	18,76	23,87	-34,73	2,46
20,27	18,72	24,83	-34,74	2,37
20,13	18,74	23,08	-34,72	2,47
19,81	18,70	24,94	-34,73	2,38
20,4	18,66	23,51	-34,71	2,43
19,84	18,76	23,69	-34,70	2,45
19,26	18,75	24,08	-34,72	2,46
20,33	18,69	24,85	-34,68	2,36
22,23	18,68	24,83	-34,67	2,26
22,68	18,74	24,83	-34,65	2,25
21,07	18,76	25,00	-34,72	2,32
20,60	18,71	24,48	-34,76	2,37
21,47	18,72	23,74	-34,74	2,36
20,63	18,68	24,01	-34,71	2,39
20,49	18,76	23,33	-34,65	2,43
20,78	18,71	23,03	-34,68	2,43
21,34	18,77	23,37	-34,70	2,39
21,38	18,75	22,19	-34,76	2,45
21,38	18,66	22,45	-34,75	2,43
21,74	18,65	23,07	-34,73	2,38
				$R_{\text{ср}} = 2,36$

Как видно из таблицы полученное среднее значение сопротивления теплопередаче сэндвич-панели составляет 2,36 (м·°C)/Вт. В таблице 2 приводятся результаты определения термического сопротивления с нанесенной

на одну из сторон сэндвич-панели жидкой керамической теплоизоляции Броня. В этом случае термическое сопротивление составило 2,6 (м·°C)/Вт, т. е. увеличилось на 9,23%.

Таблица 2.

Сопротивление теплопередаче фрагмента сэндвич панели с нанесенной жидкой керамической теплоизоляции Броня на одну из ее сторон

$q_1, \text{Вт}/(\text{м} \cdot ^\circ\text{C})$	$t_1, ^\circ\text{C}$	$q_2, \text{Вт}/(\text{м} \cdot ^\circ\text{C})$	$t_2, ^\circ\text{C}$	$R, (\text{м} \cdot ^\circ\text{C})/\text{Вт}$
20,96	22,16	21,38	-34,62	2,68
20,84	22,16	21,74	-34,63	2,66
21,15	22,15	21,25	-34,61	2,67
21,9	22,14	22,24	-34,64	2,57
21,26	22,15	22,56	-34,67	2,59
21,15	22,13	21,99	-34,66	2,63
23,05	22,15	21,98	-34,62	2,52
21,12	22,15	22,78	-34,63	2,58
20,44	22,13	22,79	-34,67	2,62
21,22	22,16	21,97	-34,64	2,62
21,28	22,17	21,98	-34,62	2,62
21,05	22,15	22,42	-34,64	2,61
21,14	22,12	22,07	-34,68	2,63
21,11	22,13	22,13	-34,67	2,63
21,18	22,14	22,29	-34,65	2,61
21,26	22,18	21,63	-34,67	2,65
23,32	22,17	21,61	-34,65	2,42
23,07	22,14	21,75	-34,63	2,53
23,10	22,13	23,16	-34,66	2,45
				$R_{\text{ср}} = 2,6$

Таким образом, сопротивление слоя жидкой керамической теплоизоляции «Броня» составляет 0,24 (м·°C)/Вт при соответствующей толщине 0,7 мм.

Проведем расчет эквивалентной толщины изоляционного материала на примере минеральной ваты с известной теплопроводностью равной 0,044 Вт/м·К. Нам известно сопротивление теплопередаче слоя теплоизоляции «Броня» (см. выше). Из соотношения:

$$R = \frac{\delta}{\lambda}$$

(2)

где: δ эквивалентная толщина известного изоляционного материала (минеральной ваты), λ ее теплопроводность, R термическое сопротивление теплоизоляции «Броня». Рассчитаем термическое сопротивление жидкой керамической теплоизоляции при толщине нанесения теплоизоляции 1 мм, тогда получим

$$R = \frac{0,24}{0,7} = 0,34$$

Далее из формулы (2) найдем эквивалентную толщину слоя минеральной ваты

$$\delta = 0,044 \cdot 0,34 = 0,015 \text{ м}$$

Из этого следует, что 1 мм жидкой керамической теплоизоляции по вычисленному сопротивлению теплопередаче соответствует 1,5 см толщине теплоизоляции минеральной ваты.

Выводы

Значение термического сопротивления теплоизоляции «Броня» составило 0,34 (м·°С)/Вт при толщине 1 мм. Расчет эквивалентной толщины теплоизоляции на примере минеральной ваты показал, что толщина теплоизоляционного слоя «Броня» в 1 мм соответствует 1,5 см. Данный материал, на наш взгляд лучше всего будет подходить для использования в качестве теплоизоляционного покрытия теплотрасс, трубопроводов горячего водоснабжения, котельных и тепловых узлах систем отопления. Также, может применяться как дополнительное покрытие для

улучшения теплоизоляционных свойств ограждающих конструкций жилых и производственных зданий, имеющих традиционные виды теплоизоляций. При толщине покрытия 1 мм, данная теплоизоляционная краска способна повысить сопротивление теплопередаче ограждающей конструкции на 15 %.

Список литературы

1. Сверхтонкая теплоизоляция Броня. Принцип работы. [Электронный ресурс] URL: http://www.nano34.ru/technical_documentation/principle-of-operation.php (Дата обращения 04.09.2014)
2. ГОСТ 26254-84 Здания и сооружения. Методы определения сопротивления теплопередаче ограждающих конструкций.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ БЛОГГЕРОВ

Мамонова Яна Сергеевна

Студентка, Ярославский государственный университет им.П.Г. Демидова, г. Ярославль

На сегодняшний день трудно найти человека, которому не были бы знакомы слова «блог», «блоггер» или «блогосфера». Сегодня блогеры становятся популярными людьми, причем, известными не только на частных порталах в интернет-пространстве; их рассматривают в одном ряду с профессиональными представителями средств массовой информации.

Сегодня блогинг является новой формой связей с общественностью в политике. Блоги политиков, авторитетных сетевых деятелей общественных и молодежных движений оказывают огромное влияние на формирование политической повестки дня. Блоги играют важную роль и в формировании коммуникативного опыта конкретной личности, в ее самоорганизации, в формировании ее активной гражданской и социокультурной позиции.

На наш взгляд, заслуживает особого внимания региональный блогинг как форма социальной и политической коммуникации, особенно в период предвыборных мероприятий, как актуальный инструмент предвыборных технологий. Подобный коммуникативный ресурс выполняет несколько функций: продвижение политической идеи, создание площадки для политического дискурса, организация политической акции в сети и в реальной жизни. [2,3]

Анализируя региональные и столичные блоги, исследователи отмечают их отличия. Региональные блогеры чаще всего отражают ключевые события текущей недели, предлагают новости сиюминутные, информационный мейнстрим. Информация региональных блогеров локальна, как правило, она обращена к местным событиям. Особенностью русскоязычной коммуникации в региональном блогодискурсе является интерес к приватному общению при сохранении позиции блоггера «ведущего», направляющего «линию беседы». Региональный блогер наблюдает требования языковой грамотности и речевого этикета, что является негласной коллективной договоренностью, неписаным сводом правил в региональном блогодискурсе. Стратегия *актуального информирования и комментирования* является часто ведущей в региональном блогодискурсе. [1]

Обратимся к аналитическим опытам и представим описание постов двух региональных блогеров: молодого депутата Ярославской областной Думы Антона Капралова

и Евгения Ермолина, российского литературного критика, журналиста и активного регионального блогера. Каждый из этих блогеров имеет свой оригинальный подход к выбору стратегии комментирования новости и яркие жанрово-стилевые и языковые приемы оформления блогерской записи, что и представляет исследовательский интерес.

Прежде всего, рассмотрим блогерскую запись от 18 июня 2014 самого молодого депутата Ярославской областной Думы Антона Капралова.

Запись посвящена, как указывает сам автор, завершению ремонта «самой плохой дороги в Ростове». Информация чрезвычайно актуальна для регионального жителя. Антон Капралов, используя прием ретроспекции, напоминает, в каком виде и жители города, и власти застали ростовскую дорогу год назад, и для наглядности прикрепляет к записи *видеоинформацию* - фотографии дороги «до ремонта». Прием визуальной метафоры делает высказывание и убедительным, и выразительным. Это удачный авторский прием. Статья имеет *четкую композицию*. Каждая микротема статьи Капралова плавно переходит в другую и связана с предыдущей и последующей: «дорога в недавнем прошлом»; «кто помог отремонтировать дорогу»; «какие ремонтные работы были проведены»; «в Ростове больше нет плохой дороги». Кольцевая композиция дополняет авторскую стратегию и позволяет автору донести до читателя основную идею статьи - «плохой дороги на Ростов больше не существует». Стратегия аргументирования в анализе социально значимой информации опирается на фактологический материал: автор статьи, основываясь на реальной информации, объясняет, благодаря чьей поддержке и участию, удалось произвести необходимые ремонтные работы и какие именно материалы для этого были использованы. («В местах размытия почвы было установлено земляное полотно, по всей ширине трассы уложили геотекстиль, песчаный подстилающий слой, георешетку и два слоя асфальтобетонного покрытия. Для защиты от паводка обочины и основание дороги были укреплены металлическими сетками с ячейками, заполненными камнями»). В тексте отсутствуют эмоционально-оценочные слова, оправданно преобладает профессиональная лексика («паводок», «земляное полотно», «геотекстиль», «георешетка», «асфальтобетонное покрытие»,

«металлическая сетка»). Эти языковые особенности определены целью дискурса: дать отчет о проделанной работе, в которой принимала участие Областная Дума. Стратегия вполне оправдана, так как Антон Капралов, как депутат Областной Думы, наблюдал за ходом ремонтных работ и в своем блоге неоднократно позиционировал эту «стратегически важную для региона» тему. Запись Антона Капралова набрала 90 лайков, 17 перепостов. Многие люди положительно отзываются о проделанных работах, они рады видеть результат, в то же время некоторые отмечают, что, судя по проведенным работам, дорогу будут вновь ремонтировать (*«скоро ждем второй серии... а дорога может стать отличной платиной!»*). Некоторые читатели «подшучивают» над тем, что Антон Капралов сфотографировался на фоне отремонтированной дороги. Кажется, что они «не верят в качество работы» и открыто иронизируют над популистскими размышлениями автора (*«...Если не просто пофоткался, а проверил качество работы!»*, *«Вот одно из немногих, что мне нравится в советском*¹ союзе - если бы тогда дорогу построили - на фотке бы рабочие были и им благодарность. А сейчас, оказывается, губернатор дороги делает, а розовощекие депутаты на ее фоне селфятся»*). Не все комментаторы записи разделяют «радостное чувство» автора, и, в связи с проблемой ярославских дорог, вспоминают недавние публикации о коррупции при использовании денежных средств ремонтными организациями Ярославля. Статья активизировала социально значимую тему, послужила отправной точкой в давней дискуссии о «вечной дорожной теме» в российском регионе. Следует подчеркнуть, что блоггер - Антон Капралов - реагирует на комментарии адекватно, положительно. Он согласен с тем, что сейчас очень много плохих дорог, и качественно выполненный ремонт – это большое достижение (*«в наших реалиях часто это бывает действительно очень редким событием и реальным достижением. Сказать честно, мало кто верил, что удастся восстановить данную дорогу»*). Мы видим, что эта тема заинтересовала многих; активна обратная связь: оставлено около 60 комментариев к записи. Следует заметить, что комментарии совершенно разные: от жесткого иронизирования на тему «российские дороги» и критики власти, до размышления до спокойного комментирования проблемы «дороги к Ростовскому кремлю, за которую теперь не стыдно перед иностранцами». Разная и стилистика блогговых комментариев: некоторые записи представлены в довольно грубой коммуникативной форме с использованием сниженной лексики. Но, несмотря на то, что эта тема относится к числу «вечных» и «скучных» тем в российской журналистике, региональному блоггеру удалось воздействовать на аудиторию, вызвать неподдельный интерес, используя стратегию информационного комментирования.

Иной подход использует другой блоггер - Евгений Ермолин, известного литературного критика, редактора, и популярного блоггера. Мы обратились к записям, которые были сделаны в один день и являются для автора – актуальными и «заряжены» стратегией позиционирования для регионального адресата. Мы прежде всего, отметили, что блоггер активно следит за социальными и культурными событиями в России и в мире; он берет на себя функцию заинтересованного «навигатора» в новостном мире и активно делится интересными ссылками со своими читателями, дает краткое пояснение к той проблеме, которая ему близка.

Так, первая запись, выбранная для анализа, – отзыв о книге Франсуа Мориака. Ермолин пишет довольно сжато, лаконично. Это отзыв не вообще о книге, а только о той теме или проблеме, которая задела автора. Этот отзыв можно назвать размышлениями «талантливого читателя», где выбрана стратегия сопровождения для читательской аудитории, готовой открыть книгу и «погрузиться» в текст. Блоггер, с одной стороны, занимает нейтральную позицию, но, с другой, автор, как специалист, не может не воспользоваться стратегией рецензирующего информирования: Ермолин выражает согласие автором произведения, говорит, что «попытка быть Христом в нашем падшем мире всё невозможней», рассуждает вслед за автором об ответственности человека и его «нравственном опыте». В стилистическом плане отзыв нейтрален, но автор активно пользуется парцеллятивными и вставными конструкциями, чтобы поддержать виртуальный диалог с читателями, в ходе размышления над авторским текстом. Мы видим, что на эту блогговую запись комментариев/откликов нет. Возможно, это связано с тем, что региональный читатель не успел познакомиться с этой книгой. И, задача блоггера, чтобы аудитория обратила внимание на эту книгу, так как в этом произведении автор затрагивает актуальные во все времена темы «сильных мира сего» и «борьбы за власть». Оправданно для стратегии комментирования и сопровождения – использование гиперссылок на критические публикации о рассматриваемом произведении и информационные материалы об авторе - Франсуа Мориаку.

Совсем иное отношение к другой записи блоггера Евгения Ермолина, посвященной проблеме социального и делового социума. В выбранной для анализа записи идет об увольнении философа Александра Дугина с поста заведующего кафедрой социологии международных отношений социологического факультета. Создается впечатление, что Ермолин знает этих людей и у него сложилось определенное отношение к ним и к их позиции. Создавая эту блогговую запись, Ермолин не скрывает своей иронии и к событию, и к «фигурантам дела». Приемы создания иронии в этой записи: эмоционально-окрашенная оценочная лексика (*«мракобесы»*), использование местоимения «всех» рядом со словосочетанием «геополитических наук»), высокая лексика в ироническом контексте (*«адепты державной идеи»*). Стратегия иронического информирования и разоблачения поддерживается и в композиционном оформлении. К данной блогговой записи оставлено 8 комментариев. Мы замечаем, что эта тема интересует читателей, очень многие считают это событие невероятным и неожиданным, а многим интересно продолжение этой истории. Большинство читателей разделяют точку зрения блоггера, некоторые даже отмечают, что Евгений Ермолин корректно комментирует события и дает оценку в «культурной форме» (*«Вот, видите Женя, Вы без мата обойтись можете, сразу видно человека культурного. А я нет, не могу»*). В то же время некоторые комментаторы не соглашались с позицией блоггера, они считают, что Дугина «дискриминируют» за правду (*«Путин преследует Дугина за честность, за откровенность»*). Стоит отметить, что, продолжая ряды так называемой оппозиционной журналистики, блоггер «собирает в свою команду» тех, кто «за социальную справедливость» и уважает мнение своих читателей.

Подведем итоги. Опыты анализа регионального блоггодискурса открывают интересные возможности для

¹ Тексты даны в авторской редакции

анализа коммуникативных стратегий в интернет-коммуникации и изучения инструментов приобщения современного читателя к активному социокультурному диалогу в медийном пространстве.

Список использованной литературы:

1. Антонова Л.Г. Отношения «автор»- «адресат» в блогодискурсе региональной журналистики //Современные медиа: процессы и контексты [Текст]: материалы международной научно-практической конференции. – Ярославль, 2013. –С.30-34.
2. Давыдов И. Масс-медиа российского интернета. Основные тенденции развития и анализ текущей ситуации // Русский журнал. – №10. - 2000.
3. Интернет и интерактивные электронные медиа: исследования. Часть II. Блоги в системе массовых коммуникаций. Сборник исследований лаборатории медиакультуры, коммуникации, конвергенции и цифровых технологий. Под ред. И. Засурского. - Издательство МГУ, Москва, 2007.

ФРЕЙМОВАЯ МОДЕЛЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЙ

Муратова Евгения Николаевна

Канд. филолог. наук, ВА МВД РФ, г. Волгоград

Понимая язык как динамичную и преобразующую семиотическую систему, современная наука утверждает органическую связь языка, речемыслительной деятельности и процесса познания действительности. Наряду с коммуникативной функцией языка предметом исследования ученых-лингвистов являются его эпистемистическая и когнитивная функции, которые связаны с хранением, передачей знания, интерпретацией и порождением новых знаний.

Когнитивная лингвистика, обращаясь к категории знания как базовой, снимает «противопоставление лингвистического и экстралингвистического», позволяя исследователю использовать один и тот же метаязык для «описания знаний различных типов» [4, с. 300].

Когнитивные модели строятся как представление о фрагментах действительности, которое складывается в сознании человека. Для моделирования различных событий, ситуаций, процессов, состояний, положений дел могут использоваться разные когнитивные модели, в зависимости от характера моделируемого объекта и поставленных задач.

Общепризнанными когнитивными структурами, организующими и систематизирующими знание, являются фреймы, схемы, планы и скрипты (сценарии). Сущность и характер взаимодействия указанных когнитивных единиц в процессе ментальной репрезентации знаний изучен и подробно описаны российскими учеными (см., напр.: Демьянков 1996; Красных 2003; Леонтович 2002; Макаров 2003). В нашей работе мы охарактеризуем особенности фреймовой модели представления знаний.

Отметим, что применение собственно термина «фрейм» в различных отраслях знания (в социальной психологии, психологии восприятия, теории распознавания образов, при создании искусственного интеллекта, в программировании) варьируется [12, с. 21]. На языковом уровне фреймы отражают способность коммуниканта к пониманию связанных между собой слов, а также сеть многочисленных ассоциаций, в которых воплощён его культурно языковой опыт.

Различая два основных вида знаний – «декларативные» («знание что») и «процедурные» («знание как»), когнитология дефинирует фрейм как «концептуальную структуру для декларативного представления знаний о типизированной тематически единой ситуации» [4, с. 16–18].

Данное толкование фрейма уточняет наиболее признанное в когнитивной науке определение, предложенное в свое время М. Минским [11, с. 254]: фрейм трактуется не как одна конкретная ситуация, а как характерные, основные составляющие ряда близких ситуаций, принадлежащих одному классу.

Лингвокультурологи рассматривают фреймы как основу для выделения концептов, соотнося его с «лингвистически ориентированным концептом» [13, с. 5], «базисом для интерпретации дискурса» [10, с.153], «структурой знаний, представляющей собой пакет информации об определенном фрагменте человеческого знания» [8, с. 65]. Будучи организованным вокруг центрального концепта, фрейм хранит основную информацию о типичных ситуациях в той или иной лингвокультуре, обеспечивая языковую реализацию знаний: значения языковых единиц связаны с соответствующим фреймом или системой фреймов. По мнению В.В. Красных, к культурному пространству, т.е. к культурной памяти, культурно маркированным знаниям и коннотациям относится понятие «культурно значимый фрейм» [9, с. 295].

В психолингвистике данная ментальная единица дефинируется как «способ оязыковления смысла» [118, с. 24], «гештальт в его динамике» [7, с. 152–153]. Понятие фрейма омонимично: онтологически – это часть когнитивной системы человека (в этом смысле фрейм сопоставим с такими понятиями, как «гештальт», «прототип», «стереотип», «схема»). Анализ инструментальной стороны фрейма доказывает, что фрейм – это структура для декларативного представления знаний [4, с. 17].

Мы придерживаемся классической теории фрейма М.Минского, в которой предполагается, что в процессе познавательной деятельности, осознания новой ситуации, человек опирается на некую структуру данных (образ, прототип), хранящийся в его памяти – фрейм. Дальнейшее изменение отдельных деталей (слотов) фрейма делает ее пригодной для понимания более широкого класса явлений или процессов [12].

Важна для понимания сущности фрейма мысль И.Ю. Алексеевой о том, что с каждым фреймом ассоциирована информация о деятельности в различных типах обстоятельств: это, во-первых, информация, указывающая, каким образом следует использовать данный фрейм; во-вторых, информация о том, что предположительно может повлечь за собой его выполнение; в-третьих, информация

о том, что следует предпринять, если эти ожидания не подтверждаются [1, с. 38].

Исследователи фрейма признают его двойственность, которая выражается в статичности структуры (собственно фрейм) и динамичности (сценариях или фреймах-сценариях). Анализируя фрейм-сценарий, А.С. Бабичева выделяет в качестве его составляющих сценарии (типовые для той или иной фреймовой модели), а также субфреймы и сопутствующие им фреймы для структурирования той или иной понятийной области в картине мира [3, с. 9].

Формальная презентация фреймовой модели может варьироваться. В частности, по концепция М. Минского, фрейм – это сеть, состоящая из узлов и связей между ними. Каждый узел должен быть заполнен своим «заданием», представляющим собой те или иные характерные черты ситуации, которой он соответствует [11]. Организация фрейма иерархична (атомарна), имеет, как правило, форму пирамиды, на нижнем уровне которой расположены терминалы.

В своей структуре фрейм обладает вершиной – именем, темой стереотипной ситуации (макропропозицией), а также фиксированными слотами верхнего уровня и терминалами – слотами низшего уровня, которые заполняются пропозициями – вариативными составляющими.

Слоты верхнего уровня соответствуют информации, которая важна по отношению к данной ситуации, слоты же нижнего уровня, заполненные группами слов, могут содержать ряд элементарных действий – подслотов. Информация, заполняющая терминалы, вариативна в зависимости от ситуации.

И.М. Кобозева считает, что фрейм удобно представлять в виде таблицы, столбцы или строки которой соответствуют его слотам [8, с. 65]. В.И. Карасик не отрицает, что фрейм может иметь форму спирали: жизненный опыт человека, вовлеченный в исходный образ, раскрывается как бы по спирали: фрейм, структурируя информацию, конкретизирует ее по мере разворачивания фрейма [7, с. 152–153]. По образному выражению Ю.И. Уткиной, фрейм можно представить «в виде своеобразной таблицы, верхние ячейки которой заполнены заранее, а нижние пусты и заполняются тогда, когда фрейм-сетка набрасывается на текст и из него извлекается понятийная информация» [17, с. 9].

Развитие теории фрейма позволяет исследователям классифицировать различные типы данного ментального образования. Классификация фреймов, предложенная М. Минским (фреймы визуальных образов, семантические фреймы, фреймы-сценарии) [11, с. 23] дополнена следующими типами фреймов: тематические фреймы (сценарии для видов деятельности, связанных с определенной темой), повествовательные фреймы («скелетные» формы для типичных рассказов, объяснений, аргументации), номинативные фреймы (исследовательские модели, узлы которых заполнены номинативными единицами) [14, с. 13].

При актуализации фрейма возможны случаи полного раскрытия содержания слотов, так и различных типов трансформаций (базовые, внутриузловые, внутри- и межфреймовые), которым подвергаются составляющие изучаемого фрейма, что является результатом их взаимодействия [16, с. 258]. Тесное взаимодействие фреймов через слоты позволяет говорить о существовании «родственного фрейма» [5, с. 187–189]; «суперфреймов», «мегафреймов» [15, с. 8].

В структуре фрейма могут быть выделены более мелкие единицы, например, предложенная Л.В. Бабиной

когнитивная единица «скетч-фрейм» выборочно передает знания об исследуемом концепте [2, с. 41–43].

В.В. Красных, развивая концепцию фрейма, дефинирует когнитивный феномен «фрейм-структуры сознания» [9, с. 285–296], которая является цельной («молекулярной») когнитивной структурой в отличие от «атомарного фрейма». Исследователь утверждает, что центральный образ фрейм-структуры не обязательно представлен концептом, и «в отличие от фрейма, за фрейм-структурой стоят ассоциации только предсказуемые» [9, с. 288].

Ограничивая количество фреймовых типов, С.А. Жаботинская объединяет разнообразные виды фреймов (предметноцентрические, партономические, ассоциативные и др.) в типовые универсальные структуры, которые демонстрируют общие закономерности организации знания [6, с. 10 – 13].

По мнению исследователей, к тому же классу систем представления знаний, что и фреймы, относятся когнитивные карты и когнитивные клише (например, Толмен, 1980; Плотинский, 2001). Сопоставление и анализ перечисленных когнитивных моделей, позволяет нам считать фрейм более объемной единицей: схематичное описание фрагмента мира при помощи когнитивных карт представляется нам упрощенным. Когнитивные клише в форме универсальных объяснительных схемы характеризуются как жесткое знание, не допускающее вариативности, что также не является аналоговой ментальной структурой для фрейма.

Фрейм как когнитивная единица соотносим с индивидуальностью языковой личности: совмещая в себе элементы социального на примере фрейм-сценария (ритуализованность действий, заранее установленные роли участников, определенный хронотоп), фрейм как разновидность концепта может содержать в своей структуре на уровне терминалов национально-специфическую, лакунарную, коннотативную лексику, и, самое важное, фрейм всегда может быть дополнен различными вариативными составляющими.

Подводя итог вышесказанному, отметим:

1. Фрейм является одной из когнитивных структур представления знаний.
2. Понятие фрейма омонимично: это часть когнитивной системы человека, и одновременно структура для декларативного представления знаний.
3. Фрейм имеет двойственную природу – она находит выражение в статичности структуры (собственно фрейм) и динамичности (сценариях или фреймах-сценариях).
4. Формальная презентация фреймовой модели вариативна.
5. Развитие теории фрейма позволяет классифицировать различные типы фрейма (родственный фрейм, скетч-фрейм, суб- и мегафрейм, культурно- значимый фрейм, фрейм-структура сознания и др.).
6. Фрейм как когнитивная единица соотносим с индивидуальностью языковой личности.

Список литературы:

1. Алексеева И.Ю. Человеческое знание и его компьютерный образ. – М.: Наука, 1992. – С. 36–59.
2. Бабина Л.В. Концептуальная модификация как когнитивная основа вторичной репрезентации // Единство системного и функционального анализа

- языковых единиц. – Вып. 7. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – Ч. I. – С. 41–43.
3. Бабичева А.С. Фрейм «свадьба» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2007. – 22 с.
 4. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – М.: Эдиториал-Урс, 2003. – 358 с.
 5. Демьянков В.З. Фрейм // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996. – С. 187–189.
 6. Жаботинская С.А. Концептуальный анализ: типы фреймов // Когнитивная семантика. Мат-лы второй междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. – Ч. 2. – С. 10–13.
 7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
 8. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. – М.: Эдиториал-УРСС, 2000. – 352 с.
 9. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: «Гнозис», 2003. – 375 с.
 10. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
 11. Минский М. Структура для представления знания // Психология машинного зрения. – М. Изд-во мир, 1978. – С. 249–343.
 12. Муратова Е.Н. Структура и содержание фрейма «школа» (на материале немецкого языка): дис. канд. филол. наук. – Волгоград: Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 2012. – 231 с.
 13. Никитина В.В. Культурный сценарий и его языковое обеспечение как элемент лингвокультуры (на материале английского культурного сценария «гостиничный сервис»): дис. канд. филол. наук. – Самара: Самарский государственный педагогический университет, 2006. – 177 с.
 14. Плешакова А.В. Исследование фреймов «происшествие» на материале русских и английских газетных текстов жанра «информационное сообщение»: автореф. дис. канд. филол. наук. – Саратов, 1998. – 22 с.
 15. Семухина Е.А. Фреймовая структура концепта «грех» (на материале русских и французских фразеологизмов) // Гуманитарные исследования: сб. науч. тр. / Астрахан. гос. ун-т, Астрахань. – Астрахань, 2008. – №2. – С. 48–54.
 16. Трегубова Ю.О. Фрейм «Education» в американской и британской лингвокультурах: специфика актуализации в дискурсе // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и методики преподавания иностранных языков: Материалы межрегиональной научной конференции, г. Волгоград, 8 февраля 2007 г. / Сост. Н.Л. Шамне и др. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2007. – С. 257–260.
 17. Уткина Ю.И. Лексико-семантическое моделирование английской терминосистемы «очистка природных и сточных вод» и вопросы разработки англо-русского словаря отрасли: автореф. дис. канд. филол. наук. Л., 1988. – 16с.
 18. Чернейко Л.О., Долинский В.А. Имя «судьба» как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник МГУ. Серия 8. Филология. – 1996. – № 6. – С. 20–21.

«ВЕЛЕСОВА КНИГА» КАК ТЕКСТ-ФАЛЬСИФИКАТ В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВЫХ, ЛИТЕРАТУРНЫХ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Петрс Ани Легоновна

Студент-магистрант АлтГУ, г. Барнаул

«Велесовой (или «Влесовой») книгой» (далее – ВК – А.П.) называется не дошедший до наших дней памятник, который будто был написан на нескольких десятках деревянных дощечек. Текст с дощечек был впоследствии переписан писателем, фольклористом и исследователем славянской мифологии Ю.П. Миролюбовым. В 1941 году, после смерти владельца дощечек А.Ф. Изенбека, дощечки бесследно исчезли, и мы располагаем лишь копией, сделанной Ю.П. Миролюбовым, к которой, вероятно, восходят и все иные списки и публикации ВК. Центральным вопросом, вокруг которого до сих пор ведутся споры, является проблема подлинности памятника. Никаких свидетельств о том, что кто-либо, кроме Миролюбова, воспроизводил текст с дощечек, у нас нет, а смутные сведения о знакомстве с ними ученых в 20-х гг. прошлого века документально не подтверждены. В современной культуре ВК – один из самых популярных текстов, интерес к которому не иссякает вот уже больше полувека, чем и обусловлена актуальность данной работы. Несмотря на то, что публикаций и высказанных (и высказываемых до сих пор) мнений в защиту ВК ощутимо больше, в научном мире памятник единогласно считается подделкой.

Первое упоминание о ВК относится к 1953 году, когда в ноябрьском номере журнала «Жар-птица», издаваемом русскими эмигрантами (под ред. А.А. Куренкова), в г. Сан-Франциско, была опубликована заметка, извещающая читателей о находке и планируемой последующей публикации ранее неизвестного памятника древнерусской литературы. С 1960-го года научно доказано, что ВК является малограмотной фальсификацией под древнерусский памятник IX в.

История находки и обнаружения ВК противоречива, неоднозначна, что может служить одним из аргументов не подлинности ее текста.

Первое, что хотелось бы отметить, это сам факт того, что дощечки толщиной в 5 мм, 20 на 30 см (!), побитые, поломаные, «благополучно доехали до Брюсселя» [6, с. 608], и вообще – дошли до наших дней. Второе – если принимать во внимание версию защитников ВК о том, что текст памятника был искажен поздними переписчиками, то, что по непонятной причине средневековые переписчики сделали копию на дощечках, а не на пергаменте [4, ЭР].

Рисунок 1. Снимок с дощечки А. Изенбека, присланный для анализа в Советский славянский комитет.

Особое внимание хотелось бы обратить на линию, проходящую сплошной чертой над буквами текста ВК. Подобные линии присутствуют на индийских текстах – деванагари («письмо города богов»), тем самым будто устанавливая русско-ведические корни ВК на графическом уровне [9, ЭР]. Однако и тут не обошлось без *недочетов* со стороны авторов-фальсификаторов. Ученый языковед-палеограф Л.П. Жуковская указывает на то, что для кириллицы подобная черта не специфична и высказывает предположение о том, что «так называемое «подвешенное» письмо, при котором буквы как бы подвешиваются к линии строки, а не размещаются на ней <...> ведет, скорее всего, к восточным (индийским) образцам» [3, с. 35]. Тут нам кажется необходимым сделать небольшое, но важно уточнение. В деванагари подобная линия имеет своё происхождение и она никогда не бывает сплошной: «Для букв нагари характерны продолговатая, вытянутая книзу форма и длинные горизонтальные черточки сверху. Эти прямые завершающие штрихи, известные под названием *matra*, заменили верхние клинышки письма сиддхаматрика; имеются, конечно, и документы, в которых клинышки и горизонтальные линии смешиваются, или же клинышки так широки, что производят впечатление горизонтальных верхних линий» [1, с. 419]. Данная линия непосредственно относится к буквам и появляется в связи с тем, что буквы стоят так тесно, что «черточки» над ними сливаются (явление, более характерное в наборных шрифтах, не рукописных). В письме сиддхаматрика «вертикальные линии букв завершались клинышком или «головкой гвоздя», почему письмо и получило название «гвоздеглавого»» [1, с. 418]. Но – что важно – происходит подобное слияние только в слове, но никак не целиком в строке, к тому же отдельные знаки разрывают эту линию.

Палеографический анализ дощечки, проведенный Л.П. Жуковской, поставил под вопрос достоверность самого фотоснимка. Л.П. Жуковская высказала предположение о том, что фотография сделана не с дощечки, а с рисунка, с прориси, так как на снимке заметны следы ретуши [3, с. 31].

Ошибки и несоответствия в тексте ВК настолько грубы и очевидны, что даже версия о возможности искажения текста переписчиками не выдерживает критики: «Единственное, что объяснить нельзя, что польский переписчик не знал польского языка» [4, ЭР]. Язык ВК, якобы написанной в IX веке, «никаким реальным языком быть не может» [4, ЭР]. В тексте множество очень поздних форм,

отражающих падение редуцированных (полностью завершившееся в XIII в.), отверждение шипящих и Ц, используются современные синтаксические явления, отсутствующие в древности (например, родительный падеж принадлежности), лексика, нарушающая древние грамматические правила, морфология, не соответствующая правилам словообразования (например, глаголы, с этимологически невероятными формами, слова без окончаний, неверное согласование частей речи и проч.), наличие в тексте одновременно различных диалектных форм, поздних полонизмов, украинизмов, сербизмов, смешение форм древнерусского и церковнославянского языка и т.д.

Доводы сторонников ВК относительно высокой степени оригинальности языка памятника, исключительных правил и норм развития грамматики, высоких темпов образования/ замены новых форм другими не выдерживают последнего весомого аргумента «против»: язык ВК не объясняет современного состояния славянских языков и лингвистических процессов внутри любого славянского языка.

Подобная ситуация с грамматикой приводит к тому, что адекватный перевод текста ВК вообще представляется мало возможным, как отмечали О.В. Творогов, А.А. Алексеев и А.А. Зализняк. Переводчикам приходится домысливать слова и общее построение фраз по контексту. Отсюда следует, что анализ всех уровней языка подтверждает невозможность признания ВК подлинным памятником древнерусской словесности (более того – вообще никакой словесности). Однако ВК – это вещь, которую «лингвистическим аргументом не преодолеть», как выразился А.А. Зализняк, и в таком случае перед нами социокультурная, социопсихологическая проблема.

Появление такого памятника как ВК на Руси в IX веке не возможно, даже если мы опустим лингвистическую ситуацию с языком текста ВК.

Защитники ВК часто сравнивают ее со «Словом о полку Игореве». При этом основным аргументом является сложная историческая судьба «Слова...», включая историю его находки, публикации и мнений французского (А. Мазон 1940-ые гг.) и отечественных ученых (профессор МГУ А.А. Зимин, 1960-ые гг., Л.Н. Гумилев в 1970-ые гг.) о подделке текста памятника. Такая параллель с выдающимся произведением древнерусской словесности очень удобна защитникам ВК.

Отметим, что в ВК присутствуют такие слова, которые дошли до нас только в одном единственном памят-

нике древнерусской литературы – «Слово о полку Игореве». Примечателен тот факт, что Ю.П. Миролюбов является автором любительского сочинения о «Слове о полку Игореве» [4, ЭР].

Сложно решается вопрос о жанровой принадлежности ВК как текста древнерусской литературы. ВК нельзя отнести ни к одному литературному виду/ роду, на звание которого он претендует. В первую очередь, это жанр летописи. По сравнению с европейскими хрониками и дошедшими до наших дней древнерусскими летописями, последовательно и обстоятельно раскрывающими движение национальной истории, описывающими главные, имеющие государственное значение события, текст ВК содержит значительно меньше информации, в нем практически отсутствуют имена собственные, географические названия, точные даты.

В качестве примера приведем фрагменты ВК, наглядно иллюстрирующие несоответствие тематики и способа презентации истории методу монументального историзма, характерного для эпохи Древней Руси: «Явился каган, и он не радел о нас. Вначале он пришёл с купцами на Русь, и были они велеречивы, а потом стали злы и стали русичей притеснять (купцы – А.П.)» [8, с. 297]. Видимо, это первый в мировой истории случай, когда «великий народ» смогли притеснить *купцы*. Подобное содержание невозможно в подлинном тексте памятника древнерусской литературы, главными героями которой были исключительно князья или в эпическом стиле как исключение выдающиеся крестьяне (Никита Кожемяка, старец в сюжете о белгородском киселе) как деятели истории и вершители судеб нации. Пародией на один из типов летописного повествования в концепции И.П. Еремина – «погодная запись» – выглядит следующая цитата из ВК: «И был тогда Кышек велик и мудр. И умер он, а после него были иные (?), и каждый творил что-нибудь (?) хорошее» [8, с. 270]. Фактически – это всё, что говорится об этом самом «Кышке». Отметим, что в тексте ВК редко используются имена собственные, что не соответствует жанровому канону летописи. О том, что имя Кышек – не славянское по происхождению только упомянем.

Подчеркнем, что литературные жанры, как известно, были заимствованы древнерусской литературой из Византии, однако большая часть из них, несмотря на свою каноничность, с течением времени на славянской почве приобретает самобытный характер. Византийская книжность, как утверждает И.П., Еремин сильно облегчила болгарским и древнерусским литераторам IX–XII в.в. решение той основной задачи, что перед ними на тот момент стояла: «освоение древнехристианского литературного наследия» [2, с. 15]. Литература в Древней Руси начиная с X века являлась трансляцией византийской христианской культуры на древнерусскую почву. Д.С. Лихачев для обозначения данного феномена вводит термин «культурный экспорт».

ВК в чисто литературном плане фрагментарна в отношении нарративных структур, стилистики, жанровой принадлежности и напоминает собой синтез таких древнерусских памятников письменности, как «Слово о полку Игореве» и «Повесть временных лет», хотя прямых цитат не содержит, на что в своё время указывал О.В. Творогов. Дать определение литературному жанру ВК сложно, так как с формальной точки зрения ее можно отнести к жанру слова [5, с. 32], однако невозможно никак обосновать тот факт, что изначально церковный жанр ораторской речи используется автором при написании языческого текста. Более того, в языческом тексте присутствуют устойчивые

словосочетания из текстов христианского содержания, такие как «И ныне, и присно, и во веки веков», «камни вопиющие» и проч. Здесь мы видим одновременное противоречие между структурным и семантическим параметрами текста.

Также текст ВК резко противоречит ситуации диглоссии в древнерусской культуре того периода. Как мы отметили выше, язык ВК представляет собой смесь древнерусского и церковнославянского языков, что немаловажно в условиях диглоссии, которая разрушается только в XVII в. и переходит в церковно-славянско-русское двуязычие. Определение языковой ситуации Киевской Руси как диглоссии жестко разграничивает сферы использования и функционирования церковно-славянского и древнерусского языков: церковнославянский не был разговорным, а древнерусский не был литературным [7, с. 31]. Появление языческого текста в IX в. на церковно-славянском языке в Древней Руси было невозможно по этим причинам.

ВК как языческий текст (на звание которого он претендует) в древнерусской культуре в фиксации бы не нуждался. Фольклор – язык искусства, введение же книжности на Руси было вызвано потребностью общества в новом элитарном искусстве, обслуживающем верхушку общества и решающем идеологические задачи. Книжность была необходима в целях богослужения и поддержания русской государственности, во всем остальном народные массы были исполнителями и слушателями фольклорных произведений. Даже такой государственно важный документ как «Русская Правда» появился еще до крещения Руси и бытовал в устной форме [7, с. 14] как текст обычного права.

Добавим еще некоторые наблюдения над текстом произведения. Об избыточном количестве местоимения «мы» в тексте памятника говорил в своей лекции, посвященной ВК, А.А. Зализняк, указывая на то, что оно (местоимение) практически всегда замещает формы третьего лица ед. числа [4, ЭР]. Настойчивое употребление местоимения «мы» не было характерно для эпохи Древней Руси, т.к. в ту эпоху автора по существу не было, он был анонимен, скромнен, поскольку посягал на Божью «юрисдикцию» – создания Текста, Слова, часто прятался под именами греческих и византийских книжников. Местоимение «мы» как указание на единство нации в литературе появится много позже, после Великой социалистической революции и господства идеологии коллективизма.

Кроме того, необходимо заметить, что если вопреки названному выше культурно-историческим особенностям такой текст как ВК всё же был бы создан в языческой Руси, то после принятия христианства он вряд ли бы остался в целостности и сохранности и дошел до нашего времени. Учитывая тот факт, что первые книжники на Руси были выходцами из Византии, вряд ли они всерьёз были бы озабочены сохранением языческого памятника в новокрещеном государстве. Наше предположение подтверждает такой факт: из сохранившихся 120 памятников древнерусской литературы 80 – религиозного содержания.

Итак, рассмотрение ВК в контексте культурно-исторических и литературных традиций Древней Руси позволяет с большой долей определенности говорить о невозможности существования памятника подобного ВК в ту историческую эпоху. Несоответствие содержания форме выражения, ситуации диглоссии, языковым нормам, жанровой системе, стилю монументального историзма, идеологическим и художественным принципам времени позволяют делать выводы о ВК как тексте-фальсификате.

Список литературы:

1. Дирингер Д. Алфавит. – М.: Издательство иностранной литературы, 1963. – 640 с.
2. Еремин И.П. Литература Древней Руси. – М.: Наука, 1966. – 266 с.
3. Жуковская Л.П. Поддельная докириллическая рукопись: (К вопросу о методе определения подделок) // Вопросы языкознания, 1960. – № 2. – С. 31-38
4. Зализняк А.А. О «Велесовой книге». Популярные лекции академика А.А. Зализняка, 9 июля 2008 г., X летняя лингвистическая школа 8 – 18 июля 2008 г., Дубна, «Ратмино» [Электронный ресурс]. Общероссийский математический портал // Math-Net.Ru
5. Каравашкин А.В. Литературный обычай Древней Руси (XI – XVI вв.). – М.: РОССПЭН, 2011. – 544 с.
6. Лесной С. История руссов в неизвращенном виде. – Париж, вып. 6. 1957. – 667 с.
7. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.). – М.: Гнозис, 1994. – 240 с.
8. Мифы древних славян. Велесова книга. – Саратов: Надежда, 1993. – 320 с.
9. Daubmannus. Странные дощечки и непонятные крючки [Электронный ресурс] // daubmannus.livejournal.com

О ДЕНОТАТИВНОМ И КОННОТАТИВНОМ СОДЕРЖАНИИ ПРЕДИКАТА НА ПРИМЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАГОЛА SAGEN В УСТНОЙ РЕЧИ

Саламайкина Елена Николаевна

Ассистент кафедры немецкого языка НГЛУ и. Н. А. Добролюбова, г. Нижний Новгород

Традиционно в значении языковой единицы выделяются денотативный и коннотативный компоненты. С помощью денотации мы передаем когниции – познанные признаки называемого словом лингвистического предмета (предмет, действие, качество и т.д.) как класса или отдельного представителя этого класса через понятие о нем. Как отмечает Н.Д.Арутюнова, денотации соответствует основная (первичная) функция имени – функция называния (именования) предмета, о котором делается сообщение. [1, с. 36]

Коннотация же трактуется как компонент значения языковой единицы, который дополняет её предметно-понятийное (денотативное) содержание и детерминирует её экспрессивность (Ю.Д.Апресян, И.В.Арнольд, Т.Г.Винокур, Т.С.Глушак, Н.Г.Комлев, Ю.М.Скрёбнев, И.А.Стернин, В.Н.Телия, В.Флейшер, В.И.Шаховский, Е.И.Шендельс и др.).

Выделяются два вида коннотации: ассоциации и реляции (способность отсылать к иным — предшествующим, последующим или вовсе ей внеположным — контекстам) (Р. Барт). К коннотациям традиционно относятся оценочный, эмоциональный, экспрессивный, стилистический компоненты значения языковой единицы; в последние годы всё больше внимания привлекается к национально-культурному (С.С.Беркнер) или этнокультурному (О.И.Быкова) компоненту коннотации.

Большинство ученых сходятся во мнении, что денотация и коннотация неотделимы друг от друга: коннотации как вторичные образования используют денотативные знаки в качестве своей формы для развития новых смыслов. В прецедентной грамматике такие производные смыслы, возникающие в результате переосмысления первичных (исходящих) грамматических и/или лексических значений, называются прецедентными смыслами.

Продемонстрируем выше изложенные положения на примере функционирования предикатов, образуемых глаголом sagen, с точки зрения их когнитивной функции, их осмысления. Предикат как единица поверхностной структуры получает своё значение в дискурсе. Невозможно определить, какой именно признак «припишется» субъекту предикатом, выраженным глаголом sagen, без учёта его прагматических и дискурсивных функций. То,

что будет привнесено контекстом при его использовании помимо основного словарного значения или первичного значения формы, будет относиться к сфере коннотаций.

В семантическом плане глагол sagen имеет несколько основных вариантов прочтения. В толковом словаре Deutsches Universalwörterbuch DUDEN приводятся пять лексико-семантических вариантов глагола: 1) etw. aussprechen; 2) etw. mitteilen, äußern; 3) etw. aussagen, zum Ausdruck bringen, behaupten; 4) etw. in Worte fassen, formulieren; 5) etw. zum Inhalt haben, besagen [3, с. 1341]. Данные значения – «произнести», «сообщить/высказать», «выразить/утверждать», «сформулировать», «означать» – образуют денотативное содержание глагола sagen.

При описании семантики глагола также необходимо учитывать его валентностные свойства. Валентность глагола sagen в «Словаре валентности и дистрибуции немецких глаголов Г.Херберта и В. Шенкеля» (Wörterbuch Valenz und Distribution der deutschen Verben) определяется следующими актантами: Sn, Sa / NS dass, ob, w, (Sd / pS), где Sn – существительное в именительном падеже, Sa – существительное в винительном падеже, NS – придаточное предложение, Sd – существительное в дательном падеже, pS – существительное с предлогом [7, с. 403]. Последние два актанта отнесены к факультативным элементам. В пояснениях к ним отмечается, что дательный падеж изменяет значение глагола от aussprechen к mitteilen, добавляя ему признак «направленность на получателя». Из возможных предлогов приводятся zu, который может вводить как адресата, так и предмет разговора, а также синонимичные предложные группы с von и über, эксплицирующие предмет разговора. Далее отмечается, что прямое дополнение при наличии трех актантов, один из которых – предложная группа, может быть выражено только абстрактным существительным. Ср.: Er sagt zu dem Freund seine Meinung. *Er sagt das Haus über uns. [7, с. 404] Если же один из трёх актантов представлен существительным в дательном падеже, то существительное в винительном семантически ограничивается кругом слов, выражающих указания дороги. Ср.: Er sagt mir den Weg. *Er sagt mir den Bleistift. [7, с. 404]

Проведем более конкретный анализ валентностного потенциала sagen в разговорной речи для выяснения, в каких

случаях предикаты с данным глаголом приобретают коннотативное значение, то есть функционируют в качестве прецедентных единиц, в прототипической модели:

Sn SAGEN Sa

Sn SAGEN Sd Sa

Sn SAGEN Sp Sa

В следующих примерах sagen выступает в качестве глагола, который насыщает своё денотативное содержание с помощью прямого дополнения для реализации значения aussprechen.

(1) Nach einer Stunde wurde ich in unser Wohnzimmer zum Verhör geschleppt. Der Lehrer Brüll war kaum zu halten. Er sagte immer wieder „Mit Stumpf und Stiel ausrotten, ausrotten mit Stumpf und Stiel“. [...] Der Parteimensch, der stellvertretende Ortsgruppenleiter Lövenich, war ganz vernünftig. Er sagte immer: „Bedenken Sie doch, der Junge ist noch keine elf“ [...], „Der Junge weiß ja gar nicht, was er sagt“, sagte mein Vater und legte mir die Hand auf die Schulter. [2, с. 34]

(2) Am folgenden Morgen reichte ich ein Gesuch um Urlaub ein. Statt der Antwort erfolgte meine Verhaftung. Urkundenfälschung, Unterschlagung öffentlicher Gelder. Sagen Sie nichts, es ist nicht nötig. Ich weiß schon. [4, с. 64]

(3) „Wissen Sie, damals bei der Hochzeit ist es so schön gewesen“.

„Ja, ganz nett“.

„Weil Sie dort gewesen sind, bloß deswegen“.

Sagen Sie keine so Sachen, Sie machen ja nur Spaß. [4, с. 116]

(4) „Und jetzt müssen wir ein Ende machen, und du musst es auch nicht schwer nehmen, es ist die Gasse voll mit Mädchen, und ich bin nicht die einzige und auch nicht die rechte für dich, wo du doch studierst und später ei Herr wirst und vielleicht ein Doktor“.

„Nein du, Tine, sag das nicht!“ [4, с. 133]

(5) „Mein Gott, Jettel, dass ich das noch erlebe. Das kann doch nicht wahr sein. Ich weiß gar nicht, was ich sagen soll. Sag mir, daß ich nicht träume und gleich aufwachen muß. Egal, was du sagst, mach wenigstens den Mund auf“. [8, с. 332]

Анализируемый в ходе сплошной выборки материал свидетельствует о том, что в качестве прямого дополнения sagen, как правило, выступает не существительное, а корреляты с анафорической или катафорической функцией, отрицательное местоимение (nichts) или существительное с очень широкой семантикой (Sache, Ding), которое подвержено процессу прономинализации. В примерах (1), (3), (4) корреляты выступают в анафорической функции, отсылая к словам собеседника (3), (4) или третьего лица (1). В предложении (2) представляется одновременная отсылка к только что сказанному и к тому, что может быть сказано собеседником. В примере (5) относительное местоимение was указывает на ожидаемое высказывание реципиента и выполняет вместе с sagen функцию катафоры.

Одновременно с осуществляемой отсылкой во всех примерах sagen передает отношение говорящего к сказанному или тому, что может быть сказано. В примере (1) представлено отношение нарочитой пренебрежительности, говорящий намеренно призывает не воспринимать всерьёз слова своего сына, чтобы отвести наказание за эти его слова. В примере (2) возможные и ожидаемые слова собеседника расцениваются как лишние, ненужные в данной ситуации. В примере (3) выражается отношение недоверия к словам собеседника, в примерах (4) и (5) – безразличие к содержанию последующего высказывания собеседника, ожидание самого речевого акта.

При использовании широкозначного существительного Sache, Ding в качестве прямого дополнения фраза получает стилистическую окраску отнесённости к разговорной речи. Если в качестве прямого дополнения выступает полнозначное существительное, то возможно изменение денотативного значения глагола в функции предиката. Так, в нижеследующем примере sagen в сочетании с adieu реализует значение Abschied nehmen (попрощаться):

Ich muss dir was sagen, Karl. Heut müssen wir einander adieu sagen. [4, с. 133]

Это же относится и к структурам с несколькими дополнениями:

[...] und wusste nicht, ob er zu ihr „du“ oder „Sie“ sagen solle. [4, с. 140] = ob er sie duzen oder siezen solle.

Как показывает анализ примеров, sagen в сочетании с прямым дополнением служит для передачи прецедентных (в данном случае оценочных) смыслов и сказуемые с данным глаголом функционируют как прецедентные синтаксические единицы.

С появлением дополнения в дательном падеже глагол sagen реализует значение mitteilen. Прямое дополнение при этом выражается теми же местоимениями или прономинальными словами, что и в случае с двухвалентным sagen:

(1) Und ganz am Ende der Straße konnte ich [...] die Gestalt eines Menschen sehen, der dort seines Weges ging. Ich sagte es meinem Vater. [6, с. 36]

(2) Es gibt nichts, was mich interessieren könnte, als Sie, gnädige Frau. Ich bin gekommen, um Ihnen das zu sagen. [4, с. 50]

(3) „Wenn du es keinem sagst“, flüsterte sie, setzte Max auf ihren Schoß und fuhr, etwas lauter, englisch fort, „erklär ich’s dir. Gestern schrie Mama ‚Ins Land der Mörder bringt mich keiner‘, und ich musste einfach mit ihr weinen [...]“ [8, с. 305]

(4) Wir sind nicht wie andere Kinder. Anderen Kindern erzählt man nichts, uns sagen sie alles. Wir beide haben Eltern bekommen, die ihren Mund nicht halten können. [8, с. 304]

(5) Also gehen Sie nun, nicht? Wir haben einander vielleicht schon zu viel gesagt. [4, с. 53]

В вышеприведённых предложениях с sagen в структуре с дательным падежом сказуемое также выполняет функцию анафоры (1, 2, 5) или катафоры (3). В (2) с помощью sagen маркируется собственное высказывание как уже произнесённое. Кроме этого, за счёт возвращения к нему данное высказывание фокусируется говорящим, подчёркивается его важность (Ich bin gekommen, um Ihnen das zu sagen). В примере (5) помимо отсылки к прошедшему разговору фраза Wir haben einander schon zu viel gesagt маркирует его окончание, выступает сигналом прекращения разговора на данную тему и приобретает тем самым вторичное, императивное, значение Sprechen wir nicht mehr davon.

В предложении (3) «Wenn du es keinem sagst» [...] глагол sagen актуализирует все актанты со значением mitteilen. Однако в заданной коммуникативной ситуации сообщение со стороны реципиента прогнозироваться не может, поскольку в роли последнего выступает младенец: девочка беседует со своим младшим братом, рассказывая ему об актуальных событиях в их семье и своих переживаниях по этому поводу. В данном случае Wenn du es keinem sagst служит единственно для установления контакта с ребёнком, для установления доверительного отношения с ним, для привлечения его внимания. Таким образом, вся синтаксическая структура с sagen десемантизируется, выполняет эмфатическую функцию.

Так как эта структура передает грамматический прецедентный смысл, она выступает вторичным грамматическим знаком, т.е. прецедентной единицей.

В (4) [...] uns sagen sie alles помимо указания на предыдущие и возможные последующие высказывания содержится эмоциональная оценка данных высказываний – отношение сожаления, жалоба ребёнка на родителей, которые не скрывают своих проблем и забот от детей.

Таким образом, в структуре Sn sagen Sd Sa реализуется денотация сообщения (mitteilen) со следующими коннотациями: 1) отсылка к предыдущему или последующему высказываниям; 2) маркирование собственного мнения или оценки как уже высказанного; 3) выделение релевантности высказывания; 4) выражение оценочности и эмоциональности.

При наличии предложной группы sagen реализует значение aussagen, behaupten:

(1) Was man von ihr sagt, weißt du. [4, с. 49]

(2) Es gibt auch gutes von ihr zu sagen. [5, с. 115]

В данных структурах sagen получает в контексте также определенные коннотации: 1) отсылка к уже высказанному (1) или последующим (2) оценкам; 2) указание на смену темы разговора (1), (2); 3) реализация оценки (2). За счёт сочетания глагола sagen с грамматикализирующей структурой es gibt, которая сама по себе уже является прецедентной единицей и служит для выражения пассивного значения, вовлекая в процесс грамматикализации sagen, всё предложение передает деонтическую модальность. Автор подчёркивает тем самым, что хочет и может непредвзято оценивать лицо, о котором ведёт речь (в данном случае, сопернику).

Таким образом, предикаты с sagen в сочетании с прямым и/или косвенным дополнением способны выражать прецедентные смыслы, возникающие в синтаксических конструкциях в определённой ситуации общения. Эти смыслы формируются путем соотношения текущего вы-

сказывания с предыдущим или последующим высказываниями, фиксации начала новой темы или конца разговора, а также выражения оценки своего высказывания или высказывания собеседника с точки зрения его значимости для говорящего и слушающего. Эти смыслы передают степень объективности говорящего, провокативной речевой активности собеседника, эмоции и «выдают» намерения говорящего (побуждение к действию или отказу от задуманных действий). Выражая прецедентные смыслы, предикаты с sagen выступают синтаксическими прецедентными единицами.

Список литературы:

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. — 3-е изд., стер. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 383 с.
2. Böll H. Ansichten eines Clowns. [=Глазами клоуна] / Бёлль Г. СПб.: КАРО, КОРОНА принт, 2009. — 352 с.
3. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. / Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion: A. Klosa, K. Kunkel-Razum, W. Scholze-Stubenrecht, M. Wermke. 4., neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2001. — 1892 S.
4. Hesse H. Liebesgeschichten [=Истории любви] / Герман Гессе. М.: Айрис-Пресс, 2011. — 192 с.
5. Noll I. Kalt ist der Abendhauch. Zürich: Diogenes Verlag, 1998. — 246 S.
6. Süßkind P. Die Geschichte von Herrn Sommer. Zürich: Diogenes Verlag, 1994. — 129 S.
7. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. G. Helbig, W. Schenkel. Leipzig:VEB Bibliografisches Institut, 1973. — 458 S.
8. Zweig S. Nirgendwo in Afrika. Irgendwo in Deutschland. — München: Wilhelm Heine Verlag, 2004. — 364 S.

АНГЛИЙСКИЕ ГРАФИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ

Савицкая Екатерина Владимировна,

аспирантка кафедры английской филологии

Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, г. Самара

Лакунология ныне переживает период активного развития; объектом анализа становятся чаще всего лексические и фразеологические лакуны. Между тем лакуны существуют и в других сферах языка, и они тоже заслуживают исследовательского внимания. В нашей статье с внутриязыковых позиций рассматривается вопрос о существовании английских графических лакун.

Этот вопрос решается в зависимости от того, включаются ли полиграфемы (обобщающее название для ди-, три- и тетраграфов) в алфавит в качестве его полноправных элементов наряду с монографемами (отдельными буквами).

На этот счет мнения исследователей расходятся. Согласно одному из них, «диграфы [и, по логике вещей, остальные полиграфемы – Е.С.] ... входят в официально утвержденный алфавит» [4, с. 24]. Но, по свидетельству другого лингвиста, «Л.Р.Зиндер называл наличие диграфов [и, по логике вещей, всех полиграфем – Е.С.] в алфавите плодом недоразумения» [1, с. 9]. Если принять точку зрения, согласно которой алфавит – это «упорядоченное

множество письменных обозначений фонем» [Иванов 1998: 18], то полиграфемы должны считаться полноправными компонентами алфавита. Но если придерживаться определения Д.Н.Ушакова («алфавит – совокупность ... букв, принятых в письменной системе какого-нибудь языка» [2]), то полиграфемы не входят в алфавит, т.к. они не являются отдельными буквами.

Первая точка зрения имеет логическое и лингвистическое обоснование. Языковедам хорошо известен феномен идиоматичности: устойчивая синтагма знаков передает единое значение, не делимое на значения знаков – членов синтагмы. Например, в области английской фразеологии оборот white elephant (букв. ‘белый слон’) передает значение ‘обуза’, не делимое на значения лексем white ‘белый’ и elephant ‘слон’. В области английской лексики существительное moonshine (букв. ‘лунное сияние’) передает значение ‘самогон’, не делимое на значения морфем moon- ‘лунное’ и -shine ‘сияние’. Аналогичным образом, в области английской графики диграф ph передает значение [f], не делимое на значения букв p и h, а триграф

sch (например, в слове schedule ['ʃedju:l]) передает значение [ʃ], не делимое на значения букв s, c, h. Значит, полиграфемы могут считаться графическими идиомами.

На этом основании выстроим силлогизм:

Посылка 1. Идиомы входят в состав языка.

Посылка 2. Полиграфемы – идиомы.

Вывод. Полиграфемы входят в состав языка (а именно в состав алфавита).

Полиграфемы (ди-, три- и тетраграфы), как и монографемы (буквы), – это «письменные обозначения фонем» [5, с. 23], т.е. графемы. В этой трактовке алфавит – это упорядоченная совокупность графем, а не только букв.

С этих позиций обратимся к вопросу о графических лакунах в английском алфавите. Подобно тому, как лексическая лакуна – это отсутствие лексемы для семемы [3, с. 8], графическая лакуна – это отсутствие графемы для фонемы. Как известно, каждая английская фонема передается одной или несколькими графемами (одиночными или составными), а значит, если принять упомянутую трактовку, то окажется, что в английском языке нет графических лагун.

Но следует учесть, что в транскрипции имеет место взаимно-однозначное соответствие фонем и одиночных транскрипционных знаков. Оно отвечает назначению транскрипции – оптимальным, наиболее простым, однозначным способом, без полисемии, синонимии и идиоматичности графем, отражать на письме фонемный состав звучащей речи. К этому идеалу близка английская транскрипция Д. Джоунза. Всякий буквенный алфавит при его создании замыслился как транскрипция. К этому замыслу близок, например, алфавит эсперанто, а также проекты совершенствования орфографии английского и других языков.

Однако в древние времена, в период возникновения алфавитов, их создатели не располагали ни фонологической теорией, ни методом дистрибутивного анализа, ни аппаратурой, нужной для установления звукового строя языков. Кроме того, многие языки получили письменность от языков-доноров, звуковой строй которых не был изоморфен звуковому строю языков-акцепторов.

Всё это привело к отступлению от взаимно-однозначного соответствия фонем и букв, а именно к появлению вышеупомянутых явлений – полисемии, синонимии, идиоматичности графем – и к возникновению полиграфем.

Как известно, английский язык в 7 веке н.э. заимствовал латинский алфавит. Добавление к нему рун þ, ð, ƿ, ирландской буквы 3 (позднее упраздненных), греческих k, y, лигатуры w оказалось недостаточным для приведения латиницы во взаимно-однозначное соответствие с английской фонемной парадигмой. В результате некоторым английским фонемам не досталось отдельных букв:

английские согласные фонемы

b p d t z s g k ð θ v f z ʃ dʒ ʃ h l r w j m n ŋ
b p d t s c g c - - f f g - g - h l r w y m n -
x s k v j u
z q

английские согласные буквы

английские гласные фонемы

i: i e æ a: ə ə: u u: ʌ ə: ə ai au ei eə ɔi ou iə uə

е е е а а о о и и у и - а i - е - - о - -
i e y
y o
u

английские гласные буквы

Судя по прочеркам в таблицах, собственных отдельных букв не имеют 11 английских фонем – [ð], [θ], [ʃ], [ʒ], [ŋ], [ə:], [au], [eə], [ɔi], [iə], [uə]. Если придерживаться второй из вышеупомянутых трактовок, по которой алфавит – это «совокупность букв [т.е. не всех графем, а лишь монографем – Е.С.], принятых в письменной системе какого-н. языка» [2], то отсутствие букв для вышеперечисленных фонем можно назвать лакунами в английском алфавите.

Обе трактовки, охарактеризованные выше, имеют право на существование. Выбор той или иной из них определяется исследовательской задачей.

При исследовании способов существующего графического обозначения английских фонем целесообразно придерживаться первой трактовки. В ее рамках алфавит состоит как из монографем (букв), так и из полиграфем (ди-, три- и тетраграфов); каждая фонема имеет свою (моно- или поли-) графему (а то и несколько графем), и, следовательно, в английском алфавите как системе графем нет лагун. Все лакуны элиминированы внутри графемной парадигмы.

Но при анализе путей совершенствования английского алфавита, которое

направлено на достижение взаимно-однозначного соответствия фонем и букв, удобнее придерживаться второй трактовки, согласно которой алфавит состоит только из монографем (букв) и, следовательно, в английском алфавите как системе монографем (букв) имеется 11 лагун. Это позволяет установить, какие фонемы нуждаются в собственных буквах для установления требуемого взаимно-однозначного соответствия фонем и букв. Лакуны компенсированы, но не элиминированы внутри парадигмы монографем.

Таким образом, решение вопроса о том, имеются ли в английском языке графические лакуны, зависит от того, что считать алфавитом – всю систему графем или лишь систему монографем (букв). Обе трактовки правомерны; исследователь волен делать выбор исходя из поставленной задачи.

Литература:

1. Бернацкая А.А. Введение в общее языкознание. Программа. Красноярск: изд-во Сибирского федерального ун-та, 2010. – 21 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Репринт. Том 1. М.: Русский язык, 2000. – 1567 с.
3. Быкова Г.В. Явление лакунарности на уроках русского языка в школе. Благовещенск: изд-во Благовещенского гос. пед. ун-та, 2005. – 87 с.
4. Гиляревский Р.С. Латинский алфавит // Краткая литературная энциклопедия / под ред. А.А. Суркова. Том 4. М.: Советская Энциклопедия, 1978. – 1024 с.
5. Иванов В.В. Алфавит // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ТЕРМИНА «ГНЕЗДО ОДНОКОРЕННЫХ СЛОВ»

Шабалина Альбина Николаевна

Канд. фил. наук, ГОУ СПО «Беловский политехнический техникум», г. Белово

Термином является особое слово или словосочетание, являющееся точным и однозначным обозначением определенного понятия в области науки, техники, искусства, общественной жизни. Применение термина необходимо для того, чтобы не происходило путаницы или смешения понятий при описании результатов научных исследований, проектировании сложного оборудования, описания художественных нюансов творческого процесса или урегулировании конфликтов, вызванных социальными процессами.

Несмотря на требования, предъявляемые к содержанию термина, филологические термины, как правило, не являются однозначными. Смысловая наполненность одного термина может варьироваться в зависимости от подхода или направления изучения, лингвистической школы, изучаемого уровня языка.

Современное состояние лингвистической мысли характеризуется большой толерантностью к появлению громадного количества новой терминологии, вызванного новыми направлениями в исследовании языка. Большое количество диссертаций на соискание кандидатской и докторской степени, представляемых на защиту, позволяет вводить и обосновывать необходимые исследователю термины.

Подобные тенденции – наличие огромного терминологического аппарата при почти отсутствующей системе критического анализа поступающих научных новообразований – привели к практике, когда термин получает право на жизнь без должного обоснования и переключается из одного научного исследования в другое, превращаясь в догму, подчас удивляя неискушенного слушателя.

Подобная судьба, на наш взгляд, сложилась у термина «гнездо однокоренных слов». Термин формировался постепенно, на протяжении не одного столетия. Не существует однозначного мнения по поводу авторства данного термина.

В 1862 году, описывая свою работу по составлению словаря, В.И. Даль писал: «вглядываясь в эти бесконечные столбцы слов, видишь, наконец, что с небольшою перетасовкой и за исключением малого числа речений, примешавшихся со стороны и забившихся, по азбучному праву, промеж чужой им *семьи*, все остальные, целыми купами, показывают *семейную* связь и самое близкое родство; устранив понятие о корнях, в том широком смысле, как его понимают ученые, никто не усомнится, что *стоять*, *стойка* и *стойло* – одного *гнезда* птенцы...» [1 С. 20]. В.И. Даль указывает на *семейную/родственную* связь между словами, совокупность которых определяет *семью*. Отсутствии филологического образования у В.И. Даля сказывалось в употреблении им не специальной лингвистической терминологии, а тех слов, которые на его взгляд, наилучшим образом отражали сущность вопроса. Традиционное языкознание, указывая на связи между словами, говорит об этимологических (близости происхождения), семантических (близости значений), словообразовательных (отношения производности) связях. Говоря о *семейных/родственных* связях, В.И. Даль объединял в одном определении все виды связи: и связанность по корню, и по

значению, и по происхождению. Несомненно, в данном фрагменте В.И. Даль использует выражение «гнезда птенцы» метафорически, пытаясь подчеркнуть то, что указанные слова имеют один источник происхождения – каковым является гнездо для птенцов. Далее мы читаем: «... не усвоим ли мы себе легче утраченный нами дух языка, при том *гнездовом* или *семейном* порядке составления словаря, какой читатели видят ныне перед собою? При расположении слов *гнездами*... все *гнездо* слов... эта *семья* или *гнездо* слов... итак, вот тот порядок, то устройство словаря, на которое составитель решился: собрать по *семьям* или *гнездам* все очевидно сродственные слова» [1 С. 21]. Таким образом, В.И. Даль постепенно приходит к взаимозаменяемости понятий *семья* и *гнездо*, не определяя ни один как лингвистический термин. Семантическая структура данных слов (согласно Словарю В.И. Даля) не включает элементы, указывающие на их соотношенность с языкознанием:

Гнездо //различного рода помещение или место, где животные выводят детёнышей своих;
//жильё, жилище всякого рода; притон, пристанище, скопище, поселение;
//семья;
//рядом стоящие, вплотную приставленные две избы;
//место в улье, где рой обычно сидит в куче;
// впадина, ямина, углубление, куда что вкладывается или вставляется концом;
// углубление, ямка, в которую на плавильных заводах выпускают плавь, для отливки свинок, штыков и пр.
Семейство или *семья* // вообще: совокупность близких родственников, живущих вместе; в тесн. знач. родители с детьми; женатый сын или замужняя дочь, отдельно живущие, составляют уже иную семью;
// в естеств. истории: разряд подобных и сродных, схожих; *семейство кошек*

Словарь Д.Н. Ушакова, появившийся спустя полвека, предлагает развитие семантической структуры исследуемых нами слов, не фиксируя каких-либо значений, связанных с языкознанием:

Гнездо 1. помещение, логово, приспособленное птицами, животными для кладки яиц, высидывания птенцов, выведения детёнышей;

2. перен. наследственное, родовое жильё, обиталище (*книжн. устар.*);

3. тайный, укромный притон, пристанище (*книжн.*);

4. выводок, семья животных;

5. скопление, группа.

Семья 1. группа людей, состоящая из родителей, детей, внуков и ближних родственников, живущих вместе;

2. *перен.* организация, группа людей, дружная и сплоченная общими интересами.

Словарь С.И. Ожегова, появившийся спустя пару десятилетий после словаря Д.Н. Ушакова, уже фиксирует лингвистические значения слов:

Гнездо 1. у птиц, насекомых, пресмыкающихся, грызунов и некоторых других животных: место жилья, кладки яиц и выведение детёнышей;

2. выводок животных (*спец.*);

3. группа тесно растущих молодых растений, ягод, грибов;
4. углубление, в которое что-либо вставляется;
5. укрытое место для чего-нибудь;
6. в языкознании: группа слов с общим корнем.

Семья 1. группа живущих вместе близких родственников;

2. *перен.* объединение людей, сплоченных общими интересами;
3. группа животных, птиц, состоящая из самца, самки и детенышей, а также обособленная группа некоторых животных, растений или грибов одного вида.

♦ Семья языков – в языкознании: группа родственных языков.

А.Н. Тихонов, продолжая работу В.И. Даля по составлению гнездового словаря, предложил новый тип организации словарной статьи: с учетом отношений и направления производности, таким образом, эксплицируя словообразовательные связи между однокоренными словами. К концу 20 века лингвистика сделала значительные шаги по направлению развития терминологического аппарата, требуя однозначного определения каждого случая употребления нового термина. А.Н. Тихонов понимал под словообразовательным гнездом «упорядоченную отношениями производности совокупность слов, характеризующихся общностью корня» [6 С. 36]. Ю.С. Сорокин акцентирует внимание на том, что «гнездом слов... являются не вообще все слова, исторически связанные единством происхождения, а лишь те, у которых эти связи остаются открытыми, осознаваемыми» [5 С. 81].

Современный словарь И.А. Ширшова не только фиксирует лингвистические значения слов, но и указывает однокоренные слова *гнездовать* (располагать слова по гнездам, т.е. по группам слов с общим корнем); *гнездовой* (относящийся к гнезду, напр. гнездовой принцип построения словаря):

Гнездо 1. у птиц, насекомых, пресмыкающихся, грызунов: место жилья, кладки яиц и выведения детенышей;

2. семья птиц, животных;
3. группа тесно растущих молодых растений, ягод, грибов;
4. углубление, в которое что-либо вставляется;
5. укрытое место;
6. группа слов с общим корнем.

Семья 1. группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и других близких родственников, живущих вместе;

2. *перен.* группа людей, объединенная общей деятельностью, общими интересами;
3. группа животных, состоящая из самца, самки и детенышей, живущих вместе;
4. *лингв.* группа родственных языков. напр. славянская языковая семья.

В статье Елены Мережко «Слово из гнезда. Работа со словообразовательным гнездом на уроках русского языка» читаем: «На уроках русского языка в начальных классах словообразовательное *гнездо* можно рассматривать как *семью* однокоренных слов». Далее мы встречаем: «В процессе работы со словообразовательным *гнездом* (*семьей* однокоренных слов)... Рассмотрите следующую *семью однокоренных слов*... Распределите полученные слова по *словообразовательным семьям*... Рассмотрите *словообразовательное гнездо*». Таким образом, в работе ставится знак равенства между терминами *гнездо* и *семья*.

История развития функционирования термина *гнездо* тесно связано с понятием *семья*, которое, на наш взгляд, семантически более точно отражает качество отношений между однокоренными словами. Между членами семьи существуют родственные, генетические связи;

между однокоренными словами – этимологические связи. Члены семьи происходят друг от друга: есть родоначальник, есть потомки; однокоренные слова восходят к одному предку, которого именуют вершиной словообразовательного гнезда. Члены семьи похожи друг на друга внешне и по характеру, стилю поведения, интересам; однокоренные слова объединяются общим корнем и общей семантикой – смысловым содержанием, внутренней формой слова. В английском языке русскому термину соответствует выражение *family of cognate words*, в немецком – *Wörter Familie*.

Завершить хотелось бы лингвистической сказкой: «Жил да был на свете корень -ЛЕС-. Сначала хорошо ему было, потому что был он единственным, но потом скучно стало. Что делать? Решил он поискать по свету своих родственников, те слова, в которых есть корень -ЛЕС-. Долго ждать не пришлось. На зов корня откликнулось множество слов: *лесочек, лесной, лесная, полесье, лесник*, даже *лесовичок* прибежал. Ох, и дружная получилась *семья*. А ведь и правда, разница-то у них не такая уж и большая: только отличаются суффиксы, приставки да окончания! Так и живут рядышком, изредка просят какую-нибудь морфему помочь образовать новое слово. Раз, и появляется в дружной *семье однокоренных слов* ребёнок – новое слово!»

Таким образом, из метафоры «гнезда птенцы» сформировался термин «гнездо однокоренных слов», который постепенно получил более широкое употребление в научных трудах по словообразованию в 60-е годы 20 столетия и первом десятилетии 21 века, полностью вытеснив понятие «семья однокоренных слов». Однако в последнее время мы наблюдаем возвращение исследователь-словообразователей к первоначальному термину В.И. Даля, что свидетельствует о большей свободе в выборе терминологического аппарата с опорой на индивидуальное видение ученым содержания выбираемого термина.

Список литературы:

1. Даль В. И. Напутное слово / В. Даль // Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1: А-З / В.И. Даль. – М.: Рус. яз.–Медиа; Дрофа, 2008. – С.13-29.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1: А-З / В.И. Даль. – М.: Рус. яз.–Медиа; Дрофа, 2008. – 699с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4: Р-В / В.И. Даль. – М.: Рус. яз.–Медиа; Дрофа, 2008. – 683с.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. – 944с.
5. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90-е годы XIX в. М.; Л., 1965.
6. Тихонов, А.Н. Основные понятия русского словообразования / А.Н. Тихонов. // Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1990.
7. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка / И.А. Ширшов. – М.: АСТ: Астрель: Русские словари: Ермак, 2004. – 1022с.

Электронные ресурсы:

1. <http://ushakovdictionary.ru/>
2. <http://nsc.1september.ru/2003/39/2.htm>
3. <http://edu.internet-school.ru/demo-article/article:cbefe9f2-01bc-513c-a9c0-85e85b394e36>

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВЫХ СПОСОБНОСТЕЙ НОМО LOQUENCE НА ФОНЕ ФОРМИРОВАНИЯ, РАЗВИТИЯ И ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ПРОЦЕССЕ ПОЭТАПНОГО РАЗВИТИЯ СИСТЕМНОГО МЫШЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Шарипова Василя Анатольевна

Канд. фил. наук, доцент кафедры иностранных языков для профессиональной подготовки Баш ГУ, г. Уфа

Важным и интересным с точки зрения когнитивной парадигмы открытием является выявление недооценки способностей младенца в области восприятия: «С самого раннего возраста младенец наделен организующими принципами, позволяющими ему репрезентировать мир и «понимать» некоторые законы его существования. Например, такие конструкторы, как непрерывность и субстанциональность, глубоко внедрены в когнитивные репрезентации физического мира и усваиваются человеком еще в младенческом возрасте. Младенец – не сенсорный индивид, лишенный упорядоченных ментальных структур, погруженный в хаос ощущений, как полагалось ранее. Младенец – репрезентативный индивид, наделенный способностью структурировать и упорядочивать мир [1: с. 14]. Были получены свидетельства того, что возникающий у младенца мир феноменологически первичен. Он предшествует усвоению ребенком родного языка, а в своей первичной стадии не зависит также и от конкретного жизненного уклада, в рамках которого протекает начальное развитие ребенка [2: с. 246, 275].

Интересное исследование провел А.Д. Кошелев, который полагает, что развитие речи ребенка обусловлено, наряду с генетическим фактором, развитием его концептуального мира [3: с. 32-38]. Он исходит из гипотезы: «*сущность умственного развития ребенка заключается в поэтапном развитии его системного мышления*». Кратко характеризуя разные этапы системного мышления ребенка (начиная с 8-ми месячного возраста), опираясь на последние данные исследований психологии развития ребенка, он попытался показать, что «соответствующие этим этапам развитие его концептов заключается в преобразовании их во все более сложные концептуальные системы» [3: с. 32].

В возрасте восьми месяцев у младенца начинается процесс пассивного усвоения речи. Он начинает понимать первые слова и выражения родного языка и адекватно реагировать на них – обращать взгляд к названному предмету. «Это значит, что концептуальная система младенца обретает первичную схожесть с концептуальной системой взрослого».

С 12-13 месяцев ребенок начинает употреблять слова как знаки – в их референциальной функции, у вещей появляются имена, как в процессе понимания, так и в процессе порождения речи. Затем, в какой-то момент ребенок начинает непроизвольно понимать, что субконцепты взаимодействуют друг с другом.

Следующим шагом (примерно в возрасте полутора – двух лет) становится ситуация, когда субконцепты, имеющие в рамках ситуации ограниченную самостоятельность, превращаются в полностью независимые от ситуации (базовые) концепты.

Примерно с полутора лет у ребенка появляется телеграфная речь – осмысленные фразы, состоящие из двух или трех слов, расположенных в правильном порядке, но часто не согласованных [4: с. 254]. «Разумно предположить, что этот этап речевого развития ребенка обусловлен

развитием его субконцептов – формированием из них самостоятельных концептов. Благодаря этому совокупность взаимосвязанных субконцептов превращается в конфигурацию самостоятельных (и поименованных) концептов, объединенных чисто функциональными отношениями. Для вербализации такой конфигурации концептов ребенок должен употребить уже не одно, а несколько слов, упорядочивая их некоторым «естественным» образом. Этого же уровня языкового развития достигает «говорящий» антропоид, что указывает на сходство концептуальных систем антропоида и ребенка полутора – двух лет» [3: с. 34].

Следующий шаг развития (у ребенка двух – трех лет), приводит к образованию из концептов ещё более детализированных систем, – суперконцептов, предметный образ которых имеет вид партитивной структуры (разделен на части). Это связано, по мнению А.Д. Кошелева, с начинающимся у двухлетнего ребенка лавинообразным развитием языка («языковой взрыв»), что не доступно антропоиду, который останавливаясь на уровне концептов, не способен к дальнейшему развитию своего языка.

Дальнейшее развитие ребенка в возрасте трех – пяти лет сопровождается преобразованием суперконцепта в систему частных суперконцептов. «Система частных суперконцептов (4-й уровень) обеспечивает ребенку более глубокое понимание предмета. Он теперь знает, как «работать» части составляющей, чтобы обеспечить «работу» целой составляющей (выполнение ею своей функции). Частные суперконцепты 4-го уровня далее не развиваются. Они – элементарные суперконцепты» [3: с. 36, 37].

Четвёртым уровнем ограничиваются знания (система частных суперконцептов) рядового носителя языка об окружающих его предметах, когда человек обладает глубоким пониманием предмета. Знание трех уровней обеспечивает поверхностное понимание предмета, а двух – просто знание предмета (им обладают полуторагодовалые дети и высшие антропоиды). Есть и пятый уровень глубочайших профессиональных и научных знаний о предмете [3: с. 32-37].

Схожую точку зрения на этот счет имеет В.И. Болотов: «Условно можно выделить концепты дилетанта (наивная картина мира) и концепты профессионала (научная картина мира)» [5: с. 87].

С.Г. Шафиков подразделяет концепты на наивные и научно-философские: «Концепты выражают ориентированные на человека, наивные, а не научно-философские представления о мире, поскольку *primum vivere, deinde philosophari* (философия следует за жизнью, а не наоборот). Чем абстрактнее концепт, тем менее умопостижимым он становится для общего коллектива носителей языка и тем более превращается он в интеллектуальную категорию для людей умственного труда» [6: с. 11].

Таким образом, исследования показали, что человек начинает усваивать когнитивные репрезентации физического мира еще в младенческом возрасте и далее поэтапно проходит этапы развития системного мышления от

уровня субконцептов до уровня частных суперконцептов или, проще говоря, от дилетанта (наивная картина мира) до профессионала (научная картина мира). Параллельно этапам появления концептов появляется необходимость их вербализации и происходит сначала постепенное усвоение, затем становление речи ребёнка и далее взрослого человека. У человеческого ребёнка с нормальным уровнем развития с двух - трёх лет начинается лавинообразное развитие языка («языковой взрыв»). Возникает вопрос: что же первично концептуальный мир или язык. И это - тема для дальнейшего исследования.

Список литературы:

1. Сергиенко, Е.А. Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. - 464с.
2. Би, Х. Развитие ребенка; пер. с англ.: А. Ершова, Н. Зуева. - 9-е изд. - Санкт-Петербург: Питер: Питер принт, 2004. - 767с.
3. Кошелев, А.Д. Об основных парадигмах изучения естественного языка в свете современных данных когнитивной психологии // Вопросы языкознания. - 2008. - № 4. - С. 15 - 40.
4. Пинкер, С. Язык как инстинкт; пер с англ. / общ. ред. В.Д. Мазо. - М.: Едиториал УРСС, 2004. - 456с.
5. Болотов, В.И. А.А. Потебня и когнитивная лингвистика // Вопросы языкознания. - 2008. - №2. - С. 82-96.
6. Шафиков, С.Г. Категории и концепты в лингвистике // Вопросы языкознания. - 2007. - №2. - С. 3 - 17.

ИССЛЕДОВАНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК ЯЗЫКА И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ «ВЫСШИХ» ЖИВОТНЫХ, А ТАКЖЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИХ ЯЗЫКОВЫХ СПОСОБНОСТЕЙ В СВЕТЕ НЕДАВНИХ ОТКРЫТИЙ И ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Шарипова Василия Анатольевна

Канд. фил. наук, доцент кафедры иностранных языков для профессиональной подготовки, г. Уфа

Начиная с 60-х годов XX столетия, повышенный интерес к психолингвистике повлек за собой широкомащтабные когнитивные исследования.

Вопрос о биологических предпосылках языка в последние годы получил новое освещение благодаря серии работ, посвященных недавно открытому гену FOXP2, нарушение которого у человека ведут к неправильной работе многих частей речевого аппарата и лицевых мускул.

Ученые оценили экспрессию генов в тканях различных участков мозга у взрослых людей и шимпанзе и сравнили с результатами, полученными для соответствующих клеточных культур (клеточные культуры с геном шимпанзе сравнивали с мозгом взрослого шимпанзе, а культуры с человеческим геном — с человеческим мозгом). Выяснилось, что картина экспрессии генов в культурах клеток чрезвычайно похожа на таковую в тканях «взрослого» мозга. Сходство оказалось высоким и для человеческих клеток и для клеток с геном шимпанзе.

Проведенная работа выявила, что различия между человеком и обезьяной нельзя объяснить только различиями в белок-кодирующих последовательностях. Самые важные «человеческие» признаки, в том числе связанные с работой мозга, формируются за счет изменения регуляции и количественных различий в экспрессии генов. Наиболее важным регуляторным фактором, изменяющий экспрессию целого комплекса генов, является ген FOXP2. Среди множества функций этого гена-регулятора находится и контроль работы мышц, участвующих в формировании речи. [1: с. 213–217]

В 2001 г. было показано, что люди, несущие мутации в этом гене, не способны производить некоторые быстрые движения мышц лица, необходимые для артикуляции слов, несмотря на то, что они обладают нормальными когнитивными речевыми способностями.

Кроме того, в 2007 г. ученые из Института эволюционной антропологии Макса Планка в Лейпциге секвенировали FOXP2, извлеченный из останков неандертальцев, и обнаружили, что эти вымершие люди обладали современной человеческой версией этого гена. Анализ

ДНК неандертальца, который, согласно эволюционной временной шкале, эволюционировал около 400 тысяч лет назад, продемонстрировал, что у них был в точности такой же белок гена FOXP2 (выделенный из последовательности ДНК), как и у современных людей. В дополнение к морфологическим и физиологическим доказательствам существования речевого тракта, который включает в себя и современную подъязычную кость, молекулярная биология представляет доказательства того, что неандертальцы имели все характеристики, необходимые для говорения на сложных языках. Вполне вероятно, что они могли разговаривать так же, как и мы.

Вся последовательность ДНК человеческого гена FOXP2 расшифрована; расшифрованы и генетические гомологии шимпанзе, орангутанга, макака-резус и мыши. Белки FOXP2 у шимпанзе, гориллы и макаки-резус идентичны. Эти же белки у орангутанга и шимпанзе отличаются лишь двумя аминокислотами вне зон Q (зоны Q не принимаются во внимание, поскольку они подвержены быстрым мутациям из-за неустойчивых полимераз ДНК). По сравнению с этими пятью примерами, человеческая версия последовательности ДНК отличается двумя фрагментами. Большинство признаков, отличающих человеческую речь от звуковой коммуникации у других животных, обусловлены не физическими данными, а когнитивными способностями, которые часто коррелируют с размером мозга [2: с. 118–127].

Учеными также отмечено: мышшь и шимпанзе разделяют друг от друга только одна аминокислота, несмотря на крайнюю «консервативность» этого гена (ему 75 миллионов лет), тогда как человека от шимпанзе отличает целых две аминокислоты. Предполагается также, что нарушение этого гена влияет на появление акустических галлюцинаций при шизофрении [3: с. 9,10].

Ген FOXP 2, считающийся одним из ключевых в развитии сложной человеческой речи, выполняет похожую функцию у певчих птиц. По крайней мере, искусственное отключение гена в области мозга молодняка «австралийского воробья» - зebровой амадины,

ответственной за обучение песням у старших товарищей, приводит к тому, что птенцы не совсем точно и не полностью повторяют услышанную песню.

FOXP2 встречается у многих позвоночных и считается, что он как-то связан с развитием сложной речи. В частности, ранее было замечено, что уровень экспрессии гена хорошо коррелирует со сложностью эхолокационного сигнала летучих мышей, а у людей, у которых ген повреждён, наблюдаются речевые расстройства.

Многие исследователи полагают, что путь к его изучению лежит через эксперименты с певчими птицами, обладающими, подобно человеку, «речью» (пением) сложной многоуровневой структуры.

Исследование этого гена подтолкнули учёных к новым исследованиям: сравнению средств общения человека и антропоида, выявлению языковых способностей и возможностей высших антропоидов. Оказалось, что антропоид, обладая системой восприятия, близкой к человеческой, демонстрирует разумное поведение, основанное на развитом мышлении: он способен, подобно человеку, играть, смеяться, узнавать себя в зеркале, помогать своим сородичам и даже обманывать их [4: с. 96-100]. К тому же, антропоид оказался способным к усвоению человеческого языка на уровне двухлетнего ребенка, что выяснилось в ходе экспериментов с амслен-говорящими обезьянами (Амслен (AmSlang – American sign language) – упрощенная версия жестового языка американских глухонемых) [4: с. 137].

З.А. Зорина, однако, подчеркивает, что «разница в степени выраженности вербального поведения антропоидов и языка человека весьма велика:

- словарь человекообразных обезьян (как бы не преувеличивали его объем) ограничен по сравнению со словарем ребенка даже трех лет;

- свойство перемещаемости (способности говорить о прошлом, будущем и предметах, находящихся вне поля зрения) развито не настолько, чтобы подробно «высказываться» о событиях отдаленного прошлого и о сложных планах на будущее;

- собственные «высказывания» шимпанзе в подавляющем большинстве случаев ограничиваются двумя-тремя «словами», что, впрочем, характерно и для двухлетних детей;

- понимание синтаксиса также находится у обезьян на самой ранней ступени развития, хотя и сопоставимо с характерным для двухлетнего ребенка» [4: с. 303-304].

Подытоживая свою работу, З.А. Зорина пишет: «Подробно анализируя структуру мышления антропоидов в сравнении с другими приматами и высокоорганизованными неприматами, мы опирались на представления Л.С. Выготского о том, что переход к языку связан именно с объединением мышления и речи. Поэтому, представленные нами, данные о том, что антропоиды превосходят всех остальных приматов количественно и обладают рядом уникальных, недоступных больше никому (или почти никому) когнитивных способностей, позволяют допустить, что этот уровень в соединении с предоставленной им искусственной знаковой системой может приблизить осуществляемую с помощью языка-посредника коммуникацию к простейшей (детской) форме языка человека» [5: с. 43].

Итак, выше приведенные данные позволяют предположить, что концептуальный мир высших антропоидов сходен с концептуальным миром двухлетнего ребенка. Поскольку антропоид демонстрирует разумное поведение, основанное на мышлении, он использует для этого

специальный «язык мысли». Но есть учёные, которые делают из этого свои, отличные от выше указанных выводы. С. Пинкер считает, что «люди, лишенные языка, тем не менее, обладают мыслекодом, а младенцы и многие животные обладают его более простыми диалектами». Он считает, что «языковые» достижения антропоидов – это умелая дрессировка, а вовсе не языковое поведение: «шимпанзе – это хорошо выдрессированные животные, а двухлетний ребёнок – это двухлетний ребёнок» [6: с. 70, 223].

Рассматривая «лингвистические достижения антропоидов», М.А. Кронгауз пишет: «На мой взгляд, это использование по существу “человеческого” языка в общении между обезьянами, это элементы внутренней речи, точнее, разговора с самим собой...» При этом М.А. Кронгауз считает, что исследователи «говорящих» обезьян «...не столько исследователи, сколько педагоги, формирующие подопытных по образу и подобию своему. По существу изучаются не реальные способности обезьян и других животных, используемые ими в жизни, а способности их к обучению, овладению, и это надо особенно подчеркнуть, человеческими способностями – прежде всего человеческим языком» [5: с. 48].

«Разумеется, – возражает Зорина, – можно употребить и такие выражения как «навязать», «очеловечить», «формировать по образу и подобию своему» и т. п., подразумеваемая при этом, что контакт с человеком повышает высоту психической организации антропоидов (заметим, что в этом же ключе можно считать, что усваиваемый человеком язык также «навязывается» ему его родителями и окружением). Однако в самом деле факты свидетельствуют о том, что воспитание в контакте с человеком лишь создает условия для выявления, для реализации тех сторон психики антропоидов, тех граней их когнитивных способностей, которые не востребованы в обычных условиях, но для осуществления которых у них имеется когнитивная и нейрофизиологическая база» [5: с. 48, 49].

Антропоид, скорее всего, обучается начаткам человеческого языка, напрямую соотнося усваиваемые слова со своими концептами. Концептуальный мир антропоида сходен с миром ребенка, поэтому, овладевая лексикой (соотнося слова со своими концептами), антропоид автоматически усваивает и простейший синтаксис, выражающий основные конфигурации концептов. И это дает основание усомниться в психологической релевантности теории Ф. де Соссюра, согласно которой родной язык первичен, т.е. усваивается ребенком до концептуального мира. Согласно позиции Ф. де Соссюра «в психологическом отношении наше мышление, если отвлечься от выражения его словами представляет собой аморфную, нерасчлененную массу. Без помощи знаков мы не могли бы с достаточной ясностью и постоянством отличать одно понятие от другого. Взятое само по себе мышление похоже на туманность, где ничто четко не разграничено» [7: с. 144]. Этой же точки зрения придерживается Б. Уорф и Э. Бенвенист: «Мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит, в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [8: с. 97]. «Язык воспроизводит мир, но подчиняет его своей собственной организации. Связь, которую мы устанавливаем между вещами..., существует до самих вещей и служит их определению» [9: с. 27, 56].

Итак, когнитивная научная парадигма в своих исследованиях относительно речевых способностей человека говорящего с большим интересом относится к биологическим предпосылкам речевой деятельности homo

loquence. Настоящей находкой проявившей многие вопросы стало открытие гена FOXP2. Этот ген встречается у многих позвоночных и считается, что он связан не только с развитием сложной речи, но и с развитием когнитивных способностей. В связи с этим стало интересно сравнить средства общения человека и высших животных, а также выявить языковые способности и возможности, например, антропоидов. Антропоид оказался способным к усвоению человеческого языка на уровне двухлетнего ребенка, что выяснилось в ходе экспериментов с амслен-говорящими обезьянами. Исследования позволили предположить, что концептуальный мир высших антропоидов сходен с концептуальным миром двухлетнего ребенка, что дает основание усомниться релевантности теории Ф. де Соссюра, согласно которой родной язык первичен, т.е. усваивается ребенком до концептуального мира.

Список литературы:

1. <http://www.nature.com/nature/journal/v462/n7270/nature08549.html> Genevieve Konopka, Jamee M. Bomar, Kellen Winden, Giovanni Coppola, Zophonias O. Jonsson, Fuying Gao, Sophia Peng, Todd M. Preuss, James A. Wohlschlegel, Daniel H. Geschwind. Human-

specific transcriptional regulation of CNS development genes by FOXP2 // *Nature*. 2009. V. 462. P. 213–217.

2. www.creation.com Махатей С.А. Способность неандертальцев к речи и ограниченность остеологического анализа. Издание *J. Creation* 14(3), 2000, P. 118–127.
3. Иванов, В.В. Об эволюции переработки и передачи информации в сообществах людей и животных // Вопросы языкознания. – 2008. - № 4. – С. 3 - 14.
4. Зорина, З.А., Смирнова, А.А. О чем рассказали «говорящие» обезьяны. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 424с.
5. Пинкер, С. Язык как инстинкт; пер с англ. / общ. ред. В.Д. Мазо. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 456с.
6. Зорина, З.А. Обезьяны не только «думают», но и «говорят» // Вопросы языкознания. - 2008. - №4. - С. 41- 50.
7. Соссюр де Ф. Труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 1977. - 695с.
8. Уорф, Б.Л. Наука и языкознание // Зарубежная лингвистика. - М.: Прогресс, 1999. - Вып. I. - С. 169 - 182.
9. Бенвенист, О. Общая лингвистика. — М.: Прогресс, 1974. — 447с.

ОРИЕНТИРУЮЩЕЕ ЯЗЫКОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ТЕЛЕПЕРЕДАЧАХ «ТОК-ШОУ»

Шевченко Елена Викторовна

Аспирантка кафедры английского языка ИГЛУ, г. Иркутск

Различные теории и концепции дают самые разнообразные классификации функций языка. Лингвистический энциклопедический словарь предлагает выделить две базовые функции языка – коммуникативную и когнитивную и частные, производные первичных. «Базовые функции взаимообуславливают друг друга при использовании языка, но в отдельных актах речи и в текстах выявляются в разной степени» [5]. Рассматриваемые в рамках различных классификаций функции языка, так или иначе обеспечивают единую речемыслительную деятельность человека как существа социального. Эту деятельность невозможно расчленить на когнитивную и коммуникативную (дискурсивную), поэтому в современных теориях языка, а в частности при когнитивно-дискурсивном подходе к анализу языковых феноменов, когнитивная и коммуникативная функции языка считаются неразделимыми и взаимообусловленными. Так как язык обеспечивает речемыслительную деятельность человека, то возможно, что определение единой и универсальной функции языка значительно облегчило бы и понимание, теоретическое осмысление сущности самого языка. Тем более что в когнитивной био-социо-культурной теории язык и его функции интерпретируются в соответствии с современными интегративными тенденциями в науке: «Переосмысление сути коммуникации, более адекватное понимание коммуникативных процессов как био-социо-культурно мотивированных ориентирующих взаимодействий в когнитивной области ... - настоятельная необходимость, диктуемая потребностями современной науки и общества» [1, с. 100]. Ориентирующее воздействие/взаимодействие проявляется на различных уровнях когнитивно-дискурсивной деятельности людей.

На основе проанализированного материала, представленного в российских и американских ток-шоу и традиционно выделяемых функций языка, можно выделить следующие уровни ориентирующего воздействия:

1) **Контактоустанавливающий (фатический) уровень.** В словаре *социолингвистических терминов говорить*, что «... предназначение языка быть средством завязывания контактов между индивидами» [7]. Наглядным примером реализации этой функции могут служить приветствия типа: *Здравствуйте!, Добрый день!, Good evening!, Good morning!, Welcome to the show «The big question»*, или английский вопрос *How are you?, который не требует честного ответа. Эти фразы выражают такое эмоциональное отношение как дружелюбие, признание.* Они ориентируют аудиторию на желание и готовность говорящего устанавливать контакт, а также на определенное позитивное эмоциональное состояние, то есть *служат* эксплицитным ориентиром, преамбулой к дальнейшему разговору. Языковые средства этого уровня также могут служить для привлечения внимания, например фраза *А вот у нас...* Говорящий эту фразу ориентирует слушающих на желание вступить в контакт, говорить и быть услышанным.

На контактоустанавливающем уровне в передачах очень часто прибегают к невербальным средствам оказания ориентирующего воздействия, например, аудио и видео сопровождению. Начало (иногда и завершение) каждой из передач сопровождается специально подобранной одной и той же музыкой, некой «визитной карточкой» передачи, привлекающей внимание зрителя и ориентирующей на ее начало (или конец).

2) **Волонгативный уровень.** Этот уровень соотносится с призывно-побудительной ориентирующей функ-

цией. Назначение языка на этом уровне выражать волеизъявления говорящего и, тем самым, ориентировать адресата на выполнение действий. Это может быть просьба, извинение, побуждение, приглашение. Например, ведущий с помощью побудительного наклонения *«Пусть признается, пусть признается! Мы этого и добиваемся!»* призывает героя программы к определенному действию, а аудиторию, чьи интересы он представляет, к соучастию, поддержке его желания [2].

Или вот другой пример из передачи «ЖКХ»: *«Я хочу, что бы сегодняшнюю нашу программу мы посвятили мэру города Е. Душко и разобраться в той проблеме, в которой он хотел разобраться вместе с нами»* [4]. Ведущий играет на передаче главную роль, он руководит действиями всех участников, его слушают и на него ориентируются. Поэтому волеизъявление ведущего, заложенное в высказывании (*Я хочу...*) является одновременно и целеустановкой, и побуждением к действию.

На волонтеративном уровне также очень часто для привлечения внимания прибегают к специальному аудио сопровождению во время передачи. Это помогает акцентировать внимание на «острых» моментах. Например, в передаче «Гордон Кихот» звучит тревожная музыка в момент, когда ситуация в студии в результате взаимных обвинений накаляется. Ведущий дает волю чувствам и высказывается резко и крайне эмоционально. Усиливает воздействующий эффект крупный план лица ведущего, что дает возможность видеть, как меняется выражение его лица во время возникшей конфликтной ситуации в студии. Мимика становится недоброжелательной с чертами агрессии: пронзительный взгляд, напряженные мышцы лица, сжатые губы. И чем громче и резче звучит голос ведущего, тем слышнее и напряженнее музыка в студии. Благодаря техническим особенностям телевидения достигается по истине сильнейший эффект ориентирующего воздействия на психоэмоциональное состояние всех участников передачи [3].

3) **Когнитивно-познавательный уровень.** Человек познает мир через язык, так как в нем накоплен опыт предыдущих поколений, совокупность знаний о мире. Язык является не только формой выражения и озвучивания мысли, но и средством формирования, т.е. создания самой мысли. Понятия, закрепленные в словах и в процессе мыслительных операций сравниваются, сопоставляются, противопоставляются, то есть человек оперирует ими в языковой форме при осуществлении процесса мышления. На когнитивно-познавательном уровне ориентирующего воздействия коммуниканты с помощью языка ориентируют друг друга в собственной когнитивной области, в результате изменяются сами и изменяют среду вокруг себя.

Примером оперирования понятиями в языковой форме и обращения к общей когнитивной области, может служить фрагмент из передачи «Гордон Кихот», когда гость высказывается по поводу своего творчества: *«...Я считаю, что только история может рассуждать на эти темы: гений (я) или нет. ..Сейчас я живу во времени, вне времени. Вот видите у меня часы есть, которые даже не имеют циферблата»*. Ведущий лукаво улыбается и протяжно выговаривает имя известного художника сюрреалиста: *«Сальвад-о-о-р»*. *«Ну, пусть это будет так»*, - не отрицает гость [2].

Ассоциативное мышление и обращение к ранее приобретенному опыту общения с творчеством известного художника позволили ведущему без труда угадать намерение говорящего - сравнить свое творчество с творчеством великого, но тоже скандального художника Сальвадора Дали.

Тот факт что участники общения правильно интерпретируют смысл вложенный в высказывание, мыслят и формируют свои суждения, оперируя языковыми понятиями, свидетельствует о наличии у обоих коммуникантов общих знаний – общей когнитивной области. В данном случае общей когнитивной областью является информация о творчестве С. Дали, в котором присутствуют эксцентричные, противостественные картины с изображением часов разных форм с искаженным циферблатом, а порой, и отсутствием циферблата.

На когнитивно-познавательном уровне, как отмечалось выше, происходит формирование, модификация имеющегося у коммуникантов знания. Типичным способом языкового выражения ориентирующего воздействия будут повествовательные высказывания: говорящий, как известно, имеет цель сообщить факты, данные, «поделиться знанием». При этом необходимо отметить, что, вопреки укоренившемуся мнению, данные и факты не передаются и знанием не делятся. Знание формируется в сознании (уме, психике) адресата или модифицируется, пополняется вследствие восприятия им языковых сигналов, которые и производят ориентирующее воздействие когнитивно-познавательного характера при условии наличия консенсуальной области.

Примером желания оказать ориентирующее воздействие и модифицировать уже имеющиеся знания может послужить фрагмент из передачи «The Big Questions»: *«I'm a mother of three boys. And my boys don't have a kind of life you've have just outlined like most Muslim teenagers, they all (sons) like hip-hop along side with other young mates»* [10]. Исламская женщина отстаивает свою позицию на примере своего жизненного опыта. Предложение содержащее отрицание и противопоставление личного примера укоренившемуся общественному мнению ориентирует зрителей на то, что в жизни может существовать и другое положение вещей. Этот факт должен изменить, модифицировать знания слушающих.

4) **Аксиологический уровень.** Язык этого уровня выступает средством формирования оценочного суждения, и, следовательно, средством ориентирования адресата в области иерархий собственного ценностного мира. Например, в передаче «Гордон Кихот» предлагается видео материал о главном герое передачи, в котором подорожники видеосоюжеты, характеризующие его с положительной стороны: *«Давайте мы посмотрим некое обобщенное представление, какой хороший, замечательный, нужный Никос Сафронов...Самый успешный коммерческий художник России, гуманист и главный утешитель мира сего...Он словно отпускает грехи, не перенося на холст то дурное, что есть в человеке...»* [2]. Ряд слов (эпитеты, метафора), обладающих положительным значением, позволяя ведущему оказать на слушателей ориентирующее аксиологическое воздействие - увидеть героя с лучшей стороны. Но с другой стороны, чрезмерное их нагромождение, частое употребление превосходной степени («главный утешитель», «самый успешный»..) может вызвать и обратную реакцию у адресата, увидеть некий сарказм в столь блистательной характеристике одного человека, которым воплотились только лучшие качества и функции сразу нескольких профессий (художник, священник, бизнесмен). Использование технических средств, позволяет усилить эффект от воспринимаемой информации.

Ориентирование на аксиологическом уровне адресата/аудитории/зрителя очень часто начинается уже с названия передачи. Например, название передачи «The Big Questions» фактом содержания оценочного определения *big* ориентирует аудиторию на определенную оценку, так как слово используется здесь не в прямом объективно-

параметрическом значении, а в переносном – *очень значительный, важный* [9].

Российская передача «Гражданин Гордон» своим названием также ориентирует аудиторию на оценку информации, которая должна быть важной и интересной для каждого, кто считает себя гражданином страны. *Гражданин Гордон* становится собирательным образом. Так как первое значение слова «гражданин» в толковом словаре Ожигова определяется как «лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, пользующееся его защитой и наделенное совокупностью прав и обязанностей» [8]. Сам же ведущий А. Гордон тем самым подчеркивает свою принадлежность к народу страны и ориентирует зрителей на то, что готов представлять интересы всех граждан в своем лице, отстаивать их права.

5) Эмотивный/эмоциональный/экспрессивный уровень. На этом уровне ориентирующего взаимодействия язык используется для «выражения личного (субъективного) отношения к содержанию сообщения или к собеседнику» [7].

Этот уровень характеризуется частым использованием личного местоимения «я», глаголов, стоящих в первом лице единственного числа и приведения фактов из собственного жизненного опыта. Это подчеркивает желание доминировать и разделить с адресатом свое отношение к событиям. А если учитывать тот факт, что ведущий – главное действующее лицо и представитель общности, то его мнение должно стать эталоном и ориентиром при формировании мнения зрителей и других участников передачи. Например: «Чем больше живу, тем меньше понимаю», говорит ведущий в начале передачи [2]. Употребляя нелогическое высказывание, он тем самым показывает собственное неоднозначное, негативное отношение к проблеме передачи. Он ориентирует адресата в его экспрессивно-эмоциональной области посредством языковых выражений. Алогизм, содержащийся в высказывании, должен помочь адресанту возбудить определенное эмоциональное состояние. Факт изменения истинного положения вещей: чем больше человек живет, тем умнее он становится, тем больше он понимает, должен заставить аудиторию усомниться в правильности сложившейся ситуации.

Уровни ориентирующего воздействия тесно переплетаются между собой на различных этапах передачи, но их всех объединяет одна цель – ориентировать участников коммуникации на нужное восприятие информации и определенные действия или реакцию.

Список литературы:

1. Кравченко А.В. Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск: Издательство БГУЭП, 2008. – 320 с.
2. Гордон Кихот [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=bC3cpWeyrO8> (дата обращения 22.09.14).
3. Гордон Кихот [Электронный ресурс]. – URL: <http://yandex.ru/video/search?text=гражданин%20гордон%20с%20задорнов&safety=1> (дата обращения 10.09.14).
4. ЖКХ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.1tv.ru/sprojects_edition/si5806/fi10286. – (дата обращения: 23.09.14).
5. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/564b.html> (дата обращения: 23.08.14).
6. Словарь лингвистических терминов Т.В. Жеребило [Электронный ресурс]. – URL: http://lingvistics_dictionary.academic.ru (дата обращения: 14.09.14).
7. *Словарь социолингвистических терминов. М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук. Ответственный редактор: доктор филологических наук В.Ю. Михальченко, 2006.*
8. Толковый словарь Ожигова [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ozhegov.org/words/6139.shtml> (дата обращения: 23.09.14).
9. Collins ABBYY Ligo 12. Европейская версия. Электронный словарь [Электронный ресурс] / ABBYY SoftwareLtd. – 2006. – 2 CD-ROM. – Загл. с этикетки диска.
10. The Big Questions [Электронный ресурс]. – URL: http://www.youtube.com/watch?v=T8_fPiHbzQ (дата обращения: 11.09.14).

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРИФРАЗЫ

Синина Анна Игоревна

канд. филол. наук, ВА МВД России, г.Волгоград

Перифрастические именованья по структурной организации могут быть дифференцированы по количественному составу компонентов, по частеречной принадлежности и синтаксическим моделям.

Как отмечает В.П. Москвин, по количеству компонентов перифразы могут быть представлены словосочетаниями [3, с. 72-78]. Как показало проведенное нами исследование, словосочетания могут быть двухсловными, трехсловными. Наиболее распространенный в количественном плане тип перифраз – двухсловные словосочетания, поликомпонентные перифразы встречаются редко. Перифраза в публицистическом тексте довольно часто представлена двухсловным словосочетанием.

По принадлежности к какой-либо части речи перифразы обычно подразделяются на субстантивные: *“The Census Bureau is launching an outreach campaign to persuade Americans that next year's national head count will*

be a simple, painless process” и глагольные: *“To plug the gap, institutions can charge up to £9,000 – almost three times the current level.”* [7]. По мнению В.П. Москвина, глагольные перифразы следует отличать от описательных предикатов, а именно от глагольно-именных словосочетаний, синонимичных однокоренным глаголам, таким как: *проводить осмотр – осматривать, подвергать исследованию – исследовать* [Прив. по: 3, с. 75]. Описательный предикат может быть востребован, например, в официальной речи, тогда как соответствующий ему глагол носит межстилевой характер.

Т.И. Бытева также придерживается идеи о значимости синтаксических особенностей при определении свойств перифрастических сочетаний: «Перифрастические сочетания, будучи неотличимы от словосочетаний идентичных конструкций, выступают как специфические единицы языка при системном сопоставлении» [1, с. 105-109]. Исследователь выделяет следующие отношения

между компонентами перифрастического сочетания в русском языке, отличающие его от свободного словосочетания: внутри перифрастического сочетания отмечается подчинительная связь в виде согласования и управления, примыкание здесь отсутствует; отмечаются атрибутивные отношения, в которых представление об одном предмете соотносится с признаком другого предмета; приобретение «нового функционального качества – актуально-номинативного». Основываясь на сказанном выше, автор делает вывод, что перифрастические сочетания – это простые по конструкции субстантивные сочетания с подчинительной связью, с особенным атрибутивным значением и актуально-номинативной функцией.

В.П. Москвин утверждает [2, с. 88], что в русском языке перифразы образуются по следующим синтаксическим образцам: а) родовое имя + конкретизирующее прилагательное (*ночное светило* = луна; *дневное светило* = солнце); б) родовое имя + род. п. конкретизирующего имени существительного (*светило ночи*, *светило дня*); в) генитивная метафора (*крыша мира* вместо *Памир*); г) адъективная метафора (*черное золото* = уголь). Он также указывает на некоторые перифрастические фразеосхемы:

- 1) прилагательное + имя собственное (напр., *русский, российский, доморожденный, наш* + имя собственное зарубежного деятеля: *русский Ньютон*, используется для обозначения русского деятеля в аналогичной области);
- 2) имя существительное, называющее род профессиональной деятельности + родительный падеж темы (напр., *певец Фелицы* – Державин);
- 3) имя собственное, называющее родственные связи + родительный падеж теонима (напр., *сын Марса* и др.).

Частеречная отнесенность компонентов перифразы отличается разнообразием, в их компонентном составе выделяются разные знаменательные части речи. К наиболее распространенным типам перифрастических сочетаний относим перифразы, в которых перифразирующие компоненты представлены глагольными сочетаниями, и перифразы с перифразирующими компонентами – существительными. Таким образом, все перифрастические сочетания можно подразделить на перифразы глагольные и субстантивные.

Глагольные перифразы в английских медийных текстах представлены следующими моделями: [глагол + сущ.], [глагол + наречие], [глагол + сущ. + наречие].

Модель глагол + сущ.

Перифраза *is flirting with the insolvency*, в предложении *Much of the eurozone is flirting with the insolvency and the economy is visibly slowing* [6] по структуре являются глагольными, трехкомпонентными, со свободной связью. В предложении...*so that the German chancellor and French president could meet in Berlin to rehearse the same disagreements that they have indulged in for over a year as the euro debt crisis has spread* [7] перифрастическое сочетание *to rehearse the same disagreements* представлено трехкомпонентной глагольной перифразой, со свободной связью компонентов.

Модель глагол + наречие

Перифрастическое выражение *recovered quickly* в предложении *Iran's Natanz nuclear facility recovered quickly from Stuxnet cyberattack* [4] является глагольным, двухкомпонентным, со свободной связью компонентов.

Модель глагол + сущ. + наречие

Перифрастическое сочетание *fires still burn bright* в примере *England v Wales: fires still burn bright for Stephen*

Jones as he reaches landmark [7] представлено трехкомпонентным глагольным сочетанием, со свободной связью компонентов.

Образование субстантивных перифраз можно проиллюстрировать следующими моделями: [прилаг. + сущ.], [сущ. + сущ.], [сущ. + предлог + сущ.].

Модель прилаг. + сущ.

Перифраза *racial tension* в предложении *Last year, after racial tension at Cambridge's predominantly middle-class Agassiz School ended in the abrupt departure of principal Peggy Averitte* [4] является субстантивной, двухкомпонентной, представлена свободным словосочетанием. В предложении *So desperate has the nation's plight become that even economic suicide seems preferable to the austerity European neighbours seem minded, brutally, to impose upon it* [7] перифрастическая номинация *economic suicide* представлена двухкомпонентной субстантивной перифразой со свободной связью между компонентами. В следующем предложении перифраза представлена устойчивым субстантивным двухкомпонентным сочетанием *cart blanche (unrestricted power to act at one's own discretion; unconditional authority* [6]): *By giving highly indebted nations cart blanche to borrow on the creditworthiness of German core, they risk creating an even bigger crisis of indebtedness in the future* [7].

Модель сущ. + сущ.

Перифрастическая номинация в примере *To accommodate the wrangling and the egos of the two leaders most blamed by officials for the eurozone's disarray, the key meeting was called off...* [7] представлена двухкомпонентной перифразой, со свободной сочетаемостью составляющих компонентов.

Модель сущ. + предлог + сущ.

Перифраза *the smaller countries of European periphery* в следующем примере *As long as the crisis was confined to the smaller countries of European periphery – Greece, Ireland and Portugal – it could be represented as a relatively contained, balance of payments problem affecting a comparatively minor part of the European whole* [7] является поликомпонентной перифразой, с определениями: *smaller* и *European*, стоящими перед существительными.

Анализ материала показал, что перифраза в текстах англоязычных СМИ чаще всего функционирует в виде субстантивных словосочетаний (65% единиц), реже глагольных (20% единиц). Остальные 15% перифрастических номинаций от общей доли представлены предложениями.

Список литературы:

1. Бытёва, Т.И. Перифраза в отношении к «синтаксическим» и деривационным сочетаниям / Т.И. Бытёва // Вестник Красноярского государственного университета – Вып. 1. – 2001. – С. 105 – 109.
2. Москвин, В.П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация / В.П. Москвин. – Волгоград, 1997. – 92 с.
3. Москвин, В.П. О разновидностях перифразы / В.П. Москвин // Русский язык в школе № 1. – 2001. С.72 – 78.
4. Boston Globe [Электронный ресурс]. URL: <http://www.boston.com> (дата обращения 2009 – 2011).
5. Times [Электронный ресурс]. URL: <http://www.timesonline.co.uk> (дата обращения 2009 – 2011).
6. Thefreedictionary[Электронный ресурс]. URL: <http://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения 2009 – 2011).
7. The telegraph [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thetimes.co.uk/tto/news/> (дата обращения 2009 – 2011).

ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПЕРЕХОД ОТ ЭЛЛИНИЗАЦИИ К ВЕСТЕРНИЗАЦИИ / АМЕРИКАНИЗАЦИИ

Снеговская Оксана Владимировна

Канд. пед. наук, ст. преподаватель кафедры международных отношений ИСН ОНУ имени И. И. Мечникова, Одесса

Малахити Андрей Васильевич

Ст. преподаватель кафедры международных отношений ИСН ОНУ имени И. И. Мечникова, Одесса

В последнее время тема глобализации является эпицентром дискуссий. Формирование международных рынков, увеличение потоков мигрантов и туристов, образование транс-, интер- и наднациональных политических и экономических институтов объединяют народы и страны в некую глобальную целостность. Одни ученые утверждают, что «процессы глобализации отражают единое мировое поступательное развитие в результате всеобщего признания западных экономических, общественно-политических и культурных моделей как наилучших из возможных. Другие связывают ее с экспансией западной модели общества и приспособлением мира к этой модели» [5, с. 143]. В аспекте нашего исследования отметим, что со стороны стран-гегемонов процесс глобализации выражается в деятельности, направленной на включение всего человечества в сферу влияния, власти и эксплуатации развитых стран, тогда как со стороны стран-реципиентов – это заимствование западно-европейских и англо-американских стандартов в областях политики, экономики, культуры и образования, в быту.

Согласно J. Fishman [6], «язык как инструмент языковой политики играет немаловажную роль в выстраивании картины мира, хранении и передаче идеологием и мифологием – исконных, выросших на национальной почве, и привнесенных извне. Именно поэтому одной из основных целей языковой политики западных стран по отношению к другим странам является вестернизация». В современном мире большинство исследователей отождествляют понятия «вестернизация» и «американизация», которые имеют общую основу, но в то же время не являются синонимами. Термин «вестернизация» (в переводе «озападнявание») рассматривается как: 1) процесс превращения ценностей западного образца в общечеловеческие ценности современной цивилизации; 2) деятельность, направленная на включение всего человечества в сферу влияния, власти и эксплуатацию развитых стран; 3) бессознательное заимствование западноевропейского и североамериканского образа жизни. Термин «американизация» следует трактовать как экспансию норм, ценностей американской культуры, являющейся характерной особенностью мирового процесса. Подчеркнем, что американизация есть логическим следствием и продолжением европейской культурной традиции, т.е. вестернизации. Следовательно, когда говорят об американизации, понимают не столько экспансию американской традиции, сколько процессы общей вестернизации мировой культуры. Сегодня американо-европейские ценности, нормы, стиль жизни претендуют на отождествление с общечеловеческими. Стремление к признанию американо-европейской системы ценностей, модели государственного устройства сочетается с экономическим, технологическим, военным превосходством, в силу чего вестернизация и американизация оказываются стержнем мировой культуры в целом.

Целью работы является показать влияние языковых контактов на заимствование иностранных слов при формировании тематических групп лексики (на материале греческого и английского языков).

Так, в свое время было гегемоническим влияние, которое оказал греческий язык на словарный запас европейских языков, а в особенности английского. Приведем некоторые данные с целью доказать насколько была велика экспансия греческого языка и культуры в различные пласты европейского общества. В общих словарях английского языка число заимствованных греческих слов колеблется от 5000 до 8500, представляющих соответственно 15-21%. Замечено, что чем больший процент участия в нем греческих слов, тем богаче язык. В самом полном американском словаре Merriam Webster на 166.724 слов насчитывается 42.914 греческих слов, что соответствует 25,73%, т.е. каждое четвертое слово – греческого происхождения. Остановим свое внимание на том, что большинство словарей, в т.ч. и Оксфордский, заканчивают этимологию слов на латинских корнях, не упоминая об их греческом происхождении. Их происхождение можно определить по Оксфордскому этимологическому словарю Lewis & Short, включающему 10.500 греческих слов, что составляет 21,6% от внесенных в него слов. Чтобы оценить весомость присутствия 42.914 греческих слов в словаре Webster, стоит упомянуть, что в нем указано о заимствовании только 57 турецких слов и 34 слов из славянских языков.

Каков же генезис и развитие влияния греческого языка на английский? Греция никогда не завоевывала Англию. Каким же тогда образом греческий язык оказал свое гегемоническое воздействие и каким путем греческие слова проникли в английский язык? Ответ прост – исторически, в следующих стадиях: 1) *Через латынь*. Известно, что в 800-500 гг. до н.э. греки колонизировали Южную Италию. В VIII веке до н.э. халкидские колонисты «привезли» римлянам алфавит, который сегодня известен как латинский. В 146 г. до н.э. римляне захватили Грецию и образовали Римскую империю, в составе которой была большая часть Европы, Малой Азии и Северной Африки. По причине превосходства греческой культуры, латынь подверглась влиянию греческого языка, что и доказывает указанный выше словарь латинского языка Lewis & Short. Таким образом, греческие слова, попавшие в латынь, по инерции проникли в словарный запас завоеванных римлянами европейских народов. С III в. до н.э. по II в. н.э. греческий язык был главным языком культуры и торговых отношений (lingua franca). Считается, что все Средиземноморье говорило и читало или, по крайней мере, понимало по-гречески. Дюрант в 4 томе «Всемирной Истории Культуры» предполагает, что только в период правления императора Августа в латынь вошло около 10.000 греческих слов, что подтверждается словарем Lewis & Short. В 55 г. до н.э. римляне захватили Англию и держали под своим господством до 410 г. н.э. Так, в период романизации кельтов, греческие слова, проникшие в латынь, попали в английский язык. 2) *С введением Христианства*. В 597 г.

Святой Августин христианизировал англичан. Евангелие, написанное по-гречески, содержало слова, аналога которым не было в английском языке, что привело к их проникновению из греческого, например *μάρτυρας* (martyr), *βάπτισμα* (baptism) и т.д. 3) *С нормандским завоеванием Англии (1066-1362)*. Слова, которые ранее проникли через латынь во французский, теперь, в свою очередь, заимствовались английским языком. 4) *В эпоху Возрождения*. Греческие ученые расселившись по всей Европе, достигли берегов Англии. Через них к европейцам пришло греческое литературоведение, поскольку в большинстве случаев в их словаре не было соответствующих слов, заимствовались греческие. Первые письменные памятники законченной формы текстов на французском языке появились в IX-X вв. н.э., испанском и английском в XI в., португальском – XII в. Английский утвердился как официальный язык только в 1422 году по указанию Эрика Пятого. В 1534 году Мартин Лютер решил перевести оригинальный текст Евангелия с греческого языка, поскольку Ватикан перефразировал и приспособил некоторые его части к проповедованию католической церковью. Он по праву считается сегодня законодателем не только религиозных, но и языковых реформ. В то время в Германии использовались различные диалекты, и он вынужден был ввести правила грамматики и синтаксиса для немецкого языка, заимствуя их из древнегреческого. 5) *С развитием наук в XVII-XIX вв.* Так, в 1734 г. шведский ученый Carl Von Linnaeus в своей работе «Systema Naturae» дал названия растениям и животным, переписав их с известных ранее и записанных Аристотелем, Теофрастом, Диоскуридом видов и т.д.

Рассмотрим транскрибирование греческих слов с латинским окончанием и их произношении. Например, -ος перешло в -us (*ρύγχος* – rhynchus), -ον в -um (*φύλλον* – phyllum, *θηρίον* – therium) и т.д. К слову, известный вид тюленей «monachus» произносится *μονάχους* вместо исконного «*μοναχός*». Резус крови «*ρέζους*» – «*thesus*» вместо «*ρήσος*», в честь фракийского царя, союзника Приама в Троянской войне, имя которого дали обезьяне «*thesus maccus*», опыты на которой привели к появлению медицинского термина «отрицательный / положительный резус крови».

В проблеме об эллинизации языков вопрос стоит не столько в процентном заимствовании греческих слов другими языками, сколько в качественном соотношении по следующим причинам: 1) Основные понятия и выражения, «ключи языкознания» являются словами в их исконной греческой форме: например, analysis, synthesis, problem, method, theory, music, melody, orchestra, harmony, theater, drama, tragedy, comedy, poetry, democracy, idea, logic, dilemma, program, system, symbol, dialogue, energy, machine, phenomenon, metal, crisis, philosophy и мн. др. Ученые насчитывают до 500 греческих слов, без которых общение было бы невозможным. 2) Слова, вошедшие в научную терминологию, в частности медицину: *αρτηρία*, *αορτή*, *καρδιά*, *δέρμα*, *νεύρον*, *διάγνωσις*, *επιληψία*, *σύμπτωμα*, *γένεσις*, *λάρυγξ*, *φάρυγξ*, *φάρμακον*, *θεραπεία* и мн. др. Ботанику: *βοτάνη*, *δένδρον*, *παράσιτον*, *φύλλον*, *φυτόν*, *σπέρμα* и мн. др. Зоологию: *σαύρος*, *όρνις*, *ιχθύς*, *δελφίνι*, *κοράλλιο*, *πελεκάνος*, *κήτος*, *σπόγγος*, *ζώο* и мн. др.

Влияние греческого языка распространяется еще и на: 1) 190 мужских и женских имен собственных: Alexander, Andrew, Christopher, Eugene, Irene, Margaret; 2) 62 пословиц и фразеологизмов: «*πάρθια βέλη*» – «parthian shots», «*υπό την αιγίδα*» – «under the aegis»; 3) заимствованные более 200 слов из мифологии и истории со смысловыми качествами, характерными герою: «*mentor*» – мудрый, происходит от имени *Μέντωρ*, которому Одиссей

доверил воспитание своего сына Телемаха; 4) соблюдение правил греческого языка. Например, при передаче звуков: *ψ* – ps (psychology, psychiatry, pseudonym); *πν* – pn (pneumonia, pneumatic); *σθμ* – sthm (asthma, isthmus); в сохранении мн.ч. (hepatitis-hepatitides, phalanx-phalanges, mesonephros-mesonephroi, stoma-stomata, criterion-criteria); при словообразовании (*γυνή* + *μορφή* = gynecomorphy, *βάτραχος* + *φοβία* = batrachophobia) и т.д.

Являясь свидетелями современного развития языков, мы можем констатировать факт смены полярности влияния греческого и английского языков. Сегодня в условиях глобализации наблюдается тенденция к вестернизации и американизации национальных культур, что находит своё отражение в проникновении многочисленных англицизмов и американизмов в разные культуры. «По существу, вестернизация и глобализация отражают глобальную гегемонию одного субъекта – англоязычного (ангლოსаксонского) мира. Частью этой гегемонии является культурная гегемония, в «грамшианском» духе [1], – т.е. доминирование, когда культура и язык скрыто транслируют идеологию доминирующего элит. Будучи усвоенной массами, эта идеология начинает восприниматься ими как своя собственная, они отстаивают ее, даже если объективно она не в их интересах. Со стороны англоязычных стран это означает искусственное создание внешних условий для формирования англоцентристских ценностей и убеждений, которые выдаются за собственные, естественно сформировавшиеся за счет «законов рынка» в ответ на наиболее привлекательные «бренды», которые представляет английский язык и англоязычная культура» [5, с. 144].

Проанализировав язык отечественных СМИ на предмет нахождения англо-американизмов, мы зафиксировали доминирование имен существительных с *ing*-овым окончанием, представляющих собой герундийные формы английского языка (боулинг, дайвинг, круинг, лифтинг, паркинг, пилинг, роуминг), а также с суффиксом *-er* (байкер, брокер, менеджер, паркер, постер, ростер). Выделяются слова – наименования нового предмета или реалии, термины интернационального характера.

С семантической точки зрения чаще всего встречаются слова, которые условно можно разделить на: 1) термины, например, экономические: офшор, демпинг, роуминг; политические: спикер, инаугурация, рейтинг; компьютерные: сайт, файл; спортивные: боулинг, дайвинг, скейтборд, сноуборд, сноублэйд, байкер, шейпинг, фитнес и др. 2) названия бытовых предметов: миксер, тостер, ростер, шейкер и др. Следующую группу составляют заимствования, имеющие синонимы в родном языке. К сожалению, наличие лексических дублетов создаёт лексическую избыточность языка и может мешать пониманию смысла. Например, 1) современные явления культуры: хит, сингл, ре/имейк, имидж, дизайн, постер; 2) профессии, получившие распространение в последнее время: селфьюрити, провайдер, провизор, ризлтор, брокер, киллер, рекетир; 3) косметологические термины: лифтинг, пилинг, скраб и мн. др. Часто встречающиеся в СМИ англицизмы, могут быть вполне заменены эквивалентами родного языка: секонд хенд, ланч, тинейджер, паркинг, сейл, микровзвн, шоу-рум, прайм-тайм, блокбастер, спрэд, девелоперская фирма, мультиплекс, тюнинг и др. Такие слова нередко являются агнонимами, значение которых непонятно большинству людей. Зачастую они требуют расшифровки, семантизации средствами родного языка, как, например, названия профессий: хэндмейкер, имиджмейкер, мерчендайзер и др.

В заключение отметим, что английский язык инструментален для вестернизации и глобализации в ряде аспектов: 1) интенсивном распространения ментефактов на английском языке через СМИ; 2) проникновении в качестве *lingua franca*, как в свое время греческий язык, во все сферы общественной деятельности; 3) повсеместном распространении обучения английскому языку, пропаганде его престижности, искусственном создании субъективной диглоссии; 4) агрессивной политике продвижения английского языка как основного языка международного общения.

Согласимся с Ferguson, Fishman, Phillipson, Ricento & Hornberger (цит. по: [5, с. 144]), которые утверждают, что «вестернизация как часть языковой политики предполагает западнцентризм (распространение супралокальной (т.е. западной) идентификации и супралокальных ценностей), разработку на основе англоязычных концептов и номинаций корпуса лексических единиц в языках-реципиентах, взаимопереводимых с/на английский язык; маргинализацию и архаизацию традиционных национальных языковых номинаций и речевых форм; стимулирование супранационального, унифицированного использования имен и понятий, сходного описания предметных ситуаций; нивелирование языковых картин мира, дискурсов и практик по западному образцу».

Список литературы:

1. Грамши А. Искусство и политика // Тюремные тетради. Избранное. – Режим доступа : <http://eot.su/node/5638>

2. Гранин Ю. Д. Глобализация: «вестернизация» и альтернативные формы глобальных стратегий. – Режим доступа : http://www.perspektivy.info/table/globalizacija_vesternizacija_i_alternativnyje_formy_globalnyh_strategij_2014-01-15.htm
3. Иноземцев В. Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 58–69.
4. Мусаелян Л. А. Исторический процесс и глобализация (глобализация: сущность, содержание, форма и антропологические основания) // Вестник Пермского университета. Сер. : Философия. Психология. Социология. – 2014. – Вып. 1 (17). – С. 17–22.
5. Шелестюк Е. В. Английский язык как инструмент вестернизации // Судьбы национальных культур в условиях глобализации : сб. мат. II Междунар. научн. конф. (Челябинск, 4–5 апреля 2013 г.). – Т. 2. – Челябинск : Энциклопедия, 2013. – С. 143–151.
6. Fishman J. Language modernization and planning in comparison with other types of national modernization and planning // Language in society. – Hague : Mouton, 1974. – Vol. 2. – N 1. – P. 79–102.
7. Ελληνική γλώσσα. Η οικουμενική της διάσταση και επίδραση. – Πρόσβαση : <http://www.paredose.net/2733#ixzz3DsLRokwy>

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ИТАЛЬЯНЦЕВ В ОБУЧЕНИИ ИТАЛЬЯНСКОМУ ЯЗЫКУ

Зеленина Лилия Евгеньевна

Канд. пед. наук, старший преподаватель кафедры профессионально-ориентированного, языкового образования, г. Екатеринбург

Начало 21 века характеризуется разрастанием процессов глобализации с одной стороны и национальной раздробленности с другой. В эпоху постоянных перемен в разных областях жизни, национальная принадлежность становится атрибутом социального самоопределения. Национальная идентичность является одной из устойчивых констант в постоянно изменяющемся мире. Понятие нации является определяющим в международных отношениях, современная политическая практика основана на концепции международного суверенитета и права нации на самоопределение.

Со времен античности люди полагали, что место проживания человека может многое сказать о личности и характере человека. Идею о том, что климат сильно влияет на характер человека и общество, более других популяризовал известный французский философ Ш. Монтескье. «Он полагал, что люди, живущие в северных странах, являются холодными и невозмутимыми, в то время как жители южных стран – теплыми и вспыльчивыми» [1, с.67]. Кроме того, в наше время популярна идея о том, что культура, история и общество, в которых развиваются люди, откладывают заметный отпечаток на их личности.

Анализируя этнос итальянской культуры, необходимо отметить определенное противоречие. Италия, с одной стороны представляет собой древнейшую европейскую культуру и относительно позднее образование

единого государства. С другой стороны имеются географические, климатические, социально-экономические различия между разными регионами. Однако, несмотря на культурно-исторические, лингвистические различия между представителями различных регионов, множественности итальянских государств, образ культурной общности итальянцев является чрезвычайно устойчивым.

В Италии наблюдается большое языковое разнообразие. В современной Италии наряду с государственным итальянским языком существуют сардинский, фриульский, ретороманский и ладинский языки. Однако, по свидетельствам итальянцев «Италия не является населенной представителями разных этносов, поскольку нация представляет результат до римского, римского и средневекового синтеза различных народов» [1, с.25].

Некоторые значимые факторы позволяют говорить об итальянской идентичности, как единстве в многообразии. Уникальность Италии заключается в сохранении культурного различия и социально-политического опыта частей страны и установления между ними органичного баланса.

Шевлякова Д.А. под термином «национальная идентичность» понимает «сложившиеся представления людей о своей нации, результат процесса принадлежности к ней» [5, с.7]. Идентичность нации – это осознание нации,

как сообщества, отдельного и отличного, с одной стороны, от других национальных сообществ, а с другой стороны, от церкви, властных и общественных организаций.

В национальной идентичности можно выделить три структурных компонента: когнитивный, аффективный (эмоционально-ценностный), поведенческий. Когнитивный компонент представляет собой содержание национальной идентичности, знание об истории своей нации, критерии принадлежности к ней. В разные исторические периоды критерии могли варьироваться, оставляя неизменным ядро, к которому относятся общность происхождения и территории, общность языка и культуры, традиции, обычаи, культура, совместное историческое прошлое.

Аффективный компонент включает чувства принадлежности к данной нации: гордость, достоинство, самоуважение, радость, любовь, преданность, что позволяет говорить о положительной или отрицательной валентности.

Под поведенческим компонентом понимается поведение представителей итальянского сообщества в определенной ситуации.

Данную классификацию представляется целесообразным дополнить коммуникативным поведением, представителей определенного сообщества, которое выражается в выборе языковых средств и речевых оборотов. Под национальным коммуникативным поведением мы понимаем «совокупность норм и традиций общения народа» [4, с. 7]. Коммуникативное поведение заложено генетически и обуславливается принадлежностью к определенной группе, полу, возрастом, личным жизненным опытом, уровнем образования. К коммуникативному поведению присоединяется социально и коммуникативно-значимое бытовое поведение – «совокупность определенных действий людей, получающих в конкретной лингвокультурной общности смысловую интерпретацию, включаясь в коммуникативный процесс и влияющих на поведение и общение людей» [5, с. 12].

При анализе литературы о доминирующих национальных чертах и особенностях коммуникативного поведения итальянцев глазами представителей других национальных сообществ, можно выделить следующие черты среднестатистического итальянца: веселый, общительный, темпераментный, отзывчивый, готовый прийти на помощь, чересчур активный, доброжелательный, агрессивный.

У итальянцев очень выразительная мимика, эмоциональная часть коммуникации может передаваться с помощью выражения лица, а словами выражаются логические и рациональные аспекты, они значительно свободнее, чем представители других наций чувствуют себя в области поз и тактильной коммуникации, поведению итальянцев присуща театральность – игра является неотъемлемой частью их повседневной жизни. Также необходимо отметить, что итальянцам важен социальный символизм, который проявляется в одежде, внешности, поведении. Национальные черты оказывают прямое влияние на коммуникативное поведение.

К важной культурной константе можно отнести: национальные праздники. Главным образом в Италии можно выделить два основных праздника: День республики и День освобождения. Но представляется необходимым отметить, что более важную роль в создании единого национального сознания сыграли католические праздники. Данный факт можно объяснить тем, что во время формирования традиций празднования, преобладала Хри-

стианская религия, как доминирующая идеология. Обряды и ритуалы католической церкви соотносятся с национальной любовью к зрелищности и театральности. Католическая церковь является весьма влиятельной политической силой в стране. Представители католического мира принимают активное участие в строительстве единого государства, сотрудничая в политической, социальной и гражданской сферах жизни народа. Многие праздники в Италии имеют региональное происхождение. Итальянцы не нивелируют региональное разнообразие, а пытаются сочетать локальные культуры.

Важной сферой жизни итальянцев является спорт. Итальянцы часто посещают спортивные мероприятия и обязательно болеют за определенную футбольную команду и по возможности посещают футбольные матчи. Несмотря на то, что в Италии можно отметить большое количество футбольных команд и превалирование регионального компонента идентичности, итальянцы ощущают себя людьми, принадлежащими к сообществу макроуровня – нации.

Говоря об Италии, необходимо выделить искусство. Представители итальянского сообщества отмечают значимость искусства для своей страны. В представлении памятников искусства можно отметить «просветительскую миссию Италии», познакомить представителей других национальных сообществ с национальным достоянием. Наряду с всемирно известными памятниками архитектуры, итальянцы выделяют и менее известные, локального масштаба, которые необходимо оценить иностранцам. Культурные реалии Италии зарождались в результате обмена. Культурное разнообразие появляется вследствие обширных региональных элементов, участвующих в обмене.

Бренд «Made in Italy» свидетельствует об исключительном и своеобразном вкладе Италии в мировую культуру, в область формирования идей и стиля жизни. Свидетельством эффективности данного представления Италии является признание во всем мире итальянской моды, дизайна, гастрономии, виноделия.

подавляющее большинство итальянцев отдают отчет необходимости объединения страны и уважительно относятся к государственным символам: «конституция», «движение сопротивления», «национальный флаг», «национальный гимн». Итальянская национальная идентичность во многом во многом базируется на итальянском языке. Общая национальная культура выступает в качестве посредника коммуникации и является способом общения людей, живущих в неоднородных по своей природе сообществах. Успешная коммуникация немыслима без национальной культуры и национальной идентичности.

Гастрономическая система Италии является одной из наиболее ярко выраженных констант национальной идентичности. Важное влияние на формирование облика современной итальянской кухни оказал туризм. Популярность туристического направления было связано с богатым культурным наследием и отдыхом на море. Представители различных национальностей, совершавшие путешествия по Италии, позиционировали Италию, как образ страны искусства, изумительного климата и отдыха на море. «Анализируя формирование национальной гастрономической системы, необходимо подчеркнуть роль кулинарных предпочтений иностранцев, которые отдыхали в стране. Они однозначно связали массовый образ итальянской кухни с такими ингредиентами, как: морская рыба, моллюски, дары моря, свежие овощи и фрукты, оливковыми маслами, специфическими ароматами, насыщенными цветами и средиземноморскими специями» [6,

с.23]. Приезжающие туристы обладали определенным представлением об особенностях итальянской кухни. Во многом благодаря многочисленным кафе, ресторанам, trattoriaм, Osteriam и промышленным предпринимателям Италия славится аутентичной итальянской кухней, востребованной туристами.

С другой стороны итальянцы очень ценят общение в неформальной обстановке с целью улучшения психологического климата в коллективе, повышения эффективности рабочего процесса, развития умений работы в команде, снятия напряжения. Итальянцы предпочитают поужинать вместе или выпить кофе с деловыми партнерами с целью ослабления напряжения. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что еда является важной составляющей общения с представителями итальянского сообщества.

Несмотря на широко распространенные блюда итальянской кухни, такие как пицца, паста, ризотто, кофе, характерные для всех регионов, в Италии сохраняется итальянская традиция региональных кухонь. Каждый регион содержит свои фирменные блюда, которые являются предметом гордости и обожания местного населения. Привязанность к подобной самобытной продукции

Италия нацелена на сохранение своей местной винной и гастрономической продукции. Еда является базовой потребностью человека, но пища, крепко связана с историей, становится культурно-историческим продуктом. Таким образом, национальная кухня является одним из аспектов культурной и этнической самоидентификации. Итальянская кухня представляет одну из основополагающих констант материальной культуры Италии, одной из исторических составляющих национальной идентичности и позиционируется в качестве сильной государственной маркетинговой позиции в туристической индустрии.

При обучении итальянскому языку необходимо учитывать основополагающие константы национальной идентичности итальянцев и знакомить с ними обучаемых. Представляется целесообразным вводить в процесс обучения лексические вокабуляры, отражающие данные константы, проводить со студентами итальянские праздники,

изучать традиции страны изучаемого языка, проводить конкурсы, викторины на знание национальных и культурных констант, знакомить обучаемых с итальянской национальной музыкой, выступлениями итальянских политиков, артефактами, отражающими реалии повседневной жизни итальянцев. Учитывая повышенную эмоциональность итальянцев можно предложить упражнения на эмоциональное насыщение и эмоциональное моделирование и придание высказыванию национального колорита, ознакомить с основными итальянскими жестами. Данные компоненты урока представляются актуальными для глубокого понимания национальной идентичности представителей итальянского сообщества и повышения уровня владения итальянским языком.

Список литературы

1. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций/ Г. Гачев; авт, послесл. В.А. Шнирельман.- М.: Академия, 1998.-429с.
2. Дичковская Е.А. К вопросу об итальянской идентичности. Актуальные проблемы этнокультуры: материалы VII международной научно-теоретической конференции, Минск, 21 января 2014г/ Белорус. гос. пед. ун-т имени Максима Танка.- Минск: МГПТК, 2014.-с.87-88.
3. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры/ И.А. Стернин // Этнокультурная специфика языкового сознания/ РАН; Ин-т языкознания.- М., 1996.с.97-113.
4. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения/ Н.И. Формановская. – М.: Высшая школа, 1989.-156с.
5. Шевлякова Д.А. Доминанты национальной идентичности итальянцев, авт. докт. дисс.- М.: МГУ, 2011.-34с.
6. Шевлякова Д.А. Доминанты национальной идентичности итальянцев. Кулинарная система и регионализм// Известия Уральского государственного университета. Выпуск № 2 (75), Екатеринбург. Изд-во УрГУ, 2010г. 211-222с.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК ИНТЕГРАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ФУНДАМЕНТЕ ИСКУССТВА

Деменёв Денис Николаевич

канд. философских наук, доцент кафедры академического рисунка и живописи МГТУ

Для начала хотелось бы сразу пояснить, что проблемы мировоззрения как такового и ответа на вопрос что это такое и «под каким соусом это едят» – в данной работе не стоит. Проблема мировоззрения проявляет себя в связке с конструктом «искусство» (а конкретно живопись – как разновидность последнего). А именно в многовековом «соперничестве» двух философско-мировоззренческих позиций, являющихся также и своего рода базой, фундаментом природы искусства и влияющих, в связи с этим, на тот или иной результат художественного творчества, на его конечный продукт. Речь, конечно же идёт о материализме и идеализме – двух, наверное, наиглавнейших, фундаментальнейших философских систем, прямо или косвенно влияющих на жизнь и творчество художника (но об этом мы будем говорить позже). Хотя в данном случае, совершенно неправомерно отделять термины «жизнь» и «творчество» друг от друга, ведь известно, что способом бытия художника и есть его творчество – *argumentum nimum probans* (лат.) – довод, страдающий избыточностью доказательств.

И всё-таки, понятие мировоззрения является исходным и ключевым пунктом нашего дискурса. Явление это пронизывает все области человеческого существования: его практический и теоретический опыт, априорные и апостериорные знания, профессиональную деятельность, быт, религию, культуру, в том числе и искусство. Здесь можно вспомнить слова известного философа и художника И. Гёте: «Явление не оторвано от наблюдателя, а, напротив, погружено и вплетено в его индивидуальность» [3, с. 342]. Любой человек обладает собственными представлениями о мире, морально-нравственными ценностями, жизненными ориентирами и установками, в большей или меньшей степени помогающими определить своё место в мире. Мировоззрение как духовный фундамент личности, тем более является ключевым для художника, ведь известно, что искусство всегда являлось, по меньшей мере «рупором эпохи», а иногда и провозвестником будущего.

Философский энциклопедический словарь даёт следующее определение понятию «мировоззрение»: «...совокупность результатов метафизического мышления и исследований, причем метафизика понимается как наука, которая объединяет в единое целое формы познания мира: во-первых, различные «естественные» виды мировоззрения, связываемые по традиции с эпохой, народом, расой и т.п., во-вторых, философию, стремящуюся к априорному знанию (т.е. знанию, не зависящему от количества индуктивных исследований) во всех областях, и, в-третьих, результаты конкретных наук» [8, с. 270]. На наш взгляд, данное определение «чересчур научное» и слишком обобщённое, не позволяющее приблизить его к реальной жизни и в полной мере представить суть этого конгломерата. Нам представляется гораздо более адекватной и приемлемой для нашего дискурса следующая формули-

ровка: «мировоззрение – это совокупность взглядов, оценок, принципов, определяющих самое общее видение, понимание мира, места в нем человека и вместе с тем жизненные позиции, программы поведения, действий людей» [2, с. 24-25].

Но, несмотря на некоторую разницу в трактовках, мы должны выделить следующее: и в первом случае, и во втором – важным пунктом является слово *совокупность*. Мировоззрение – это, с одной стороны, *расчленённая внутри себя сложнейшая структура*, а с другой – *целостное интегральное образование*. И в этом образовании принципиально важна связь его компонентов, их «сплав». В результате того или иного пропорционального сочетания различных компонентов, формируются различные мировоззренческие установки или мировоззренческое целое. В структуру мировоззрения входят в обобщённом виде *познавательная, ценностная и поведенческая* составляющие, взаимодействующих между собой. Перечисленные выше компоненты, всегда являются «пищей» для любого разговора об искусстве, так как прямо или косвенно определяют характер той или иной «художественной системы». Также важным для нашего дискурса, является факт присутствия в одном конгломерате двух «полюсов» – *мироощущения и миропонимания*. Последнее базируется на познавательно интеллектуальном опыте людей, тогда как первое складывается из эмоционального опыта.

Разум и чувства входят в ткань мировоззрения не обособленно, а во взаимосплетении, кроме того, они сочетаются с *волей*. Это положение в чистом виде применимо и к художественному творчеству, что мы и показали в своих предыдущих трудах [4, 5].

Эмоции создают, своего рода, эмоциональное, «творческое» пространство для зарождения и присутствия в нем идей и мыслей художника, аналогичное физическому (евклидову) пространству, с содержащимися в нем предметами и явлениями.

Но, несмотря на то, что «целое» художественного произведения конструируется на основе чувственного опыта и из структурных, чувственных по своей природе, компонентов, координирующим и обобщающим всего этого богатого жизненного материала выступает рациональный уровень художественного творчества. Каждый раз, художник, начиная свои познания с чувственных вещей мира, делает их обобщение посредством рационального «зерна», рационального элемента. Этим элементом в художественном творчестве является *мышление* художника.

И первый, и второй уровни должны работать взаимосвязано. Как отмечал ещё в своё время Ф. Бэкон: «...Итак, следует возложить добрую надежду на более тесный и нерушимый (чего до сих пор не было) союз этих способностей – опыта и рассудка» [1, 234]. В этом выражается диалектическое единство бытия художественного творчества как целостного процесса. Но, единство умственного и эмоционального начал вовсе не означает их

тождества, и развитие первого, как показывает практика, автоматически не обеспечивает развитие и обогащения второго. Связь разума и чувства, знания и сознания гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Художественное творчество не является простым актом «фотографирования», копирования действительности, а предстаёт как сложнейший многофазовый процесс, где взаимосвязь чувственного и логического (рационального) существенно дополняется субъективными моментами. Последний фактор зависит от личностных – эндотимных (от греч. *endon* – внутри и *thymos* – дух, чувство), а также социокультурных предпосылок и ценностных ориентаций субъекта. Каждый раз, художник, начиная свои познания с чувственных вещей мира, делает их обобщение посредством рационального «зерна», элемента. Этим элементом в художественном творчестве является мышление художника.

Итак, обобщающий этап осуществляется посредством мысли. В своих предыдущих трудах мы говорили об объекте, содержании и форме мысли: объектом мысли художника может быть реальность, мир, существующий независимо от его сознания; объектом мысли художника может быть ирреальность, его вымышленный, субъективный мир, фантазия. Мы утвердили существование двух типов содержания мысли: конкретного и абстрактного. С первым типом объекта мысли, содержания мысли и формой их выражения в изобразительном искусстве всё ясно – это основа для подражательной природы изобразительной деятельности. А результатом подобного умонастроения в творчестве живописца будут образы подобия (отражения), которые отвечают вкусам большинства людей – так как они понятней.

В основе самой подражательной природы изобразительного искусства лежит предмет, натура (от лат. *natura* – природа). Аристотелевская концепция мимесиса, базируясь на материалистических воззрениях (как прошлого, так и настоящего), и утверждая, что всякая изобразительная деятельность начинается с процесса образования представлений о предмете, основывается на том, что наше сознание есть отражение реального, существующего вне нас материального мира. Само представление о живописном явлении возникает у нас лишь как следствие постоянно наблюдаемых нами явлений в природе, то есть в результате непосредственного восприятия природы. Материальный мир, увиденный, пережитый художником и наглядно представленный в своей работе и узнаваемый всеми, «душа в душу» *сопереживает* большинством людей [4, 5, 6, 7].

Теория отражения – учение о теории познания, ведущее начало от Демокрита и достигшая расцвета в ленинско-материалистической концепции. С позиции материалистической эстетики термин «художественный образ» – суть отражение, присущее человеку и относящееся к наглядно-образному мышлению (основанному на первичном отражении). По-другому на проблему искусства смотрел Платон...

Известно, что вся философия Платона диаметрально противоположна вышеозначенной теории. С точки зрения Платона, мы познаем не реальный, объективно существующий мир, но изначальные, извечные идеи. Объективная действительность для него – всего лишь отображение, бледный отблеск идей. Следовательно искусство, отражающее действительность, с точки зрения Платона, ниже её, так как оно – отражение второй степени, тень тени. Философ выступает решительным противником классического греческого искусства и противопоставляет

ему, в первую очередь условное и схематическое древнеегипетское искусство. Платон высказывается самым резким образом против тех нововведений, к которым стремились древнегреческие художники, таким, например, как открытие перспективы и принцип объемности в живописи.

Согласно Платону, глаза обманывают, а перспектива – это лишь формы обманчивости восприятия. Он апеллирует «к разуму», который только и может показать нам, что фигура, которая кажется маленькой, потому что находится далеко от нас, в сущности одинакова по размерам с другой – близкой к нам фигурой. Платон стремится отвлечь художника от изображения внешней действительности во всей ее красочности, направить его в потусторонний мир извечных идей. И хотя мы не можем представлять Платона прямым предтечей абстрактного искусства, однако его антиматериалистическая философия и эстетика Платона неоднократно становились идеологической платформой многих современных формалистических художественных течений, в первую очередь геометрического абстракционизма.

Так в чем же дело, почему живописцы (после тысячелетней паузы) стали также свободно поступать (отвлекать из природы только те «ноты», что созвучны только их душам) лишь в XX вв.? Почему живопись к XX вв. вновь пришла к более абстрагированным формам передачи образов мира?... Почему идеалистическая концепция Платона вновь стала актуальной? Мы говорим «после тысячелетней паузы», потому что в течение данного периода (за исключением Средневековья – хотя и там под одеждами святых подразумевались вполне физические тела) господствовал зародившийся в Античности (период классического греческого искусства) культ живого человеческого тела, человека-героя, свободного гражданина Полиса. Когда проявлялся интерес уже не к божественному, а реальному, физическому миру. *А это есть господствующее мировоззрение эпохи.* Данный факт и связанная с ним *импрессивная* функция искусства, на наш взгляд, и лежат в основе того, что изобразительные и пластические (скульптура) формы ушли от меры условности (в передаче «вечности»), в конкретизацию и повествовательность (в передаче реальной жизни). Мы говорим «вновь пришла», так как до Античности (Древний Египет и др.) существовала другая, противоположная направленность искусства, в основе которого лежало отвлечение от мира посюстороннего, но обращение к миру потустороннему. У подобного искусства была другая функция – *коммуникативно-символическая*, предполагающая общение со зрителем на уровне символов и знаков [5, 7]. Можно попытаться ответить на поставленный выше вопрос следующим образом: наверное, время, сделало очередной виток...

Таким образом, можно говорить о неоднократной (в глобальном масштабе – как минимум двукратной) смене мировоззренческих полюсов в фундаменте искусства, и последовавших за этим фундаментальным изменениям в искусстве (по крайней мере изобразительном).

Список литературы:

1. Бэкон, Ф. Новый Органон. Афоризмы об истолковании природы и царства человека / Ф. Бэкон // Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2. – 575 с.
2. Введение в философию: Учебник для вузов. В 2 ч. Ч. 1 / Под общ. ред. И. Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1989. – 367 с.
3. Гёте, И. В. Максимумы и размышления / И. В. Гёте // Избранные философские произведения. – М.: 1964. – С. 342.

4. Деменёв, Д. Н. Онтологические основания художественного творчества [Текст] : диссертация на соиск. учен. степ. кан. филос. наук / Д. Н. Деменёв ; науч. рук. Е. В. Дегтярёв ; МаГУ . - Магнитогорск, 2011. - 167 с. - Библиогр.: с. 153-167.
5. Деменёв Д.Н. Диалектика искусства. О рациональном и душевно-духовном в искусстве / Д. Н. Деменёв // Монография. Саарбрюкен (Saarbrücken): LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 156 с.
6. Деменёв Д. Н. Рациональный элемент в структуре художественного процесса / Философия и культура. – М. : Институт философии РАН, 2011. - № 5. – 120 с.
7. Деменёв Д.Н. Рациональный уровень, как одно из важнейших онтологических оснований художественного процесса. // NB: Философские исследования. — 2013. - № 11. - С.1-49. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.11.9505. URL: http://enotabene.ru/fr/article_9505.html
8. Философский энциклопедический словарь. – М. : ИНФРА-М, 2009. – 570 с.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА XXI ВЕКА

Гришина Елена Сергеевна

доцент, кандидат философских наук, профессор Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

Царева Надежда Александровна

доцент, доктор философских наук, профессор Дальневосточного государственного рыбохозяйственного университета. Г. Владивосток

К концу XX в. человечество накопило немало серьезных проблем, не замечать которые стало невозможно. Назвав их глобальными, мир в разных формах и на разных уровнях констатировал «катастрофу», все решили, что что-то надо делать, что-то необходимо менять. Пугающая безрезультатность множества скоропалительных попыток реализовать подобные мнения убеждают все большую часть человечества в том, что возможность сдвигов не обнаружить ни в новых технологиях, ни в смене организационных форм. Приоритетным для осмысления преобразования вероятнее всего должно стать мировоззренческое русло. Без смены отношения к бытию себя в мире невозможно жить по-иному. А процесс подобной смены длительный и, порой, мучительный, ибо понять, что надо мыслить и жить по - новому (это происходит сегодня на наших глазах) и мыслить и жить иначе - это процессы, не всегда совпадающие.

Новое время вдохновенно поверило в науку как главную движущую силу прогресса, сформулировало сверхцель общественного развития: освоение и преобразование общества, мира в целом. Именно из этого и выросла культура XX в. Её традиции и сегодня поражают устойчивостью воли к прогрессу в его классическом понимании, неутомимым желанием расследования во имя господства человека в мире. Воспроизводя культ разума и индивидуальности, она с неизбежностью засасывает человека в зависимость от техники, рациональности научных доказательств, материальной выгоды и экономически обусловленного престижа. В результате обе стороны медали новейшей гуманизма вывернулись на одну сторону, и человечество столкнулось с ними лицом к лицу, четко осознав эту встречу как последнюю перед катастрофой. Как всегда вдруг пришло осознание того, что стремление реализовать действительно безграничные возможности человека удивительным образом неотвратимо сопровождается усилением жажды безграничности человеческой власти над миром, что в обыденности уродливо проявляется в стремлении обладать всем как вещью, в усилении агрессивности самоутверждения за счет всего вокруг. Но в недрах этой же культуры вопреки логике рационализма неистребимо обнаруживает себя вера в то, что путь из кризиса зарождается в духовном, что желание человека соприкоснуться с вечностью принесет спасительные плоды [6]. Что это? Новая утопия или реальный выход из сегодняшнего осознания кризиса?

Знаменитое «Бог умер!» прозвучало именно тогда, когда абсолютное уступило место преходящему, и восторжествовало обыденно-материальное. Слезы по этому поводу проливал не один Ницше. Отдельные капли горечи по забвению корней собственного бытия в условиях песимизма и перевернутости духовных ценностей в условиях кризиса западной мировоззренческой парадигмы на сегодняшний день слились в потоки, достаточные для того, чтобы всерьез говорить о реальной потребности в смене жизненной парадигмы человечества. Какой будет она в XXI веке? Хотелось бы предположить, что если за человеком сегодня довольно широко признается космическая суть, то и мировоззрение наше все будет развиваться в планетарном направлении. Трансформация подобного рода не может произойти сама по себе. Если человечество хочет сколько-нибудь положительного, спасительного для себя разрешения сегодняшних проблем, оно с необходимостью должно войти в длительный период формирования и широкого распространения новой парадигмы, которую лучше всего на сегодняшний день назвать ноосферной, то есть такой, которая станет основой превращения человечества в единый духовный организм, герои которого научатся действовать локально на основе глобального мышления [2].

Никакая духовная трансформация невозможна без участия организованного образования. Прежде всего, из ускодисциплинарного образование должно стать универсальным трансдисциплинарным, формирующим образованного человека, способного самостоятельно жить и развиваться в меняющемся мире [7]. Одно из направлений этого преобразования потихоньку пробивает себе дорогу уже сегодня до и вне официальных документов и рекомендаций. А именно: происходит сближение естественно-научного и гуманитарного знания, что воспринимается как естественная потребность времени, обстоятельств объективного характера [3]. Отметим, что наиболее благоприятной территорией для максимальной реализации этой тенденции современного образования по природе своей могут стать военные учебные заведения. Действительно, вопросы, которые практически решают военные, с неизбежностью связаны с глобальными проблемами, успех здесь зависит от степени зрелости глобального мышления,

умения на основе именно философствования об общем решать злободневные задачи. Интересно, что в начале XXI в. идея необходимости гуманитаризации мышления с целью достижения оптимального сочетания материального и духовного практически не встречает сопротивления в молодежной аудитории - предмет известного спора физиков и лириков не видится актуальным. Социологическое исследование, проведенное философским кружком курсантов ТОВВМУ, показало, что необходимость разбираться в общих вопросах развития мироздания отрицают лишь 6% курсантов. При этом нежелание повышать свой философско-методологический уровень: в силу слабой теоретической подготовки отметили 42%; в силу лениности - 30%; в силу невозможности практического применения подобных знаний - 63%. В контексте настоящей статьи интересен тот факт, что для курсанта начала XXI века теоретически ясно - проблемы единичного не решить без понимания закономерностей общего порядка. Тот факт, что эта интуитивно угаданная установка не всегда реализуется в практике образования, есть проблема не только обучающихся, еще раз подтверждает необходимость развития, и во многом изменения условий, целей, методики образования во всех его составляющих. Именно система высшего военного образования по определению самой профессии призвана стать одним из центров такой перестройки. Работа военного легче прочих может быть воспринята как глобальная, планетарная, воспринята без высокомерия к другим профессиям, но с осознанием высоты ответственности за себя, близких, весь мир. Действительно военный профессионализм собирает в себе сущность человека едва ли не во всех ее возможных проявлениях: специалист, воспитатель, руководитель и подчиненный, учитель и вечный ученик, субъект и объект социального развития. Узкий подход к такой профессии сегодня с очевидностью обречен на неудачу, на слабую самореализацию как минимум. Соответственно и подход к подготовке военных кадров требует перемен на пути усиления внимания к общему, к развитию общечеловеческого с одной стороны, и личностного с другой. Военное образование призвано стать полигоном отработки новейшей методики не просто обучения и воспитания молодежи, но реализации образованием своей роли конструирования культуры в глобальном масштабе. Ведущим направлением реализации этой установки общечеловеческой дружно называется гуманитаризацию всей методики преподавания и воспитания в любой специальности и в рамках любого предмета учебной программы [1], работу по созданию гуманитарной среды вуза и пр. [4, 5, 6]. Важно понять, что гуманитаризация образования это не очередная модная идея, а закономерный итог саморазвития всей системы развития знания. Итог, призванный стать началом формирования образованного человека планетарного масштаба. Позволим себе «нарисовать» портрет современной образованности: самостоятельность обучения при помощи всех встречающихся на пути явлений, понимание того, что ещё не познано, свободный выход на путь и методику покорения неизвестного. При этом образованность не имеет возрастных, профессиональных или должностных пределов как формальной обусловленности, зафиксированной документально, ее качество определяет лишь историческое время. Будучи началом бесконечности познания, она обеспечивает субъекту открытость миру. В результате образованный человек не переделывает окружающий мир, не отстраивает приоритетов разума, веры, воли или чувств, но стремится к гармоничной реализации всех возможностей человека, понимает изменчивость мира и меняется

вместе с ним, он не страшится незнания, его угнетает неведение путей к новому. Помочь каждому хотя бы попытаться выйти на этот путь призвано государство через развитие ограниченной системы образования, соответствующей времени, системы, которая способна порождать из себя свои собственные части, формировать своих продолжателей, но не могильщиков. Отметим, что неорганическая система образования развивается так, что побуждает своих субъектов не преодолевать трудности в их причинах, а приспособливаться к ним, а значит воспроизводить «минусы», разводить всех участников образовательного процесса в их целях и методах. Эти признаки современного кризиса образования как глобальной проблемы не могут быть преодолимы вне процессов гуманитаризации. В основе последней должно быть действительное повышение субъективной роли всех участников общего образовательного дела. Чем больше условий для индивидуального творчества всех членов единого коллектива содержит социальная система, тем более она результативна. Легче всего эти условия создаются в игровом контексте, который учит и проигрывать, и побеждать в ситуации, где нет пассивно ведомых. От средневекового обучения по принципу «делай как я», через информационную систему образования нового времени мы плавно входим в игровой стиль всеобщего и непрерывного образования с главным принципом «придумывай и побеждай». Современный образованный «человек играющий» (*Homo ludens*) – это активный изобретатель в рамках общих правил, которые обеспечивают равные права на творчество всех участников образовательного процесса.

Превращение планеты из совокупности полей сражений в единую игровую площадку – не это ли сверхзадача образования на пути преодоления глобальных проблем современного человечества?

Литература

1. Гершунский Б. С. Образование в третьем тысячелетии: гармония знания и веры – М., 1997.
2. Золотовская Л.А. К вопросу о теоретико-методологических основаниях компетентностного подхода в профессиональном военном образовании // Междисциплинарные исследования в науке и образовании. Электронный научный журнал. 2012. № 1.: <http://mino.esrae.ru/158-811> (дата обращения: 08.08.2014)
3. Зорников И.Н. Проблемы и перспективы международной интеграции высшего образования // Центр международного академического и делового сотрудничества. – Воронеж. URL: <http://www.rciabc.vsu.ru/irex/pubs/inzor1.htm> (дата обращения 10.08.2014)
4. Колоницкая О.Л. Гуманитарная среда – один из способов решения проблем высшего профессионального образования // Молодой ученый. 2012. № 5. С. 431-435.
5. Мартынова Е.А. Гуманитарная среда вуза как условие формирования культурной компетенции выпускника // Высшее образование в России. 2013. № 4. С. 92-95.
6. Минзарипов Р.Г., Ившина Г.В. Гуманитарная среда классического университета и формирование конкурентноспособной личности // Высшее образование в России. 2009. № 5. С. 42- 50.
7. Попов А.А. Открытое образование: философия и технологии. – Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 256 с.
8. Рубанцова Т. А. Гуманизация современного образования. – Новосибирск: Наука, 2000. – 252 с.

К. КНОРР-ЦЕТИНА ОБ ОТКРЫТИЯХ В ЛАБОРАТОРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НАУКИ

Иванова Наталья Александровна

Канд. филос. наук, доцент кафедры философии Новокузнецкого института Кемеровского государственного университета, г. Новокузнецк

Т. Пинч называет К. Кнорр-Цетину пионеркой в жанре социологии науки, известным как лабораторные исследования [9, p.1472]. В отечественной традиции детальный анализ программной работы К. Кнорр-Цетиной «Производство знания» в конце 20 века осуществила Л.А. Маркова, указав, во-первых, на содержательное единство положений К. Кнорр-Цетиной с воззрениями В. Гейзенберга, который к числу радикальных сдвигов неклассической науки отнес отказ от идеи абсолютной объективности науки и признание неустрашимого присутствия человека в познавательном процессе [3]. А во-вторых, отнеся к наиболее «шокирующим» высказываниям К. Кнорр-Цетиной положения об отсутствии в лаборатории природы, сведение научного знания к социальным отношениям, невозможность научных результатов по причине ситуационного характера процессов их производства, критика научного дискурса как неадекватно презентующего само содержание научного знания. Однако анализ работ К. Кнорр-Цетиной позволяет не столько радикализировать идею релятивизма, сколько выявить особенности научной практики, которые в лабораторных исследованиях получают эмпирическое подтверждение.

Обобщая и пересматривая результаты лабораторных исследований, К. Кнорр-Цетина делает вывод, что они представляют собой новое и многообещающее событие [6, p.154]. Возникшие в конце 70-х гг. 20 века, лабораторные исследования, не смотря на их содержательное различие, поднимают ряд проблем, которые бросают вызов сложившимся представлениям о науке. Речь идет, прежде всего, о проблемах релятивизма и универсального характера науки, трактовке субъектного основания науки, вопросах социально-познавательного различия, а также различия наук о природе и наук о человеке.

Во-первых, представители лабораторных исследований утверждают, что наука может быть лучше понята не как готовый результат, а как процесс, в котором мир построен, а не отражен. Подобная конструктивистская интерпретация науки рассматривает научные объекты как результат процесса рефлексивной фальсификации, как произведенные и воспроизведенные в местах практики науки. Аргументом в пользу такого взгляда на науку является то факт, что инструменты измерения и лабораторное оборудование являются продуктом человеческих усилий, вещества, растения и животные особым образом выражены и порождены. Другими словами «сырые» материалы в условиях лабораторий тщательно отобраны и подготовлены, в результате чего лаборатория демонстрирует себя как место, из которого природа скорее исключена, чем включена. Вторым доказательством конструктивистского понимания научной практики является то обстоятельство, что в работу лаборатории не только вовлечены предварительно построенные инструменты и очищенные вещества, в нее также присутствуют различные решения, выборы и интерпретации. Однако лабораторные «решения» не означают волонтаризма научной практики, так как являются выборами, которые должны быть обоснованы, оправданы и приняты ее участниками. Выборы могут быть подвергнуты сомнению, поскольку допускают

альтернативы. Третьим аргументом является перформативный эффект научной практики, означающий, что в лаборатории научные объекты не только преобразованы, но и произведены. Конструктивные операции представляют собой реализацию субъективных целей, а не исключительно описание положения дел.

Второй особенностью научных практик, выявленной лабораторными исследованиями является признание значения пространства и времени, что актуализирующее проблему универсального характера науки, так как опровергает представление о том, что научная деятельность осуществляется в соответствии с универсальными стандартами и рациональными критериями. В реальной научной практике критерии рациональности должны быть релевантными решаемым задачам. Эти ситуационные обстоятельства научной работы представлены доступными средствами и аппаратурой, веществами и химикатами, находящимися в запасе, журналами и книгами, доступными в библиотеке, специально обученным персоналом и компетентностью коллег, а также политической данной лаборатории. Все эти обстоятельства не являются пассивными ресурсами в лабораторных практиках, так как способны к сопротивлению. Наиболее значимым эффектом пространственно-временной контекстуальности науки является ее непредсказуемость, в силу невозможности учесть все обстоятельства лабораторной практики. И это бросает вызов тем философам науки, которые стремятся обнаружить ограниченный, но универсальный набор критериев, управляющий наукой, так как место и время научных исследований предстает как уникальная действительность.

В-третьих, лабораторные исследования меняют представление о субъекте научной практики, под которым чаще всего понимается научное сообщество. Ограничение научного сообщества сферой профессиональной деятельности, обладающей определенными границами и внутренними механизмами интеграции, оказывается нерелевантным реальной практики науки, так как ученые демонстрируют причастность к различным группам и организационным сетям (включающим людей, вещи и факты), и вопреки представлениям Р. Мертона вовлечены в несовершенное соревнование. Более того, ученые замечены как инвесторы и игроки, что находит отражение в распространенности квазиэкономической модели научной практики. Однако модель науки как капиталистического рынка предполагает рационального субъекта, результаты действий которого могут быть подвергнуты калькуляции. В реальности же результаты взаимодействия гетерогенных факторов лабораторной практики не могут быть предсказаны заранее. Причину широкого использования экономических аналогий в анализе современной науке К. Кнорр-Цетина объясняет тем, что они позволяют коснуться малоизвестного знанию явления, посредством полученного из подобного, но лучше понятого [7]. В лабораторных исследованиях трактовка ученого как незаинтересованного субъекта подвергается критике, благодаря обнаружению его внешней причастности. Так, например, рассуждения ученых относятся не только

к коллегам, но и к администраторам, представителям промышленности, издателям, которые не могут быть отнесены к общей профессиональной группе. Кроме того, сами ученые могут выполнять «ненаучные» роли, когда они управляют финансами, строят карьеру, или испытывают влияние со стороны государственных чиновников и торговых агентов [6, р. 164-168]. Основной вывод, который может быть сделан из результатов лабораторных исследований в отношении понимания субъекта научной практики следует сформулировать в виде вопроса: насколько правомерно трактовать его в рамках интерналистской парадигмы как самоавтономное образование? Или необходимо рассматривать субъекта научной практики в более широком и одновременно реалистичном аспекте?

В-четвертых, большинство представителей лабораторных исследований отклонили социально-познавательное различие, так как социальное показало себя как внутреннее к когнитивному и техническому. В наиболее радикальной форме это нашло свое отражение в воззрениях П. Бурдье, когда познавательные и технические выборы были классифицированы им как политические стратегии. Однако основной аргумент самих представителей лабораторных исследований звучит так: различие между социальным и когнитивным, научным и ненаучным, внутренним или внешним есть результат рефлексивной аналитической работы. Установление подобных границ есть дополнительный ресурс для установления границ дисциплинарных.

И наконец, в-пятых, критика позитивизма с его призывом к единству наук, привела к широкого распространения среди философов и социологов идей о существовании двух видов наук. Однако в действительности различие между науками о природе и науками, о человеке основано в первую очередь на приписывании социальной реальности символических качеств. Однако если естественнонаучные исследования, как и социально-гуманитарные, пронизаны выборами, решениями, трансформациями, то указанное различие исчезает, или становится не существенным. В отечественной философии условность границ между науками о духе и науками о природе убедительно показана В. А. Лекторским [2]

Общий вывод, который следует из анализа результатов лабораторных исследований, по мнению К. Кнорр-Цетинной, заключается в следующем. Наука предстает как арена действий, в которую вовлечены ресурсы различной природы. Это место, где происходит диалог об учреждении, определении, возобновлении или расширении ресурсов, понимаемых как отношения между разными элементами, и результаты этого взаимодействия заранее неопределенны, так как этот процесс конструктивен, то есть пропитан решениями. Есть и другая мысль – и, казалось бы, ненювая, а именно, постулирование связи между наукой и другими областями общественной жизни, которую зафиксировали уже историки науки. Специфика же лабораторных исследований состоит в том, что эмпирические наблюдения способствуют определению места нахождения этой связи и проблем в процессе производства знания, представляя собой генетический анализ научных практик. В результате чего выдвигается требование о том, что процесс производства научных объектов, а также процесс их принятия (через оспаривание и включение) должен быть тщательно проанализирован на основе прямых наблюдений научной практики – тех локусов строительства научных объектов, где эти объекты генерируются и передаются.

Следует отдельно остановиться на тех выводах, к которым приходит К. Кнорр-Цетина в отношении особенностей научного дискурса. В совместной с М. Мерц работе «Деконструкция в «мыслящей» науке: физики-теоретики в действии» К. Кнорр-Цетина использует методологию лабораторных исследований на территории естественных наук [5]. Проведенное ими этнометодологическое изучение теории струн обнаруживает использование трех языков: язык участников (отчеты поведения физиков на их собственном языке), язык наблюдений (отчеты о поведении участников на специально разработанном этнографо-описательном языке) и язык объяснений (описание и объяснение природы, строения и взаимодействий физико-математического мира, предложенного теорией струн). Это языковое различие позволяет оппонентам лабораторных исследований задать вопрос о том, насколько каждый из этих языков значим, с точки зрения правдивости или точности? [4] Тот факт, что представители лабораторных исследований игнорируют их принципиальное различие (так как нигде не заявляют об эпистемическом превосходстве любого из трех языков), позволяет оценить их позицию как постмодернистскую, а главное упрекнуть в релятивизме. Однако сама К. Кнорр-Цетина предлагает различать релятивизм эпистемический и субъективный. И если в своей субъективной форме релятивизм отрицает существование материального мира и утверждает равноценность любых форм знаний, то эпистемический релятивизм является методологической необходимостью, свидетельствующей о рефлексивном характере научной практики. Идея зависимости знания от социального окружения, которая допускаясь в макроисследованиях науки и, как правило, носит характер изоморфизма или сходства, в условиях микроисследований предполагает генетический характер, так как направлена на выявление того как именно и в силу каких механизмов социальные факторы начинают присутствовать в научных объектах. В то время как основатели социологии знания работали на макроуровне, и, как правило, констатировали зависимость форм мышления от социальных структур (К. Маркс. Э. Дюркгейм. К. Мангейм) задача лабораторных исследований показать, как социальные факторы входят и отражаются в конкретных формах знания. Именно поэтому требуется подход, согласно которому процесс производства новых научных объектов будет тщательно проанализирован на основе прямых наблюдений отдельных локусов реальной практики науки [8]. Косвенным доказательством позиции метафизического реализма К. Кнорр-Цетинной как раз и является существование языка объяснений.

В комментирующей же литературе анализ лабораторий как места и формы научно-познавательной деятельности позволяет в первую очередь продемонстрировать конструирующий характер научного познания. Так В. В. Волков полагает, что предметом лабораторных исследований является субъект научного познания, вовлеченный в определенную исследовательскую группу, а также подчеркивается ситуативный характер научных исследований и как следствие, актуализируется вопрос: если лаборатория есть место генерации научного знания, то каким образом оно становится общезначимым и универсальным? Согласно традиционной точке зрения универсальность есть имманентное свойство научного знания, однако лабораторные исследования свидетельствуют, что для того, чтобы знание стало общезначимым, необходим перенос всей лабораторной практики вовне, построение сети, элементы которой (материальная осна-

шенность, личные контакты, профессионализация и другие) обнаруживают себя не столько в готовом виде, сколько конструируются, в результате чего «результат научно-познавательной деятельности оказывается не идеальной копией внечеловеческого мира, а конструкцией, вобравшей в себя ряд переводов, цепочек решений и переговоров, т.е. в конечном счете имеет двуединую – субъект-объектную – природу» [1, с. 87].

В целом же сходство современных (лабораторных) и традиционных подходов заключается в сохранении важной для социально-гуманитарной традиции установки на объяснение науки. Спецификой лабораторных исследований является отказ от объяснения науки исключительно в терминах логики. В отношении же их результатов наиболее важным следует считать вопрос: являются полученные в ней выводы определяющими саму научную практику, или они представляют собой форму рационализации в отношении практики науки?

Список литературы:

1. Волков В.В. Лаборатория как место и форма научно-познавательной деятельности // Вопросы философии. 2010. №6. - С.80-88.
2. Лекторский В.А. Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке? // Вопросы философии. 2004. №3. - С.44-49.
3. Маркова Л.А. Конструирование научного знания как социальный процесс // Философия науки. 1997. №3. - С.110-128.
4. Gale G., Pinnick C.I. Stalking Theoretical Physicists: An Ethnography Flounders: A Response to Merz and Knorr Cetina // Social Studies of Science. 1997. Vol. 27. No. 1. - P. 113-123.
5. Merz M., Knorr-Cetina K. Deconstruction in a "Thinking" Science: Theoretical Physicists at Work // Social Studies of science. 1997. Vol. 27. - P.113-123.
6. Knorr-Cetina K. New Developments in Science Studies: The Ethnographic Challenge // The Canadian Journal of Sociology. 1982. Vol. 8, No. 2, - P. 143-177.
7. Knorr-Cetina K. Scientific Communities or Transpitemic Arenas of Research? A Critique of Quasi-Economic Models of Science // Social studies of Science. 1982. Vol. 12, No. 1, - P. 101-130.
8. Knorr-Cetina K. The Constructivist Programme in the Sociology of Science: Retreats or Advances? // Social studies of Science. 1982. Vol. 12. No. 2. - P. 320-324.
9. Pinch T. Epistemic culture: How the Science Make Knowledge. by Karin Knorr-Cetina // American Journal of Sociology. 2000. Vol. 105. No. 5. - P. 1472-1474.

ЕДИНАЯ ТЕОРИЯ СВОЙСТВ — НАПРАВЛЕНИЕ СОЗДАНИЯ НОВЫХ ОСНОВ НАУКИ

Карлик Евгений Александрович

Инженер. Российское философское общество, г. Москва.

В 1998 г. автор разработал качественно новую методологию построения основ единой науки с ЕДИНОЙ ТЕОРИЕЙ СВОЙСТВ, заслужившую внимание на мировом уровне в СЕКЦИИ ФИЛОСОФСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ на XX Всемирном Философском Конгрессе [1]. Эта секция центральная в вопросе разработки новых основ науки, и в отличие от других конгрессов в эту секцию на XX Всемирный Конгресс было допущено только 7 работ со всего мира и только одна работа автора со всей территории России. На основе этой методологии автором разработана и опубликована «Теория обменных процессов с фундаментальным характером природы управления, направление Н. Бора и В. Паули» [2-3], материалы которой были опубликованы на философских конгрессах [4-6]. Предложенное автором на основе идей Н. Бора и В. Паули направление создание новых основ науки с ЕДИНОЙ ТЕОРИЕЙ СВОЙСТВ на базе ТЕОРИИ ОБМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ обнаружило одинаковый характер коренной ошибочности и основ современной науки, и основ общественных наук: руководители науки и политики игнорируют закон диалектики о единстве противоположностей и его изложение Н. Бором в виде принципа дополнителности. Все противоположные свойства существуют только в единстве и вообще не существуют раздельно.

Отсутствие в мироздании отдельно существующих противоположных свойств живой и неживой природы и существование противоположных свойств лишь в единстве, лишь в виде фундаментального единства противоположных «живых-неживых» свойств, требует построения

единой теории свойств с «живыми-неживыми» свойствами и не только является доказательством коренной ошибочности всей современной системы научных представлений, с раздельным существованием свойств живой и неживой природы, но и доказывает коренную ошибочность общественных наук, где так же сплошь принято несуществующее отдельное существование противоположных свойств вместо реально существующего единства противоположных свойств.

В частности, эта коренная ошибочность общественных наук приводит в современных теориях собственности к ошибочному признанию отдельного существования частных и общественных форм собственности вместо признания лишь единых, частно-общественных форм, необходимость которых доказана автором в давно опубликованной в МГУ новой теории форм собственности [7].

Реальны лишь частно-общественные формы собственности: либо в наибольшей мере частные, однако сохраняющие общественные качества, либо в наибольшей мере общественные, однако сохраняющие частные качества. В связи с этим, внедрённые как отдельно существующие «общественные формы собственности» оказываются лишь бесхозным имуществом, а «частные формы» оказываются рассадником преступности [8-9]. По этой причине внедрённые в экономике частные формы собственности не только потопили в злоупотреблениях мировую банковскую систему и привели к мировому кризису, но и потопили в злоупотреблениях и коррупции все бывшие соц. страны при введении частных форм собственности

сти путём приватизации. Наглядным примером могут служить события на Украине, где введение частных форм собственности с помощью приватизации выбросило к власти мошенников с мешками денег типа Порошенко и генетических нацистов типа Музыченко, частные интересы которых, игнорирующие общественные интересы, привели к нацистской войне с Малороссией. Предупреждения автора, сделанные при его обращениях к руководителям государства и ФСБ, что необходим переход к социальным частно-общественным формам собственности, зависимым от государства и общественных организаций трудящихся, и что максимально независимые от народа частные формы собственности приведут к образованию социальных раковых опухолей современного нацизма [2, с. 195-196] были проигнорированы. Показателен ответ автору руководителей ФСБ: «ФСБ социальными раковыми опухолями не занимается». На примере социальной катастрофы на Украине можно наглядно убедиться во что обходится этот догматизм наших руководителей науки и государства, игнорирующих необходимость отрицания ошибочных основ науки и политики и игнорирующих необходимость разработки новых основ науки с единой теорией свойств.

В основе создания новых основ науки, о которых здесь идёт речь, лежат идеи Н. Бора и В. Паули о фундаментальном характере свойств живой природы и необходимости разработки ЕДИНОЙ ТЕОРИИ СВОЙСТВ, в которой в соответствии с принципом дополнительности Бора признаётся совместное существование противоположностей — вечное, совместное, фундаментальное существование и главных свойств живой природы, и главных свойств неживой природы у всех форм материи. Аналогично в науке признано совместное существование в виде «волны-частицы» противоположных друг другу волновых свойств и свойств частиц, в связи с тем, что на самом деле истинно противоположных свойств нет в природе.

Игнорирование руководителями науки закона единства противоположностей и принципа дополнительности в области теории свойств живой и неживой природы приводит к тому, что современные основы науки ошибочны и находятся на уровне алхимии. Это следует также из известного заявления В. Паули о необходимости отказа от метафизики и онтологии и необходимости построения нового, фундаментального языка и новых основ науки с единым языком свойств:

«Попытка создания психофизического монизма представляется мне сегодня несравненно более перспективной, если искомый единый язык (еще неизвестный, нейтральный по отношению к дихотомии психического - физического) будет отнесен к более глубокой невидимой реальности... При таком подходе придется пожертвовать онтологией и метафизикой, зато выбор падет на единство бытия». (В. Паули, цитируется по В. Гейзенберг. Философские взгляды Вольфганга Паули).

Здесь Паули поставил грандиозную и сложнейшую задачу, которую наука только частично решила в области свойств атомов, перейдя от многоречивого языка алхимии к единому электронному языку свойств атомов современной химии. Но метафизические атомы – сплошная ошибка из-за отсутствия в их свойствах единства свойств живой и неживой природы, которого требует принцип дополнительности и мнение Бора и Паули. Паули потребовал идти дальше: ввести в основы науки единый язык свойств: психических свойств в единстве с физическими свойствами, т.е. единый язык и со свойствами живой и со свойствами неживой природы для построения единой теории свойств и новых основ науки, отражающих «единство бытия». В

этой единой теории свойств существующий метафизический язык будет уточнён и исправлен, но сохранится как закономерное упрощение сложного языка живых свойств в таких состояниях, когда условия для развития живых свойств минимальны и развитием свойств можно пренебречь.

Существование лишь единых живых-неживых свойств природы приводит к признанию необходимости фундаментального характера коренных свойств живых форм и выдвигает причинность, присущую природе управления живых форм, в уровень фундаментальных свойств мироздания. Это, в частности, позволяет строить ЕДИНУЮ ТЕОРИЮ РАЗВИТИЯ ЖИВЫХ ФОРМ И ИХ СВОЙСТВ от фундаментального уровня до государств и получать проекцию свойств, сохраняющихся в процессах объединения форм, в уровень фундаментальных свойств материального пространства. Это не только позволяет устранить ошибочные коренные представления в теории живых форм, которых особенно много в сплошь ошибочных социальных науках, но и строить единую науку, постоянно уточняя то фундаментальные свойства материального пространства, то систему развития этих свойств в живой природе. При этом, постоянно уточняемая проекция свойств живой природы в уровень фундаментальных свойств оказывается таким путём вскрытия фундаментальных свойств и структур материального пространства, который полностью отсутствует в современной метафизической физике из-за отсутствия в ней единства свойств живой и неживой природы и процессов эволюции свойств форм материи.

Предложенный автором язык ТЕОРИИ ОБМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ является попыткой создания того единого языка свойств для «отражения единства бытия» о необходимости которого говорил В. Паули и которым должен являться язык обменных процессов в связи с тем, что в работах автора показано, что формы материи — это лишь многоуровневые системы обменных процессов [3], действующих между различными энергетическими уровнями структурного материального пространства [2, с. 114-118]: энергетические уровни атома являются лишь отражением энергетических уровней материального пространства, за пределами свойств которого не существуют никакие свойства материи. Концентрируются до максимума концентрации энергии лишь энергоинформационные свойства материального пространства. Концентрации самой материи (т.е. материального пространства) никто никогда не видел и превращение материи в точку с последующим реликтовым взрывом – физическая мифология [2, с. 40-46].

Поясним ниже, почему язык обменных процессов оказался единым языком единой теории свойств.

В процессах объединения колоний качественно единых упорядоченно функционирующих форм, иначе говоря, в процессах строительства упорядоченно функционирующих форм, у вновь построенных более крупных форм сохраняется способность объединяться с себе подобными. Благодаря этому сохранению способности объединяться с себе подобными, начиная с фундаментального уровня, вместе со свойством объединяться сохраняется в процессах строительства более крупных форм единый фундаментальный язык свойств, объединяющих все живые формы материи от колоний микроформ до колоний государств. Этим языком оказывается **язык обменных процессов**, возникающих в колониях качественно единых, упорядоченно функционирующих форм и объединяющих эти колонии в более крупных упорядоченно функционирующие формы, в связи с чем ТЕОРИЯ

ОБМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ, построенная с учётом существования лишь живых-неживых свойств (т.е., с учётом фундаментального единства свойств живой и неживой природы) оказывается путём построения новых основ единой науки с единой теорией свойств.

Для того чтобы хотя бы заподозрить реальность направления создания новых основ науки, предложенного Бором и Паули, достаточно пошевелить рукой и увидеть, что «мёртвая» механика и вообще все метафизические свойства руки существуют и действуют в единстве с волей и со сложнейшими свойствами нашего сознания, что свидетельствует о единстве метафизических свойств с самыми сложными свойствами живой природы и о совместном существовании свойств живой и неживой природы, которого требует принцип дополнительности. Причина действий и развития в живых формах — **воля и природа управления**. В условиях, когда в науке понято, наконец, что пространство материально и является источником всех фундаментальных свойств, после открытия Бором и Паули единства свойств живой и неживой природы и, следовательно, фундаментального характера коренных свойств живой природы, основные свойства живой природы оказываются вечно хранящимися в структурах материального пространства, что требует полного пересмотра основ науки, чего до сих пор основательно не сделано. В направлении Бора и Паули с фундаментальным единством свойств живой и неживой природы ВОЛЯ оказывается в ряду фундаментальных свойств. Она оказывается, как и во всей живой природе, причиной всех действий и процессов развития, в связи с чем Бор говорил о «свободе воли электрона», а Паули говорил, что здесь наука идёт к главному представлению религии, что всё создано «волей Всевышнего». Этого оказалось достаточно метафизическим материалистам, чтобы обвинить Бора и Паули в идеализме. Физики обязаны были защитить Бора и Паули от попыток причислить идеи этих великих мыслителей к идеалистическим фантазиям. Они обязаны были напомнить, что у Бора и Паули речь идёт не о фантастической воле Всемогущего, а о воле, реально существующей в свойствах живой природы. И речь идёт о научном следствии принципа дополнительности Бора, а не о религиозных фантазиях Бора и Паули. Однако физики этого не сделали: ненаучное отклонение идей Бора и Паули соответствовало их ненаучным интересам. Физикам-ядерщикам нужны примитивные плюсы и минусы для отражения свойств и неразвивающаяся природа с эталонами, поэтому помещение в основах науки Н. Бором и В. Паули воли и свойств живой природы, в которой с эталонами делать нечего, физики встретили, как надвигающуюся безработицу. Поэтому на

Н. Бора навесили ярлык «идеалист» и научили всех «идеализм» Н. Бора игнорировать.

Метафизика с эталонными свойствами не может быть основой единой теории образования и развития свойств, которая должна лежать в основах науки. Метафизика является лишь частным случаем отражения свойств природы, который вообще не пригоден для отражения лабильных информационных свойств живой природы и лишь ограниченно пригоден для ядерной физики и неживой природы, где в условиях большой концентрации энергии господствуют чрезвычайно инертные процессы изменения свойств и можно водить эталонные свойства. Поэтому переход науки к построению единой теории свойств на базе фундаментального характера свойств живой природы, которого потребовали Бор и Паули, является неизбежным этапом дальнейшего развития науки.

Список литературы:

1. Evgeniy Karlik. Methodology of construction of unified system of natural philosophy. TWENTIETH WORLD CONGRESS OF PHILOSOPHY. PAIDEIA: PHILOSOPHY EDUCATING HUMANITY. 10 — 16 AUGUST 1998. Abstracts. P. 105.
2. Карлик Е.А. Теория обменных процессов с фундаментальным характером природы управления. Направление Бора и Паули.—М. ЛЕНАНД, 2008.— 240 с.
3. Карлик Е.А. «Формы материи» — это лишь обменные процессы в материальном пространстве. //Философские науки. №2.2000.—133 с.
4. Карлик Е.А. Новая философия — новая база науки. // Новое понимание философии: проблемы и перспективы. Тезисы 7—го ежегодного совещания кафедры философии РАН (20—21 дек. 1993 г.) М.: РАН Кафедра фил. 1993 — 61 с.
5. Карлик Е.А. О фундаментальной природе психологических качеств. Материалы Второго Российского философского конгресса. Екатеринбург: изд-во Урал. Ун-та. 1999.Т. 3. — 195 с.
6. Карлик Е.А. Политические аспекты введения новой (частно-общественно-государственной) формы собственности в России/ /Вестник МГУ // Политическ. науки, № 6, 2001. — 109 с.
7. Карлик Е.А. Частно-общественная собственность — основа дальнейшего развития России и цивилизации / НОУ-ХАУ БИЗНЕСА, 2006, №2. — 37 с.
8. Карлик Е.А. Причина социальных катастроф в России и мирового кризиса — несоциальная форма частной собственности // УПРАВЛЕНИЕ БИЗНЕСОМ №5. М. 2007. — 9 с.

БУДДИЗМ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

*Кожмяченко Наталья Родионовна,
Мардалиева Джемиля Рамазановна,*

*Канд. фил. наук, доцент кафедры философии ДВФУ, г. Владивосток
студентка IV курса Школы региональных и международных исследований ДВФУ, г. Владивосток*

Пограничное месторасположение России оказывало и продолжает оказывать существенное влияние на ее исторические судьбы и цивилизационную специфику, заключающуюся в том, что ее социокультурное пространство изначально формировалось как многокультурное, полиэтничное и поликонфессиональное. Одним из элементов формирования этого многокультурного пространства является буддизм, который воздействует не

только на культуру, религию России, но даже и на философские воззрения.

Буддийская тематика нашла достаточно заметное отражение в русской философии. В зависимости от отношения к буддизму в русской философской мысли можно выделить три традиции: либеральную, критическую и комплиментарную. Представители либеральной тради-

ции, несмотря на критику буддизма, видели в нем и положительные стороны. Характерным для критической традиции являлось то, что отношение его представителей к буддийскому учению было однозначно отрицательным. Отличительной особенностью комплиментарной традиции было преимущественно положительное и конструктивное отношение к буддизму. В целом, буддизм оказал немалое влияние на формирование мировоззрения ряда известных русских мыслителей, которые внесли значительный вклад в преодоление европоцентризма в общественном сознании России, что способствовало усилению евразийского характера социокультурного пространства России.

Несмотря на то, что философское направление уступало буддологическому по качеству исследований, оно внесло определенный вклад в осмысление буддизма [5, с.114]. Проблема исследования буддизма тесно связана с рядом других не менее важных проблем: с проблемой диалога и межкультурного взаимодействия, осмысления роли философов в культуре, а также с проблемой "перевода" языка буддийской культуры на язык европейской цивилизации. Данные проблемы невозможно решить, не ответив на целый ряд вопросов: каким же образом осваивался буддизм русскими философами? Какие сходства и различия обнаруживали российские философы, сравнивая целый ряд идей буддизма и европейской философии? Какую роль отводили русские религиозные философы в развитии универсального учения о Боге, Мире и человеке [2, с.6]?

Следует отметить, что на фоне возрастающего интереса к буддизму и его роли в российской культуре, возникает вопрос о месте и оценке буддизма в работах русских метафизиков. Особого внимания заслуживают взгляды религиозного философа В. А. Кожевникова, изложенные в его достаточно объемном труде под названием "Буддизм в сравнении с христианством". Этот оригинальный историко-философский источник свидетельствует не только об особенностях отношения к буддизму в русской религиозной философии, но и о вопросах, которые стали разрабатываться в русской философии под влиянием буддизма. В начале своей книги Кожевников уделяет особое место такой проблеме как «...сближение буддизма с христианством новейшей критикой и современное сочувствие буддизма на Западе. – Буддофильская пропаганда. – Важность изучения буддизма в наше время». Именно в этой части Кожевников пишет о ложных выводах, приравнивающих буддизм к христианству. В качестве примера – сказание о Варламе и Иосафе [3, с.16]. Также в данном труде сравниваются священные писания обеих религий. Что касается священного писания буддизма, то, по его мнению, оно не исчерпывает собою всего содержания его духовной жизни. Кожевников выделяет три основные черты буддийского священного писания, это: громадные размеры, второй отличительной чертой он называет "сложность, разнородность, и значительную разноценность его состава" [3, с.125], третья черта, по его мнению, это – "решительное преобладание дидактической стороны над исторической и в преобладании отвлеченного учения над живой личностью учителя [3, с.127]. В этом заключается основное отличие от Библии. "Библия не ставит своей главной целью научение историческое, главное назначение Библии иное, несравненно высшее – религиозное и нравственное научение" [3, с.127]. В конце Кожевников делает вывод о том, что самое значительное отличие буддизма от христианства заключается в следующем: "буддизм есть учение и спасение без спасителя". Действительно, буддизм не знает Творца, не знает сотворения

мира в пределах истории, он не знает исторического спасителя. Но всё же, буддизм, согласно Кожевникову, глубже и живее, чем какая-либо иная религия. Говоря о Будде, русский философ называет его величавым, бескорыстным, добросовестным и талантливым учителем нравственности и духовного сосредоточения, проповедь которого была направлена на преодоление жизненной суеты и мук несовершенной земной деятельности [3, с.154]. Таким образом, Кожевников отдавал дань буддизму как необходимому звену в развитии общемировой религиозно-философской мысли и достаточно положительно отзывался об основателе данной религии [5, с.36].

Важной особенностью буддизма, оказавшей влияние на его адаптацию и историческую судьбу в социокультурном пространстве России, является прагматизм. В буддизме, как и в прагматизме, всякое требование истины обязательно сопряжено с конкретными обстоятельствами, а теоретическое значение идеи измеряется практической пользой ее реального применения. При этом буддийский прагматизм наиболее ярко проявляется в кризисные, переходные периоды развития общества (в период распространения буддизма, в начале XX века, в эпоху глобализации). Данная особенность буддизма способствовала тому, что он достаточно легко и гармонично вписался в социокультурное пространство России и даже вышел за пределы его традиционного бытования. Другой существенной особенностью буддизма получившего распространение в России является признание идеи единства абсолютного и относительного (нирваны и сансары, единичного и множественного, относительной и абсолютной истин). Эта идея, а также принцип «срединности» лежат в основе концепции «двух законов», распространившейся среди монгольских народов. Еще одной из причин гармоничного включения буддизма в социокультурное пространство России была его близость к православию. Сходство между двумя религиями можно обнаружить как на внешнем (институционально-культурном), так и на внутреннем (религиозно-философском, эзотерическом) уровнях. Близость на внешнем уровне проявляется в существовании таких общих явлений как институт монашества, культ икон, практика подношения свечей и т.д. На религиозно-философском уровне сходство можно обнаружить в принципе триединства божества, отсутствии непреодолимого барьера между человеком и абсолютотом, наличие негативного подхода к определению абсолюта, существованию схожих практик созерцания.

Особое внимание хочется уделить работе Н. А. Бердяева и его труду "О назначении человека". В этой книге он сравнивает отношение к страданию в христианстве, стоицизме и буддизме. Определяя стоицизм и буддизм как "высокие типы нехристианских нравственных учений" Бердяев утверждает, что они "боятся страданий и учат, как избежать страдания, как стать к ним нечувствительным, как достигнуть бесстрастия". Бердяев считает, что буддизм видит только физическое, а не нравственное зло. Признавая сострадание, буддизм отрицает любовь, поскольку сострадание – это путь избавления от муки бытия, а любовь "утверждает бытие и, следовательно, муку, любовь умножает скорбь и страдания" [1, с.111-112].

Сравнивая буддизм с христианством, Бердяев говорит, что страдание является основной темой христианства, которое раскрывает истинное значение страдания и делает его выносимым, поскольку дает смысл страданию через тайну креста. Только, когда человек соглашается выносить страдания, принимается сам "смысл ниспосланного ему страдания", страдание облегчается, делается

меньше, "выносимее" [1, с.112]. По мнению Бердяева, различия в понимании и отношении к состраданию в христианстве и буддизме заключаются в следующем: в буддизме сострадание – это желание "небытия для страждущего", в христианстве – желание "просветленной и возрожденной жизни для страждущего, согласие разделить его страдания" [1, с.112].

Достаточно своеобразным и неоднозначным было отношением к буддийской философии и к буддизму как к религии в русском евразийстве. К примеру, Н. С. Трубецкой достаточно резко высказывался о буддизме, подчеркивая свою приверженность к православию. Несмотря на определение культуры, как культуры евразийской – срединной между Востоком и Западом, делая особый акцент на монгольском факторе развития России, Н. С. Трубецкой чрезвычайно негативно и резко пишет о буддизме буквально как о логическом завершении развития индийских сатанинских явлений [2, с.58]. Буддизм рассматривается Трубецким исключительно как путь духовного самоубийства. Опасной особенностью буддизма как считает Трубецкой, является создание поэтического ореола вокруг этого "самоубийства нирваны", то искусство поэтизации, с помощью которого буддизм умеет "придать привлекательный вид своим отталкивающим мрачным учениям". В этом философ также видит "руку сатаны" [4, с.391]. По его мнению, – "...восточное православие представляет из себя самый чистый вид подлинного христианства, сумевшее уберечься от как от сатанинского соблазна земного владычества, одолевшего католицизм, так и от поразившего протестантство соблазна гордости человеческого ума и бунта против авторитета, – это Православие всегда и должно оставаться тем сокровищем, которое мы должны беречь, и за дарование которого вся Русская земля ежегодно должна благодарить Всевышнего. Ни на какие иные религии, в которых явно или скрыто, веет дух сатаны, мы своей веры променять не должны и не можем"[4, с.403].

Философ давал однозначно отрицательные ответы на такие вопросы как "Может ли быть произведен синтез между христианством и мистикой Индии?" "Может ли христианство ужиться с религией Индии так, чтобы от этой совместной жизни получилась хоть какая-нибудь новая, для обеих сторон приемлемая "высшая" религия?" Трубецкой замечает лишь одну вещь, которую христиане могут позаимствовать у индийцев – это их отношение к религии: "Пусть эта религия есть сатанинское лжеучение.

Важно то, что адепты этого лжеучения проявляют к нему именно то отношение, которое следует проявлять к истинной религии". Он также считает, что мы должны сделать православие таким же центром жизни, каким для индуса является его вера [4, с.404].

Безусловно, отношение к буддизму в философии России отличается большим многообразием и сложностью. Так, это отношение в русской религиозной философии тесно связано с ощущением кризиса европейской культуры, опасением того, что популяризация идей буддийской философии и развитие необуддизма и теософии могут способствовать разрушению ее мировоззренческих оснований. И, в тоже время, в работах известных русских философов присутствует глубокое уважение к религиозности буддистов и признание мирового значения буддизма, прежде всего, в развитии нравственной философии. Некоторые труды русских религиозных философов отличаются сравнительной направленностью, при этом, конечно, сравнения буддизма с христианством подчеркивает значимость христианских ценностей.

Исследования о роли буддизма и буддийской философии в культуре России связаны с необходимостью философского осмысления историко-культурного наследия тех регионов России, где традиционно распространен буддизм. Так как в последнее десятилетие возрос интерес к проблеме межкультурного диалога, который является значимым условием мирного и стабильного существования всего человечества, то можно сказать, что данная тема является актуальной и требует дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. О назначении человека. – М.: Издательство Республика, 1993. – 384 С.
2. Бернюкевич Т.В. Буддизм в российской философской культуре. Свое и чужое. – М.: Книжный дом "Либроком", 2009. – 160 С.
3. Кожевников В.А. Буддизм в сравнении с христианством. – М.: Издательский дом "Грааль", 2002, Т. 1. – 564 С.
4. Трубецкой Н.С. Религии Индии и христианство. Наследие Чингисхана. – М.: Эксмо, 2007. – 560 С.
5. Уланов Н.С. Буддизм в русской культуре конца XIX-XX века. – Издательство КГУ "Элиста", 2006. – 116 С.

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Кузьменкова Татьяна Леонидовна

Канд. филос. наук, доцент Смоленского филиала МИИТ, г. Смоленск

Демочкин Андрей Васильевич

Канд. ист. наук, доцент Смоленского института экономики филиал СПбГУиЭ, г. Смоленск

Никольская Татьяна Вячеславовна

Канд. пед. наук, доцент Смоленского филиала МИИТ, г. Смоленск

Положение человека в обществе во многом определяется системой ценностей конкретного общества и отдельной личности. Усиление аксиологической нагруженности имеет объективные предпосылки и обусловлено ростом ценностной доминанты в системе общественных отношений, с одной стороны, а с другой, - быстрой сменой содержания ценностного пространства в окружающей

действительности, иерархии ценностей в обществе, которая происходит в последние десятилетия. Исходя из этого, анализ системы ценностей студентов высших учебных заведений Смоленской области, имеет определенный интерес.

Исследовательское поле проблемы ценности формируется на стыке нескольких гуманитарных наук – социологии, культурологи, аксиологии, философии и др. [4,

с. 119]. Проанализировав различные подходы к пониманию категории ценности в философии, можно выделить три основных направления:

1. Понимание ценности как объективного бытия, вырабатываемое субъектом в процессе его деятельности (Г. Риккерт, В. Виндельбанд, Н. Гартман, Э. Дюркгейм, В. Соловьев, Н. Бердяев, Н. Лосский, В. Тугаринов).

2. Ценность как субъективный феномен (И. Кант, Ф. Ницше).

3. Ценность как субъективно-объективный или объективно-субъективный феномен (М. Шелер, М. Хайдеггер).

Свой вклад в разработку проблемы ценности внесли и представители социологии – М. Вебер, Т. Парсонс, П. Сорокин, Дж. Мид, Ф. Знанецкий и др.

Мы будем придерживаться дефиниции ценности как значения объекта для субъекта, притом, что объект может быть как материален, так и идеален. Необходимо также остановиться на классификациях ценностей, при этом следует понимать, что построены они в аксиологии по различным основаниям. Г. Риккерт выделял шесть классов ценностей: логические, воплощенные в науке, эстетические, мистические, нравственные, личные и религиозные. В свою очередь Н. Гартман считал, что существуют ценности блага (т.е. пользы и положения вещей), ценности субъективного удовольствия (приятного), жизненные ценности (полезные для жизни), нравственные, эстетические, познавательные.

Наиболее распространено деление ценностей по функциональному назначению - на материальные и духовные. С точки зрения социокультурного смысла различают терминальные ценности, которые выражают важнейшие цели, идеалы, самоценные смыслы жизни людей (человеческая жизнь, семья, свобода и др.) и инструментальные, в которых запечатлены одобряемые в данном обществе средства достижения целей, такие как нравственные нормы поведения, качества, способности людей. Терминальные ценности в свою очередь подразделяют на личностные и социальные.

Основанием для типологии ценностей служат и потребности индивида, в соответствии с которыми можно определить ценности витальные, интеракционистские, социализационные, смыслосложившиеся. Л.Н. Столович выделяет ценности в зависимости от модуса субъекта ценностного отношения: индивидуальные, коллективно-групповые и общечеловеческие.

Ценности можно рассматривать и по их месту в статусно-иерархической структуре ценностного сознания членов общества. По этому основанию выделяют четыре группы ценностей:

- ценности высшего статуса, «ядро» ценностной структуры, характеризующееся доминирующей в общественном сознании группой ценностей, которые интегрируют общество или иную социальную общность в некоторое целое;

- ценности среднего статуса, которые могут перемещаться в состав ядра или на периферию, поэтому их можно представить как «структурный резерв»;

- ценности ниже среднего, но не самого низкого статуса, или «периферию» - они также подвижны и могут перемещаться в «резерв» или в «хвост», сюда относятся оппозиционные ценности;

- ценности низшего статуса, или упомянутый «хвост» ценностной структуры, состав которого малоподвижен.

Для нас интересна классификация ценностей в зависимости от типа цивилизации, а также по содержанию,

которая включает экономические, политические, социальные и духовные ценности, находящие свое проявление в основных сферах жизни общества, возникающие и развивающиеся вместе с ним, выступающие в качестве принципов, без которых жизнь индивида в социуме невозможна, а также классификация ценностей в зависимости от типа цивилизации, которая включает ценности традиционные и современные.

Традиционную систему ценностей можно соотнести с ценностями: коллективизм, добро, долг, взаимовыручка и т.д. Для современной характерны профессионализм, свобода, инициативность, уровень и качество жизни.

Среди экономических ценностей, необходимо, в первую очередь выделить, такие, как частная собственность и её неприкосновенность, свобода и прибыльность труда, доходы, богатство, зажиточность. Среди политических - общественный порядок, политические права, регламентирующие меру свободы и несвободы личности в данной социальной системе, законопослушание, законность, равенство всех граждан перед законом, народовластие. Социальных - профессионализм, деловитость, гарантии социальных прав личности (доступность здравоохранения, образования и др.), общение, авторитетность, инициативность, терпимость, коллективизм. И, наконец, культурно-духовных – образование, добро, благо, долг, честь, совесть, взаимопомощь, справедливость, благородство, красота, идеал, гармония, культурная самобытность [2, с. 166].

На современном этапе развития Российского общества ценность имеет исключительно важное значение при анализе индивидуально-человеческого бытия.

Для понимания того, какие ценности наиболее артикулируются молодежью, было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие студенты экономических и технических вузов г. Смоленска в возрасте 18-25 лет. В ходе исследования также была поставлена задача проанализировать соотношение традиционных и современных ценностей в аксиосфере личности.

Студентам был представлен перечень ценностей, включающий традиционные, современные, а также ценности, определяемые сферами жизни общества.

В определяющее ядро вошли ценности «общественный порядок» (74%), «семья» (68%), «общение» (66%), «материальное благополучие» (65%), «доходы» (60%), «равенство перед законом» (59%), «профессионализм» (58%), «образование» (58%), «инициативность» (53%). В последние годы возросла ценность «здорового образа жизни» с 44 до 55% [3, с. 61]. Достаточно распространены у студентов ценности «добро» (45%), «справедливость» (43%), «сплоченность» (42%), «авторитетность» (41%), «взаимовыручка» (37%), «качество и уровень жизни» (36%), «единство» (34%). Мы видим, что некоторые из вышеперечисленных ценностей относятся к традиционным, и их место в сознании респондентов достаточно велико. Из культурно-духовных ценностей, помимо «долга», «справедливости», «добра», выделяют такие ценности как «честь» (42%), «благо» (32%), «красота» (28%), «гармония» (24%), «идеал» (23%).

Следует отметить, что некоторые ценности современного западного общества не получили поддержки, которая была ожидаема: «частная собственность и её неприкосновенность» (39%), «народовластие» (38%), «политические права» (36%), «терпимость» (33%), что определяется в первую очередь, возрастом респондентов. А также это позволяет говорить о том, что переход к современному обществу не завершен и продолжается.

Анализируя совокупность определяющего ядра ценностей студентов, можно сделать вывод, что наиболее высокие позиции занимают социальные ценности, достаточно высоки показатели и экономических ценностей. Далее следует духовные и политические ценности.

Если исходить из разделения ценностей на традиционные и современные, то социологическое исследование дает следующую картину. В сознании студентов сочетаются ценности двух типов, например, «традиции» (57%), «инициативность» (49%), а также «семья» (68%) и «работа» (59%), которые характерны как для традиционной системы ценностей, так и современной.

В процессе трансформаций аксиологической системы происходит неоднозначное, противоречивое усвоение традиционных и современных ценностей. Цивилизационные системы ценностей включают общечеловеческие ценности, такие как «семья», «жизнь», «работа». В ценностном сознании одновременно сосуществуют традиционная система ценностей (долг, добро, взаимовыручка и др.), современная система (профессионализм, свобода, инициативность и др.) и опережающая система (в первую очередь – это уровень и качество жизни), которые не только взаимодействуют, взаимодополняют друг друга, но и сталкиваются между собой, вступают в противоречия. Необходимо отметить, что ценностные приоритеты студентов не зависят от профиля образования и специальности.

Результаты исследования подтвердили тенденцию перехода от традиционной системы ценностей к современной. Современная молодежь достаточно хорошо

усвоила ценности современной цивилизации. Также происходит аксиологическое смещение от материальных (экономических, экзистенциальных) ценностей к постматериальным, ориентированным на самовыражение индивида, на качество жизни.

Список литературы:

1. Казарина-Волшебная Е.К., Комиссарова И.Г., Турченко В.Н. Парадоксы трансформации ценностных ориентаций российской молодежи // Социс. 2012.- № 6. – С. 121-126.
2. Кузьменкова Т.Л. Проблема социально-ценностного статуса личности (на примере работника железнодорожного транспорта) // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов, 2010. - Вып. 4 (84).- С. 165-169.
3. Никольская Т.В., Воробьева Н.А. Результаты исследования физического статуса студентов Смоленского филиала МИИТ // Проблемы безопасности Российского общества. Научно-практический журнал. №4. - 2012. - С.59-64.
4. Фомченкова Г.А. Трансформации ценностных ориентаций молодежи: межпоколенческое сопоставление // Власть. 2012. - № 12. - С. 119-123.
6. Ядова М.А. Современное и традиционное в ценностях постсоветской молодежи // Социс. 2012. - № 1. – 114-125.

ОДИНОЧЕСТВО КАК ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Немеров Евгений Николаевич

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии ГБОУ ВПО КГМУ Минздрава России, г. Курск

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-33-01018 а1 «Духовная практика как философская проблема: онтологические, эпистемологические, аксиологические аспекты».

Обыденное сознание под понятием «духовная практика» чаще всего подразумевает деятельность, исключительно связанную с религией, подразумевая молитву, медитацию, чтение священных текстов и т.д. Тем не менее, данное понимание термина чрезмерно узко. Предметом духовной практики обычно является душа самого человека, а иногда и тело, поэтому не стоит ограничиваться только религиозной сферой. Результатом такого вида практики является самовыражение индивида, перестройка и изменение человеческих мыслей и чувств.

Творчество выступает в виде деятельности ориентированной на создание уникального результата. В данной статье нас не интересуют мотивация и механизмы творчества, на первый план выступают его условия, а точнее одно из них – одиночество. Художник, писатель, учёный или кто-либо другой в процессе творческого акта, как правило, стремится к уединению, чтобы снизить влияние посторонних факторов.

Само понятие «одиночество» относится к числу тех терминов, содержание и смысл которых кажется ясным и отчётливым любому человеку, но на самом деле скрывает

в себе глубокое и противоречивое философское содержание.

Одной из важных причин массовости одиночества является развитие индустриальной и постиндустриальной цивилизации. Становление общества потребления, стандартизация мышления и образа жизни приводят к постепенной потере индивидуальности. Такая унификация социальной среды приводит к её расколу, что становится благодатной почвой для развития одиночества. Механизм этого процесса охарактеризовал Э.В. Ильенков, отмечавший, что «два абсолютно одинаковых индивида, каждый из которых обладает тем же самым набором знаний, привычек, склонностей и т.д., были бы друг другу абсолютно не интересны, не нужны... Это было бы попросту удвоенное одиночество» [2, с. 253].

Представление об одиночестве как о нежелательном и ненормальном состоянии характерно для христианского вероучения: «И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему» (Быт. 2,18). Человек в греховности одинок перед Богом, и для её преодоления необходима община. Средневековая культура видела опасность в одиночестве, так как то, что «человек чуждается людей и проводит жизнь в строгом одиночестве» считалось одним из характерных признаков «одержимости дьяволом» [7, с. 23].

Физик и философ Б. Паскаль в работе «Мысли» отмечает, что шуты стали появляться при королевских дворах для избавления монархов от одиночества, так как оно приводило к тому, что короли становились раздражительными и тревожными. По мнению Б. Паскаля, культура и ориентируется на отвлечение человека от мыслей о себе и одиночества, создавая развлечения [11, с. 39].

Негативным содержанием наполняется одиночество и в фольклоре, где его чаще всего связывают с наступлением неблагоприятных событий или опасностью. Филолог-фольклорист В.Я. Пропп в работе «Русская сказка» отмечает, что одиночество выполняет сюжетную функцию так называемой «временной отлучки», смысл которой состоит в том, что «разлучаются старшие и младшие, сильные и беззащитные. Беззащитные дети, женщины, девушки остаются одни. Этим подготавливается почва для беды» [6, с. 178].

Философия неоднократно обращалась к проблеме одиночества. Например, С. Кьеркегор в своей работе «Несчастнейший» сравнивает людей с «одинокими птицами в ночном безмолвии, собравшимися один-единственный раз, дабы проникнуться назидательным зрелищем ничтожества жизни, медлительности дня и бесконечной длительности времени» [5, с. 108].

Несколько отличные идеи об одиночестве как феномене человеческого бытия наблюдаются в философии французского экзистенциализма. Ж.-П. Сартр исходит из идеи того, что чувство одиночества является глубинным и бытийным для человека, в то время как ощущение общности и единства с кем-либо иллюзорно и поверхностно. Будучи вовлечённым в переживание общности, человек стремится к её разрушению и сохранению одиночества своего «Я». Это вызвано тем, что в общности присутствует «другой», вторгающийся в «Я», трансформирующий его, превращающий внутренний мир человека в чужой и враждебный. Именно поэтому одиночество выступает в качестве средства защиты от опасности разрушения [9, с. 319-345].

Аналогичные идеи характерны и для А. Камю, для которого одиночество Сизифа – это подтверждение его внутренней силы и свободы. В «Мифе о Сизифе» одиночество объявляется основой человеческого состояния [4, с. 109-256]. К. Ясперс, говоря о человеческом бытии, отмечает, что оно всегда выступает как «бытие с другими», в то время как истинное философствование означает осознание своего одиночества перед всем миром [1, с. 110].

Сходные идеи характерны и для американского исследователя Кларка Мустакаса, который выделяет такие понятия как «суета одиночества» и истинное одиночество. Первый термин означает систему механизмов защиты, которая приводит к отдалению человека от решения существенных жизненных вопросов и побуждает индивида к активности ради активности в совместной деятельности с другими людьми [3, с. 156]. В отличие от «суеты одиночества», истинное одиночество является результатом одинокого существования человека, его столкновения с пограничными жизненными ситуациями, которые связаны с важными жизненными проблемами, смертельной опасностью и т.д. Этот вариант одиночества содержит в себе позитивные начала, т.к. может послужить толчком к активной творческой деятельности. К. Мустакас отмечает, что «истинное переживание одиночества предполагает противоречие или столкновение с самим собой... Это свидание с самим собой... – само по себе радостное переживание...

И свидание, и конфронтация (с самим собой) суть способы поддержания жизни и внесения оживления в относительно застойный мир, это способ вырваться из стандартных циклов поведения» [3, с. 157]. Преодоление страха одиночества способно привести к положительным результатам для личности, дать творческий импульс, укрепить её. Несмотря на то, что одиночество содержит болезненный эффект, оно, тем не менее, способно выступить и в качестве продуктивного начала.

Негативная оценка феномена одиночества и его последствий характерна для Э. Фромма, который исходит из представлений о социальной сущности человека, поэтому люди не должны мириться с изоляцией и одиночеством, потому что именно они способствуют фрагментированию человеческой личности и её распаду, что также ведёт к увеличению агрессивности во взаимоотношениях индивидов [10].

Понятие одиночества предполагает различные трактовки, а сам феномен имеет несколько измерений. В первых, следует выделить социальное измерение. В этом случае одиночество является результатом неприятия, отталкивания, исключения индивида группой, которую человек оценивает как желательную и важную для себя. В итоге, субъект начинает воспринимать и оценивать себя как изгнанника, постороннего, он понимает, что его не приняли.

Другое измерение одиночества – это культурное. Примером этого типа могут служить люди, оказавшиеся в чуждой им культурной среде. Они ощущают отрыв, отчуждение от своих этнокультурных корней, которые были частью, основой их жизни. Данное измерение одиночества проявляется и в случае, когда общество становится на путь интенсивной модернизации, приводящей к ломке старых устоев и активным социальным изменениям. В таком случае, у представителей старшего поколения возникает ощущение культурного разрыва с наследием предков, а новая общепринятая культура становится неприемлемой для их внутреннего мира.

Кроме этого, можно выделить измерения одиночества, связанные с возникновением чувства утраты связи с богом или бытием в целом. Разумеется, что в основе ощущения одиночества может лежать несколько источников одновременно, что порождает у человека состояние бессилия и безнадежности перед самим собой и перед миром, приводит к ослаблению и дальнейшему разрыву жизненных связей и межличностных отношений.

Обыденное сознание одиночество оценивает, главным образом, отрицательно. Между тем, в феномене одиночества можно выделить и позитивные компоненты. Уединённость может выступать в качестве важного условия рефлексии, возможности общения с богом, самим собой или основой духовной практики. В таком случае, как правило, одиночество является результатом осознанного выбора индивида, ограниченного им во времени. Причинами для этого могут стать творческий или духовный кризис, для преодоления которого художник (учёный, поэт, писатель) стремится к единению с природой и миром, ведёт экзистенциальный поиск, отрешившись от социального окружения. Необходимость включения в социальное взаимодействие может отвлекать от творческой или научной деятельности. Поэтому одиночество в данном случае выступает как способ получения нового импульса, восстановления душевного равновесия и переосмысления бытия по-новому. Уединённость может быть прервана усилием

воли самого индивида, если в этом возникнет необходимость. Данная ситуация характеризует субъекта с позиции силы его духа.

Для выражения негативных явлений, связанных с одиночеством, уместнее применять понятия отчуждение или изоляция, которые характеризуются непреодолимым ощущением оторванности, вырванности из социального пространства, разрушением эмоциональной связи с кем-либо или с кем-либо. Это проявляется в том, что у индивида отсутствует доступный круг общения, а это порождает чувство собственной незначительности. Происходит намеренное отторжение человека, основой которого является само общество. Также это может выражаться в появлении у индивида острого ощущения напряжённого беспокойства, вызванного отсутствием привязанности к значимому человеку.

Среди причин, вызывающих одиночество, можно назвать повышенный темп жизни постиндустриального общества. Высокая степень вертикальной и горизонтальной социальной мобильности вызывает частую смену места жительства и (или) работы, что порождает у субъекта ощущение недостаточной стабильности. Человек теряет эмоциональную привязанность к значимому для себя месту, у него возникает чувство «тоски по дому», причём это чувство является не столько томлением по близким людям или значимому месту, сколько обезличенным ощущением и негативной реакцией на неприятную ситуацию или окружение.

В человеке с детства воспитывается привычка к одиночеству. Большая степень занятости взрослых и их желание остаться наедине с собой во время отдыха приводят к тому, что и детям приходится переносить одиночество. Иллюстрацией этого является достаточно распространённая форма наказания, выражающаяся в том, что провинившийся ребёнок удаляется в свою комнату, где должен в одиночестве осмыслить свой поступок. Совместное проведение времени с родителями становится наградой за терпение.

Современное развитие средств массовой коммуникации порождает противоречивое явление, которое выражает ещё один аспект проблемы одиночества человека. Появление социальных сетей, выступающих как средство общения и самовыражения, приводит к тому, что субъект, пытаясь выглядеть более привлекательно и интересно для собеседников, трансформирует и искажает свои личностные качества в интернет-пространстве. Результатом этого становится то, что виртуальная личность в сети может иметь огромное количество «друзей» и общаться с большой массой людей, но в реальном мире настоящая личность по-прежнему будет оставаться одинокой. Это порождает то, что социальные сети в некоторой степени компенсируют недостаток отношений, помогают преодолеть замкнутость, но, в то же время, приводят к подмене реального мира миром киберпространства.

Массовая культура современности, базирующаяся на европоцентристских установках, культивирующих идеи индивидуализма, формирует в сознании человека ориентацию на одиночество. Выражением этого являются и произведения популярного искусства, в которых на первый план выведен образ героя-одиночки. Такому персонажу социальное окружение необходимо лишь в качестве фона, на авансцене которого разворачиваются его «подвиги». Выполнив свою миссию, он с лёгкостью порывает

те связи, которые установились во время его приключений.

Одна из тенденций современной культуры связана с массовизацией общества. Термины «средства массовой информации», «продукты массового потребления» и т.д. стали привычными для человека. Формируется такое явление как массовое сознание, осмысление и оценка которого весьма противоречива. Само понятие указывает на то, что массы являются носителями массового сознания, подразумевающими определённую степень единства и сплочённости. Тем не менее, массовизация не может победить одиночество, а приводит только к усугублению проблемы. Современный человек одиночество ощущает в ситуациях «принудительного общения», то есть в городской среде, трудовом коллективе и т.д. Такое общение предполагает только обмен информацией и не противостоит одиночеству, а порождает его из-за отсутствия личной заинтересованности участников друг в друге, смыслового и гуманистического содержания. Для описания данного явления американский социолог Дэвид Рисмен использует понятие «одинокая толпа» [8, с. 330].

Можно говорить о таких разновидностях одиночества как объективное, проявляющееся в физическом пространстве, и субъективное психологическое. Оно может быть результатом внутренних мотивов и желаний самого человека, а может быть детерминировано внешними причинами, носить вынужденный характер. За своё уединение субъект может полностью осознавать ответственность, а может оказаться жертвой обстоятельств или чьей-либо воли. Любой писатель, поэт, художник, музыкант в тот или иной момент своей жизни испытывал чувство одиночества, и не только испытывал, но и осознавал его. Он может находиться в окружении других людей, но при этом не испытывать своего единения с ними. Результатом творчества выступает сплав его чувств, переживаний, мыслей и одиночества.

Список литературы:

1. Гайдено П.П. Человек в истории в свете «философии коммуникации» К. Ясперса // Человек и его бытие как проблема современной философии. М.: Наука, 1978. С. 97-134.
2. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1974. — 271 с.
3. Лабиринты одиночества / пер. с англ.; сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. — 624 с.
4. Камю А. Посторонний. Миф о Сизифе. Недоразумение. М.: АСТ; Астрель, 2010. С. 109-256.
5. Кьеркегор С. Несчастнейший // Северные цветы. СПб.: Шиповник, 1908. Кн. 4. С. 107-113.
6. Пропп В.Я. Русская сказка. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. — 335 с.
7. Ренан Э. Марк Аврелий и конец античного мира. М.: Терра, 1991. — 350 с.
8. Рисмен Д. Одинокая Толпа // Почепцов Г. Паблик Рилейшнз, или Как успешно управлять общественным мнением. М.: ЦЕНТР, 1998. С. 330-332.
9. Сартр Ж.П. Экзистенциализм это гуманизм. Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319-345.
10. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. — 430 с.
11. Pascal B. Pensees. N. Y.: Dutton, 1958. — 298 p.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАВИСИМОЙ ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Олехнович Ирина Борисовна

Южный Федеральный Университет г.Ростов-на-Дону

Социально-философский подход в изучении явлений общественного бытия заключается в том, что философский дискурс связан с высоким уровнем научной абстракции. Подобный подход, сочетающий рефлексию над умозрительными сущностями с аксиологической рационализацией, представляется необходимым в исследовании проблематики зависимой личности в современном российском обществе.

В этом отношении конструкт выступает как мыслительный образ онтологического явления. Под конструктами понимаются идеализированные объекты с установленными параметрами и свойствами, используемые в качестве познавательных «матриц» для построения когнитивной схемы, в частности - для теоретического описания суммы свойств и характеристик эмпирических объектов. Конструкт призван играть основополагающую роль в деле формирования теоретической модельной матрицы изучаемого явления посредством определенных гипотетических допущений и теоретической идеализации.

В данном исследовании сформулирован авторский методологический конструкт осмысления зависимой личности в пространстве российской социальности, способный адекватно отразить социальную среду формирования подобного типа личности, ее характерные черты и поведенческие практики проявления.

Конструкт включает следующую логически выстроенную последовательность рефлексии развернутых базисных понятий или их свойств: личность; зависимость как феномен сознания и поведения, связанный с процессом удовлетворения определенных потребностей на уровне личности и ее поведения; патологическая зависимость; виды зависимостей; социальная среда формирования зависимой личности; зависимая личность; поведенческие практики зависимой личности.

Предложенный методологический конструкт, воплощающий теоретический инструментальный анализ, базируется на таких концептах и подходах, как: а) теория сложного общества, б) концепция девиации, в) концепция стратегии жизни жизненных сценариев включения личности в систему социальных связей, г) концепция «общества спектакля» и теория «игразации», д) концепция гедонистического потребления; е) теория символического конструирования социальной реальности.

Авторский конструкт неизбежно включает виртуальную реальность в число базисных понятий и свойств в контексте определения зависимости как феномена сознания и поведения. В подходе социальной философии виртуальная реальность выступает в качестве интерактивной имитации реальной среды, представляя собой иллюзорный мир, куда погружается аддиктивная личности[1]. Человек, вовлеченный в зависимость, уходит в подобный «иллюзорно-компенсаторный мир» посредством символического конструирования социальной реальности (игромания, наркомания и т.п.)

Замена объективной реальности виртуальным миром вызвана потребностью полностью «отстраниться» от

жизни и ее проблем, избавиться от душевного дискомфорта. Этот радикальный способ в основном предоставляют компьютерные игры, создающие совершенно иной мир.

Если человек основное время проводит в виртуальном мире, там находятся его основные потребности и желания, то эта искусственно созданная реальность становится для него подлинной жизнью, и выход его из виртуальной реальности вынужденный, поскольку связан с получением возможности в нее вернуться.

Соотношение виртуальной реальности и зависимости обусловлено определением последней как феномена сознания и поведения, связанного с трансформирующейся социальной реальностью, отражающей состояние зависимости от определенного вещества или образа поведения, когда трансформация личностных ценностей и смыслов в ситуации роста отчуждения и социальной неопределенности, что ведет к тому, что набирает силу саморазрушающее поведение, связанное со стремлением уйти от реальности через искусственное изменение своего психического состояния.

В сознании индивида формируется установка, что главное в жизни есть видимость, да и само его социальное существование есть спектакль, от которого невозможно оторваться. Конкретная жизнь сводится к спекулятивному пространству, а человек, погрузившись в подобный спектакль, лишается способности критической рефлексии и тем самым оказывается в социальной изоляции[2, с.194].

Формируются симулятивные образы, имеющие мало общего с социальной реальностью, но зато способные активно воздействовать на человека и весь социум. По определению социального философа Т.А.Шалюгиной, симулятивный образ выступает в качестве представления об объектах социального мира, сформировавшегося в результате прямого или косвенного воздействия иллюзорных, симулятивных характеристик и свойств данного объекта, что ведет к замещению реальности и даже ее полному вытеснению из процессов социального функционирования[3, с.249].

Совокупность ценностных установок, проистекающих из образа жизни человека, ведут к формированию его картины мира, комплекса представлений и ощущений о сущности жизненного бытия, его закономерностях и нормах. Однако в современных условиях российское общество подавлено имитациями. Соответственно, изображение и внешнее подобие деятельности или ее результата оказываются более значимыми, чем сама деятельность и ее реальные результаты[4, с.46].

Экспликация обозначенных теоретико-методологических подходов позволяет в контексте социально-философского анализа отрефлексировать понятие зависимой личности, выявить социальную среду формирования, характерные черты и поведенческие практики проявления зависимой личности в российском обществе, обрисовать траектории дальнейшего социально-философского анализа.

В итоге социально-философский подход предполагает рассмотрение зависимой личности: через социальную среду, включая культуру как совокупность символических программ мышления, чувствования и поведения людей; через социальную детерминацию и социокультурную причинность; через потребности и интересы; через поведенческие практики и их социальные последствия.

Изучение социальной нормы, аномалии и социальной дезорганизации как фундаментальных аспектов социальной реальности осуществляется достаточно активно. В трудах исследователей «нормальная» зависимость выступает в качестве повсеместного психологического феномена, поскольку многие сталкиваются с проблемами, когда вынуждены рассчитывать на помощь других, или когда возникает потребность в иллюзорно-виртуальном ключе урегулировать конфликты, избежать острых проблем, компенсировать дефицит общения и т.п.

«Патологическая» же зависимость связана с «синдромом зависимой личности» и квалифицируется в качестве психического нарушения. Д.А.Автономов недаром говорит о тако феномене, как первичное патологическое влечение, выступающее в качестве специфической интенции к объекту зависимости. Для него патологическое влечение есть континуум, который простирается от незначительного эмоционального дискомфорта до разрушительного влечения[5].

Так, при наличии ситуации игровой зависимости диагноз патологии ставится, когда наличествуют следующие признаки: два и более эпизодов азартных игр за последний год; возобновление эпизодов азартных игр, хотя отсутствует материальная выгода; отсутствие способности осуществлять контроль влечения к игре, невозможность прерывания ее волевыми усилиями; непрерывная фиксация мысленных представлений на игре и всем, что связано с этим[6].

Отсюда проистекают поведенческие практики зависимой личности, в основе возникновения и развития которых, согласно Д.В.Четверикову, лежат такие психологические механизмы, как конвенциональный, являющийся следствием аддиктивной социализации; диссоциальный, обусловленный способами адаптации в антисоциальных группах; интегрирующий, который развивается при наличии аддиктивных индивидуальных установок, способных дезинтегрировать психическую деятельность[7].

Определенное теоретико-методологическое значение приобретает также личностное социально-психологическое пространство. Выдвижение данного понятия связано с тем, что личность обладает своим пространством, которое отличается значимыми для нее связями и отношениями, совокупностью жизненных смыслов, значений и ценностей.[8]

В дискурсе взаимодействия психологии и медицины источником и причиной зависимого поведения является столкновение устоявшихся и апробированных культурных механизмов ценностей и поведенческих норм с новыми условиями социального существования. Ослабление норм, регулирующих индивидуальное поведение, социокультурный кризис, отсутствие четких социальных эталонов неизбежно приводит к доминированию в современном российском обществе социально слабо контролируемых индивидуальных человеческих страстей и желаний.

Таким образом, социально-философский подход в изучении явлений общественного бытия заключается в том, что философский дискурс связан с высоким уровнем научной абстракции. Особую значимость при этом приобретает концептуализация, задающая основы, теоретические нормативы и исследовательский каркас социального познания в русле рефлексивной деятельности по осмыслению предмета исследования и его специфики, формирующая методологию и категориально-понятийную «канву» исследования.

Экспликация обозначенных теоретико-методологических подходов позволяет в контексте социально-философского анализа отразить понятие зависимой личности, выявить социальную среду формирования, характерные черты и поведенческие практики проявления зависимой личности в российском обществе, обрисовать траектории дальнейшего социально-философского анализа.

Подход, заложенный в смыслустановках предложенного конструкта, исходит из того, что в условиях нарастания социальной неопределенности широкое распространение приобретают проявления зависимой личности в современном российском обществе в новых условиях включения личности в систему социальных связей.

В итоге социально-философский подход предполагает рассмотрение зависимой личности: через социальную среду, включая культуру как совокупность символических программ, связанных с мышлением, чувствами и поведением людей; через социальную детерминацию и социокультурную причинность; через потребности и интересы; через поведенческие практики и их социальные последствия.

Список литературы:

1. См.: Колворотный С.В. Виртуальная реальность: манипулирование временем и пространством// Журнал практической психологии и психоанализа, 2003, № 1.
2. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. - М.: Эксмо, 2008, С. 194.
3. Шалюгина Т.А. Имитация в современном российском обществе: сущность, субъекты воздействия, социальное пространство проявления.- Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011, С. 249.
4. Вальдман И.А. Инновационная деятельность и возможности преодоления имитационной парадигмы//Философия образования, 2009, № 1, с. 46.
5. Автономов Д.А. Первичное патологическое влечение к игре. Взгляд с феноменологической и метапсихологической точки зрения//Журнал практической психологии и психоанализа. 2009, № 2//<http://psyjournal.ru/>
6. Старшенбаум Г.В. Игромания//Журнал практической психологии и психоанализа, 2005, № 1//<http://psyjournal.ru/>
7. Четвериков Д.В. Психологические механизмы и структура аддиктивного поведения личности. Автореф. дисс. ...докт. психолог. наук. – Новосибирск, 2002.
8. Соина И.А. Динамика ценностных ориентаций личности в ее изменяющемся социально-психологическом пространстве. Автореф. дисс. ...канд. психолог. наук. – М., 2011.

ВОРОНИЙ ПРАЗДНИК КАК ОТРАЖЕНИЕ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА НАРОДОВ ХАНТЫ И МАНСИ

Плеханова Людмила Ивановна

Преподаватель русского языка и литературы Сургутского политехнического колледжа, г. Сургут

Шевелёва Ирина Владимировна

Студентка 1 курса Сургутского политехнического колледжа, г. Сургут

Это тема, безусловно, интересна тем, что Вороний праздник празднуется у народов ханты и манси сравнительно недавно и обрядовая сторона праздника мало известна. Вторым очень важным аспектом затрагиваемой темы служит то, что история ханты и манси вполне может быть восстановлена на основе сохранившихся устных преданий, материальной и духовной культуры, ведь этот народ не имел письменности до 30-х годов XX столетия. Однако религиозно-мифологические представления, освещающие обычаи в проведении того или иного праздника, являются необходимым компонентом традиционной культуры народов Севера.

Сам Вороний день («Вурнгна хатл») относится к одному из самых почитаемых праздников на Севере, символизирующему пробуждение природы, а также служит символом жизни, любви и встреч. Ворона является священной и почитаемой птицей у обских угров и покровительницей женщин и детей. И, безусловно, данный праздник имеет ряд ритуальных действий, обрядов и примет, которые направлены на закономерность явлений в жизни людей, животных растений в связи со сменой времен года.

Мифологическая модель мира у обских угров основана на троичном членении: верхний (небесный), средний (земной) и нижний (подземный) миры, соответствующие триаде главных божеств (небесный бог Нуми-Торум, богиня земли Калташ-Эква, бог подземного мира Культ-Отыр). По хантыйскому мифу, «небесный» и «подземный» народы живут так же, как и люди на земле, причем смерть в верхнем мире означает рождение в нашем, а смерть в нашем – рождение в нижнем; то, что здесь мертвое, - там живое, когда здесь солнце, - там луна и т.д. [<http://dic.academic.ru>].

В устном народном творчестве ханты и манси наблюдается взаимодействие пяти сфер. Это человек, мир духов, стихии природы, животный и растительный мир. Главным связующим звеном всех пяти сфер является человек.

У ханты и манси есть семейные духи-покровители («пупыги») - рукотворные изображения из дерева, ткани, бисера [17]. Изображения духов-покровителей передавались по наследству, либо изготавливались вновь, если в этом была необходимость, например, создание новой семьи, или знак свыше (вещий сон). Так же к числу семейных духов - покровителей можно отнести и случайно обнаруженные, необычные, по отношению к повседневной жизни, предметы: необычной формы камни, корни дерева и др.

Самый древний дух у обских угров – это дух огня. Черты доброго отношения к духу огня можно увидеть в образе кормления огня. Обряд этот существует и по сегодняшний день. Садясь за обеденный стол, если, не все присутствующие, то кто-то из старших обязательно бросал в огонь костра кусочек какой-то пищи, плескал в огонь суп или чай [17].

По отношению к духам-покровителям обские угры проявляют необычайное почтение, которое выражается в разного рода жертвоприношениях - это преподнесение подарков, особой пищи. Жертвоприношения позволяют

народам ханты и манси выходить на контакт с духами-покровителями. Пространство дома ханты и манси поделено на определенные зоны (мужская, женская, место обитания духов). Неподалеку от святой стены («мул») вкопан столб («анквыл»), у которого ставятся угощения для духов-покровителей или совершаются кровавые жертвоприношения в их честь.

Большинство праздников обских угров связаны с природными явлениями: переход от лета к зиме (от тепла к холоду, от светлого времени к темному), переход от зимы к лету (от холода к теплу, от спячки к бодрствованию). Традиционный календарный год обских угров делится на основные промысловые сезоны – зимняя охота и летнее рыболовство. Вся празднично-обрядовая деятельность народов ханты и манси построена по принципу двойственности: мужской – женский праздник; зимний – летний праздник и т.п.

Вороний праздник отмечается в преддверии нового года (год/лето). В связи с преобразующимися явлениями природы в основу праздника заложены представления о возрождении и обновлении, имеющие связь с родильной обрядностью. Праздник считается женским, его символика направлена на женскую сферу деятельности, как будничную, так и сакральную – рождение, семья, любовь.

В прошлом этот праздник не был привязан к особой дате, его проводили при виде первых ворон, прилетевших из теплых стран. Начиная с конца девяностых, начала двухтысячных годов этот праздник стал совпадать с православным праздником Благовещение (7 апреля). Перенос даты на постоянное календарное число не повлиял на сакральную часть праздника.

В празднике заложены ритуальные действия, связанные с женским началом, в нем отражены явления жизненного цикла – рождение, брак, смерть.

Согласно традиционным представлениям ханты и манси земля, откуда прилетает ворона – это земля их предков, иной мир («Мортын ма»). Душа умершего человека попадает на землю предков в образе птицы. Но ворона может вернуться с этой земли, в общество людей, только вселившись в тело новорожденного ребенка. Поэтому этот праздник еще считается детским, дети в празднике принимают самое активное участие. Для детей накануне выпекаются из теста фигурки животных, их цвет должен быть обязательно красным, а дети еще с вечера изготавливают корзины (которые по форме напоминают птичьи гнезда) и выставляют их на улицу. По поверью, кто утром соберет больше таких корзин, тот будет летом самым удачливым в собирании утиных яиц.

В целом, рассматривая подход к данному празднику ханты и манси, можно заметить, что он весьма тщателен и имеет глубокий смысл и уважение к «вестнице весны» - вороне. Все церемонии, проводимые в этот день, буквально пронизаны любовью к природе, к женщинам и детям, а также к весне, как символу пробуждения всего живого - это отражено и в традиционной пище, посвященной этому важному празднику в жизни коренных северных народов.

В каждом районе проживания ханты и манси обряд празднования Вороньего дня имеет свои особенности.

Например, у аганских ханты покровительницами женщин выступали две вороны. Женщины хранили их изображения, изготовленные отцом или старшим братом, и забирали с собой, когда выходили замуж и переезжали в новое жилище [1]. По представлениям аганских ханты, ворона радуется рождению человека. По их обычаю, за всеми вещами маленьких детей нужно строго следить, чтобы с ребенком не случилось несчастье. Это касается и тех предметов, которые ребенку уже не нужны. Поэтому «мокрый цап» (стружки из мягкой древесины, которые насыпались в люльку) из детских люлек складывали в одно место на окраине селения под пеньком. И ворона, прилетев с юга, в холодные дни садилась на эти теплые стружки - лапки свои грела. Ведь она прилетала первой, в апреле, когда оттепели сменяются заморозками, и у неё мерзли лапки. Садилась на теплые стружки и говорила: «Побольше бы детей на землю приходило, чтобы было мне, где погреть свои лапки» [http://www.infflag.ru].

У кондинских манси не известны вороны праздники, но представления о вороне и там связаны с заботой о воспроизводстве жизни, о здоровье и благополучии детей. Про ворону говорили, что она " прилетает, кто, где родит, добра желает". Если видели, что ворона сидела на мхе, то его стелили детям, чтобы они были счастливы.

Подготовка к празднику у сосьвинско-ляпинских манси начиналась задолго до Вороньего дня, еще зимой. Если на охоте убивали оленюху с маленьким олененком, то его специально оставляли на этот праздник для приготовления детских кушаний [2].

На Казыме к этому дню готовили оленья мясо и представляли его воронам с просьбой: «Не троньте наших оленей и оленят».

Церемонии в дни праздников, в том числе и на Вороний день, на женских священных местах были известны и ханты р. Сыня. На праздник собирались женщины, готовили пищу на костре, молились духам, кланялись в сторону березы. В число приносимых даров входили ленточки и лоскутки ткани, пуговицы, а также специально изготовленные куколки [14].

С вороньим праздником были связаны различные приметы и гадания: какими будут весна, погода, улов рыбы, сбор ягод. Например, если первая прилетевшая ворона сядет на низкое дерево, весна будет скоротечной, если на высокое - затяжной [14].

Опираясь на ряд статей, монографий различных авторов, мы пришли к выводу, что у каждой из названных нами выше территориальных групп ханты и манси существовали и существуют до настоящего времени свои локальные особенности от неярко выраженных деталей (в отдельных элементах празднования Вороньего дня) до значительных (в последовательности, времени проведения, участников праздника). Локальные особенности территориальных групп ханты и манси имеют и ряд общих черт, таких как, например, приготовление Вороньей каши («саламат»). Также прослеживается явное сходство в ритуальных обрядах, которые носили характер жертвоприношения. К ним можно отнести убийство оленя. А также сходство в языческих атрибутах на Вороний день - украшение деревьев, преимущественно березы, различными подручными материалами и калачами.

Таким образом, в праздновании Вороньего дня мифологическая картина мира глубоко символична. Символика связана с обрядами, раскрывающими мифологические представления народов Севера, обычаи культуры, традиционные для их места проживания.

Мифологическая картина народов севера частично изложена в фольклоре. Обращение к вороне имеется во

всех обрядовых песнях праздника («Вурнга ар»). К песенным жанрам относятся: песня-игра: «С моим появлением маленькие девочки, маленькие мальчики пусть родятся! На ямку с таловыми гнилушками я присяду. Замерзшие ноги свои отогрею. Долгоживущие девочки пусть родятся!»; песня-приговорка: «Как растет елочка, пусть так же мой сыночек (дочка) растет».

Большое значение в праздновании Вороньего дня имеют обрядовые танцы, изображающие весеннее поведение птиц. Костюмированные танцы, во время которых танцор изображает первое появление вороны весной, устройство гнезда, брачный период вороны. В изображении вороны во время танца имеет большое значение поза танцующего, поворот головы, а также маска и одежда, которые являются главными атрибутами ритуала.

Обрядность праздника «Вороний день» содержит систему оберегов и запретов, регулирующих взаимоотношения ханты с окружающим миром. Мы выяснили, что ханты с большим почтением относятся к деревьям, ищут у них поддержку и используются для исполнения некоторых обрядов. Растущие рядом большие деревья, ханты называют дедушкой и бабушкой; кроме того, дерево воспринимается как лестница, которая связывает три вида мира: земной, подземный и небесный миры. Возле стойбищ ханты всегда можно встретить деревья, на ветвях которых повязаны разноцветные ленточки с завернутыми монетами. Женским деревом считается береза, а мужским – ель.

Так как этот праздник связан с родильной обрядностью. Идея сакральности в Вороньем празднике заключается в том, что сами ханты и манси называют этот день – «матери день». В родильной обрядности манси (сосьвинско-ляпинские манси) существует обычай для облегчения рождения ребенка – это специально сшитое распашное платье для женщины («торсахи»).

Самым известным обрядом, среди всех нами рассмотренных территориальных групп ханты и манси, является обряд собирания мокрого сапа. К моменту прилета вороны сап (стружка, мох, оленья шерсть – содержимое из колыбелей младенцев) сыпали в одну кучу-сапая.

В измененном виде у ханты и манси сохраняются предания, передающиеся из поколения в поколение: предание о споре ворона с халеем (Аганские ханты); легенда о происхождении юрт Кускуны (Кондинские манси); предания о богатырях-великанах (Сосьвинско-ляпинские манси); о происхождении рода ханты (Нижнесортымские ханты).

Сюжетно-тематическая классификация праздника «Вороний день» ханты и манси представляют интереснейший материал, содержащий ценные сведения об историческом прошлом обских угров, его древних воззрениях и представлениях, специфике и национальных особенностях. В большинстве своем они характеризуются локальными особенностями, связанными с укладом жизни определенного рода, местной природой, охотничьим и рыболовным промыслами. Основная цель обрядов направлена на удачную охоту, размножение животных, на благополучие и здоровье человека. В них заложены закономерность, периодичность явлений в жизни людей, животных и растений в связи со сменой времен года.

Некоторые обряды, например такие, как поклонение Богине-Матери, у всех рассмотренных нами территориальных групп ханты и манси схожи. Обряд поклонения Богине-Матери относится к семейным обрядам и несет социальную функцию со времен далекого прошлого человечества. Этот обряд установился, по-видимому, еще при

матриархате, так как в проведении его ведущими исполнителями всех основных действий до сих пор являются женщины.

Проведя исследование, мы увидели, что каждая территория округа отмечает праздник по-своему, многое зависит от самих жителей: насколько в их душах сохранился духовно-нравственный потенциал, культура и традиции. Нами было установлено, что у каждой из территориальных групп ханты и манси существовали и существуют до настоящего времени свои локальные особенности от неярко выраженных деталей (в отдельных элементах ритуальных действий, в названиях) до значительных (в последовательности проведения ритуальных действий, в сроках проведения обрядов).

Но в то же время, у праздника «Вороний день» много общего: особая роль женщин и детей, птичьи атрибуты, украшенное дерево как центр праздника, жертвоприношение, некоторые виды обрядовой пищи.

Однако, несмотря на присутствие особых ритуалов, обрядов в праздновании Вороньего дня, в наше время он приобрел еще одну его функцию – социальную и интегрирующую, так как на праздник собираются все жители близ лежащих поселений и угодий.

Список литературы:

1. Журавлев, В. «Вурна хатл» – «Вороний день» [Текст] / В. Журавлев // Аргументы и факты – Югра. – 2010. – Апр. (N 14). – С. 3. – Регион. прил. к газ. «АиФ».
2. Матюков, А. К. День Вороны [Текст] / А. К. Матюков, Е. А. Иваненко; рец. Р. Г. Решетникова. – Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Баско, 2008. – 20, [1] с.: ил.
3. Мифы народов мира [Текст]: энциклопедия: [в 2 т.] / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Российская энциклопедия: Олимп, 1997. – Т. 1: А-К. – 671 с.: ил.
4. Мифы народов мира [Текст]: энциклопедия: [в 2 т.] / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Российская энциклопедия: Олимп, 1997. – Т. 2: К-Я. – 719 с.: ил.
5. Молданов, Т. А., Молданова, Т. А. Очерки традиционной культуры хантов [Текст]: избранное / Т. Молданов, Т. Молданова. – Ханты-Мансийск: Печатное дело, 2010. – 350 с.: ил.
6. Молданов, Т. А. Картина мира в песнопениях медвежих игрищ северных хантов [Текст] / Т. Молданов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – 142 с.: ил.
7. Надеждина, В. Праздник любви, весны и встреч [Текст] / В. Надеждина // Нефть Приобья. – 2012. – Май (N 18). – С. 8.
8. Новикова, Н. И. День прилета ворон / Н. И. Новикова // Традиционные праздники манси / Н. И. Новикова. – М., 1995. – С. 161-171.
9. Онопа, А. Вороний день [Текст] / А. Онопа // Сургутская трибуна. – 2006. – 11 апр. (N 63). – С. 3.
10. Попова, С. А. «Народный календарь и празднично-обрядовая культура манси: проблемы реконструкции» // Вестник угроведения N 1(12), 2013).
11. Попова, С. А. Праздник Урин эква хотал на год/лето / С. А. Попова // Мансийские календарные праздники и обряды / С. А. Попова. – Томск, 2008. – С. 78-108.
12. Пятникова, Т. Р. Традиционные обряды хантов усть-казымского Приобья [Текст] / Т. Р. Пятникова. – Белоярский; Екатеринбург: Баско, 2008. – 80 с.: ил.
13. Ромбандеева, Е. И. История народов манси (вогулов) и его духовная культура [Текст]: по данным фольклора и обрядов / Е. И. Ромбандеева. – Сургут: Сев.-Сиб. регион. кн. изд-во: Сев. дом, 1993. – 208 с.
14. Соколова, З. П. Женские и мужские священные места у хантов р. Сыня // Итоги полевых работ института этнографии в 1971 году. М., 1972. С. 168-169.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В ФИЛОСОФИИ Д. ЮМА²

Щавелев Сергей Павлович

Докт. ист. наук, докт. филос. наук, профессор кафедры философии КГМУ, г. Курск

Пыжова Олеся Владимировна

Канд. филос. наук, доцент кафедры философии КГМУ, г. Курск

Попыток реконструкции национального «психологоса» (Г. Д. Гачев) предпринималось в истории философии и других гуманитарных наук немало, но, в основном, с онтологических, историософских позиций; а еще чаще — публицистично, а то и предвзято-националистически. Одним из первых мыслителей, обративших внимание на указанную сторону теории познания и остальной философии, был Д. Юм. Одно из его знаменитых эссе так и называется — «О национальных характерах». Из него и из похожего рода экскурсов в некоторых других трудах вычитывается весьма эвристичная программа рассмотрения этнических измерений человеческого сознания и познания.

Прежде всего, шотландский скептик разводит простонародные — упрощенные, поверхностные представления на сей счет, и попытки философского углубления в пестроту народов, широт и климатов на карте мира.

Простонародье, по его меткому наблюдению, утрирует разницу национальных психотипов — «однажды установив в качестве принципа, что такой-то народ — это мошенники, трусы или невежды, оно не допускает никаких исключений и каждому отдельному человеку (из этого народа) заранее ставит всё это в вину» [5, с. 703]. Вместе с тем, мыслитель не разделяет и противоположного шаблона массового же сознания (ведь фольклор вообще амбивалентен, контрастен), согласно которому в составе каждого народа есть хорошие и плохие представители. С уместными оговорками насчет ярких исключений, Юм допускает, что «некоторые особые качества» в гораздо большей степени присущи одному народу по сравнению со многими другими.

Этнические характеристики соотнесены в юмовской концепции с социальными, классовыми. На примерах воинов и священнослужителей им показывается, как

² Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-33-01018 «Духовная практика как философская проблема: онтологические, эпистемологические, аксиологические аспекты».

род занятий, профессия дополняет и даже нивелирует разницу национальностей. Эти занятия наиболее корпоративны по сравнению с другими (например, адвокатами, врачами, коммерсантами, действующими на более конкурентной основе), поэтому и отобраны Юмом для сопоставления с этносами. Сюда же примыкают черты конфессиональные, точнее, церковные. Представители тех или иных вероучений (у философа для образца взяты иезуиты) похожи друг на друга независимо от своей национальности. Таким образом, эта последняя помещается автором на видное, но отнюдь не центральное место на социально-психологическом портрете социума, что соответствовало не только современной ему эпохе строительства колониальных империй, но и предвосхищало позднейшую глобализацию в мире.

Возвращаясь к проблеме народности, Юм сознает, что основные черты сознания любого народа объединяет целый ряд качеств, большинство из которых диалектно до биполярности, своего рода «плюс-минусно». Едва ли возможно акцентировать внимание на какой-то отдельно взятой черте в душевной организации того или другого народа, более или менее близких аналогов которой не найдется у совсем иного рода-племени. Допустим, известная «американская мечта» воплощена в жизненном опыте самих американцев: пионеры-первопроходцы, эмигранты, предприимчивые промышленники служили образцом, которому стремились подражать каждый. У французов не было ничего подобного. Их мечта — это скорее умопомрачительные споры вокруг основополагающих принципов и идеологических вопросов. Было бы, однако, неверным утверждать, что американцы практичны, а французы склонны к теоретизированию. Американцы тоже способны к абстракции» [1, с. 330–331]. А французы в массе своей — к вполне практичному мышлению.

Эту мысль убедительно развил современный структурализм в философии и, особенно в этнологии, продемонстрировавший глубинное единство внешне разнообразных напластований духовной и материальной жизни отдельных народов в разные исторические эпохи. Как утверждает К. Леви-Стросс, «совокупность обычаев одного народа всегда отмечена каким-то стилем, они образуют системы, и число этих систем не является неограниченным, а человеческие общества, подобно отдельным лицам, в своих играх, мечтах или бредовых видениях никогда не творят в абсолютном смысле, а довольствуются тем, что выбирают определенные сочетания в некоем наборе идей, который можно воссоздать» [2, с. 78].

Национальный характер, таким образом, способен отразить своеобразное и динамичное сочетание общечеловеческих качеств, их нестандартный набор, специфичную пропорцию у данного народа с его уникальной историей и собственной самобытной культурой.

Юм вмешивается в давний спор о причинах национальных различий в области психологии и даже логики (не формальной, конечно, а, так сказать, практически-жизненной). Эти причины он разделяет на моральные и физические. Первые сегодня бы назвали социокультурными: «Форма правления, социальные перевороты, избыток или нужда, в которых живет население, положение нации среди своих соседей» и т.п. [6].

Соглашаясь с определенной правдоподобностью такого рода предположений своеобразия национальных складов ума, обратим внимание и на некоторые сомнительные её же моменты.

Во-первых, субъект исторического действия и ответственного типа мышления оказывается пассивным слепком с внешних обстоятельств своего бытия; тогда как некоторые черты народного духа, даже их структуры

могли складываться не благодаря, а вопреки пережитым историческим трудностям; так, Юм утверждает, что «ничто и тяжелый труд коверкают ум простых людей и делают их неспособными в какой-либо науке или искусной профессии»; может, так оно и было поначалу индустриальной эпохи с ее социальными перегрузками и перекосями, но этот же тезис явно не подходит к традиционному и тем более современному типам социума — известна россыпь «самородков», вышедших к высотам науки и техники из гущи простого народа;

Во-вторых, отдельные из приведенных философами отличий того или иного народа могут быть оспорены — единично они заметны у многих других этносов, в том числе исторических современников (особенно это касается именно когнитивных характеристик; скажем, вряд ли «англичанин обладает большими знаниями, чем датчанин»); дело, видимо, не в простом наборе качеств, а именно в их общей конфигурации, а вот она в оцениваемой концепции просматривается слабо;

В-третьих, недостаточна объяснена инертность ментальных характеристик — выигрышные в один период (древности или средневековья), они вопреки изменившимся условиям исторического бытия народа в Новое и особенно Новейшие времена его истории почему-то сохраняются в неизменном виде. Возникает вопрос, почему в одну историческую эпоху национальный менталитет интенсивно формируется, а в другую застывает в прошлых традициях?

Наконец, недостаточно вычленен именно познавательный, когнитивный пласт национального менталитета; эпистемология и онтология национальной истории предстают у Юма в едином сплаве.

Физическими обстоятельствами Юм называет «качества воздуха и климата», т.е. естественно-географическую среду обитания народа. Вывод Юма однозначен: физические условия практически не влияют на специфику народного характера; все дело в причинах «моральных».

Юмовский тезис — «физические причины не имеют заметного влияния на ум человека» — может быть оспорен с позиций современных работ по истории и теории менталитета. Чтобы далеко не ходить за примерами, обратимся к России. По заслуживающим доверия, подтвержденным внушительной статистикой наблюдениям историков, «фундаментальные особенности ведения крестьянского хозяйства (на Восточно-Европейской равнине — прим. авт.) в конечном счете, наложили неизгладимый отпечаток на русский национальный характер. Прежде всего, речь идет о способности русского человека к крайнему напряжению сил, концентрации на сравнительно протяженный период времени всей своей физической и духовной потенции. Вместе с тем, вечный дефицит времени, веками отсутствующая корреляция между качествами земледельческих работ и урожайностью хлеба не выработали в нем ярко выраженной привычки к тщательности, аккуратности в работе и т.п. С другой стороны, тяжкие условия труда, сила общинных традиций, внутреннее ощущение грозной для общества опасности пауперизации дали почву для развития у русского человека необыкновенного чувства доброты, коллективизма, готовности к помощи, вплоть до самопожертвования» [3, с. 52–53].

Вероятно, более убедительными могут быть не узкогосударственные или конкретно-этнические характеристики души и мысли, какие преобладают у Юма, а относящиеся к международным культурно-историческим регионам, где целый ряд этносов развивался в сходных природных и социальных обстоятельствах. В таком слу-

чае тот или иной этноним, национальный ярлык выступает просто символом гораздо более широко распространенного склада ума.

Так, у Х. Ортеги-и-Гассета сравниваются по мыслительным наклонностям люди Севера и люди Юга Европы. Северный, т.е. более или менее германизированный, согласно Ортеге, ум стремится к метафизической единственности собственного «я», заброшенного в глухой космос. Внешний мир воспринимается немцем главным образом через призму мира внутреннего, превращается в «факт сознания», образцовую идею. Южный человек, напротив, в глубине души ощущает себя как бы на людной площади, его ум социален. «Я» испанца или, скажем, грека носит скорее коллективный характер, чем издревле отличалось Средиземноморье — перекресток культур и цивилизаций. Интеллектуальная экспансия южанина направлена преимущественно на внешний мир, но, прежде всего ради его непосредственного созерцания, постижения как такового. Северный же «ум викинга», по выражению Ортеги, превращает мыслительную деятельность из покорной, спокойной в угрожающую, порывистую относительно внешней реальности. Так, для Канта и его последователей «философия — это не созерцание, а предпринимательство, подвиг, труд» [4, с. 240].

К оригинальным рассуждениям испанского мыслителя следует добавить, что отмеченные им интенции региональных разумов резко сказываются на развитии философской, научной, художественной мысли, а на уровне массового сознания, коллективной психологии, которые имел в виду Юм, этнические отличия будут более конкретными, дробными, а главное — относительными, условными. Базовые человеческие эмоции типа страха или отваги, жадности или щедрости и т.п. у большинства этносов выражены в сопоставимых масштабах. Счастье и горе, т.п. состояния души человека интернациональны.

Лидеры современной этнологии в постмодернистском духе подчеркивают примат идеологических факторов этничности по сравнению с онтологическими. По их мнению, так называемые национальные характеры сводятся к достаточно условной иерархии социальных идеалов и самооценок, культивируемой интеллектуалами — выразителями духа той или иной нации, рекламируемой разными жанрами искусства, средствами массовой информации в соответствующих странах. Наблюдения Юма в

этой области подкрепляют скорее противоположную этнологическую концепцию — примордиализма, согласно которой имеются вполне объективные, массовидные факторы этноспецифичности. Кроме обычной упоминаемой в этой связи эндогамии (большинство браков заключаются между представителями одного и того же этноса) стоит оглянуться на те (вышеупомянутые) исторические, социальные причины, которые выявлял Юм.

Как видно из всего вышеизложенного, именно этот философ стоял у истоков будущей социокультурной теории сознания и особенно познания. Самобытность умственного склада того или иного народа не всегда объяснялось Юмом вполне убедительно, но в похожем состоянии эти сюжеты науки и публицистики пребывают до сего дня. Главное, что этим автором намечен реалистичный, чуждый идеологическим преувеличениям подход к анализу народных характеров и особенно их когнитивных составляющих. Наконец, он же показал, как народные традиции и нормы поведения, в свою очередь, оказывают глубокопроникающее влияние на личную и общественную жизнь тех, кто причисляет себя к данному этносу. Критерии рационалистичности познания и поведения меняются в разных географических, климатических, демографических, социально-политических регионах Земли. Все эти юмовские тезисы еще предстоит творчески усвоить современной неклассической эпистемологии.

Список литературы:

1. Зэлдин Т. Всё о французах. М.: Прогресс, 1989. — 440 с.
2. Леви-Стросс К. Печальные тропики. М.: Мысль, 1984. — 248 с.
3. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2006. — 329 с.
4. Ортега-и-Гассет Х. Кант (1724 — 1924): размышления по поводу двухсотлетия // Феномен человека: Антология. М.: Высшая школа, 1993. — 504 с.
5. Юм Д. Сочинения: В 2 т. [Пер. с англ./Под общ. ред., со вступ. статьей, с. 5-64, и примеч. И.С. Нарского]. Т. 2. М.: Мысль, 1966.
6. Юм Д. // Этнопсихологический словарь [Электронный ресурс] // http://wiki.myword.ru/index.php/Юм_Дэвид (Дата обращения: 25.09.2014).

НАРОДНОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Селюкова Татьяна Александровна

канд. философ. наук, доцент кафедры искусства народного пения,

Селюков Эдуард Анатольевич

преп. кафедры искусства народного пения

Белгородский государственный институт искусств и культуры, г.Белгород

Культура русской провинции никогда не имела того отдельного статусного значения, которым обладала «большая» культура столиц. Текст провинциальной культуры «вплетен» в контекст региональной истории еще плотнее и естественнее, что позволяет проследить логику становления народного художественного творчества в этнической, историко-стадиальной многослойности его пластов, жанров, направлений в ракурсе двух аспектов:

— «изнутри» (генезис и эволюция, жанровая природа, формы и виды бытования, их свойства, характеристики, функции, статус его творцов и потребителей и т.д.);

— «извне» (как социальное, этнокультурное, этнохудожественное явление, рассмотренное в контексте региональной истории) [5, с.75].

Полевые исследования, в том числе авторские, показывают, что народная культура русской провинции многих

регионов, в том числе Юга России, вопреки всем объективным и субъективным факторам, сохранила многие уникальные памятники духовной и материальной культуры в таких своих проявлениях, как фольклор (песенный, инструментальный, хореографический, поэтический, обрядовый), традиционное декоративно-прикладное, художественно-прикладное и изобразительное искусство, бытовое художественное любительское творчество, художественная самодеятельность и т.д.

Следовательно, народная художественная культура представляет собой результат и постоянный процесс бытовой, особым образом социально-организованной деятельности различных слоев и групп населения, объединяемых понятием «народ», «единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них – историю всемирной культуры» [3, с.48].

В рассматриваемой нами творческой деятельности объективно заложены важные в онтологическом и гносеологическом плане смыслы, реализующие одну из форм познания и преобразования действительности в трех аспектах: 1) деятельность человека, направленная на созидание культурных, духовных и материальных ценностей; 2) результат этой деятельности, совокупность созданного, сотворенного кем-либо; 3) специфический вид деятельности, сочетающий в себе имманентное свойство человека и способ существования действительности и состоящий в приумножении материальных и духовных ценностей, наделенных новыми авторскими смыслами [6, с.95].

Следовательно, творческая деятельность становилась средством демонстрации независимости, способности создания новой востребованной реальности, противопоставленной, в первую очередь, природе, ориентированной на получение неких благ для максимально широкой группы людей (например, созидательно-творческая деятельность культурных героев мифа). Поэтому собственно творец (*homo faber* - человек-созидатель) - это тот, кто возвысился над природным окружением, пройдя через периоды ученичества и постижения мастерства [15, с.701].

Подобно категории культуры, творчество понимается нами в двух планах: гносеологическом (с точки зрения новаторской, продуктивной и общественно значимой деятельности, социальной активности, создания нового продукта, идеи) и аксиологическом (творчество как прогрессивная деятельность). Следовательно, понятие «творчество» относится к числу категорий, не поддающихся однозначной дефиниции, ввиду того, что отражает феномены, существующие и в материальной, и в духовной сферах.

Античная философия противопоставляла творческую деятельность человека, как нечто преходящее, вечному бытию. Вместе с тем, в философии Платона творческая личность (философ) в её стремлении к познанию обращается к высшему созерцанию сущности мира, идее Блага. В средние века, как правило, феномен творчества теологизируется и мистифицируется, верховным субъектом творчества предстает Бог, человеку же отводится роль канала, посредством которого изъясняется его воля. Становление творческой саморефлексии происходит в эпоху Ренессанса, когда личность в творческом акте уподобляется божественным силам.

И. Кант в качестве субъекта творческой деятельности принимает личность. Творчество оказывается возможным благодаря способности суждения, продуктивной и рефлексивной деятельности воображения [7]. Г.Гегель рассматривал творчество как процесс саморазвития, импульс

которому даёт противоречие, лежащее в его основании [4]. К. Маркс рассматривал становление личности в результате предметно-деятельностного характера взаимоотношения человека и мира; творчеству он отводил роль разновидности деятельности [11]. Ф. Ницше, критикуя современную ему культуру, видел назначение творчества в преобразовании самой сущности человека [14]. С интуитивистских позиций рассматривал данную проблему А. Бергсон, утверждавший, что эволюция природы представляет собой постоянное рождение нового, т.е. процесс творчества, спонтанный и непредсказуемый [1].

В исследованиях ряда ученых начала XX в. творчество представлено в его широком понимании, как появление нового применительно ко всем процессам органической и неорганической жизни в контексте общей идеи эволюции (Ф.Д. Батюшков, П.К. Энгельмейер и др.). Аналогичной точки зрения придерживается Я.А. Пономарев, утверждая, что «творчество природы и творчество человека лишь разные сферы творчества, несомненно, имеющие общие генетические корни <...> Творчество – необходимое условие развития материи, образования её новых форм, вместе с возникновением, которых меняются и сами формы творчества. Творчество человека лишь одна из таких форм» [16, с.16], выступающая как механизм развития, как взаимодействие, ведущее к развитию.

На современном этапе развития научной мысли общепринятым является понимание творчества в узком смысле слова «как человеческой деятельности, в результате которой появляется нечто новое, характеризующееся: абсолютной новизной, оригинальностью и значимостью для всего общества и человечества (высший уровень); элементами новизны, важными для коллектива или региона, предполагающими использование имеющегося опыта и расширение области их применения (средний уровень); новизной и значимостью лишь для самой личности, осуществляющей в процессе творчества широкую самореализацию и самосовершенствование (низкий уровень) [17, с.31-32]. Подтверждение данному посылу находим в работе Л.Н. Когана «Социология культуры» [9].

Анализ научной литературы подтверждает наличие аналогичных взглядов на понимание трансцендентности творчества у современных ученых

(Л.Я. Вейнгерова, Д.Д. Гурьев и др.). По мнению исследователей, «смысл научно-технического, художественного, литературного и другого творчества человека не в создании самих идей, а в умении самостоятельно и творчески переосмыслить, развить и в разных формах воплотить то, что дается всем посредством космического Разума (из единого энергоинформационного поля, которое В.И.Вернадский назвал «ноосфера»), но воспринимается только самыми внимательными и чуткими» [2, с.57].

Мы разделяем мнение ученых о том, что внимательность, чуткость, повышенная чувствительность, как крайне необходимые для художественного творчества, могут быть от рождения определенными свойствами нервной системы или развивающимися в процессе жизнедеятельности проявлениями высшей духовности. У народа эти качества, по свидетельству Л.И. Михайловой, «связаны с картиной мира, ментальностью, специфика которых во многом обусловлена этнической культурой восприятия единства системы «природа – человек – космос», а также особенностями православной религии, возвышающей духовность в ущерб земным материальным благам» [13, с.27]. А потому есть основание полагать, что получаемая извне информация перерабатывается наиболее чуткой частью народа в художественной деятельности в соответствии с картиной мира, воплощается в художественных образах и

функционирует в обществе как народная художественная культура, отражающая систему знаний, норм, образцов жизнедеятельности.

В фольклористике понятие «творчество» появилось давно и использовалось для обозначения искусства, создаваемого народом. Понятие «художественное» в творческом акте указывает на искусство как на предмет деятельности. Термин «народное творчество» применялось в значении коллективного творчества народных масс. При этом довольно часто употребляются другие термины, характеризующие народную поэзию: «народное поэтическое творчество», «устное народное творчество» (В.П. Аникин, С.Г. Лазутин, В.Я. Пропп, Б.Н. Путилов, В.И. Чичеров и др.). В последующие годы понятие «творчество» широко употреблялось для характеристики художественной деятельности народа в различных видах и жанрах народной художественной культуры («народное музыкальное творчество», «драматическое творчество» и т.п.). Поэтому появление работ, анализирующих народное искусство, народное творчество как явление художественной культуры в системе общечеловеческой культуры, – результат научно-творческого подхода к предмету анализа (В.Е. Гусев, А.С. Каргин, М.А. Некрасова и др.).

В.С. Цукерман выделяет четыре формы народного художественного творчества: фольклор, традиционное изобразительное и декоративно-прикладное искусство, художественная самодеятельность и индивидуальное любительское творчество [19, с.19-22]; а А.С. Каргин – традиционный фольклор, декоративно-прикладное и изобразительное искусство, художественную самодеятельность и современное любительское искусство [8, с.7]. Безусловно, исходными составляющими категориями при формировании понятия «народное музыкальное творчество» являются слова «нация», «народ», «этнос».

В отечественной науке понятие «народ» постулируется в трех аспектах: а) в широком смысле слова как все население определенной страны; б) как термин, употребляемый для различных форм этнической общностей (племя, народность, нация); в) народные массы, трудящиеся, т.е. социальная общность, которая производит материальные ценности, – как творец истории, ее субъект, ведущая сила коренных общественных преобразований. На различных этапах истории понятие «народ» вбирает в себя те слои и классы, которые способны участвовать в решении задач прогрессивного развития общества.

Заслуживает внимания определение этноса, сформулированное С.В. Лурье: «Этнос – это социальная общность, которой присущи специфические культурные модели, обуславливающие характер активности человека в мире, и которая функционирует в соответствии с особыми закономерностями, направленными на поддержание уникального для каждого общества соотношения культурных моделей внутри общества в течение длительного времени, включая периоды крупных социокультурных изменений» [10]; а также мнение Л.М. Михайловой: «Это родовой признак, характеризующий определенный исторический этап формирования народа» [13, с.15].

В свою очередь, категория «нация» по отношению к категории «народ» находится в понятийной близости, но с еще более обобщающей смысловой нагрузкой, однако для нее показательны наличие значительной территории (в отличие от территории этноса) и государственности при усилении значимости этнических признаков: общность языка, культуры, бытового уклада, антропологических особенностей [18, с.330].

Согласно мнению С.В. Лурье, слово «менталитет» может выступать в паре с понятием «традиция», так как подразумевает подвижность, соотнесенность как с прошлым, так и с настоящим, возможность сколь угодно глубоких внутренних противоречий [10, с.91]. В этом смысле традиция выражается в менталитете народа, а менталитет – не материализованная составляющая традиции.

Музыкальная составляющая исследуемого явления относится, по нашему мнению, к категории его доминантных констант, так как способна достаточно полно отражать и аккумулировать особенности менталитета народа, а в силу естественности функционирования, развитости своих форм и видов, является всепроникающей, входящей в быт, трудовую деятельность, досуг, в разнообразные формы повседневной жизнедеятельности. Таким образом, находясь в пространстве народного творчества, музыкальное народное творчество может оказать существенное воздействие на культурную, социальную и художественную жизнь конкретного региона.

В современной философии и культурологии представлен анализ культурной традиции, позволяющий раскрыть этот феномен в целостности и многообразии связей, определить реальное место традиции в жизни социума и место понятия «культурная традиция» в системе методологического инструментария наук о культуре. Причем речь идет о традициях в самых разных культурных пластах, видах и формах народного музыкального творчества, с оговоркой, что каждая из этих сфер культуры, равно как любая область творчества, обладает своей спецификой, находится в разных отношениях с традицией как механизмом передачи и обновления социально значимого опыта.

Таким образом, есть основание полагать, что традиция – это то, что помогает системе выживать, обеспечивает ее адаптивность, т.е. «способность для самосохранения приводить себя по принципу обратной связи в соответствии со средой» [12, с.81].

Народное музыкальное творчество представляет собой своеобразный механизм развития, процесс движения от традиции к новизне, поиска и нахождения способов художественного выражения системы социокультурных ориентаций: знаний, ценностей, норм, образцов жизнедеятельности народа. Именно в музыкально-творческой деятельности осуществляется процесс их актуализации и переработки в «продукт» народного искусства (конкретные образцы народного музыкального творчества), появление новых типов культуры и новых форм художественной активности народа.

Список литературы:

1. Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Мысль, 1998. - 346 с.
2. Вейнгера Л.Я. Современная философия духа и сознания. М.: Изд. Московский лицей, 1996. - 75 с.
3. Горький М. О литературе / Литературно-критические статьи. М.: Сов. писатель, 1953. - 703 с.
4. Гегель Г. Философия духа / Энциклопедия философских наук: В 3 т. -Т.1. / М.: Мысль, 1977. - 471 с.
5. Жиров М.С. К истории формирования народной культуры русской провинции // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. - 2006. - № 3. - Часть 1. - С. 75.
6. Жиров М.С. и др.; рец.: А.И. Молчанов, О.И. Алексеева: Художественно-творческие технологии в социальной работе: Монография. Белгород, 2009. - 150 с.

7. Кант И. Критика способности суждения // Соч.: В 6 т. Т. 5. М.: Мысль, 1966. - 453с
8. Каргин А.С. Народное художественное творчество. Структура. Формы. Свойства. М.: Музыка, 1990. - 142с.
9. Коган Л.Н. Социология культуры. Екатеринбург: УрГУ, 1992. - 118 с.
10. Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997. - 448с.
11. Маркс К. Тезисы о Фейербахе. Т.3.-М.: Политиздат, 1955. -544 с.
12. Маркарян Е.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. – 1981. – № 2. – С. 81.
13. Михайлова Л.М. Социодинамика народной художественной культуры: детерминанты, тенденции, закономерности. М.: Вузовская книга, 1999. – 237 с.
14. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М: Эксмо-пресс, 1998-1999.-1056с.
15. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: ООО Изд-во «Мир и образование», 2004. – 1056 с.
16. Пономарев Я.А. Психология творчества. М.: Наука, 1976. – 302 с.
17. Прокофьев Ф.И. Художественное творчество масс в условиях развитого социализма. Киев: Вища школа, 1978. – 350 с.
18. Словарь иностранных слов. М., «Русский язык», 1988. – 578 с.
19. Цукерман В.С. Народная культура как социальное явление: Автореф. Докт. филос. наук. – Свердловск, 1984. – С.19–22.

ПОДХОД К РАЗВИТИЮ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Волкова Виолетта Николаевна

Доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Санкт-Петербург, Политехнический ул.

Черный Юрий Юрьевич

Кандидат философских наук, Заместитель директора Института научной информации по общественным наукам РАН г. Москва, Нахимовский проспект, 51/21.

Проблемы социального управления в настоящее время рассматриваются в учебных планах ряда научных направлений – в философии, политологии, социологии, экономике, правоведении, психологии, включены в учебные планы и программы ряда специальностей – “Система государственного управления”, “Муниципальный менеджмент” и “Государственное и муниципальное управление” и др. Формируется самостоятельное научное направление «Теория социального управления».

Очевидно, что такое направление должно формироваться как междисциплинарное и в объединении проблем, разрозненно рассматриваемых в различных научных направлениях и дисциплинах, может помочь теория систем, являющаяся междисциплинарным научным направлением.

Полезным является уже использование основных понятий теории систем – определений системы для различных ситуаций, понятий элемент, структура, цель и др., закономерностей теории систем. В то же время представляется, что в первую очередь для обеспечения полноты определения проблем необходимо структурировать теорию социального управления с применением методик структуризации целей и функций этой сферы.

Основное отличие теории социального управления от теорий управления в других сферах заключается в том, что целью социального управления является обеспечение условий для комфортного существования и всестороннего развития человека. В ряде случаев для краткости используется термин «Качество жизни».

Предлагается в первую очередь применить методике, предложенную Р. Акоффом и Ф. Эмери [1] для обоснования основных функций системы («общины» в их терминологии), стремящейся к идеалу.

В соответствии с этой методикой предлагается вынести на верхние уровни структуры целей для системы (в их терминологии – *общины*), стремящейся к идеалу, следующие составляющие [1]:

- *изобилие* – политико-экономическая функция, в соответствии с которой формируются экономическая составляющая социальной сферы и элементы политологии, обеспечивающие цели социальной сферы;
- *правда* – в интерпретации авторов это познание истины, поиски ценностных ориентаций общества, включающая научную, образовательную функции и обеспечение развития социальной сферы на основе информации;
- *добро* – функция разрешения внутриличностных и межличностных конфликтов и конфликтов между социальными коллективами, т.е. этика, религия, юриспруденция и др., и соответственно – элементы политологии, психологии, необходимые для обеспечения социального управления;
- *красота* – функция культуры, обеспечивающая не только отдых, эстетические потребности человека, но и формирование личности, гражданственности, механизмов целеобразования.

В методике предусмотрен принцип *фрактальности*, т.е. структуризации каждой ветви нижележащего уровня с использованием составляющих соседних уровней. Например, у функции организации науки есть политико-экономическая сфера, научная этика, эстетика.

Эта методика позволяет обеспечить полноту структуризации таких организаций, цели и функции которых должны охватывать разносторонние условия существования и развития личности.

Например, ее применяют при структуризации функций системы управления городом, регионом, школой, детскими дошкольными учреждениями и т. п. При разработке структуры целей и функций районной или городской администрации полезно сочетать эту методiku с другими.

Таким образом, в теории социального управления можно выделить компоненты, приведенные на рис. 1.

Рисунок 1. Структура целей и функций системы социального управления

При развитии теории социального управления по каждому из этих направлений следует определить трактовку основных базовых понятий, которые можно определить на основе определений системы. В частности, предлагается применить определение, предложенное одним из авторов статьи [2], в соответствии с которым определяются компоненты, принципиально необходимых для существования и функционирования исследуемой или создаваемой системы:

$$S_{def} \equiv \langle Z, STR, TECH, COND \rangle, \quad (1)$$

где $Z = \{z\}$ – совокупность или структура целей;

$STR = \{STR_{np}, STR_{орг}, \dots\}$ – совокупность структур, реализующих цели (STR_{np} – производственная, $STR_{орг}$ – организационная и т. п.);

$TECH = \{pod, meth, means, alg, \dots\}$ – совокупность технологий (подходы pod , методы $meth$, средства $means$, алгоритмы alg и т. п.), реализующих систему;

$COND = \{\Phi_{ex}, \Phi_{in}\}$ – условия существования системы, т. е. факторы, влияющие на ее создание и функционирование (Φ_{ex} – внешние, Φ_{in} – внутренние).

В соответствии с этим определением по каждой из подцелей теории социального управления нужно предложить понимание следующих компонентов:

цель, структура, подходы, методы, средства, технологии. Раскрывая понятие структура полезно дополнить этот перечень понятиями *элементы, компоненты, связи, отношения,*

Целесообразно исследовать проявление в разных сферах закономерностей функционирования и развития систем, дополнить названные компоненты понятиями, характеризующими функционирование систем: *управление, устойчивость, развитие.*

Приведенная интерпретация основных целей социального управления и базовых понятий, отношений, методов в процессе развития теории социального управления, разумеется, могут корректироваться и дополняться.

Большинство из подцелей, приведенных на рис. 1, исследовались в рамках соответствующих научных направлений – экономике, политологии, правоведении, психологии, культурологии.

В то же время применение методики Акоффа-Эмери позволило обратить внимание на необходимость включения в теорию социального управления проблем, исследование которых проводится в некоторых принципиально новых направлениях, но до сих пор не связывались с теорией социального управления.

В частности, все большую роль в социальном управлении начинает играть Social Computing, представляющий собой системную интеграцию социальных наук и Computer Science (компьютерной науки), техническую основу которого составляют социальные сети все чаще и чаще становятся ареной информационных противоборств.

Проблемам моделирования процессов взаимодействия в социальных сетях посвящен ряд исследований [3–5]. В этих работах рассматриваются структура теории управления социально-экономическими системами, компонентами которой являются: предметы управления; схема управленческой деятельности; критерии эффективности управления; методы (виды), типы, формы, условия, средства, функции, принципы, задачи и механизмы управления.

В то же время становится все более очевидным, что необходимо учитывать не только на полезность телекоммуникационных сетей, обеспечивающих социальные взаимодействия, но и на общественные эффекты развития информационных технологий:

Социально-философский анализ этой проблемы заставляет обратить внимание на опасность возможной тотальной автоматизации общественной жизни и наступления нового состояния общества – «коммуникативного тоталитаризма». Методология социального компьютеринга не должна ограничиваться регистрацией эмпирических соотношений, а и учитывать понимание киберпространства как арены борьбы интересов различных индивидов и социальных групп. В зависимости от взгляда исследователей на интернет-пространство методология социального компьютеринга может быть совершенно различной. В случае представления о «естественности» изучаемых феноменов результатом исследования может стать установление тех или иных «объективных» корреляций между

значимыми переменными, однако не более того. Представляется, что необходим более глубокий взгляд, предполагающий видение явлений как результатов тех или иных социальных действий, который позволит наряду с возможностью установления корреляций между переменными заглянуть за «подкладку» социально-технологической объективности и осознать киберпространство как арену борьбы интересов различных индивидов и социальных групп. В этом случае проблематика социального компьютеринга окажется тесным образом связанной с темой социального управления.

В заключение отметим, что обобщение исследований по всем направлениям социального управления, соответствующим целям и функциям, приведенным на рис. 1, должно привести к реализации одной из наиболее значимых закономерностей теории систем – т.е. к эффекту эмерджентности, появлению неожиданных, принципиально новых результатов осмысления системы социального управления.

Список литературы:

1. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. – М: Сов. радио, 1974. – 272 с.
2. Волкова В.Н. Развитие определения системы // Матер. Международной научно-практической конференции «Системный анализ в проектировании и управлении»: сб. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2001. – С. 12–14.
3. Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства / Под ред. чл.-корр. РАН Д.А. Новикова. – М.: Физматгиз, 2010. – 229 с.
4. Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Модели информационного влияния и информационного управления в социальных сетях // Проблемы управления (Control Sciences). № 5. 2009. – С. 28–35.
5. Зуев А.С., Федянин Д.Н. Модели управления мнениями агентов в социальных сетях // Проблемы управления (Control Sciences). № 2. 2011. – С. 37–45.

СЕКТА КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Яковленко Анастасия Егоровна

Бакалавр, Краснодарский государственный университет культуры и искусств, г.Краснодар

АННОТАЦИЯ

В данной статье произведена попытка обосновать опасность сект для человека. Дается краткая характеристика признаков подобных групп. Приводятся примеры самых опасных религиозных объединений и даются некоторые советы по избавлению людей от их зависимости.

Ключевые слова: секта, сектантство, зависимость, человек

Настоящее время представляет собой век технологий, невероятно быстрого технического прогресса, где работа с техническими средствами становится преобладающей. Духовно-нравственные ценности практически забыты. Государство не справляется со своими основными функциями, процветает коррупция, общество все больше делится на различные социальные группы, четко обозначена социальная стратификация. С каждым годом экология все больше ухудшается. Все это отрицательно влияет на человека, приводит к постоянным стрессам, психическим расстройствам, понижению иммунитета и т.д. И в связи с такой окружающей обстановкой люди нуждаются в поддержке, помощи, возможности выговориться. И на это, прежде всего, обращают внимание различные секты. Разумеется, сначала они привлекают к себе человека, а потом обманом выманивают у него деньги, драгоценности, машину, квартиру.

Итак, сектантство – это общее название отделившихся от господствующей церкви религиозных течений, противоборствующих ей и образующих отдельные секты [1]. В свою очередь, последние представляют собой какую-либо группу лиц, которая приняла новое вероучение. Как правило, секта имеет определенные признаки, во-первых, наличие лидера, который представляется всем как Спаситель или даже Бог. Для сектантов его слово является законом, они доверяют ему, только он знает всю правду. Во-вторых, четкая иерархия и наличие определенных ритуалов. У лидера есть приближенные, которые имеют особые преимущества в чем-либо, и чтобы дослужиться до них необходимо усердно трудиться, посещать семинары, курсы, которые оплачиваются отдельно. В третьих, это дисциплина. От каждого требуется неукоснительное соблюдение установленных правил, приказов своего лидера и т.д. Еще одним явным признаком является фанатизм, то есть каждая секта учит тому, что только она права, знает

точную истину и прочее. Таким образом людям затуманивают разум и все больше привязывают к себе. Также сектанты вынуждают вкладывать деньги в данную организацию, называя их злом, и внушают человеку, что так можно получить место в раю. Последний признак – уйти из секты очень сложно, а иногда просто невозможно. Человек далеко не сразу осознает свою зависимость, так как сначала он уверен, что только здесь его понимают, всегда готовы выслушать и помочь советом, а когда приходит в себя, то начинает понимать, что «братья» его уже просто так не отпустят.

На сегодняшний день существует множество сект, но в данной статье будут описаны только самые опасные. Итак, начнем с неопятидесятников или харизматиков, которых насчитывается около 300 тысяч. Они пропагандируют, что адептом их общины может стать только здоровый человек, а нездоровые люди прокляты Богом. У последователей выманивают деньги и чем больше, тем лучше, объясняя это возможностью быстро разбогатеть. Как правило, психика у этих сектантов неустойчива, и в конечном итоге может привести к суициду. Также достаточно опасными являются саентологи. Они считают себя бессмертными, уверены, что живут вне физического мира. Предоставляют различные платные курсы, которые стоят несколько сотен тысяч долларов. И как итог, подобное «зомбирование» подрывает психику адептов и может привести их к самоубийствам. Следующая секта – муниты. Она основана в 50-х годах Сан Муном. Обычно адепты уходят из семьи и начинают жить в общине по несколько человек. Смыслом их жизни становится служба и полное повиновение воле своего лидера. Они верят, что он может «спасти их души» и в обмен на это отдадут Муну имущество, деньги, земельные участки. Из сказанного выше, главная цель практически любой секты очевидна – полностью подчинить человека своей воле, разрушить психику и выманить с него как можно больше денег.

В основном, в подобные группы попадают одинокие люди, лишенные поддержки семьи, друзей, с серьезными заболеваниями, неустойчивой психикой, с проблемами на работе, в личной жизни. В такие моменты человек нуждается в любой помощи и вряд ли сможет определить, где она искренна, а где нет. Этим и пользуются сектанты. Играя на чувствах людей, давая им надежду на выздоровление, они стараются удовлетворить собственные потребности. Но в то же время, от попадания в секту никто не застрахован, и в ней может оказаться абсолютно любой человек. Поэтому следует с осторожностью относиться к людям, которые призывают посетить какой-нибудь совершенно безобидный семинар, послушать ту или иную лекцию, чрезмерно настойчиво предлагают свою помощь, на мой взгляд, им лучше вообще не верить. Ведь вступление в секту грозит огромной опасностью не только для самого человека, но и для близких ему людей. Сколько известно случаев, когда сыновья убивают отцов, матерей, братья братьев, мужья жен и наоборот. Сектанты становятся настолько фанатами своего вероучения, что забывают обо всем: о родственных чувствах, собственной личности, морали, нравственности. У многих появляется излишняя агрессивность на тех, кто не состоит в той или иной религиозной группе, для них – это враги. Разумеется, от подобных людей стоит держаться как можно дальше. Однако, если вступления в секту по каким-то причинам все-таки не удалось избежать, то не стоит впадать в панику, все еще можно исправить.

Приведем несколько советов, которые помогут избавить человека от привязанности к определенной группе. Итак, прежде всего, необходимо попробовать отлучить его от секты, а именно, уехать с ним куда-нибудь и желательно подальше. Расстояние позволит ему взглянуть на организацию, в которую он вступил, с другой стороны и, возможно, человек осознает, что сделал ошибку. Конечно же, нельзя терять контакт со своим близким. Относитесь к нему с терпением и сочувствием, понимая, что у человека временное расстройство личности, но ни в коем случае не давайте ему денег, так как любые деньги, данные вами, все равно будут немедленно переданы секте. Старайтесь в общении с ним возвращать его в те моменты прошлой жизни, когда он был счастлив. Вспоминайте радостные эпизоды вашей прежней жизни, когда вы ощущали себя единой семьей, когда вы вместе куда-то ездили, те дела,

которыми вы занимались вместе, те планы и мечты, которыми вы делились друг с другом [3]. Также не следует критиковать секту, в которую вступил ваш близкий человек, убеждать его в ее неправоте, так как это может только обострить всю ситуацию. Необходимо дать ему понять, что вы в какой-то мере уважаете его выбор, и не смотря ни на что, он вам все так же дорог.

Итак, подводя итог, хочется сказать, что секты существуют уже огромный промежуток времени. И в настоящее время вступление в подобные организации, к сожалению, не является редкостью. Люди все больше нуждаются в психологической, моральной поддержке и поэтому становятся зависимыми от определенной группы, где им становится хорошо, где они обретают какую-либо надежду, находят друзей, однако, мы понимаем, что все это далеко не искренно. Сектанты просто стараются зарабатывать на горе других. Для них не существует никаких норм, чувства совести, сопереживания, а скорее совсем наоборот. Они просто губят жизнь людей, так как восстанавливать психику после такого длительного воздействия секты уже практически невозможно. Поэтому каждому человеку стоит задуматься о том, как он относится не только к своим близким, друзьям, но и к абсолютно чужим людям. Ведь рано или поздно помощь понадобится всем, а значит необходимо помогать другим не ради чего-то, а просто так, для собственной души, так как добро обязательно вернется. В данной ситуации невозможно не упомянуть слова Вальтера Скотта: «Сплоченность людей — нерушимая крепость», которые актуальны по сей день [2]. По моему мнению, только будучи единым целым, мы сможем уберечь друг друга от вступления в секты.

Список литературы:

1. Словарь Ожегова. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ozhegov.org/> (дата обращения 14.09.2014)
2. Цитаты Скотт, Вальтер [Электронный ресурс]. – URL: http://icite.ru/132440/citaty/skott_valter/splochennost_lyudej_nerushimaya#.VBna5Z9McTY (дата обращения 15.09.2014)
3. Что делать, если ваш близкий попал в секту! [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.warning.dp.ua/bezop51.htm> (дата обращения 15.09.2014)

О ДОСТОВЕРНОМ РЕШЕНИИ СМЫСЛОЖИЗНЕННОЙ ПРОБЛЕМЫ

Засядь-Волк Юрий Владимирович

Доцент, к. филос. н. Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск

Претендовать на достоверное решение проблемы смысла жизни человека может философское учение, способное не только добиться объективно-истинного отображения Всеобщего содержания бытия, но и доказать достижимость этой цели (термин «содержание» используется в широком значении – «всё, что содержится в предмете»). Бесконечность объективного мира превращает подобное доказательство в, казалось бы, невозможное, поскольку человеку до-ступна для познания заведомо конечная область мира и сам человек видимо конечен (свойство бесконечности мира, в свою очередь, требует обоснования). К середине 20 века проблема противоречия конечного и бесконечного в объективном мире и в знании человека получила принципиальное («контурное») решение в научной философии.

Чтобы преодолеть парадокс развития – дополнительному содержанию высшего неоткуда взяться, кроме как из низшего, в котором его не может быть, иначе не

было бы самого процесса развития – необходимо сделать два допущения. Во-первых, каждая ступень развития материи должна включать структурные *действительный* (актуальный, доступный в конечном счёте чувственному отображению) и *возможный* (потенциальный, интеллигибельный, принципиально не отображаемый чувственно) уровни, а во-вторых, следует признать (если не обращаться к сверхъестественным факторам или слепой вере) действие *имманентно* присущего материи свойства – развития. Атрибутивность развития подразумевает его бесконечность, оно никогда не возникло и никогда не исчезнет. Объективный мир структурно выражен бесконечными последовательностями действительных и возможных уровней, охваченных всеобщим процессом самоусложнения. Распространяющийся на материю единый закономерный мировой процесс (ЕЗМП) помимо нескончаемого прогресса включает направления регресса и круговоротов и в целом представляет собой *интегральный*

прогресс. (Подробнее о сущности развивающихся материи и человека см. [8; 3, с. 43–45; 4, с. 14–38].)

Под действием аккумулятивного и конвергентного законов развития ЕЗМП на своей магистрали (линии неограниченного усложнения) создаёт «пирамиду мирового устройства», основание которой уходит «вглубь», в бесконечность, а вершину занимает человек (социальная форма материи, космические цивилизации человеческого – не обязательно земного – типа, общественно-исторические группы, индивид). Направленность ЕЗМП на человека несовместима с возникновением сверхсоциальной формы материи (ССФМ), гипотеза бытия которой (ССФМ) приводит к непреодолимым логическим тупикам [3, с. 44–45; 4, с. 33–35]. Объективный мир не порождает свойств, радикально более сложных (подобных соотношению сложности высших и низших признаков соответственных основных форм материи), нежели социальные, Теоретическое положение, согласно которому человек есть «последняя» ступень эволюции мира, не означает, что современное общество достигло предела совершенства и не в состоянии усложняться далее или же что мир, поднявшись на социальную ступень, будто бы прекращает развитие. Объективный мир не порождает свойств, радикально более сложных (подобных соотношению сложности высших и низших признаков соответственных основных форм материи), нежели материальный общественно организованный труд и идеальное сознание, – однако сами труд и сознание, однажды возникнув, способны к неограниченному усложнению; бесконечно развиваются и социальные общности (коллективы) и сами человеческие индивиды. Свободно прогрессирующие способности не «отменяют» идентичности человека, и действие всеобщих и частных законов сохраняется без «вторжения» в невозможное актуальное и потенциальное бытие.

Человек, аккумулирует в себе в сокращённом и обобщённом виде бесконечное содержание материи, включая Всеобщее. Как «высшая» и поэтому «особо особенная» форма материи, человек является наиболее глубоким и «развёрнутым» противоречием конечного и бесконечного. Неустранимый характер творческой способности человека (общества, группы людей, индивида) и бесконечное число основных форм материи обуславливают неограниченность исторического развития человеческой сущности и нескончаемость сознательного управления эволюцией практически преобразуемой человеком природы. Свободное развитие человека вглубь, в собственную материальную и духовную сущность затрагивает не только единичное и особенные, но и, главным образом, всеобщее его содержание.

Наличие в бесконечном объективном мире области наивысшего развития, способной служить своеобразным противоречивым «представителем» всего содержания материи, включая всеобщее, и успех материально-практического управления этой областью – прежде всего, планетарной экономикой земного человечества (после преодоления глобального кризиса) – обуславливают возможность и необходимость создания научной философии.

В истории философии абстрактно-всеобщее философское знание, в силу своего характера стремящееся к абстрактному объективно-истинному пределу, сменяется знанием конкретно-всеобщим. В соответствии с глубокой догадкой Г. Гегеля, в состав Всеобщего входят абстрактно- и конкретно-всеобщие понятия [2, с. 112]. В материалистической гносеологии отображаемое в субъективных понятиях объективное конкретно-всеобщее (КВО), помимо абстрактно-всеобщего (АВО), содержит в себе одновременно моменты особенного и единичного, указывающие на взаимное влияние в предмете трёх видов содержания. Соотношение КВО, особенного (ОС) и единичного (Е) диалектично: «<...> единичность, подъятая во Всеобщее, получает способности всеобщего, а Всеобщность, спустившаяся к единичному, получает черты единичного» [6,

с. 145]. Признак принадлежности к одному и тому же целому (Ц) присущ каждой части (Ч) данного целого и, следовательно, является *общим*. Применительно к масштабу мира, где функционирует Всеобщее (ВО), частности мира как целого, взятая как момент всеобщего, диалектически неразрывна со своими признаками ОС и Е и, следовательно, синтезирует отношения ВО–ОС–Е и Ц–Ч [1, с. 24]. Конкретная всеобщность включает также моменты единства и специфичности происхождения всех предметов объективного мира из одной и той же материальной субстанции (СБ) [5, с. 272–276, 279–281] и конкретно-историческую грань аспекта ухода в небытие (НБ). Таким образом, КВО можно представить в виде функции вышеуказанных аргументов:

$$КВО = f(АВО, \sum ОС', Е', Ц', Ч', СБ', НБ'),$$

где штрихами отмечены моменты соответствующих видов содержания, включённые в КВО. Особая сложность философского знания обусловлена не только обогащением объективного КВО, но и углублением объективного АВО содержания мира.

В не имеющей роковых преград общественно-исторической практике человек развивает единичное, особенное и всеобщее содержание мира – собственное (интегрально-социальное) и природное. Следует различать три типа процессуальной бесконечности: 1) бесконечность магистральной линии развития материи (и, следовательно, бесконечность развития социальной формы материи), 2) бесконечность процесса сознательного преобразования человеком окружающей природной среды (включая досоциальную по субстрату технику) и 3) бесконечность преобразования включённых в человека иерархически организованных природных уровней. В процессе формирования своей социальной сущности и дальнейшего углубления в нее человек систематически доразвивает содержание не только биологического, но и соответствующих иерархически связанных уровней низшего (термин «содержание» используется в широком значении). Спускаясь по лестнице уровней своих субстрата, структуры и функций до необходимого предела, овладев требуемой низшей ступенью и затем поднимаясь вверх во всеоружии способности управления механизмами низшего, человек последовательно и с нарастающей степенью осознанности перестраивает в сторону уточнения организацию и деятельность всех соответственных вышележащих уровней вплоть до наивысшего. Раскрепощение в распоряжении собственными основаниями обеспечивает свободу собственно социального развития, с каждым подобным, все более глубоким «шагом» обогащаются собственно социальные субстрат, функции и отношения. Зависимость, состоящая в том, что усложняющееся высшее (собственно высшее) «оборачивается назад» и маятникообразными движениями преобразует свои все более глубокие основания, не только характерна для эволюции материи в целом, но наблюдается в онтогенезе особой высших животных, в антропосоциогенезе и в развитии человека (индивида и общества). Эта зависимость может быть названа *законом (закономерностью) рекурсивного развития*, или *углубляемого преобразования основ*.

Существование и сущность любого субстрата обнаруживаются теоретически путем логического движения мысли от свойств и отношений к материальному носителю. Для непосредственного чувственного восприятия человеку доступны лишь физико-химические проявления множества единичных предметов, поэтому о наличии любого субстрата, в особенности сложного, придается судить с помощью умозаключений. Труд, сознание, языковое общение присущи только человеку и превышают по сложности биологические признаки (свойства и отношения), отсюда следует наличие у него особого, более сложного, чем биологический, субстрата [9, с. 9–13]. Материальный субстрат человека, безусловно, включает биологический вид *Homo sapiens*, но не сводится к нему.

Более богатый по содержанию, чем биологический, иерархически организованный интегральный социальный субстрат обеспечивает человеку возможность иметь (собственно) социальные свойства и вступать в (собственно) социальные отношения (а также, конечно, в биологические, химические и физические). Загадка высшего состоит в том, что при последовательном разложении его на низшие субстратные элементы неуловимо «исчезает» собственно высший субстрат. Собственно высшее «появляется» из потенциальных глубин низшего и функционирует как следствие факта возникновения и эффекта целостности интегрального высшего.

Абстрактное понятие «смысл» синтезирует в своём содержании осознаваемые *сущность, ценность и функции* осмысляемого объекта. Понятие «смысл жизни» соответственно включает моменты субъективного восприятия сущности, ценности и деятельности человека, при этом в деятельности выделяются целеполагание, процесс, путь, способ, средства, мера и результат процесса. Объективным основанием субъективного понятия смысла жизни выступает конкретно-историческое общественное бытие. Субъективное условие смысла жизни – освоенная субъектом духовная культура человечества. Ведущую роль в составе смысла жизни играет мыслительное – разумное и рассудочное – содержание, однако взятый в полном объёме идеального образа жизненный смысл повторяет структуру психики человека, т. е. обладает рациональной, чувственной, волевой и бессознательной сторонами. Помимо теоретико-понятийной в состав смысла жизни входят нравственная, художественная и субъективно воспроизведённые материально- и духовно-практические составляющие (духовно-практическая материальная деятельность направлена на преобразование духовной жизни человека). За достоверное воспроизведение рационального конкретно-всеобщего содержания жизненного смысла отвечает философия, действующая в единстве с частными науками, тогда как конкретно-всеобщая чувственно-волевая, бессознательная, а также особенные и единичные стороны смысложизненного психического феномена раскрываются при помощи искусства, всей системы частных наук и субъективного сопровождения практики. Место и роль общества в мире означают, что человеку негде искать смысл своего существования, кроме как в себе самом. Как показал Е.Н. Трубецкой, смысл жизни человека представлен крестообразным пересечением двух тенденций непонимания: горизонтальной и вертикальной. Первая, *натуралистическая*, «<...> ищет подлинной жизни и ее смысла в плоскости здешнего <...>» [11, с. 71], в полноте земного человеческого бытия. Вторая, *супранатуралистическая*, утверждает, что «<...> истинная жизнь и ее смысл сосредоточивается в ином, верхнем, потустороннем плане бытия» [11, с. 71]. Переводя эти идеи в материалистический план, абстрактно-всеобщее содержание жизненного смысла человека может быть определено как *полнота гуманного бытия*, поднимаемого к *высшему* [7, с. 109]. Смысл жизни состоит в исторически безостановочном *творении человеком самого себя*: в непрерывном становлении человека, в создании *универсального, богатого содержанием и осознанно-полноценного* человеческого бытия, в реализации последовательно все более высоких и ранее не виданных *высших форм* гуманной жизни. Осознавая собственную сущность, человек открывает смысл своего бытия и придаёт смысл существования освоенной им области объективного мира. Исторически незначительно изменяемое абстрактно-всеобщее содержание смысла дополняется конкретно-всеобщими компонентами (т. е. моментами особенного, целостного и частичного, а также субстанциального происхождения и субстанциальной принадлежности), образуя совместно с собственно особенными и единичным важнейший индивидуальный и общественный феномен. Смысл

жизни человека (общественных цивилизаций, общественно-исторических групп, индивида) исторически непрестанно и принципиально неограниченно развивается вглубь сущности человеческого субъекта и очеловеченной объективной природы.

Важнейшим направлением смысложизненной реализации является создание имитирующей человека техники, помогающей дополнить его всеобщие и универсальные творческие способности специализированными, особенными и тем «развернуть» богатство возможностей человека. Практически-преобразующий способ бытия человека и наивысшая сложность и универсальность его материального субстрата, аккумулирующего бесконечное содержание мира в обобщенном виде, обуславливают феноменальный творческий характер сознания, недоступный информационной технике, базирующейся на природном субстрате исторически наращиваемой сложности. С целью приближения информационной техники к творческим способностям человека в неё, помимо физического, включаются элементы субстратов более высоких эволюционных уровней – химического и биологического. На вершине пирамиды искусственных отражательных устройств, воспроизводящих в подробностях сложные частные свойства природных форм отражения, всегда останется человек, концентрирующий в себе в обобщенном виде бесконечное содержание объективного мира (включая важнейшие свойства). Природные устройства будут дополнять возможности психики и помогать сознанию переходить на возрастающие по сложности уровни развития, однако всеобщее-человеческая творческая способность отображения останется непревзойденной. Научная конкретно-всеобщая антропологическая концепция послужит уточнением проекта конструирования «искусственной личности» и индивида («Аватар. А–Г») в радикальном и перспективном Стратегическом общественном движении «Россия 2045» [10].

Список литературы:

1. Барг О. А. Живое в едином мировом процессе. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1993. – 227 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3 т. Т. 1. М. : Мысль, 1970. – 502 с.
3. Засядь-Волк Ю. В. Возможно ли научное решение проблемы смысла жизни? [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2010. № 337. – С. 43–50. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15528660>. (дата обращения: 05.11.2013). Загл. с экрана.
4. Засядь-Волк Ю. В. Проблема смысла жизни и биологические особенности человека : монография. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2014. – 278 с.
5. Ильенков Э. В. Диалектическая логика: очерки истории и теории. М. : Политиздат, 1984. – 320 с.
6. Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. В 2 т. Т. 1. Учение о Боге. М. : Рус. кн., 2002. – 448 с.
7. Орлов В. В. История человеческого интеллекта. В 3 ч. Ч. 3. Современный интеллект. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1999. – 184 с.
8. Орлов В. В. Проблема системы категорий философии : монография. Пермь : Изд-во ПГНИУ, 2012. – 262 с.
9. Орлов В. В., Васильева Т.С. Труд и социализм. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1991. – С. 9–13.
10. Стратегическое общественное движение «Россия 2045» [Электронный ресурс]. URL: <http://2045.ru/project/avatar>. (дата обращения: 21.6.2014). Загл. с экрана.
11. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни // Трубецкой Е. Н. Избр. произведения. Ростов н/Дону : Феникс, 1998. – С. 15–336.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

КАКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА ОБРАЗУЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ РОССИИ? СОЦИОЛОГО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Федоров Николай Юрьевич

*Кандидат философских наук, доцент кафедры социологии организаций и социальных технологий
Российский государственный гуманитарный университет, Москва*

К понятию человеческого капитала, возникшему в 60-х гг. прошедшего столетия, теперь уже традиционно большинство ученых и политиков относит работников с высоким уровнем образования и квалификации, выполняющих сложный труд и занятых творческой деятельностью. Главным для его развития, с экономической точки зрения, становятся инвестиции в образование, науку, как и в другие социальные отрасли. И принято считать, что человеческий капитал, которым обладают те или иные социальные группы, обеспечивает более высокую эффективность труда и доходы.

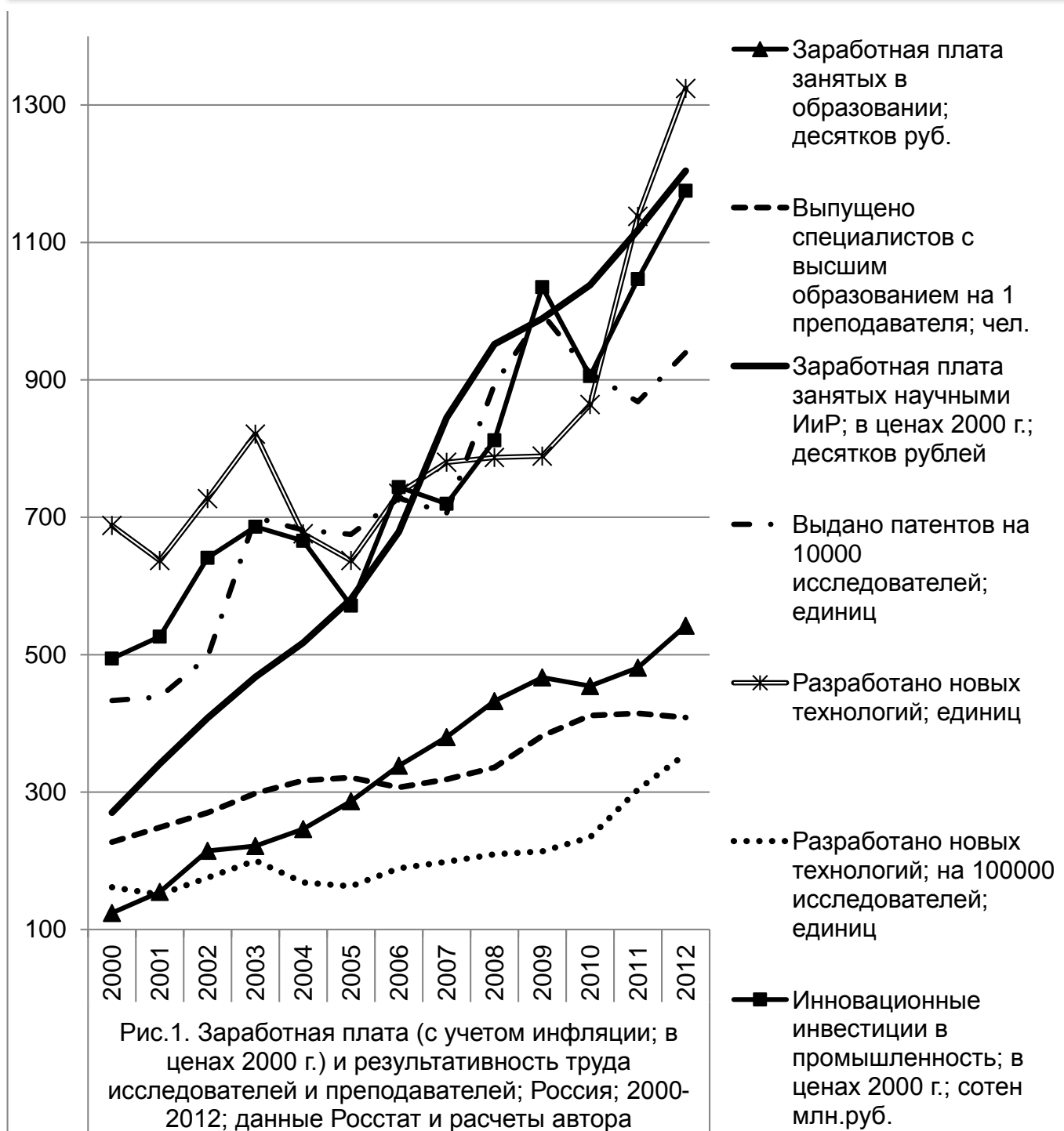
Такая позиция приемлема в практическом управлении экономикой и отдельными компаниями. Теоретически же необходимо подчеркнуть, что понятие человеческого капитала выражает отношения между людьми в трудовой деятельности, в которых образуется и функционирует производительная сила человека — работника и предпринимателя, как субъектов труда и хозяйствования. С социологической точки зрения в них вложены средства развития самого трудящегося, т.е. вложены в содержание труда и трудовых отношений, в функционирующее знание и профессиональное образование; причем, вложение денег стимулирует развитие способностей и вместе с ними — развитие организации, карьеры и т.п. Человеческий капитал рождается, растет и реализуется в высокоразвитых социальных качествах работников и деятельных социальных отношениях между людьми. Среди социальных качеств на первый план в современных условиях выступает знание, которое создается в творческом труде, передается в процессе обучения и в совместной деятельности, реализуется в труде и средствах производства, в новых образованных людях, в новых технологиях и организации, в инновациях.

Творческий труд получает все большее распространение в современном обществе и экономике. Вместе с ним формируются социальные группы, занятые преимущественно именно таким трудом. Он свойственен не только ученым и художникам, но и руководителям, инженерам, высококвалифицированным рабочим и рядовым служащим. Но прежде всего он свойственен традиционной социальной группе — интеллигенции. Безусловно, именно к ней и прежде всего к ней относятся понятия, выражающие человеческий капитал. Вряд ли кто-то станет возражать против того, что интеллигенции свойственно высшее образование, творческая жизнь и деятельность, высокая работоспособность и т.п. Подобно тому, как в современном обществе экономически более эффективны работники, занятые научным и проектно-конструкторским трудом, управлением, информатикой и др., — подобно этому более эффективным является и умственный труд, присущий интеллигенции. И более того, чтобы быть интеллигентами, недостаточно только творческого труда и образования. Ими становятся люди, являющиеся нравственным эталоном общества. Это качество, однако, никто не включает в

понятие человеческого капитала. Мы полагаем, что нравственность представляет собой неотъемлемый компонент творческого труда, ибо даже небольшое открытие, создание «малой» модели, организация негромкого общего дела на пользу людям требует большой души, твердой воли и моральных сил. Поэтому нравственные понятия должны быть поняты как компонент человеческого капитала, в основе которого лежит творчество. И такая интеллигенция сохраняется, несмотря ни на какие системные кризисы, падение нравов, утечку мозгов и вестернизацию российской жизни. Недавнее свидетельство тому — премия «Новая интеллигенция-2013», учрежденная «Московскими новостями» и врученная городским активистам, проекты которых — это бескорыстная помощь людям, попавшим в рабство, организованная работа такси для инвалидов и налаженный обмен б/у вещами, реабилитация людей с ограниченными возможностями и т.д., и т.п. Именно нравственность, добро и воля движет образованными людьми, которые идут в свою, именно свою школу и поликлинику, ВУЗ и НИИ, несмотря на копеечную зарплату и растущую нагрузку. Именно неуемная жажда творчества и желание передать его результаты своим коллегам и ученикам, просто сторонним людям заставляет забыть о снижающемся уровне жизни и бытовых проблемах и дать поглотить себя «обычной» цели — провести исследование, написать статью, пробить патент... и будет хорошо, если за это заплатят.

Посмотрим на социальные факты — на закономерности поведения российской интеллигенции в части занятости и результативности своего труда на примере исследователей и преподавателей ВУЗов. Для этого используем официальные статистические материалы, относящиеся к относительно стабильным (по сравнению с 90-ми) 2000-м годам, по показателям численности этих социально-профессиональных групп, занятости и заработной платы в науке и образовании, выданных патентов, созданных технологий и подготовленных специалистов с высшим образованием, как результатов деятельности исследователей и преподавателей. И попробуем ответить на вопрос: в каком социально-трудовом положении находится интеллигенция, выполняющая труд высшей квалификации? Насколько он результативен, выступая в виде творческой деятельности — отличительного качества человеческого капитала?

Численность работающих в отечественных научно-исследовательских и проектно-конструкторских организациях (рис. 1) в 2000-е годы ежегодно снижается на 22-25% (относительно 2000 г.). Если в 2000 г. их численность составляла 1201 тыс. человек, то в 2012 г. — только 880 тыс. Из расчета на 10 млн. человек населения России она снизилась с 82 до 61 человека, т.е. на 25,6%. Снижение происходит постоянно, только в 2005 г. оно было несколько меньшим по сравнению с предшествующими и последующими годами (17,7%).

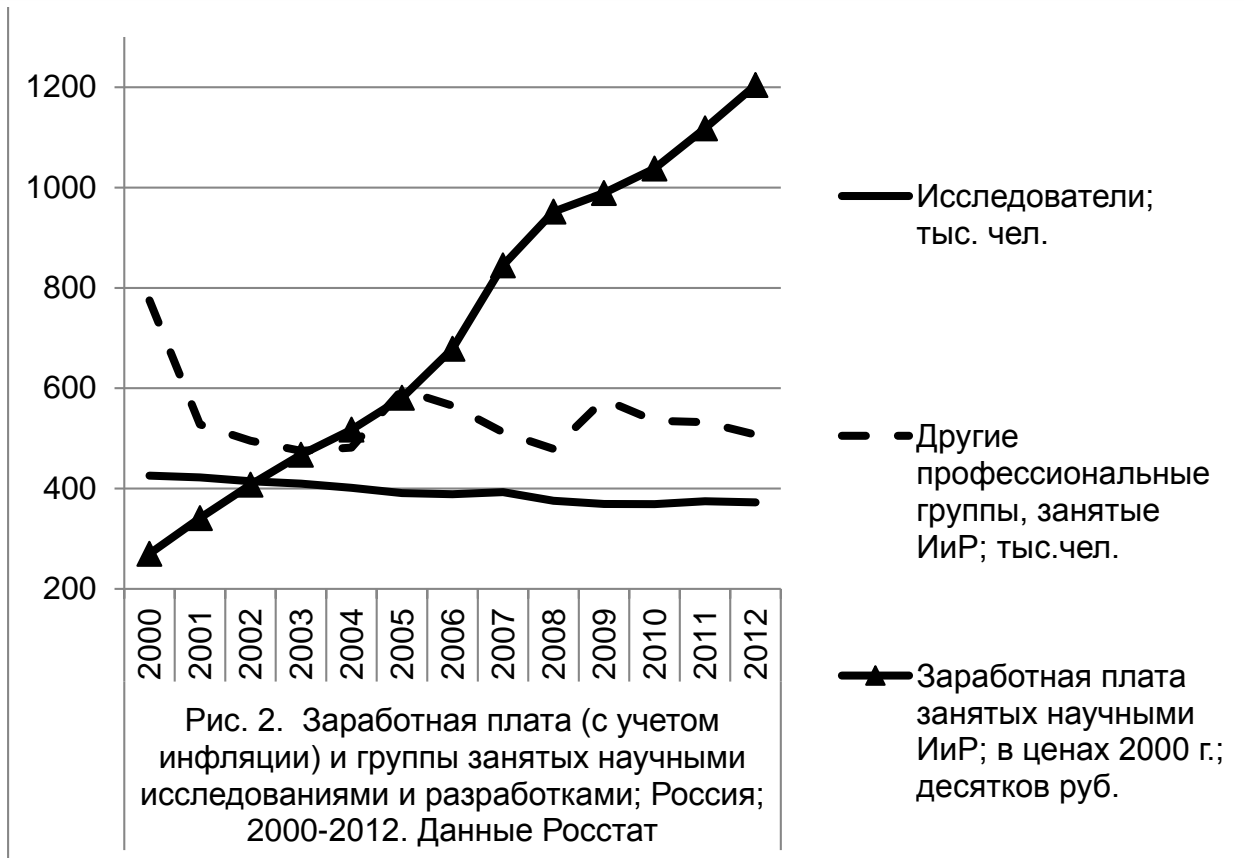

В образовании происходят аналогичные процессы, но снижение наблюдается в меньшей степени: относительно 2000 г. оно составляет в период 2005-2010 гг. только 0,5-2,5% и далее в 2011-2012 гг. – 3-4,7%, а относительно 2004 г. (до которого происходил рост численности работающих), снижение в 2010-2012 гг. достигает 3,6-7,0%. Из расчета на 10 млн. человек населения России она снизилась с 400 в 2000 г. до 397 человек, т.е. на 2,8%.

Численность социально-профессиональной группы исследователей - основного состава занятых исследованиями и разработками – в течение 2000-2009 гг. снижается также постоянно, но значительно медленнее. Ежегодно относительно 2000 г. снижение составляет 7-12%. С 425,9

тыс. чел. в 2000 г. (29 чел. на 10 млн. населения) они снизились до 372,6 тыс. в 2012 г. (26 чел. на 10 млн. населения).

Очевидно, что по сравнению со снижением всей численности занятых в научных организациях уменьшение исследователей является существенно меньшим, а сокращение численности происходит главным образом за счет других работающих групп специалистов - высококвалифицированных рабочих, техников и пр. Причем, тенденция изменение численности последних является близкой к «изгибам» роста заработной платы в отрасли исследований и разработок (с учетом инфляции - сводного индекса потребительских цен; рис. 2).

Другие профессиональные группы изменяются, в отличие от численности исследователей, весьма неустойчиво. Так, в 2003-2004 гг. она снизилась относительно 2000 г. на 38-39%; затем резко, на 24% выросла в 2004 г. (относительно 2003 г.), после чего ее прирост стал снижаться: в 2005-2006 гг. соответственно, на 17,3% и 6,4% и в 2007-2008 гг. опять стал отрицательным. А в 2009-2011 гг. численность этого персонала опять стала увеличиваться - на 12-20,6% и на 6% вплоть до 2012 г. относительно 2008 г., хотя по сравнению с 2000 г. его снижение не прекратилось и в 2012 г.

Численность социально-профессиональной группы преподавателей – профессорско-преподавательского персонала, наиболее квалифицированной части занятых в образовании – изменяется не столь однозначно (рис. 1): в

2001-2007 гг. происходит ее стабильный рост, достигающий 50%, и затем – столь же непрерывающееся снижение в 2008-2012 гг. на 22-44,7 % относительно 2000 г. и на 14,9-18,4% в 2010-2012 гг. относительно 2008 г.

На первый взгляд трудно было бы объяснить продолжающееся с 90-х годов снижение занятости в образовании и науке низкой заработной платой. Ведь с 2000 по 2012 год она увеличилась с 2,7 тыс. рублей до 42,2 тыс.руб., т.е. в 15,3-15,6 раза в науке; притом, что здесь увеличение зарплаты стало самым значительным по сравнению с рядом других видов экономической деятельности (таблица 1). В науке именно размеры прироста заработной платы к 2009 г. в 10,4 раза (по сравнению с 2000 г.) и последующий ее ежегодный рост на 3-4 тыс. руб. позволил несколько приостановить снижение занятости.

Таблица 1.

Зарплата занятых научными исследованиями и разработками и в образовании; Россия; сравнительно с другими видами экономической деятельности; 2000-2012; тыс.руб.

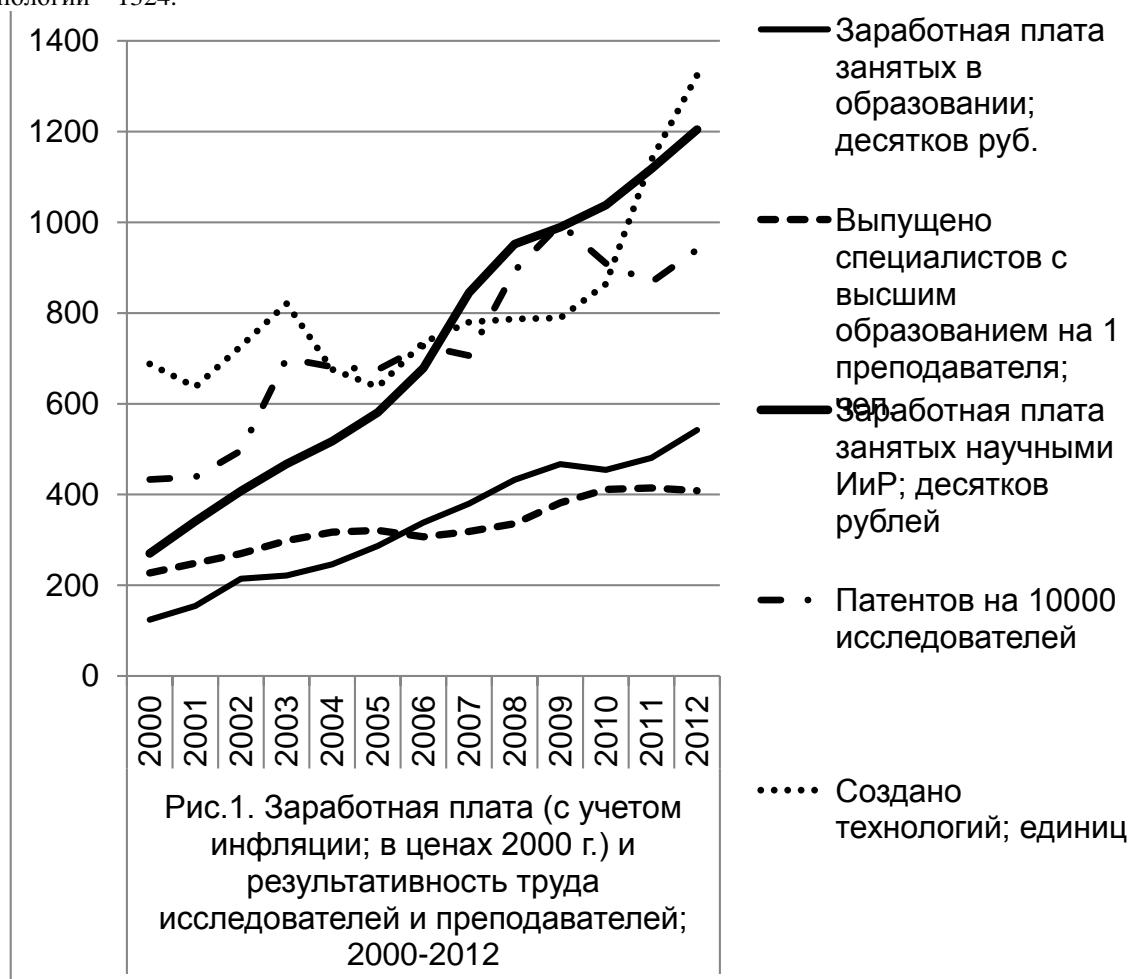
Вид экономической деятельности	2000	2012; в действующих ценах	2012 к 2000; в действующих ценах	2012; в ценах 2000 г.	2012 к 2000; с учетом инфляции; в ценах 2000
Всего по российской экономике	2223,4	26629	12,0	7599,3	3,4
Научные исследования и разработки	2700,7	42198	15,6	12042,4	4,5
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1333,3	20641	15,5	5890,5	4,4
Образование	1240,1	18995	15,3	5420,8	4,4
Торговля и ремонт	1584,5	21634	13,7	6173,9	3,9
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	2712,1	35701	13,2	10188,3	3,8
Финансовая деятельность	5232,2	58999	11,3	16837,0	3,2

Вид экономической деятельности	2000	2012; в действующих ценах	2012 к 2000; в действующих ценах	2012; в ценах 2000 г.	2012 к 2000; с учетом инфляции; в ценах 2000
Обрабатывающие производства	2365,2	24512	10,4	6995,2	3,0
Строительство	2639,8	25951	9,8	7405,8	2,8
Транспорт и связь	3220,2	31444	9,8	8973,4	2,8
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3156,5	29437	9,3	8400,7	2,7
Добыча полезных ископаемых	5940,2	50401	8,5	14383,3	2,4

Источник: данные Росстат и расчеты автора по данным Росстат

Тенденция снижения численности, свойственная не только всему персоналу науки, но и социально-профессиональной группе исследователей, сопровождается, однако, некоторым уменьшением темпов снижения, начиная с более раннего периода, чем у всего персонала, - с 2005 г. Эта тенденция продолжалась по 2007 г.; заработная плата занятых исследованиями и разработками в этом году была увеличена (по сравнению с 2000 годом), но значительно меньше, чем к 2012 году, - в 4,1-7,2 раза. Этого повышения в основном оказалось достаточным для замедления сокращения численности исследователей. Последующее же увеличение зарплаты привело к заметному сокращению оттока этих специалистов и стабилизации их численности вплоть до 2012 г. В образовании же указанное повышение заработной платы обеспечивало рост занятости лишь до 2007 г., после чего ежегодный прирост зарплаты в период 2008-2012 гг. на 1,5-3,0 тыс. руб. (1700 руб. в среднем в год) не способствовал сохранению численности занятых.

Таким образом, длительный период можно наблюдать сокращение численности занятых в науке и образовании, в том числе сокращение ведущих социально-профессиональных групп – исследователей и преподавателей. Но, несмотря на это, показатели результативности научного и преподавательского труда, — патенты, созданные технологии и подготовленные специалисты с высшим образованием, — эти показатели растут почти весь наблюдаемый период. Так, в 2000-2005 гг. российские ученые, конструкторы, проектировщики и др. ежегодно получали от 19 до 28 тысяч патентов и создавали от 637 до 821 новой технологии. Преподаватели до 2011 г. готовили (выпускали) от 635 до 1467,8 тыс. специалистов, однако, в 2011 г. рост численности выпускников прекратился, и в 2012 г. эта численность снизилась. Количество же выданных патентов в последующий период после 2005 г. ежегодно росло на 50,3-99,4% (относительно 2000 г.), технологий – на 25,6-92,4%. При этом в 2012 г. количество выданных патентов достигло 35 тыс. единиц, а новых технологий – 1324.

Источник: данные Росстат и расчеты автора по данным Росстат

Вместе с ростом этих показателей результативности творчества и с сокращением численности исследователей и преподавателей растет их «производительность труда». Для исследователей это количество патентов (нормировано на 10 тыс. исследователей) и количество технологий (на 100 тыс. исследователей), а для преподавателей – количество выпускников (на 1 преподавателя). У исследователей такая производительность крайне невелика, но, тем не менее, некоторая тенденция роста заметна: от 4 патентов в 2000 г. к семи в 2004-2007 гг. и к 8-9 – в 2008-2012 гг.; от 150-170 технологий в 2000-2005 гг. к 180-200 – в 2006-2007 и к 230-360 технологиям – в 2010-2012 гг. У преподавателей постоянно в течение наблюдаемого периода растет число выпускников на 1 преподавателя (кроме небольшого снижения в 2006-2007 гг.); по сравнению с 227 чел. в 2000 г. она достигает 409 чел. в 2012 г.

Здесь проявляется роль повышения заработной платы в деятельности исследователей и преподавателей: чем она больше, тем выше результативность труда. Ее рост в действующих ценах, однако, имеет значительно более высокие темпы, чем повышение результативности труда. Вместе с тем, если зарплата представлена с учетом инфляции (с применением сводного индекса потребительских цен), в нашем случае – в ценах 2000 г., то можно наблюдать однонаправленное изменение показателей результативности с ростом заработной платы (рис.1): к темпам ее повышения приближаются темпы повышения выпускников ВУЗов, количества выданных патентов и созданных технологий либо по абсолютной величине, либо в нормированном виде (на численность исследователей и преподавателей). Повышение зарплаты в действующих ценах эффективно лишь в той мере, в какой она удерживает или несколько превышает покупательную способность зарплаты прежнего, 2000-ого, года, причем,

при условии сокращения численности и увеличении результативности труда.

Таким образом, социально-экономическое положение интеллигенции, рассмотренное нами на примере социально-профессиональных групп исследователей и преподавателей, характеризуется сокращением численности ее наиболее квалифицированных групп, которое сдерживается инфляционным «повышением» заработной платы и инновационных инвестиций – с одной стороны, и ростом результативности труда – с другой. По существу российская интеллигенция остается на своем трудовом и общественном месте, продолжая заниматься творческим трудом, наращивает и реализует свой творческий потенциал в обществе и экономике. В силу этого она сохраняет и развивает главные качества человеческого капитала страны и может считаться его основой.

Источники:

1. Российский статистический ежегодник 2005. Статистический сборник. – М., 2006
 2. Российский статистический ежегодник 2011. Статистический сборник. – М., 2011
 3. Российский статистический ежегодник 2013. Статистический сборник. – М., 2013
 4. Труд и занятость в России 2007. Статистический сборник – М., 2007
 5. Труд и занятость в России 2013. Статистический сборник – М., 2013
- Ресурсы интернет:
6. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/
 7. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/

ДИСТАНЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ КАК СРЕДСТВО РАСШИРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Горева Ольга Михайловна

*к.с.н., доцент кафедры бизнес-информатики и математики
Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень*

Характерным и во многом естественным для XXI века в области образования стало развитие новых типов образовательных учреждений и инновационных методов обучения. Дистанционное образование становится важнейшей основой устойчивого развития мирового сообщества в рамках современной информационной цивилизации [3].

Дистанционное образование (далее – ДО) – качественно новая форма получения образования. Объективность появления дистанционного обучения вызвана необходимостью обеспечения качественного, массового и индивидуализированного образования.

Качество дистанционной формы обучения и дистанционного образования часто рассматривают как идентичные, что представляется не совсем точным, ибо обучение и образование имеют разную направленность, различное содержание и форму, в связи с чем, естественно, критерии качества различны: дистанционное

обучение является средством и методом получения дистанционного образования [1].

Эффективность дистанционного обучения обуславливает эвристичность дистанционного образования. Рассмотрим, прежде всего, различные теоретические трактовки качества дистанционного обучения и дистанционного образования. Е.С. Полат раскрывает эти проблемы в статье «Методология определения эффективности дистанционной формы обучения». Полемизируя с положением «Закона об образовании» РФ, она аргументирует свое положение о том, что дистанционное обучение является новой формой данного процесса, а не дистанционной технологией, как определяет данную форму обучения «Закон об образовании». По мнению Е.С. Полат, нельзя согласиться и с отождествлением заочного обучения с дистанционным, признавая, что современной спецификой заочного обучения является использование информационных и коммуникативных технологий. Связь

дистанционной формы обучения с заочной формой обучения имеет одну общую черту – обучаемый и преподаватель находятся на расстоянии [4]. Новейшие технологии изменили форму подачи учебных материалов: от устной речи преподаватель перешел к комбинированной системе преподавания, включающей наряду с устной речью новейшую мультимедийную аппаратуру. Однако, простое применение информационных технологий не означает новой дистанционной формы обучения.

Подчеркивая направленность и своеобразие открытого дистанционного образования, С.А. Щенников и Л.П. Клеева отмечают непосредственную его связь с происходящими в современном обществе трансформациями, в том числе и превращение современной экономики в экономику знаний. В связи с чем, основными факторами производства становятся образовательный уровень работников, их знания и навыки. Дистанционное образование дает возможность постоянно повышать образовательный уровень работников на различных этапах своей профессиональной деятельности. По их мнению, новые экономические условия выдвигают требования постоянного повышения технико-экономического уровня производства, которые представляют собой базу экономического развития и конкурентоспособности предприятия [6].

По-разному трактуются достоинства и недостатки дистанционного образования. Так, С. Сазонов отмечает, что эксперты предсказывают в будущем доминирование дистанционного образования, а затем и полное вытеснение ими традиционных образовательных форм [5]. А.С. Минзов ставит вопрос о том, какими свойствами должна обладать система дистанционного обучения. Фактически он ведет речь о функциональной направленности данного вида образования, которое должно решить многокомпонентные задачи [2].

Обзор взглядов теоретиков на проблему качества дистанционного образования и дистанционного обучения свидетельствует о том, что:

- в научной литературе существует смешение систем дистанционного образования и дистанционного обучения;
- качество обучения связывают, прежде всего, с содержанием и формой подачи и контроля учебного материала;
- качество образования рассматривают как полученную сумму определенных знаний и умений, необходимых для выполнения профессиональной деятельности выпускника.

Проанализированные подходы в определенной мере раскрывают специфику и качество дистанционного обучения, но не дистанционного образования. Сводить качество такого вида образования к сумме знаний и умений, важных для исполнения профессиональных функций выпускника на производстве, в рамках современного информационного этапа развития мирового сообщества, в том числе и России, является нонсенсом.

Результаты изучения мнения респондентов и экспертов по проблемам качества дистанционного образования, полученные автором, показали иное представление о сущности качества дистанционного образования. Характеризуя качество образования, 67% опрошенных студентов считают, что, прежде всего, дистанционное образование дает хорошую квалификацию, 41% – российское

дистанционное обеспечивает нужную квалификацию, а 12% отмечают, что оценивать качество и эффективность дистанционного образования в целом нельзя: данные показатели зависят от образовательного заведения и мотивации учащегося. Аналогичную оценку качества дистанционного образования дают и выпускники, считая, что дистанционное образование дает хорошую квалификацию (77%), российское дистанционное обеспечивает нужную квалификацию (74%), оценивать качество и эффективность дистанционного образования в целом нельзя: данные показатели зависят от образовательного заведения и мотивации учащегося (60%). Преподаватели отмечают, что российское дистанционное обеспечивает нужную квалификацию (48%), что оно может быть качественным только при сочетании дистанционных технологий с очным обучением (30%) и оно подходит не для всех: учащийся должен обладать высокой дисциплиной и развитыми навыками самостоятельной работы (18%), (Рис.1).

Несколько иная оценка дистанционному образованию дана работодателями: они считают, во-первых, что при дистанционном образовании существуют проблемы с контролем приобретенных знаний и умений (88%); во-вторых, что оценивать качество и эффективность дистанционного образования в целом нельзя: данные показатели зависят от образовательного заведения и мотивации учащегося (52%); в-третьих, дистанционное образование подходит не для всех: учащийся должен обладать высокой дисциплиной и развитыми навыками самостоятельной работы (52%).

Студенты, обучающиеся по дистанционной форме образования, и преподаватели, обеспечивающие образовательный процесс, считают данную образовательную форму перспективной и при ответе на вопрос о престиже ДО, респонденты продемонстрировали уникальную солидарность. По их мнению дистанционное образование является современным (студенты – 73%, выпускники – 94%, преподаватели – 52%); данный тип образования представляет собой образование среднего уровня для тех, кто не имеет средств для очного обучения (студенты – 22%, выпускники – 43%, преподаватели – 18%); престижность дистанционного образования признали 16% студентов, 37% выпускников и 21% преподавателей. Одновременно большинство работодателей отметило, что дистанционное образование рассчитано на тех, кто не имеет достаточных способностей, чтобы получить обычное образование (76%); данный тип образования, по их мнению, представляет собой образование среднего уровня для тех, кто не имеет средств для очного обучения (52%); и технологии дистанционного обучения ориентированы на массовое предоставление образовательных услуг, поэтому дистанционное образование не может быть элитным (45%), (рис. 2.).

Следовательно, ответы респондентов и экспертов на вопрос о престижности и качестве дистанционного образования свидетельствуют о факте не признания в полной степени в России данной формы образования. Существующий российский консерватизм по отношению к системе образования в определенной степени является результатом общегосударственного управления, которое фактически не приняло нормативно-законодательного акта, признающего приоритетность дистанционного образования в современном и перспективном развитии интеллектуально-творческого потенциала личности и общества.

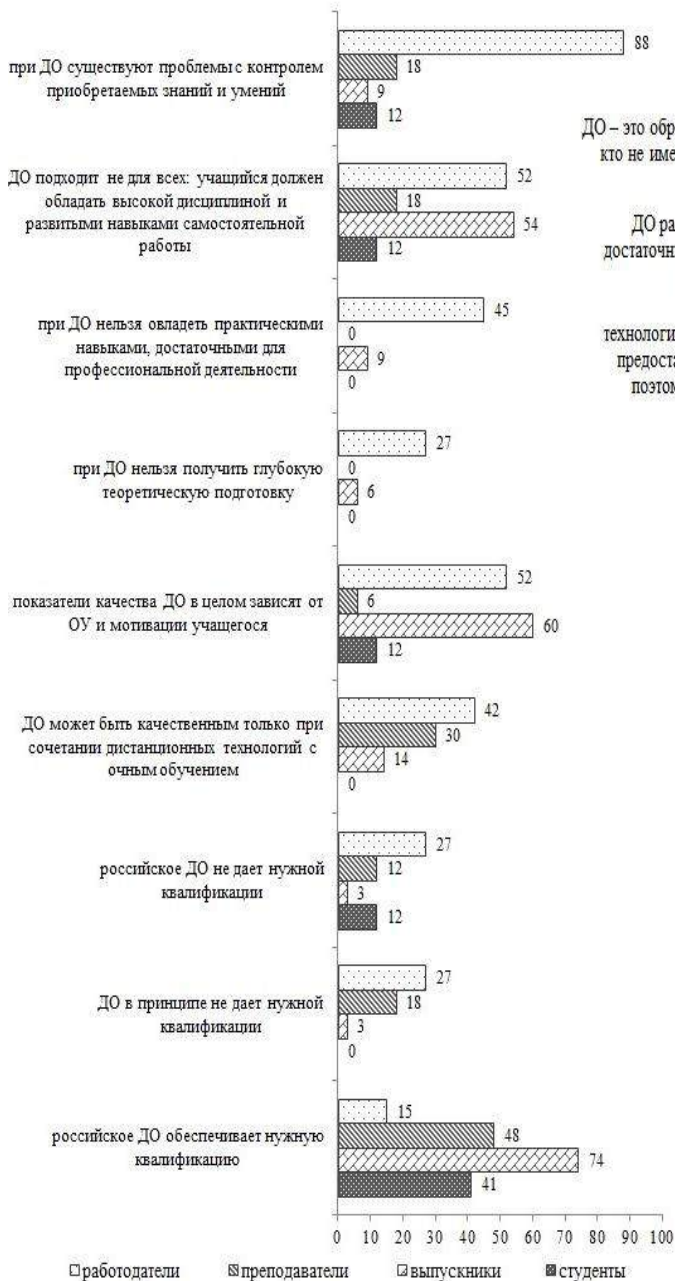

Рисунок 1. Мнения студентов и экспертов о качестве ДО, в %

ДО – это образование среднего уровня для тех, кто не имеет средств для очного обучения

ДО рассчитано на тех, кто не имеют достаточных способностей, чтобы получить обычное образование

технологии ДО ориентированы на массовое предоставление образовательных услуг, поэтому ДО не может быть элитным

российское ДО не престижно

ДО не престижно

российское ДО – это престижно

ДО – это престижно

ДО – это современно

работодатели преподаватели выпускники студенты

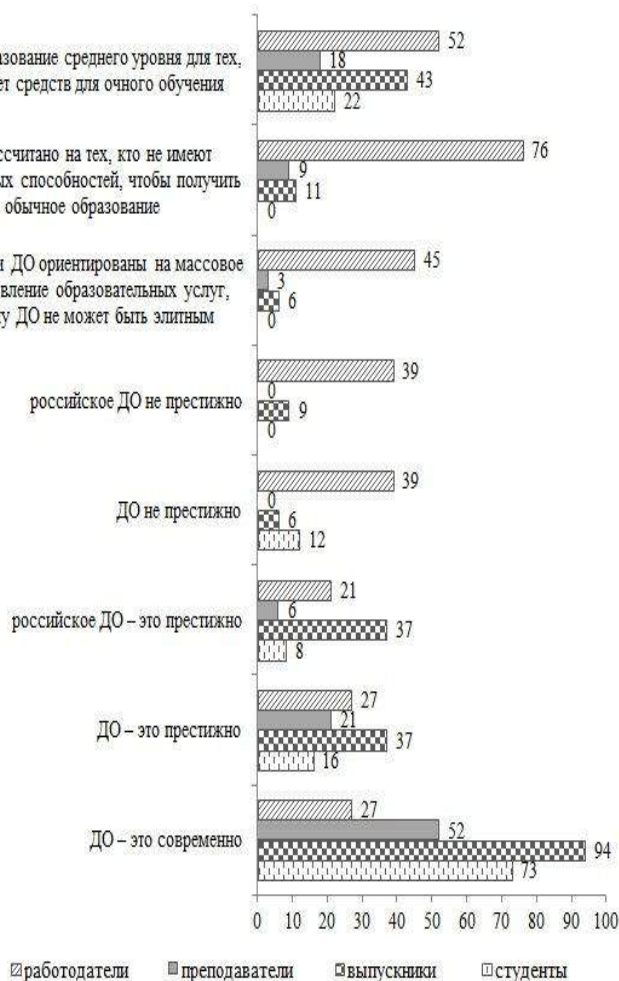

Рисунок 2. Мнения опрошенных о престижности ДО, в %

Список литературы:

1. Барбаков О.М., Горева О.М. Управленческий контроль качества дистанционного образования в виртуальном пространстве / Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2014. № 1. С. 110-113.
2. Минзов А.С. Дистанционное обучение – шаг вперед / Профессионал. 1999. – №3. – с. 21-22.
3. Осипова Л.Б., Савицкая Ю.П. Дистанционное обучение: возможности и перспективы / Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014. № 2 (37). С. 42-45.

4. Полат Е.С. Методология определения эффективности дистанционной формы обучения / [Электронный ресурс] <http://www.ioso.ru/distant/library/publication/voprosef.htm>
5. Сазонов С. Дистанционное образование / Библиотека учебной и научной литературы Русского гуманитарного Интернет университета (РГИУ) www.i-u.ru [Электронный ресурс] http://www.i-u.ru/biblio/archive/do_sbormik/16.aspx
6. Щенников С.А., Клеева Л.П. Оценка качества открытого дистанционного образования / Дополнительное профессиональное образование, 2004. - № 7(11). – с. 11-16.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЗАПРОС НА РАЗВИТИЕ ТЕХНОСФЕРЫ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА ИНТЕРНЕТ-СМИ)

Гримов Олег Александрович

Преподаватель кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета, г. Курск.

Проблема развития техногенной сферы как экзистенциального расширения человека в контексте трансформации естественной среды его обитания нуждается в комплексном социологическом изучении. Значимые аспекты техногенной сферы в социологическом и философском аспекте раскрыты в исследованиях Бабосова Е.М. [1], Жигарева В.В. [2] и других. Особую актуальность приобретают репрезентации данной проблемы в общественном мнении. С целью изучения общественного запроса на развитие техносферы нами было проведено исследование методом контент-анализа Интернет-СМИ (200 веб-сайтов, 4000 информационных сообщений). В качестве единицы наблюдения выбраны разнообразные информационные сообщения (пост, заметка, новостной сюжет, видеоролик и т.д.), которые можно рассматривать как коммуникативные акты. В результате предварительного анализа Интернет-СМИ нами были предложены и обоснованы следующие смысловые единицы контент-анализа:

- актуальность темы;
- источник сообщения;
- адресат;
- полнота освещения темы;
- степень дискуссионности;
- отношение автора к проблеме;
- цель сообщения.

В качестве единицы анализа представлены конкретные коммуникативные акты; единица счёта – соответствие их определённым смысловым единицам или уровню выраженности заключённого в них свойства (по 10-балльной шкале, где 1 – очень слабая выраженность свойства, 10 – очень сильная).

По итогам предварительного исследования мы заключили, что целесообразным является разделение всех релевантных Интернет-СМИ на следующие классы:

- информационно-аналитические (в первую очередь, новостные);
- рейтинговые социальные медиа;
- специализированные СМИ, посвящённые тематике исследования;
- развлекательно-познавательные.

Далее рассмотрим результаты исследования на примере контент-анализа развлекательно-познавательных Интернет-изданий.

Среднее значение уровня актуальности технологической тематики в сообщениях развлекательно-познавательных Интернет-СМИ находится на уровне 6,83, то есть проблема актуализирована на достаточно высоком уровне, несмотря на непрофильный характер соответствующих СМИ, посвящённых широкой тематике.

В то же время качественный анализ информационных сообщений (на основе таких параметров, как размер сообщения, его формат и т.д.) позволяет заключить, что технологическая проблематика является отнюдь не ключевой.

Отношение автора как значимая характеристика освещения тематики развития техногенной сферы в развлекательно-познавательных Интернет-СМИ находится на достаточно высоком уровне – 7,74. Такой показатель,

как «отношение автора к проблеме», характеризует эмоциональный тон сообщения, то, насколько автор поддерживает технологическое решение проблемы.

Общественное мнение, ориентированное на поддержку технологического развития, находит выражение в следующих позициях:

- ориентации на эскалацию технологического развития;
- актуализации новейших технологий;
- положительной оценке процессов доместикиции технологических артефактов;
- оптимистическом взгляде на риски технологического развития (экологические, социогуманитарные и т.д.)
- формировании положительного имиджа новых технологий и т.д.

Необходимо отметить, что конкретные тематические блоки, посвящённые технологической проблематике, представлены лишь в 22% развлекательно-познавательных Интернет-СМИ.

Средняя степень дискуссионности в развлекательно-познавательных источниках равняется 7,4 – что отражает достаточно широкий интерес Интернет-пользователей к данной тематике и высокий уровень активности обсуждения.

Дискуссионность, как правило, определяется через активность пользователей в комментариях, динамику обсуждения тематики – в первую очередь, через сервисы обратной связи.

Однако, несмотря на возможность обратной связи и свободный, равноправный характер коммуникации, в коммуникативных актах развлекательно-познавательных СМИ можно чётко определить непосредственного адресата коммуникации. Технологический дискурс в развлекательно-познавательных сообществах ориентирован в основном на всю совокупность читателей, без выделения какой-либо общности – 86,3%. При этом выделение конкретной целевой группы возможно только при коммерческом характере сообщения; целевой группой в таком случае являются потенциальные потребители товара (13,7%).

Определяющим свойством сообщений является их цель, то есть установка на формирование определённой ориентации или отношения пользователей. Преобладающей целью сообщений развлекательно-познавательных СМИ является информационная, т.е. простое освещение информации, не предполагающее обязательного социального эффекта – 64,7%. Последнее характерно, как правило, для дискуссионных материалов, имеющих целью обсуждение социально значимой темы, формирование определённого общественного мнения или просто вынесение проблемы в поле публичного дискурса – 23%. Особое место занимают агитационные сообщения, имеющие целью стимулирование конкретного социального действия или эффекта, являющиеся наиболее пассионарной и социально активной частью сетевого дискурса – 12,3%.

Важным показателем является полнота освещения темы как характеристика силы актуализации проблематики развития техносферы. Полнота освещения соответствующей проблематики находится на среднем уровне -

5,94. Содержательный анализ позволяет обнаружить, что в сообщениях на технологическую тематику внимание уделяется, как правило, лишь ключевым с точки зрения автора характеристикам объекта; по своему объёму данные сообщения существенно уступают сообщениям на профильные темы.

Анализ субъектности сообщений, то есть того, кем формируется соответствующий запрос на развитие техносферы, позволяет обнаружить, что основное авторство принадлежит администрациям веб-сайтов и, по сути, оно может быть названо безличным (69,1%). Авторские заметки, посты и т.д. составляют чуть более четверти всех сообщений (28,4%). При этом сообщений, отражающих формирование непосредственного запроса на развитие техносферы «снизу», в случае, когда автором сообщения является рядовой пользователь, лишь 2,5%.

Таким образом, анализ Интернет-СМИ на уровне среза развлекательно-познавательных источников позволяет обнаружить достаточную степень артикуляции технологической проблематики, общую востребованность

технологического дискурса, но, вместе с тем, низкий уровень непосредственного запроса, инициализированного на уровне обыденно-практического знания, характеризующего развлекательно-познавательные Интернет-СМИ.

Список литературы

1. Бабосов Е.М. Катастрофа как объект социологического анализа // Социологические исследования. 1998. - №9. – С. 19-25.
2. Жигарев В.В. Глобальные и региональные аспекты развития техносферы (философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. – М., 2007. - 158с.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект №14-38-00047 «Прогнозирование и управление социальными рисками развития техногенных человекомерных систем в динамике процессов трансформации среды обитания человека» при участии НИУ «БелГУ», ИСПИ РАН, ЮЗГУ.

СЕМЬЯ В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОРДОВСКОГО НАРОДА

Касаркина Елена Николаевна

Канд. социол. наук, доцент

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск

Киреева Татьяна Викторовна

студентка 6 курса специальности «Социальная работа»

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск

В мордовской традиционной культуре семья занимала важное место в системе иных ценностей. Считалось, что каждый человек должен со временем завести свою семью, родить детей в браке. Случаи безбрачия встречались очень редко, как правило, вследствие нездоровья или религиозных обетов. Для мордвина вступление в брак было необходимым условием, чтобы унаследовать от родителей хозяйство. Необходимость вместе с супругой вести домашние дела определяла, словно главная социально-экономическая детерминанта, поведение в отношении потенциальной супруги, взгляды на половую жизнь. Сам традиционный строй жизни заставлял мордвина прежде подумать о приискании себе умелой помощницы, на которую бесстрашно можно было возложить все тяготы домохозяйства.

При господстве традиционных форм социализации мордовская семья имела особенное значение. Семья выступала не только как главный институт социально-демографического воспроизводства населения, но и как главная производственная единица аграрного общества. Поэтому в число основных задач мордовской семьи в таком обществе входила передача молодому поколению установок на дальнейшее воспроизводство такой же семьи. Выполнение этой задачи осуществлялось через соблюдение молодыми людьми установленных традиций и обычаев. Заключение браков традиционно являлось делом их родителей и родственников.

Семейные ценности мордовского народа представляли собой убеждения и совокупность представлений о семье, способствующие созидательной и творческой деятельности ее членов, не противоречащие нормам общества, основанные на любви, взаимопонимании, сотрудничестве, добре, сознательном и добросовестном выполнении супружеского и родительского долга, ответственности за передачу позитивного семейного опыта и традиций.

В системе традиционных ценностей мордовского народа выделялись этика, речь, зания, семья, труд, пища, богатство, здоровье [1, с. 101]. Под данными ценностями понималось следующее:

- 1) этика (мордва осуждала насилие, лень, жадность, воровство, ложь, пьянство, зависть);
- 2) речь и знания (мордва положительно относилась к людям с образованием, ценила умных людей, отличалась познавательностью);
- 3) семья (непременная ценность каждого мордвина);
- 4) труд (мордва стремилась к работе, ведению домашнего хозяйства, земледелию);
- 5) пища и богатство (у мордвы не принято было жить бедно, но и не богато из-за того, что крестьянский труд был ручной). Считалось, что как человек работает так он и ест и богат);
- 6) здоровье (у мордвы было принято не думать о плохом, вовремя ложиться спать и вставать, вести здоровый образ жизни).

Конструктивные ценности представляли собой созидательную и творческую деятельность семьи и ее членов, способствующие достижению общечеловеческих ценностей. Неконструктивные – деятельность семьи и ее членов, аспекты их отношений, которые препятствовали реализации общепринятых и общечеловеческих ценностей (антисоциальное, антисемейное и антиличностное поведение).

Желание иметь детей, являлось одной из главных ценностей мордовского этноса и определяло отношение к бездетности. Отсутствие детей рассматривалось как самое большое несчастье: «Человек без детей, что сухое дерево без ветвей», «Бездетный дом, что дуплистое дерево: ни лыко, ни дров», «С детьми забота, без детей - горе» [4, с. 74-76]. При этом справедливо указывается, что «С детьми забота, без детей - печаль» [1, с. 102].

Весьма важное значение семьи, для мордовского этноса отражают и иные пословицы и поговорки: «Как нельзя жить без хлеба-соли, так нельзя жить без дома», «Плохая та птица, которая свое гнездо не любит». Мордовские фольклорные тексты отмечают ценность гармоничных отношений в семье «Не нужно золотого клада, если в семье нет лада». Семья, для мордвы являлась эффективной формой разделения труда и позволяла сделать его высокопроизводительным: «Пока семья вместе - богаче живешь». Народная мудрость подчеркивала особую роль женщины в ведении хозяйства: «Семью женщина-мать украшает» [1, с. 102].

Важной составляющей семейных ценностей являлась семейная взаимопомощь. На членах семьи лежал достаточно большой объем обязанностей по отношению друг к другу, к своим детям и родителям. Так в мордовской семье дети обязаны были заботиться о своих престарелых родителях: «Родителя кормить - старый долг платить» [1, с. 103]. От того, насколько эффективно члены семьи справлялись со своими обязанностями и насколько были удовлетворены их объемом, зависело существование семьи, успешность семейной жизни, счастливое детство детей и спокойная старость родителей.

Установлено, что подготовка детей мордовского народа к семейной жизни, основанная на традициях народной педагогики, есть сложный, системный педагогический процесс, включающий в себя следующие этапы:

1. Ёлмашабат (пер. с морд. «младенчество») – характерно наблюдение детей за жизнью всех членов семьи, простые игры, формирующие речь и основные физические навыки.

2. Шабат (пер. с морд. «детство») – привлечение к трудовой деятельности, знакомство с ремеслами, игры, помогающие учиться строить взаимоотношения со сверстниками, родственниками, соседями, знакомыми и чужими взрослыми людьми.

3. Отюшабат (пер. с морд. «подростковость») – активный домашний и сельскохозяйственный труд, овладение основными навыками того или иного ремесла, участие в посиделках, общинных и семейных обрядах, праздниках.

4. Отт (пер. с морд. «молодёжь») – девушки и юноши владеют всеми необходимыми умениями и навыками, которые необходимы для создания своей семьи [6, с. 21-32].

Выбор супруга (ги) у мордвы, по-преимуществу, не был «личным» делом касавшимся только обоих партнеров. Он затрагивал судьбу домашнего сообщества, родителей, братьев, сестер и насколько это было возможно, учитывал интересы дома. К тому же подготовка к супружеству регулировалась и контролировалась сельской молодежью, имевшей сведения об экономическом положении, здоровье, личных качествах потенциальных женихов и невест.

В подготовке к заключению брака участвовали родители и родственники. Крайней формой проявления этого принципа было заключение брака через посредников (свах). Зная домашние расчеты и «подходящих» в силу хозяйственных интересов кандидатов они, за соответствующую «мзду», устраивали нужный брак [2, с. 103].

Практиковались принудительные браки. «У эрзи зачастую можно было услышать в оправдание принудительных браков - «так решили старые люди» и сын, как и дочь, не могут после приговора родителей не согласиться на их выбор», хотя бы избранное помимо их участия лицо и было им не по нраву» [3, с. 21-22].

Без родительского благословения брак считался немислимым и невозможным, однако среди мотивов брака не исключалась любовь и взаимная симпатия являвшихся причиной браков увозом, самокруток «...но после совершения брака молодым необходимо было явиться к родителям с повинною головою, а родители в свою очередь посердятся для вида, а затем должны простить провинившихся. Если бы случилось, что родители захотели настоять на своем, то такого брака Бог не благословит» [3, с. 30].

«Мордва смотрела на брак как на средство к воспроизведению себе подобных работников; прямою целью брака считалось детопроизведение» [3, с. 28]. Поэтому в мордовской деревне не осуждалось если девушка родила ребенка вне брака. Девушка с ребенком имела все шансы удачно выйти замуж: «Не беда, если девушка не смогла уберечь себя до брака, так как венец все покрывает...; любезна та жена, которая нарожает много сыновей... Девушка, которая увлеклась и родила до брака, только доказала, что не бездетна, а стыда в этом нет, виноват тот, «кто на телеге проехал и следы оставил» [3, с. 22].

В экономике, основанной преимущественно на владении землей и надлежащем ее возделывании, брачные шансы мужчин и женщин определялись подлежащей наследованию земельной собственностью родителей, личной работоспособностью (физической силой и здоровьем), размерами родительского приданого. Эти качества ценились выше, чем физическая привлекательность или личное обаяние.

Нравственные ценности национальной культуры, закрепленные в системе принятых этносом символов, ценностных установок, являлись аккумулятором типических гендерных поведенческих стереотипов, предопределявших их дальнейшее самобытное развитие [5, с. 67].

В мордовских традициях общепризнанных признаков женской красоты, делавшей девушку желательной для каждого мужчины не было. Каждый искал в будущей жене то, что ему нравится. Однако крепкое сложение, способность к деторождению, богатое приданое, ставили невесту в особенность предмета добрачных исканий мордовских женихов: «...мордвин ищет в будущей подруге то, что ему нравится, кто ищет разума, кто миловидности, кто душевных качеств, а кто богатства... Вследствие особенности вкуса мордвин любит, чтобы у девушки были толстые ноги; но дебелость и дородство никогда не нравятся ему» [3, с. 22].

Невинность мордовской девушки не была непременным условием вступления в брак, и её отсутствие не влекло никаких последствий ни для невесты, ни для её родителей. Но зато непременным условием порядочности молодого мужа являлось молчание по данному поводу.

У мордовского народа отсутствовали строгие возрастные границы вступления в брак. Нижние границы брачного возраста как правило определялись половым созреванием и физическим развитием: «...среди Эрзи считается достаточным, чтобы жених достиг 19-ти летнего возраста, тогда как невесте должен быть 17-й год... У Мокши полагается достаточным, чтобы жениху было 18-19 лет, но тогда ставится непременным условием, чтобы невесте было 20 и даже 21 год» [3, с. 27].

С крепостной мордвой дело обстояло иначе. По закону, на молодую девушку, вдовца и вдову нельзя было накладывать оброк. Поэтому барин выдавал зрелых женщин за маленьких мальчиков, а девочек за стариков, в таком случае один из супругов выполнял двойную норму работы. Из-за такой возрастной несправедливости в семьях нередко происходили бытовые убийства.

В мордовской семье старались соблюдать очередность вступления в брак. Например у Мокши порядок выхода замуж соблюдался весьма сильно, и младшая дочь ни в коем случае не могла выйти замуж раньше своей старшей сестры: «...старшая дочь в семье раньше приобретала способность к деторождению, а следовательно и раньше должна была выйти замуж» [3, с. 29].

Таким образом можно сказать, что в основе традиционных, коллективных и индивидуальных форм общения мордовского народа лежало важнейшее условие жизни каждого мордвина – неперемнное создание крепкой семьи. Семья воспринималась как хозяйственная и нравственная основа правильного образа жизни. Отдельная семья включала в себя уникальные, неповторимые семейные ценности. Она могла быть ориентирована на конструктивные семейные ценности, способствующие созидательной и творческой деятельности семьи и ее членов, либо на неконструктивные противоречащие нормам общества. Значение семьи в традиционном обществе определялась рядом социальных функций, таких как регулирование отношений между полами и поколениями, рождение и социализация детей, передача материальных и духовных ценностей от поколения к поколению, внутрисемейное перераспределение доходов, формирование потребностей и совместное потребление материальных и культурных благ, организация и ведение домашнего хозяйства, личного подсобного хозяйства и семейного производства, восстановление сил и здоровья, уход за малолетними детьми, больными и престарелыми. Однако

только семья ориентированная на конструктивные семейные ценности могла выполнять функции эмоционального и духовного общения, взаимной поддержки и сотрудничества. От нормального функционирования семьи во многом зависело личное счастье мужчин и женщин, психическое, физическое и духовное здоровье супругов и детей, удовлетворенность человека жизнью.

Список литературы:

1. Глухова Н. Н. Системы ценностей финно-угорского суперэтноса: монография / Н. Н. Глухова, В. А. Глухов. Йошкар-Ола: ООО «Стринг», 2009. - 276 с.
2. Касаркина Е. Н. Институт добрачного поведения в традиционной и современной культуре мордвы / Е. Н. Касаркина // Вестник угроведения. Научно-теоретический и методический журнал. – 2014. – № 2 (17). – С. 102–115.
3. Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы. Спб. : Тип. Мин-ва внутр. дел, 1885. - 270 с.
4. Мордовские пословицы, присловицы и поговорки. Саранск : Морд. кн. изд-во, 1986. - 432 с.
5. Сподина В. И. Аксиосфера мужского и женского в традиционной культуре обских угров и самодийцев / В. И. Сподина // Вестник угроведения. – 2011. – № 3(6). – С. 62-68.
6. Чекмаева Ю. В. Традиции подготовки детей мордовского народа к будущей семейной жизни во второй половине 19 - начале 20 вв. : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.01 / Чекмаева Юлия Викторовна; [Место защиты: Моск. пед. гос. ун-т]. Москва, 2011. - 200 с.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПЕЧАТНАЯ ПРЕССА ГЛАЗАМИ БАНКОВСКИХ КЛИЕНТОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Кошелев Александр Анатольевич

Доцент, кандидат социологических наук, Саратовский Государственный Университет им. Н.Г. Чернышевского, кандидат социологических наук, доцент кафедры социология молодежи г. Саратов

В современном социуме многообразие периодических изданий ежедневно становятся важным источником информации для различных социальных групп читателей, радиостанции формируя аудио контент, распространяют для необходимой аудитории актуальные проблемы из разных регионов мировой цивилизации. Яркая работа корреспондентов и операторов, чьи материалы транслируются посредством современных форм технологического оборудования, делают нас непосредственными участниками событий в разных странах мира. Следовательно, средства массовой информации в современном мире переоценить просто невозможно. Они стали важным инструментом влияния и манипулирования, охватывая беспрецедентное в истории число людей.

Таким образом, становится очевидным факт, пристального, скрупулезного изучения процессов взаимодействия СМИ и общества, с целью понимания закономерностей формирования общественного мнения, идеологии, а как показывает время и защиты национальных интересов.

Большинство исследований современности, прямо или косвенно относящиеся к теме средств массовой информации, посвящены вопросам эффективности СМИ, их возрастающей в жизни социума, а также влиянию на мировоззренческие проблемы современности. Однако для

накопления и совершенствования научных знаний в указанной области необходимо тщательно изучить все элементы данной системы и прежде всего на региональную составляющую развития СМИ в различных областях России.

Данная проблематика была и остается одной из важных в информационном пространстве современного развития общественных процессов. В этой связи ключевым направлением является создание необходимого научного и материально-технического потенциала для перехода на рыночные формы взаимодействия СМИ и сотрудничество с властными структурами на основании не только социального, но и коммерческого партнера. К сожалению это не всегда воспринимается соответствующим образом.

Большинство менеджеров, особенно, это касается районных изданий, видят единственный способ развития: датирование властными или иными структурами, избегая тем самым главного принципа создания медиа-продуктов: ориентация на мнения и потребности читателей. Безусловно, это является, пережитком прошлых лет. Перестроиться сумело лишь небольшое количество информационных каналов, которые, собственно, и формируют рынок современных средств массовой информации в ре-

гионе. Несомненно, важным, в первую очередь, для крупных рекламодателей является понимание специфики СМИ, вызывающих доверие у читателей или зрителей. Следует отметить, что в связи с тем, что крупные исследовательские компании не анализируют региональные рынки, зачастую, данную функцию берут на себя отделы маркетинга ведущих коммерческих структур.

Одним из интересных примеров подобного подхода является исследование банка ОАО ВТБ 24, проведенное в сентябре 2013 г. среди своих клиентов в городах Саратова, Балаково и Энгельса. В процессе исследования использовались количественные методы: телефонный опрос, и опрос входящего потока по стандартизированной

анкете, выборка составила - 400 респондентов. Результаты исследования несколько отличаются от традиционного взгляда на данную проблематику (см. таблицу №1).

Ключевыми сообщениями данного исследования являются следующие:

- клиенты банка ВТБ 24 в Саратовской области ежедневно обращаются за информацией в СМИ;
- большинство из них уделяют внимание знакомству с информацией от 10 до 30 минут
- наиболее популярным каналом получения информации является телевидение, впрочем, так же как и самым авторитетным.

Таблица 1

ТОП 7 ведущих каналов распространения информации

СМИ	% от числа опрошенных
ГТРК -Саратов	21,5%
Телеобъектив (ТНТ)	19%
Сайт СарБК	17%
Газета «Родной город»	7%
Сайт Взгляд-инфо	6,5%
Рен-ТВ	6,25%
Саратовские вести	4,75%

Стандартным является лидерство телевизионных передач, что вполне соответствует федеральным трендам, а также ведущие позиции информационных порталов, являющихся, наиболее, популярными в регионе. Несколько неожиданным оказалось отсутствие в рейтинге крупных федеральных «брендов»: «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец». В то время как, появление в рейтинге издания «Родной город» свидетельствует об интересе аудитории к местным региональным печатным изданиям. «Газета «Родной город» за 5 лет работы на рынке области занимает ведущие позиции по тиражам и продажам рекламы, пользуется авторитетом у ведущих рекламодателей, функционирует на основе принципа самокупаемости», говорит главный редактор газеты «Родной город» Ольга Жарикова. «В наших планах дальнейшее укрепление позиций на рынке и повышения качества всех наших информационных проектов».

Таким образом, результаты исследования показали интерес к местным новостным блокам телевидения, региональным сайтам и периодическим изданиям. Что собственно вполне очевидно, так как аудиторию интересует, прежде всего, те события, которые происходят непосредственно в их регионе. Следовательно, региональный контент в условиях роста интернет пользователей и падения рынка печатной продукции является эффективным инструментом взаимодействия СМИ и социума.

Список литературы

1. Кошелев А.А. Динамика распределения рекламных бюджетов в печатных СМИ. Материалы международной научно-практической конференции Дыльновские чтения, Саратов, издательство ООО Издательский центр «Наука», 481 с.
2. Евстафьев В.А. Журналистика и реклама: основы взаимодействия. – М.: 2001; с 251

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ УЧАЩИХСЯ КАЧЕСТВОМ НАЧАЛЬНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЕГО МОДЕРНИЗАЦИИ

Костюнина Анастасия Александровна

Ст. преподаватель кафедры менеджмента и социологии,

ФГБОУ ВПО Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан

Исследование выполнено в рамках Гранта Президента РФ (МК-2456.2013.6)

На сегодняшний день важнейшие институты социализации – образование и семья – не могут адекватно среагировать на изменения, происходящие в обществе. Быть образованным означает не только иметь высокий уровень теоретических и практических знаний, но и быть воспитанным и социализированным. Если с первым критерием школа справляется, то в случае с социализацией она сталкивается с рядом проблем. Связано это в первую очередь с тем, что данная функция является неспецифичной для института образования, а является интегрирующей для родителей и школы. Традиционно родители перекладывают данную функцию на школу, отказываясь от нее и считая,

что во время пребывания в школе ответственность за детей полностью несут педагоги [1]. Однако школа не справляется с ней в одиночку и пытается вернуть часть функции родителям. Такая ситуация предполагает взаимодействие родителей и школы, наличие у них общих интересов и стремление к общим целям. В противном случае ребенок попадает в ситуацию диссонанса, когда в школе его обучают одному, а в семье совершенно другому. Залог успешной социализации заключается именно в общности их интересов.

Когда же появляется проблема с реализацией этих интересов, возникает потребность организации процесса

взаимодействия родителей и школы. Такая ситуация влечет за собой модернизацию образования, одним из путей которого является введение ФГОС.

С введением ФГОС изменяется в первую очередь положение ребенка, причем не только в школе, но и в семье. Стандарты призваны создать такие условия, при которых ребенок постоянно будет находиться в ситуации самообразования при помощи учителей и родителей [2].

Эффективность введения ФГОС требует определенных форм контроля. Одним из способов этого является исследование оценки качества образования как выражения институциональных функций родителями учащихся, являющихся непосредственными заказчиками. Качество образования в оценках родителей рассматривается как категория, характеризующая процесс образования, его результат и образование как социальную систему. Именно в данном аспекте выделяются показатели его изучения.

В апреле-мае 2014 г. было проведено социологическое исследование [3], целью которого было изучение оценки качества образования родителями учащихся начальных классов школ городов Республики Хакасия. В опросе приняли участие родители учеников IV классов семи школ Республики Хакасия, участвующих в апробации ФГОС начального общего образования. Всего опрошено 443 родителя. Удовлетворенность родителей качеством образования складывается из разнообразных параметров (удовлетворенность качеством обучения, социализации, условиями обучения и воспитания).

Если говорить об удовлетворенности в целом, то она может быть раскрыта через вопрос о повторном выборе школы. Так, большинство родителей (77 %) всех школ, участвовавших в исследовании, указали, что снова выбрали бы эту школу. При этом среди основных причин выбора другой школы называют следующие: не устраивает качество образования; далеко от дома; не устраивает психологическая атмосфера в ученическом коллективе; не устраивает профессиональная компетенция учителей; сложная программа обучения; не устраивает отношение учителей к моему ребенку; ребенку не нравится здесь учиться и др.

Первый показатель – оценка родителями качества и методики обучения. В целом родители демонстрируют удовлетворенность качеством преподавания общих и специальных дисциплин (чтение, математика, русский язык и т.д.) – в основном на 4 и 5 баллов (около 95 %).

В целом родители оценивают достаточно высоко («4»-«5») программы и методики обучения, но ниже, чем качество преподавания дисциплин. Сменить программы обучения предлагают некоторые родители отдельных школ.

Родители считают, что школа в полной мере способствует развитию знаний и грамотности, либо скорее этому способствует. Однако некоторые предлагают проводить дополнительные занятия по отдельным предметам в школе.

Второй показатель – оценка родителями условий социализации. Воспитательную работу половина родителей оценили в основном как хорошую и отличную (87,1 %), однако этот процент значительно ниже, чем в качестве обучения, немалая доля тех, кто оценил организацию воспитательной работы на «4».

Что касается работы школьных секций и кружков, культурно-массовой работы, то родители в целом оценивают ее на «5» и «4», однако немного ниже по процентам, чем воспитательную работу в целом. Однако здесь резко выделяется одна из школ, в которой значительная часть

родителей оценили данный показатель на 3 балла. На вопрос об ученическом самоуправлении большинство родителей затруднились с ответом, некоторые вписывали на поля анкеты собственный ответ – «самоуправления нет». Это может говорить как о реальном существовании дел (ученическое самоуправление отсутствует либо никак себя не проявляет) либо о том, что родители не знают о деятельности школы в этом направлении.

Третий показатель – оценка родителями учебно-методической базы. В данный показатель были вложены основные критерии – работа школьной библиотеки и достаточность учебно-методических материалов для проведения занятий. Так, в целом работу школьной библиотеки родители учащихся оценили на «5» и на «4» (около 70 %).

Большинство родителей считает, что художественной литературы в библиотеке достаточно. Что касается учебников, то большинство родителей удовлетворены их состоянием. При этом 14,7% родителей, участвовавших в исследовании, указали на необходимость покупать новые учебники для своих детей.

Большинство родителей (более 60 %) считают, что на уроках используется достаточное количество наглядных материалов (схемы, модели, таблицы, макеты, глобусы). Для повышения качества обучения родители довольно часто предлагают школе добавить разнообразие обучающего материала (макеты, схемы, глобусы, инструменты и т.д.), количество компьютеров и ноутбуков со специальными обучающими программами для детей.

Школьный сайт среди родителей учащихся особой популярностью не пользуется. Регулярно его посещают 39,1%, в то время как знают и не посещают или вообще не посещают его 60,9% родителей. В целом родители достаточно удовлетворены содержанием сайта школы. Однако они либо совершенно не пользуются сайтом, либо заходят туда только с конкретной целью несколько раз в месяц.

Четвертый показатель – оценка родителями кадрового состава. Преподавательский состав практически всех школ оценивается родителями на «5» и «4» баллов, в сумме классных руководителей оценивают так 91,6%, причем оценка в «5» баллов давалась чаще всего – 77,2%. Учителей-предметников родители ценят так же высоко, на «4» и «5» баллов – 82,6%. Однако если в случае с классными руководителями родители практически не затруднились в оценке, то в данном случае не смогли определить 14,2 %. Связано это с тем, что в начальных классах учителей-предметников практически нет, и все основные дисциплины преподает классный руководитель. Учителя-предметники практически не встречаются с родителями, отчего последние и не могут определиться с оценкой их профессиональных и личностных качеств.

Что касается взаимоотношений детей и классных руководителей, то причин для беспокойства здесь у родителей нет. Отзывчивые, понимающие учителя есть во всех школах. Хорошие отношения педагогов с детьми родители указали в 77% случаев. О конфликтах и жалобах родители слышали в 18,7% случаев. В справедливости оценивания знаний школьников сомневаются лишь 2,5% родителей, причем школы, где родителей не устраивают отношения учителей к школьникам, не исключение.

Пятый показатель – оценка родителями материально-технической базы школы – разложен на следующие индикаторы: оценка состояния мебели, освещения в классах, ремонта, в помещениях, состояния околоскольной территории, актового зала, спортивного зала и столовой.

Состояние мебели в классах (парты, стулья, шкафы, доски) в основном оценили на «5» и «4» баллов (более 80 %). Освещение и ремонт в классах оценили чуть выше.

Что касается ремонта в школьных помещениях и околошкольное пространство, то родители вполне довольны их состоянием, но все же оценивают ниже предыдущего.

При этом многие родители внесли в анкеты предложения по улучшению материальной базы школы: добавить в школе мебель, пластиковые окна, поставить на окна жалюзи, установка спортивной площадки и закупка спортивного инвентаря.

Шестой показатель – оценка родителями условий обеспечения безопасности. Удовлетворенность родителей безопасностью в общеобразовательных школах, занимающихся по ФГОСам в целом, по предложенным параметрам высокой назвать затруднительно. На «4» и «5» баллов в сумме оценили безопасность максимум 63,4% родителей, по одному из предложенных критериев минимальная удовлетворенность составляет 40,9% опрошенных. Больше всего родители удовлетворены безопасностью лестниц в школе, оценивая их на «4» и «5» баллов. Безопасным так же считается школьное крыльцо и околошкольная территория.

Самую низкую оценку родителями получила работа школьной охраны. При этом каждый пятый предложил усилить ее, установив пропускной режим, и каждый второй – организовать видеонаблюдение.

Седьмой показатель – оценка родителями условий здоровьесбережения. Родители в подавляющем большинстве удовлетворены расписанием уроков как в целом (88,7%), так и по степени сложности (74,7%). Родители, которых не устраивает расписание или которые затрудняются в своих оценках, выделяют непоследовательность уроков по степени сложности, а именно их не устраивает то, что физическая культура ставится первым уроком.

В целом уровень учебной нагрузки в четвертых классах родители оценивают как очень высокий – 59,4%. Затруднилась с ответом малая часть респондентов, что говорит о том, что возможно родители следят и беспокоятся по поводу нагрузки школьников. Больше всего родителей не устраивает отсутствие, либо неудовлетворительная работа школьных психологов (20,5%), процент затруднившихся его оценить составляет 33,4%, то есть родители не знают о существовании психолога в школе либо не видят его работу.

Такие показатели здоровьесбережения школьников, как работа медицинского кабинета и столовой, родители оценивают в основном положительно (62,8% и 63,4% соответственно).

Взаимоотношениями в ученическом коллективе родители оценивают положительно – 71,3% в той или иной степени удовлетворены этим пунктом. По мнению отдельных родителей именно в недостаточном уровне квалификации педагогов и кроется причина напряженных отношений среди учеников.

Таким образом, родители в целом удовлетворены всеми показателями качества образования, анализируемыми в исследовании. Разумеется, высокую степень удовлетворенности деятельностью школы демонстрируют родители не всех образовательных учреждений. Вышестоящим органам и администрации школ предстоит детальная работа по исправлению сложившейся ситуации в лучшую сторону. Однако из представленных данных невозможно определить эффективность введения ФГОС в начальной школе. Выявить реализуемость модернизации возможно в дальнейших исследованиях, рассматривающих школу как институционализированную организацию и сравнивая ситуацию до модернизационных процессов и после.

Список литературы:

1. Бикметов Е.Ю. Взаимодействие семьи и школы в социализации индивида // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 86-92.
2. Запорощенко Л.А. Взаимодействие с родительской общественностью в рамках реализации новых образовательных стандартов // Методические рекомендации по внедрению федеральных государственных образовательных стандартов начального общего образования [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.calameo.com/books/001122411f30928c7244a> (дата обращения 03.05.2014).
3. Отчет о научно-исследовательской работе «Качество образования в оценках родителей учащихся в условиях ФГОС» / Архив кафедры менеджмента и социологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Абакан, 2014. 102 с.

ИМИТАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ С ПРИМЕНЕНИЕМ ANYLGIС.

Мулюков Рустям Раисович

Аспирант Уфимского государственного авиационного технического университета, г. Уфа

Высшие учебные заведения занимают особое место среди социальных институтов. Это обусловлено тем, что ВУЗы выполняют такие важные функции, как:

- экономическая – формирование социально-профессиональной структуры общества, в которой люди способны осваивать научные и технические новшества и эффективно использовать их в профессиональной деятельности;
- социальная – воспроизводство социальной структуры общества, так как учебные заведения являются социальными лифтами;
- культурная – использование ранее накопленной культуры в целях воспитания индивида, развития его творческих качеств.

На сегодняшний день наблюдается изменение структуры поступающих в начальные, средние и высшие профессиональные учебные заведения в сторону уменьшения поступающих в образовательные учреждения начального профессионального образования и увеличения поступающих в учебные заведения высшего профессионального образования [1]. Это свидетельствует о том, что в обществе происходит осознание важности наличия высшего образования.

С одной стороны это оказывает благотворное влияние на экономику, так как рынок труда пополняется квалифицированными кадрами. С другой стороны, возникает ряд проблем, которые требуют вмешательства в происходящие процессы и управления ими. Одной из таких про-

блем является проблема несоответствия структуры требуемых рынку специалистов и их выпуску из учебных заведений высшего профессионального образования.

Анализ конъюнктуры рынка труда показывает, что на сегодняшний день выявлен нарастающий спрос на квалифицированных специалистов на рынке труда. Это обусловлено спадом демографического роста и увеличением доли населения старше трудового возраста. Так, уже в 2006 году доля населения старше трудового возраста превысила долю населения младше трудового возраста. Эта тенденция наблюдается и сегодня [2]. Также, начиная с 2008 года, происходит снижение числа экономически активного населения [3], что обуславливает нарастание нагрузки на трудоспособное население [4].

Кроме того, следует обратить внимание на наличие структурной безработицы. Это объясняется нарастающим числом абитуриентов, подающих заявления на поступление на гуманитарные и экономические специальности ВУЗов. В связи с этим наблюдается избыток специалистов этих профессий и недостаток других, например, инженерных специальностей.

Таким образом, наблюдается несоответствие профессионально-квалификационной структуры подготовки специалистов требованиям рынка труда. Другими словами, существует дефицит специалистов в одних отраслях и профицит в других [1].

Появляется необходимость контроля соответствия профессиональной подготовки специалистов спросу на рынке труда. Необходимо учесть, что на подготовку специалистов затрачивается определённое количество времени, в течение которого возможно изменение потребности в кадрах различных профессий. Таким образом, необходима возможность прогнозирования специалистов, которые будут подготовлены, и специалистов, в которых будет потребность.

Данная работа посвящена созданию имитационной модели, позволяющей спрогнозировать количество выпускников, которых подготовит вуз.

При построении имитационных моделей выделяют три наиболее распространённых подхода:

- системная динамика;
- дискретно-событийное моделирование;
- агентное моделирование.

В отличие от двух первых подходов, агентное моделирование не связано с модельным временем. При данном подходе моделируемая система рассматривается как совокупность отдельных объектов со своей моделью поведения и связями друг с другом [5]. При этом каждый агент имеет:

- набор определённых параметров;
- собственную модель поведения и принятия решений;
- цель, определяющую его поведение;
- возможность находиться в определённой среде и взаимодействовать со средой и другими агентами;
- возможность самообучения на основе собственного опыта [6].

Опираясь на приведённые возможности агентного моделирования, был выбран именно этот подход для построения имитационной модели. В качестве среды моделирования был выбран программный продукт Anylogic.

Каждый экземпляр активного объекта обладает своими свойствами, благодаря чему избегается дублирование. Кроме того, каждый объект, принадлежащий определённому классу, ведёт себя в соответствии с моделью поведения объекта реального мира [7]. Модель поведения задаётся с помощью диаграммы состояний. Таким образом, объекты одного класса имитируют однотипные сущности реального мира, при этом избегается дублирование объектов, но сохраняется общая для однотипных объектов модель поведения.

В модели описаны два типа агентов: абитуриенты и университет. На рисунках 1 и 2 показаны диаграммы состояний названных агентов, описывающих возможные их состояния.

Входной информацией являются статистические данные, а именно: информация об абитуриентах (Таблица 1), информация о специальностях (Таблица 2).

Таблица 1

Абитуриент		
Наименование реквизита	Тип поля	Разрядность
Номер абитуриента	Integer	5
Профильный предмет	String	10
Набранный на ЕГЭ балл	Integer	3

Таблица 2

Специальность		
Наименование реквизита	Тип поля	Разрядность
Номер специальности	Integer	3
Название специальности	String	10
Количество бюджетных мест	Integer	2
Стоимость обучения	Integer	5

В результате работы имитационной модели формируется информация, представленная в таблице 3.

Таблица 3

Результатная информация		
Наименование реквизита	Тип поля	Разрядность
Номер аналитика	Integer	3
Дата	Date	-
Номер эксперимента	Integer	5
Количество абитуриентов	Integer	5
Список специальностей	String	10
Количество бюджетных мест	Integer	2
Стоимость обучения	Integer	5
Количество выпускников	Integer	5

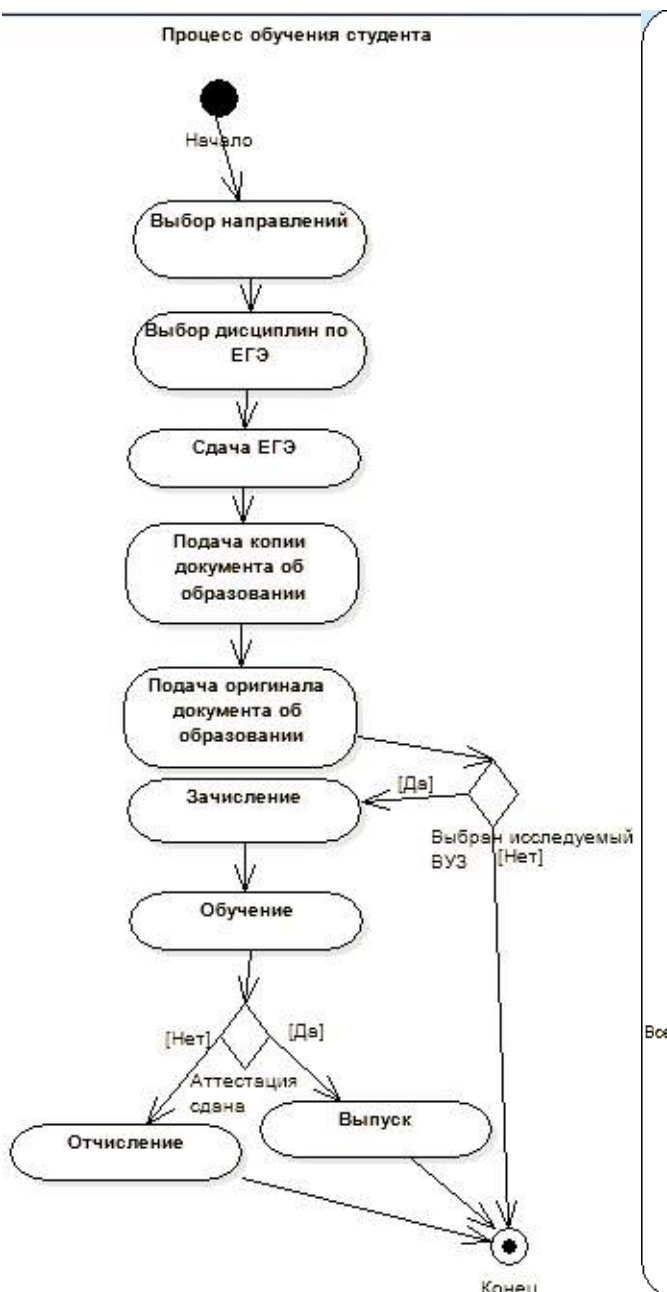

Рисунок 1 – Диаграмма состояний процесса обучения объектов "Абитуриент"

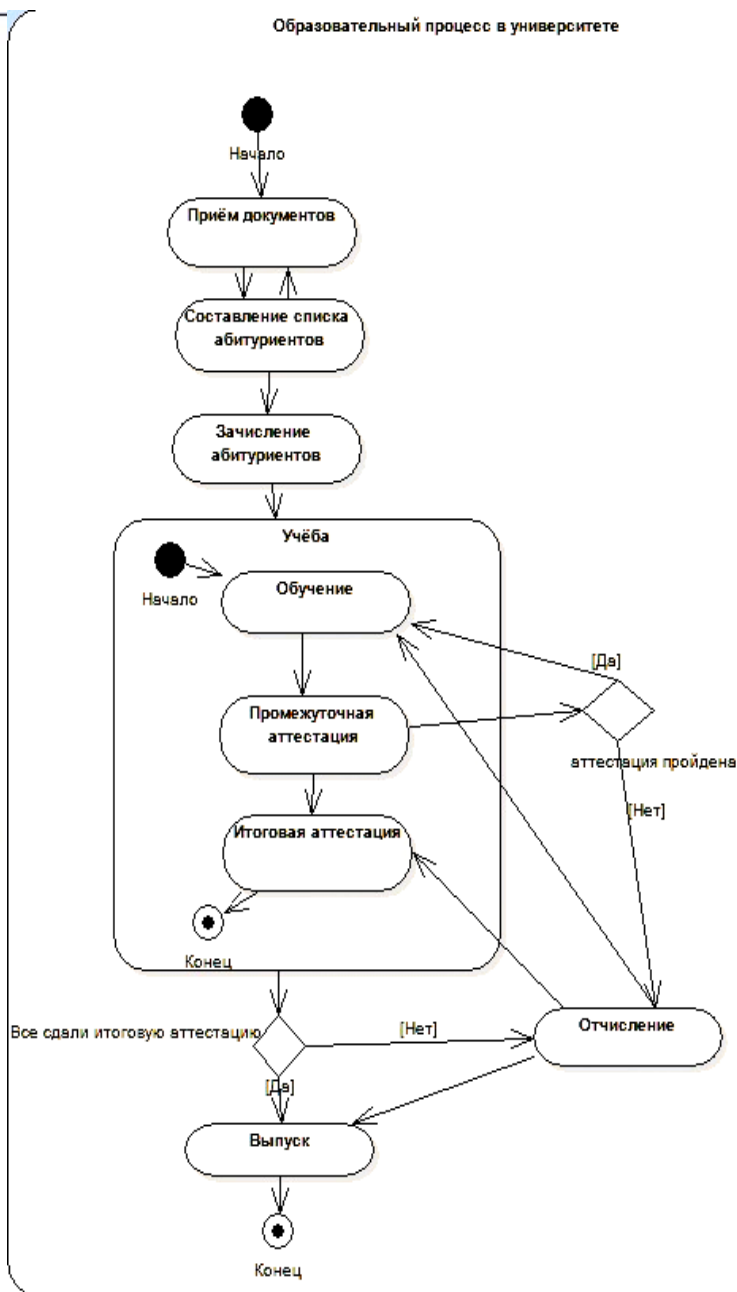

Рисунок 2 – Диаграмма состояний образовательного процесса в университете

Таким образом, была создана агентно-ориентированная имитационная модель, позволяющая спрогнозировать количество выпускников ВУЗа.

Список литературы:

1. Гайнанов Д.А. Ретроспективный обзор профессионально-квалификационной сбалансированности региональных рынков труда и образовательных услуг: анализ и прогнозирование / Д. А. Гайнанов, Р. Р. Галлямов, Р. М. Нагимов
2. Территориальный орган Федеральной службы по государственной статистике Республики Башкортостан [электронный ресурс]. – режим доступа [http://bashstat.ru/](13.01.2009)
3. Богатырева М.Р. Анализ ситуации на рынке труда Республики Башкортостан / М.Р. Богатырева // Социосфера. – 2013. - № 9. – С 18 – 20.

4. Информационный портал, посвященный языку моделирования NetLogo [электронный ресурс]. – режим доступа [http://letopisi.org/index.php/NetLogo](12.04.2012)
5. Васильев А. И. Управление развитием информационных систем. Учебное пособие для вузов / А. И. Васильев, Г. Н. Калянов, Г. А. Левочкина – М.: Экзамен, Горячая линия – Телеком, 2009. –376 с.
6. Миронов В.В. К проблеме математического моделирования имитационных моделей социально-экономического развития / В. В. Миронов, А. В. Смирнов – 2013.
7. Новиков Д. А. Теория управления образовательными системами / Д. А. Новиков – М.: Народное образование, 2009. – 452 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ВЫПУСКНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Осипова Любовь Борисовна

*к.с.н., доцент кафедры маркетинга и муниципального управления
Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень*

В условиях социально-экономических преобразований, происходящих в современном российском обществе, проблема профессионального развития учащейся молодежи становится одной из центральных. Юношеский возраст – один из ответственных периодов формирования личности, который связан с жизненным, личностным и профессиональным самоопределением. В этот период индивидуальные особенности характера, темперамента, направленности личности приобретают достаточную стойкость, что необходимо учитывать при проектировании дальнейшего жизненного пути молодого человека. Современные условия ускоряет различные социальные процессы, меняет приоритетность тех или иных ценностей и ролевых функций социальных групп в обществе, основным капиталом которого становятся образованность, знания, интеллект человека [1].

В последнее время в научной литературе заметна тенденция употребления понятия «самоопределение личности» в широком диапазоне значений: от принятия жизненно важных решений до однократных самостоятельных поступков. В Большом толковом словаре русского языка самоопределение является производным от глагола «самоопределяться», что значит осознать себя, свои общественные интересы, определить собственное существование, свое место в жизни, в обществе, начать существовать самостоятельно» [4, с.419]. Подробно анализируя профессиональное самоопределение, Е.А. Климов понимает его «...как важное проявление психического развития, формирования себя как полноценного участника сообщества профессионалов». Весьма ценной для предмета рассмотрения профессионального самоопределения – является мысль Е.А. Климова о том, что «выбор профессии, кажущийся подчас легким и кратковременным, на самом деле осуществляется по формуле «мгновение плюс вся предшествующая жизнь» [2, 52].

Сущность профессионального самоопределения заключается в самостоятельном и осознанном нахождении смыслов выполняемого труда и своей жизнедеятельности в конкретной культурно-исторической и социально-экономической ситуации. Перед многими выпускниками школ остро стоит проблема выбора жизненного пути, подготовки к будущей профессии. От того, насколько они правильно сориентированы в профессиональном плане, зависит ситуация на рынке труда и дальнейшая судьба страны, поскольку молодежь является стратегическим ресурсом общества. Именно на нее возлагаются наибольшие

надежды как на группу, активно стремящуюся к освоению новых знаний и технологий и способную овладеть ими. Это справедливо замечено В.Т. Лисовским: «молодежь – важный субъект социальных перемен, огромная инновационная сила. И как использовать эту силу, куда ее направить, на достижение каких целей, от решения этой задачи зависит благополучие нашего общества» [3, с.74]. В силу своего статусного состояния молодежь своей деятельностью как бы включает закономерности прошлого в настоящее и тем самым обуславливает переход их в будущее.

Если спросить сегодняшнего школьника, зачем он учится, можно услышать самые разные ответы: «Чтобы поступить в институт», «Чтобы работать», «Все учатся» и т.п. Осознанный выбор сферы деятельности осуществляют не более 40% подростков, ориентируясь в основном на содержательную сторону будущей профессии. И только некоторые рассматривают процесс обучения, как начало своей будущей профессиональной деятельности. Основу ориентации молодежи в мире профессий как раз и составляет профессиональное самоопределение как активный процесс формирования личности своего отношения к профессионально-трудовой среде и способ ее самореализации. Выбор профессии следует рассматривать как важнейшую веху в жизни молодого человека, так как от этого зависит весь его последующий образ жизни.

Возможности в сфере профессионального образования открывают перед молодым человеком соответствующие возможности социокультурного самоопределения, отражаются на уровне его мышления, типе поведения. С целью изучения образовательных и профессиональных предпочтений старшеклассников был проведен социологический опрос. Опросу подлежало 278 человек, или 72% от числа всех выпускников школ города Лянтора. В качестве метода опроса применялось очное анкетирование. Пропорции распределения анкет соответствуют пропорциям распределения численности учащихся образовательных учреждений г. Лянтора. Опросу подлежали группы молодежи представленные по полу, возрасту и социальному положению семей, в качестве экспертов – педагоги и родители. После проведения анкетирования автором были систематизированы и обобщены полученные результаты. В качестве первоначальных жизненных данных были рассмотрены образовательные предпочтения старшеклассников (табл.1)

Таблица 1

**Ориентация старшеклассников образовательных учреждений г. Лянтора на тип учебного заведения
(в % от числа опрошенных)**

Планируют учиться в:	2013 год					
	9класс		10класс		11класс	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
ВУЗ	69,5	74,1	80,4	85,6	76,2	80,3
СПО	28,2	23,3	16,6	14,0	15,3	16,4
НПО	2,3	2,6	1,3	0,4	-	-
Курсы	-	-	1,7	-	3,4	1,2
Трудоустройство					5,1	2,1

Как видим, ориентация большинства респондентов, стремящихся продолжить учебу, все больше концентрируется на получении высшего образования, что свидетельствует об осознанном представлении, что на рынке труда имеют ценность знания и квалифицированный труд, который предполагает обязательное получение профессионального образования. С возрастом снижается количество желающих получить подготовку в техникумах и профессиональных училищах. Лишь незначительная часть старшеклассников планирует обучение на курсах и рассматривает вопрос трудоустройства. Результаты опроса свидетельствуют, что девушки в своих образовательных ориентациях опережают сверстников юношей. Вероятно, сказывается низкая конкурентоспособность женщин на рынке труда, девушки стремятся компенсировать ее более высоким уровнем образования. Для некоторой части выпускников возможность выбора профессии ограничивается их успеваемостью. Анализ отчетной документации показал, что на востребованном уровне учатся только 38,7%.

Определяя образование как важную жизненную ценность молодежи, испытывает порой неудовлетворенность качеством образования. На сегодняшний день 28% опрошенных характеризовали себя человеком, знающим и образованным, 39% – удовлетворены качеством образования, но не в полной мере, 23% респондентов – совсем не удовлетворены образованием, 10% – затруднились с ответом. Причина: слабое внедрение инновационных программ в образовательный процесс, уровень профессионализма педагогов, тип образовательного учреждения.

Анализ проведенных исследований позволил выявить, что профессиональные устремления выпускников представляют собой довольно пеструю картину по всем показателям: от выбора будущей профессиональной деятельности до различных факторов, влияющих на выбор профессии. Как правило, они находятся в определенной зависимости от таких факторов, как социально-экономическая ситуация в стране, место проживания выпускников, материальное положение семьи. При выборе профессии молодые люди в большей степени руководствуются расчетом, субъективная ценность преломляется в оценках престижности профессии. Используя метод ранжирования, в пятерку лидеров вошли профессии бизнесмена (34,3%/47,2%), инженера (41,0%/52,6%), нефтяника (43,7%/56,8%), программиста (40,0%/42,1%), экономиста (56,7%/32,8%). (*Примечание: в числителе указаны ответы девушек, в знаменателе – юношей). Наиболее развита в городе нефтяная промышленность, что объясняет выбор профессии нефтяника, напрямую связанной с перспективой дальнейшего трудоустройства. Совсем не популярными оказались сферы машиностроения (6,5%/8,2%), образования (6,5%/2,3%), строительства (5,8%/9,6%), сельского хозяйства (1,8%/2,1%). Суще-

ственным фактором, формирующим мотив выбора профессии, является престиж профессии, который, к сожалению, респонденты чаще всего связывают не с содержанием труда, а с рейтингом профессии в обществе и материальным обеспечением. С выбором профессии определились 57% респондентов, что свидетельствует о низком уровне работы по профориентации в образовательных учреждениях города и неготовности к осознанному профессиональному самоопределению старшеклассников.

Большое влияние на выбор профессии оказывают родители – 32,3%, влияние рекламы и СМИ – 6,2%, система образования – 17,2%, друзья и знакомые – 18,2%, рейтинг учебного заведения – 12,1%, территориальное расположение вуза – 14,0%. При выборе профессии не всегда реально учитываются условия рынка труда, поскольку существует серьезный дисбаланс между спросом и предложением рабочей силы.

Особый интерес представляет оценка деятельности образовательных учреждений г. Лянтора, данная экспертами – педагогами и родителями. Выявлено, что главный акцент школа делает на передачу полезных знаний – 76%/69%, мотивация к общественно-полезному труду – 41,2%/32,4%, профессиональное самоопределение – 23,1%/12,4%. (*Примечание: в числителе указаны ответы педагогов, в знаменателе – родителей). Представленные результаты позволяют сделать вывод об ослабленном социализирующем влиянии школы.

Таким образом, проведенное исследование показало, что старшеклассники слабо ориентируются в выборе профессии и реальностях трудовой жизни. Они не готовы сегодня выйти на рынок труда и чувствовать себя в нем уверенно. Необходима разработка и внедрение социальных программ в образовательный процесс, предусматривающих создание информационного пространства о мире профессий, учреждениях профессионального образования, психологическую поддержку выбора молодых людей.

Список литературы:

1. Горева О.М., Энвери Л.А. Развитие дистанционного обучения как условие модернизации системы образования [Текст] //Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2014. – №2 (29). – С.137-144.
2. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения [Текст] : учебное пособие для студентов вузов /Е.А. Климов – Ростов-н/Д : Феникс, 1996. – 510с.
3. Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России [Текст] : учеб. пособие / В.Т. Лисовский. – СПб.: СПбГУП, 2000. – 519 с.
4. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка [Текст] : современная редакция /Д.Н. Ушаков – Дом Славянской книги, 2008. – 960с.

ПРИЧИНЫ И ПОВОДЫ ССОР В МОЛОДЫХ СЕМЬЯХ НА УРАЛЕ

Павлов Борис Сергеевич

Д.филос. наук, профессор, вед.н.с. Института экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

Разикова Наталья Игоревна

К.х.н., профессор кафедры социальной безопасности Физико-технологического института – (ФТИ)

Уральского федерального университета - (УрФУ) Г. Екатеринбург

Семья, как малая социальная группа, обладает определенными благами, достоинствами, которые являются (могут быть) привлекательными в глазах «нормальных» людей. В этом смысле мы говорим о ценности и предпочтительности семейного образа жизни в сравнении

с холостяцким. Семья как межличностный союз (социально-бытовое объединение) существует, не только за счет внешних обстоятельств, социально-экономических «обручей» (как бы принуждающих жить вместе), не

только благодаря привычке и инерции. Мощными скрепами семейного союза служат такие благодатные чувства, как любовь, обожание, уважение, благодарность, порядочность, солидарность, верность и др. [1].

Существенные деструктивные поправки в социально-психологические отношения между супругами, между родителями и их детьми вносит такой «антискреп», как «супружеская ссора». «Ничто не является хорошим или плохим – отмечал в свое время В.Шекспир, – все зависит от того, как мы смотрим на вещи». Давайте, с позиций социологии посмотрим на феномен «супружеской ссоры», становящейся, нередко, причиной или поводом для дестабилизации и распада брачно-семейных союзов, деформации процесса социализации детей.

В представленной статье использованы материалы ряда комплексных региональных исследований по проблемам внутрисемейных отношений в уральских семьях, проведенных авторами в 2003-2013 гг. в Институте экономики УрО РАН, в частности:

– 2005 г. в г. Екатеринбурге были опрошены 880 молодых супругов по проблемам стабилизации отношений в молодых семьях, имеющих детей (362 мужчины и 518 женщин) – «Семья-1».

Усложнение и дифференциация видов и сфер общественной практики, мобильность в изменении окружающей человека природной и социально-культурной среды оказывает многовекторное обратное воздействие на жизнедеятельность людей. При этом их возможности к адекватной реакции на качественные изменения в среде существования неограниченны. Нередко источником социальной напряженности являются антиобщественные проявления в поведении индивидов, социальных групп. Особого

внимания общества требует молодая семья. Аналогично живому организму, вновь образовавшаяся молодая семья наиболее неустойчива, нестабильна в первые периоды своего существования.

Это обусловлено рядом взаимосвязанных причин. Как и всякое живое образование, каждая индивидуальная семья в своем развитии (онтогенезе) проходит ряд последовательно сменяющих друг друга этапов от рождения этой социально-бытовой ячейки до ее смерти. Требуется годы супружеской жизни для стабилизации отношений, выработки таких общесемейных духовных ценностей, как взаимоуважение, взаимоподдержка, стремление к упрочнению союза и др.

Известно, что причины будущего развода (если таковой произойдет в данной конкретной семье) закладываются, как правило, в молодом супружеском возрасте, когда устанавливается определенный стиль отношений между супругами, происходит формирование того или иного образа жизни, развитие и поощрение тех или иных привычек, форм общения и т.д. Ответственность супругов в этот период жизни семьи представляется не только в том, чтобы не допустить развода в первые годы брака, но и в том, чтобы предотвратить те внутрисемейные процессы, которые могут привести к разводу в более зрелом семейном возрасте [2]. Опрашивая 880 молодых супружеских пар в г. Екатеринбурге («Семья-1»), мы попытались прояснить социологическую «анатомию» происходящих на Урале ссор между молодыми мужем и женой. Ниже представлен ряд заданных нами в анкетах вопросов по поводу семейных ссор и мнение респондентов по этому поводу (% от общего числа респондентов):

1. Можно ли обойтись без ссор в семейной жизни?

Да, наверное, можно	23
Ссоры иногда необходимы	52
Без ссор не бывает семейной жизни	25

3. Кто чаще является зачинщиком ссор?

«Непонятно кто»	33
Жена	28
Муж	15
Оба	24

4. Продолжительность ссор в вашей семье

Миримся сразу	39
Не более одного дня	33
Несколько дней (2-3 дня)	16
Около недели	7
Около месяца	3
Месяц и более	2

5. Кто чаще уступает в семейных конфликтах?

Обоюдно	49
Муж	30
Жена	21

6. Наличие у супруга (супруги) вредных, азартных привычек и их влияние на возникновение ссор:

Вредные Привычки	В молодой семье эти привычки:	
	присутствуют	предмет ссоры
Курение	60	30
Употребление алкоголя	36	40
Бездельничество	26	27
Сквернословие	18	15
Переядание	15	8
Игра в карты	8	8

Причинно-следственная «пестрота» возникновения и гашения семейных ссор связана не только с субъективными факторами. В них отражаются и объективные посылы социально-психологических сложностей и противоречий, сопровождающих процесс адаптации членов семейного союза друг к другу, адаптации семейного союза к окружающей их среде жизнедеятельности. Было бы, например, неправильным считать процесс стабилизации семьи (в частности, молодой) детерминированным лишь внутрисемейными отношениями, зависящими от уровня духовной культуры и эмоционального развития супругов. Строительство семейных отношений протекает на базе материальной жизни.

Тот или иной уровень духовного комфорта семейной ячейки – во многом отражение ее материально-хозяйственных возможностей в удовлетворении как материальных, так и духовных потребностей, определяемых уровнем денежных доходов, размером и состоянием жилища, развитием системы обслуживания, здравоохранения и т. д. А это, в свою очередь, во многом зависит от развития отношений «общество – молодая семья». Последнее включает не только материальную сферу. Существенное значение имеет общественное мнение по поводу таких нравственных понятий, как «супружеская любовь», «семейное счастье», «долг семьянина», «отцовство», «материнство» и т.п. [3].

Существует довольно расхожее мнение о том, что современная молодёжь, современные молодые семьи кардинальным образом отличаются от своих родителей и от их поведения в «семейной молодости». Дескать, «раньше молодые люди были и более терпимы, и добрее друг к другу, и более ответственно относились к своей семье, к детям, больше ценили мир и согласие в семье и старались не доводить дело до развода и т.д. и т.п.». Так ли это? Обратимся к одному из наших исследований по проблемам стабильности молодых уральских семей, причин и поводов, разногласий и ссор в них, приводивших молодых отцов и матерей к «решению развестись».

Речь идёт о комплексном социологическом исследовании, проведённом в 1983 г. в г. Магнитогорске. Кратко о программе самого исследования. В его программу входили: а) опрос 690 молодых семейных супругов из, так называемых, «благополучных» городских семей¹; б) экспертный опрос судей, по поводу характера прохождения (на момент опроса) 243 дел разводящихся пар в трёх районных народных судах города.

Вот некоторые результаты этого исследования. По мнению экспертов, основной причиной примерно каждого трех из четырех разводов (78 %), которые совершались по инициативе женщины, являлось пьянство или алкоголизм мужчины. Характерно, что относительное число браков, расторгаемых по причине мужского пьянства, практически не менялось в различных возрастных группах. Сразу же отметим, что в большинстве случаев женщины указывали на пьянство в совокупности с другими причинами. В значительной части дел (около 50%) женщины указывали целый комплекс причин, на основании которых они считают продолжение своей супружеской жизни невозможным. Если оценивать результаты экспертизы в целом, то, по мнению судей, большинство браков в г. Магнитогорске распадалось по вине мужчин. Соотношение указанных судьями причин вины мужа и вины жены составляло примерно пропорцию 2:1 [4].

В поисках истинной первопричины антисемейного поведения необходимо помнить, что те или иные качества личности, ее поступки по отношению к семье не могут быть полностью объяснены какими-либо обстоятельствами или неблагоприятным поведением одного супруга. В строительстве семейных отношений участвуют, как правило, двое. Вряд ли можно считать правильным, когда ошибки одного из супругов не поправляются его партнером, а усугубляются.

В нашем магнитогорском исследовании была сделана попытка выяснить, как влияет решение супругов о разводе на прекращение между ними интимных отношений. В анкете эксперта мы просили судью уточнить, как долго (до момента подачи заявления) разводящиеся не жили интимной супружеской жизнью. Вполне понятно, насколько сложен этический аспект выяснения подобных сведений. И все же наши эксперты посчитали возможным выполнить эту задачу при ведении 180 бракоразводных процессов, что составляет 74% всех обследованных дел. Была выявлена следующая зависимость периода прекращения интимных отношений до подачи заявления о разводе от типа лидерства.

Данные свидетельствуют о том, что вопросы половых отношений и развода разные группы дестабилизировавшихся семей решают по-разному. Для одних духовная дестабилизация семьи означает, как правило, и прекращение интимных отношений, для других эти два вопроса практически не взаимосвязаны. Последняя ситуация была характерна прежде всего для семей, где главенствует муж. Из этой группы 8% имели интимные отношения накануне подачи заявления о разводе в ЗАГС. Общественная практика свидетельствует, что нередки случаи, когда супруги подают заявление о разводе слишком поспешно, не взвесив все «за» и «против», не попытавшись нейтрализовать те причины, факторы, которые легли в основу мотивации о расторжении семейного союза. Именно для такой части разводящихся пар важна профилактическая примиряющая деятельность работников суда, в первую очередь – народного судьи, ведущего дело.

Особое значение для позитивного исхода примиряющей деятельности приобретает новое направление работы с семьями, находящимися на «пороге» развода, а именно: социальная медиация – работа по досудебному урегулированию семейных конфликтов. Этот вид профессиональной деятельности в настоящее время является всё более и более распространённым и востребованным в России.

Подведём некоторый итог. В начале статьи мы привели ответы молодых супругов на вопрос анкеты: «Можно ли обойтись без ссор в семейной жизни?» Лишь каждый четвёртый респондент (23%) отметил вариант «Да, наверное, можно». Подавляющее же большинство опрошенных молодых супругов считают, что «Ссоры иногда необходимы» - 52 % или вариант «Без ссор не бывает семейной жизни» - 25 %. У нас нет достаточных оснований не признать того обстоятельства, что в настоящее время феномен супружеской ссоры является, практически, «обязательным» атрибутом семейного строительства. В нашем случае, речь идёт, прежде всего, о молодых уральских семьях. Встаёт вопрос: «Ссоры и семейные конфликты – это новое приобретение института семьи или его «родовое» наследие?».

Как свидетельствует история, «возраст» семейных конфликтов такой же, как и возраст самого института

¹ К числу «благополучных» семей социологи относили супружеские пары, в которых молодые отцы и матери оценивали

свои отношения с супругом (супругой), как «нормальные», не дающие повода к разводу.

семьи – этого уникального института человеческого взаимодействия. И сегодня речь, очевидно, должна идти не о поиске эффективных (*кардинальных*) средств и способов «изживания» ссор и конфликтов из семейного обихода. Нужно учиться, прежде всего, профилактике «мирных» семейных отношений – это, *во-первых*. А, *во-вторых*, важно использовать созидательный потенциал межличностного общения между членами семьи, в поисках удовлетворительного разрешения возникающих противоречий, и, главное, *во благо сохранения семейного союза и его ценностей*.

Список литературы

1. Павлов Б.С., Разикова Н.И. «Отцы и дети» в городской семье: общение или отчуждение // Дискуссия. 2012. № 10. - С. 110-119.
2. Берсенев В. Л., Важенин С. Г., Павлов Б. С. Особые грани современной российской экономики и не только // Экономика региона. 2011. № 1. - С. 264-267.
3. Павлов Б.С. Семейная политика в регионе: симбиоз экономического и нравственного // Журнал экономической теории. 2010. № 3. - С. 58-69.
4. Павлов Б.С. Деструкции семейных отношений в зеркале социологического анализа Социум и власть. 2013. № 4. - С.27-35.

ЗДОРОВЬЕ И ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПОДРОСТКОВ В РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬЕ НА УРАЛЕ

Павлов Борис Сергеевич

Д.филос. наук, профессор, вед.н.с. Института экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

Разикова Наталья Игоревна

К.х.н., профессор кафедры социальной безопасности Физико-технологического института – (ФТИ)

Уральского федерального университета - (УрФУ)г. Екатеринбург

Процесс формирования рыночных отношений в РФ затронул, практически, все сферы жизнедеятельности россиян (в том числе – уральцев). Особая сфера жизнеобеспечения – *здоровье населения*, совмещающая в себе интересы индивида, социальной группы (*прежде всего – семейной*) и общества в целом. Переход к рыночным отношениям во многом изменил ценностные ориентации населения относительно охраны и реабилитации здорового образа жизни. В условиях, так называемого, социалистического общества, здоровье граждан, здоровье нации рассматривалось (*по крайней мере, в идеологии*) как общественное достояние, которое можно (*и должно*) приносить в жертву общественным интересам, интересам государства. В условиях же перехода к рынку формируется отношение к здоровью, преимущественно, как к частной собственности индивида (*семьи*), с которой сам её владелец может обходиться *«как ему заблагорассудится»*.

Здоровье в интегрированном виде отражает качественную сторону характера включенности личности в природную и социальную сферы и является важной естественной предпосылкой общей активности. Здоровье социально и по своей сущности, и по форме детерминации различных сфер жизнедеятельности. Сложные антропогенные изменения экологической ситуации, продолжающееся вооружение человека новейшими средствами воздействия на природу и самого себя, отсутствие должной социальной базы здравоохранительного движения, целенаправленного создания условий, адекватных гуманистическому образу жизни, требуют глубокой мировоззренческой переориентации общества и, прежде всего, подрастающего поколения, в отношении здоровья как важнейшей социальной ценности [1].

Онтогенетическое развитие молодого человека следует рассматривать как органическую и неотъемлемую составляющую физического, психического и репродуктивного здоровья. Очевидность взаимосвязи здоровья с трудовым, оборонным и репродуктивным потенциалом (*как индивида, так и общества в целом*) не требует комментариев. Вместе с тем, состояние здоровья оказывает непосредственное воздействие и на интеллект, и на нравственное состояние, и на общественно-политическое поведение человека.

Постановка цели и задач воспитания *жизнеспособного и самосохраняющего поколения* – проблема, которая требует к себе пристального внимания не только родителей, но и специалистов в области социальной психологии, социологии молодежи, экологической и экономической демографии. Необходимо создать такие социально-педагогические технологии демографической политики, которые были бы способны формировать жизнеспособное и жизнестойкое поколение россиян [2, 3].

Эмпирической базой для анализа заявленной проблемы послужили результаты двух социологических опросов, проведенных нами в 2008 и 2013 гг. в Институте экономики УрО РАН в различных городах и поселениях субъектов РФ, входящих в Уральский федеральный округ, в частности:

– 2008 г. - в 7-ми городах и 14 сельских поселениях Пермской, Свердловской и Челябинской областей по авторским анкетам опрошено *пять категорий* респондентов: а) учащиеся средних и старших классов городских школ – 900 чел.» б) учащиеся средних и старших классов сельских школ – 540 чел.; в) родители учащихся городских школ – 770 чел.; г) в качестве экспертов - специалисты властных структур, тренеры, преподаватели физической культуры – 220 чел. - *«Урал-1»*.

- 2013 г. – по квотно-представительным выборкам были опрошены а) 300 подростков ряда школ города-Закрытого административно-территориального образования «Лесной» (Свердловская область) и б) 510 подростков - г. Екатеринбурга. Основная цель исследования – анализ процессов социализации школьной молодежи в родительских семьях, их здоровье сберегающего поведения, формирование жизненных ценностей, ориентаций и планов - *«Урал-2»*.

Остановимся на некоторых аспектах заявленной проблемы. Нашим юным респондентам в уральских городах и в сёлах» (*«Урал-1» и «Урал-2»*) задавался вопрос: *«Ниже перечислены некоторые жизненные ценности, к которым может стремиться взрослый человек. Выберите пять «самых-самых» важных для Вас»* – нами были получены следующие ответы - (табл. 1).

Таблица 1

Наиболее предпочтительные жизненные ценности, к которым, по мнению молодых горожан и селян, может стремиться молодой человек (% от общего числа опрошенных по каждой группе; в 2008 г. - опрос 900 городских и 570 сельских подростков; в 2013 г. - опрос 510 подростков г. Екатеринбурга и 300 подростков – ЗАТО «Лесной»):

Жизненные ценности, к которым следует стремиться	Группы учащихся			
	«Урал-1»		«Урал-2».	
	город	село	Екат-г	Лесной
Хорошая семья и дети	87	88	н.д. ²	н.д.
Хорошие родители	н.д.	н.д.	57	62
Хорошее здоровье	68	70	72	78
Хорошие товарищи, верные друзья	66	54	81	77
Любимая работа, успешная деловая карьера	68	67	н.д.	н.д.
Возможность обучения в ВУЗе	н.д.	н.д.	68	69
Возможность самому зарабатывать деньги	н.д.	н.д.	61	51
Материальное благополучие, экономическая независимость, самостоятельность	58	46	52	47
Хорошие жилищные условия	42	46	40	49
Сознание того, что приносишь пользу людям	23	25	31	30
Содержательный, интересный досуг	27	20	47	44
Порядочность, совестливость, доброе имя	23	23	30	33
Чувство безопасности от насилия, воровства	н.д.	н.д.	29	29
Вера в Бога	н.д.	н.д.	21	13

Прежде всего, не может не удивлять практическая идентичность в распределении ответов у юных горожан и селян в опросе 2008 г. Разница по различным позициям в пределах статистической погрешности. Подобную схожесть в ценностных ориентациях мы связываем, по преимуществу, с воздействием на молодёжь *единого* в городе и селе *информационно-идеологического поля*, создаваемого Интернетом телевидением, радио и другими СМИ. Пятилетний лаг, прошедший между двумя опросами (2008-2013 гг.), практически не изменил структуру ценностных ориентаций учащихся в сфере материального благосостояния, но несколько повысил претензии и ожидания молодых горожан в сфере духовной жизни («дружья», «досуг», «польза людям», «доброе имя») [4].

Образ жизни - одна из важнейших биосоциальных категорий, интегрирующих представления об определенном виде (типе) жизнедеятельности человека. «Здоровый образ жизни» (ЗОЖ) - категория более общего понятия «образ жизни», включающая в себя оценку условий жизнедеятельности человека, уровень его культуры и гигиенических навыков, позволяющих сохранять и укреплять здоровье, предупреждать развитие его нарушений и подерживать оптимальное качество жизнедеятельности.

Опрос «Урал-1» показал, что подавляющее большинство респондентов из разных социальных групп (97-99 %) знают и выделяют те или иные факторы поведения, соответствующие здоровому образу жизни. В число наиболее существенных детерминант ЗОЖ, набравших по 60-80% голосов респондентами были включены: «Отказ от вредных привычек (алкоголь, курение, переедание)» (80-85 %), «Регулярные занятия спортом, физкультурой» (43-63 %), «Правильное питание» (52-74 %) [5].

Здоровье как цель и здоровье сберегающая деятельность зачастую не сопрягаются в повседневной жизнедеятельности индивида. Важно учитывать когнитивное дробление здоровья на его многочисленные составляющие: физическое, соматическое, психическое, духовное, нравственное, социальное. Мотивационной моментом двигательной деятельности для формирования физической культуры в целом является, например, повышение внешней привлекательности, уверенности в себе, поддержка данной деятельности со стороны общества. Нашим юным респондентам в двух уральских городах («Урал-2») задавался вопрос: «Что в настоящее время ты делаешь регулярно для своего здоровья и физического развития? Количество ответов не ограничивается». Полученные нами ответы помещены в табл. 2:

Таблица 2

Виды и формы участия молодых уральцев спортивно-оздоровительной деятельности (% от общего числа опрошенных по каждой из четырёх групп подростков; в графе «5-6 кл.» - в числителе учащиеся г. Екатеринбурга, в знаменателе – г. Лесной; в графе «10-11 кл.» - аналогично)

Виды спортивно-оздоровительной деятельности	Группы	
	5-6 кл.	10-11 кл.
Сам, индивидуально занимаюсь:		
- в спортивной секции	21 / 54	19 / 34
- делаю физзарядку	13 / 24	20 / 31
- катаюсь на лыжах	17 / 56	18 / 37
- катаюсь на коньках	27 / 60	26 / 43

² Вставка «н.д.» обозначает, что этот пункт вопроса не был включён в анкету соответствующего опроса.

Виды спортивно-оздоровительной деятельности	Группы	
	5-6 кл.	10-11 кл.
- катаюсь на мотоцикле, велосипеде	22 / 46	20 / 25
- бегом	14 / 33	12 / 27
- плаванием	9 / 24	9 / 11
- гирями, гантелями	6 / 12	12 / 21
- катаюсь на сноуборде	6 / 12	8 / 5
- хожу в тренажёрный зал	6 / 11	16 / 27
- играю в шахматы	9 / 9	6 / 12
Участвую в школьных соревнованиях	10 / 35	13 / 26
Хожу в турпоходы	7 / 29	8 / 20
В настоящее время спортом не занимаюсь, к сожалению, нет времени и условий	5 / 2	11 / 5

Приведенные в таблице цифры, дают богатую пищу компетентному и заинтересованному читателю для размышлений и соответствующих выводов. В первую очередь, они позволяют оценить (*хотя бы приблизительно*) количественные и качественные индикаторы развития спортивных занятий в различных социально-демографических группах детей и подростков, соотношение традиционных, спонтанных (*в семье, во дворе, в компании сверстников*) и общественно организованных (*школа, городские учреждения культуры и спорта*) форм занятий населения физической культурой и спортом.

Доминирование родительской семьи в формировании ценностных ориентаций в целом и, частности, в сфере приобщения молодых людей к физической культуре очевидно. «*Какими видами деятельности из перечисленных ниже ты регулярно занимался с родителями в детстве?*» - на этот вопрос ответы подростков из Екатеринбурга (*Урал-2*) распределились так (% от общего числа опрошенных – 510 чел.)

а) занятия вне города	
- ездили на озёра, на море <i>отдыхать</i>	- 72
- ездили на озёра, на море <i>охотиться, рыбачить</i>	- 33
- собирали в лесу грибы, ягоды	- 63
- регулярно ходили в лес, «на природу»	- 44
- собирали в лесу лекарственные травы	- 6
б) занятия в городе	
- регулярно играли в футбол, хоккей	- 24
- играли в бадминтон, волейбол, баскетбол	- 42
- регулярно делали физзарядку	- 15
- бегали кроссы	- 15
- катались на велосипеде, скейтборде	- 60
- катались на мотоцикле, машине	- 27

Подведём некоторые итоги. Несмотря на то, что ценность здоровья в нормативных представлениях россиян (как у молодых, так и у взрослых) повысилась, она не стала фактором сознания, осталась, во многом, на уровне моды – реальное самосохранительное поведение не претерпело существенных изменений: по-прежнему достаточно много пьющих и курящих, нарушающих режим сна, отдыха и двигательной активности, не заботящихся о правильном питании и т.д. Очевидно, в формирование *моды* на здоровье не должно подменять формирование *культуры* здоровья и физической культуры личности, прежде всего.

Список литературы

1. Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономического анализа (на примере Урала) / Институт экономики УрО РАН, Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. – 575 с.
2. Павлов Б.С. Семья и самосохранительное поведение молодежи // Экономика региона. 2008. № 12. С. 109-122.
3. Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала региона как предмет сотрудничества властных структур и семьи // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 25. С. 2-11.
4. Павлов Б.С., Бондарева Л.Н. О проблемах воспроизводства сельского населения на Урале // Аграрный вестник Урала 2013, № 12. С. 90-94.
5. Павлов Б.С. Здоровье и здоровый образ жизни: как их воспринимает население на Урале // Экономика региона. 2010. № 2. С. 71-80.

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА - ЗОНЫ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Русанов В.А.

к. филос. н., доц. Кафедры гуманитарных наук. Энгельсский технологический институт Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А.

Политико-административное управление объективно является общественно признанным и пока наиболее эффективным способом социального управления и основной предпосылкой социальной саморегуляции. Функциональная структура религиозного регулирования показывает нам только один "срез" функциональной природы религии. Религия как социокультурная система взаимодействует с обществом, культурой и человеком. Религия стремится отвечать на потребности человеческого бытия и стремится удовлетворять эти потребности в религиозной форме. В мире существуют весьма развитые, изощренные до предела рациональности правовые системы, такие, как, например, в англосаксонском мире. Тем не менее, любая религиозная система, даже примитивная, анимистическая, является более универсальным средством регулирования человеческого поведения во всем многообразии жизненных ситуаций, поскольку она устанавливает самые общие принципы и алгоритмы поведения. В этом смысле Декалог (десять библейских заповедей – не убий, не укради и т.д.) является более универсальным, чем Уголовный кодекс. Вместе с тем, различные вероисповедания выстраивают собственные системы ценностей и образцов социально одобряемого поведения, зачастую весьма отличающиеся друг от друга. Разумеется, это неприемлемо для правового, социально ориентированного государства. Примером этому могут служить современные миграционные процессы в Российской Федерации. Криминальная статистика свидетельствует о возрастании преступности по мере насыщения локального сообщества мигрантами, но это не является следствием какой-либо имманентной мигрантам склонности к правонарушениям. Мигранты сталкиваются с новыми социальными реалиями и начинают руководствоваться в своём поведении нормами религиозной традиции, имеющей мало общего с правовой системой современного государства

Религия, в том числе атеистическая, культивируемая в Советском Союзе, необходима государству и обществу как структура компенсации недостатков законодательства – лакун, коллизий. Особого внимания заслуживают функции религии по отношению к обществу. Потребность общества в религии выражается в укреплении своего духовного единства, целостности и стабильности. Функция социальной организации является одной из самых древних ее функций. Э. Дюркгейм одним из первых обратил внимание на стремление религии обеспечить солидарное существование общества. Укрепление социальных связей достигается религией двояким способом: во-первых, религия облагает социальное действие людей в формы-символы (создает "символический универсум"), а во-вторых, формирует сознание каждого члена общества в направлении, отвечающем как идеалам общества, так и своим собственным. Религия, таким образом, освящает нормы и ценности определенной социальной системы, легитимизирует их, чем препятствует их нарушению со стороны верующих. По сути дела, это функция социального контроля, аналогичная правовой, но значение последней не самостоятельно, поскольку она является подфункцией

социальной организации. Поскольку религия не всегда имеет собственные средства для реализации своих духовных задач, она пользуется разнообразными средствами искусства при оформлении культовых ритуалов и обрядов с целью повышения их эффективности. Более того, в ритуалах и обрядах, церемониях, культовых праздниках реализуется игровая функция культуры. Совместные действия способствуют возбуждению у верующих общего настроения, душевного состояния, соответствующих религиозной церемонии.

Другая функция религии по отношению к обществу – функция социализации индивида, приобщения его к социуму. В этом аспекте правовая система не имеет параллелей с религией. Поскольку в основе социального приобщения лежит духовное начало самой религии, постольку речь идет о формировании групп верующих, пребывающих "в мире". В религиозные группы люди соединяются на почве общих верований, общего мировоззрения. Причем линии религиозного расслоения идут своими путями, не совпадающими с линиями других расслоений, на что указывал П.А. Сорокин³. Принадлежность к религии является одной из существенных координат, определяющих социальное положение и поведение индивида. Общность религиозных верований создает солидарность между единоверцами, сближающую и объединяющую их в единое целое, несмотря на различие в других отношениях. Происходит своеобразная "религиозная самоидентификация". Это позволяет сформировать у верующих положительный образ – святого, праведника, мученика и др., который будет воплощать систему требований, предъявляемых к человеку религиозной верой. Социализация индивида посредством религии означает формирование жизненного опыта, знакомого с представлениями о жизни и смерти, о судьбе, о спасении души или ее бессмертии. Религия перебрасывает мостик из мира посюстороннего в мир потусторонний, порожденный силой воображения, переживания, предчувствия, т.е. всей целостностью духовной жизни. Верующий начинает жить в этом мире, признавая его истинность и актуальность. Тем самым религия формирует модель социального поведения, реализация которой может обеспечить человеку спасение, сделать его реальным. Одновременно укрепляется и сама общественная структура. Основными каналами социализации религиозного человека являются: а) воздействие на отдельного человека как на частицу социума; б) воздействие на человека через коллектив верующих; в) воздействие на устойчивые стороны сознания человека, т.е. формирование установок на законопослушное (и со стороны общества, и со стороны религии) поведение; г) воздействие на его целостное, эмоционально-интеллектуальное развитие (например, через систему образования и воспитания).

Среди самых важных функций религии в отношении общества необходимо выделить политическую функцию, которая отражает отношение религии к государству и властным структурам. Государство возникает как средство закрепления и реализации политических и правовых

³ См.: Сорокин П. А. Система социологии: В 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 247.

ценностей. Значение этих ценностей в истории человечества амбивалентно - они и объединяют, и разъединяют людей. Поэтому взаимоотношения религии и государства также носят двойственный характер, полны противоречий. Нельзя не видеть, что политические и правовые ценности имеют локальную сферу действия, апеллируют к разуму и рационально формулируют свои ценности. Религия же относится к сфере иррациональных побуждений человека, ориентируется на переживание и образное мышление, отражающие опыт взаимоотношений с трансцендентным. Поэтому между религией и государством существует дистанция, которая преодолевается универсализмом и максимализмом мировых религий, к тому же требующих осмысления всего мира без изъятия, в том числе и политико-правовой сферы. С другой стороны, сама возможность тесных взаимоотношений государства и религии обусловлена фактом социальности самой религиозной деятельности. Это привело к тому, что религия заимствовала у государственной власти форму учреждения, а у права - систему пенитенциарных органов, что превратило ее в мощную, разветвленную и крепко взаимосвязанную организационную структуру, обеспечившую ей длительное господство в общественной жизни. Тем не менее модели взаимоотношений между религией и государством, политической властью вообще были различными.

Формула соотношения религии и государства в христианстве разделяла духовную и светскую власть: "Богу богово, а кесарю кесарево". Однако реальное историческое развитие христианства продемонстрировало как "цезарепапизм", так и "папоцезаризм". Тем не менее развитие европейской цивилизации привело к тому, что верховная законодательная, административная и военная власть была сосредоточена в руках государства, а христианство занималось нравственной и ритуальной регуляцией общества. В настоящее время тенденция политизации религии (в мире в целом) является преобладающей⁴. В этом аспекте религиозная система и система правовая испытывают воздействие процессов конвергенции – Закон всё более становится сакральным, а религиозные нормы перемещаются в приватно-экзистенциальную сферу.

В самой религии отдельные ее элементы также выполняют определенные функции. Наиболее значимым является культ. Уже Э. Дюркгейм исследовал функции культовой практики, выделив: а) дисциплинарную функцию (принуждение и контроль); б) цементирующую функцию (укрепление социального единства); в) воспроизводящую функцию (передача социального наследия новому поколению); г) эйфорическую функцию (создание радостного чувства социального благополучия). В ходе культовой практики достигаются цели: для общества - поддержание и укрепление социальной солидарности, для индивида - укрепление веры человека в свои силы. Но способом достижения этих целей является контролируемое религиозное поведение.

В культовом поведении мы различаем ритуалы (невербальную коммуникацию) и молитву (вербальную коммуникацию). Именно в ритуале как форме социального поведения раскрывается отношение человека к священному и к мирскому. В ходе ритуала осуществляется регламентация взаимоотношений верующего с сакральным и одновременно выявление этого сакрального. Но эти взаимоотношения целиком символичны (если не сказать - иллюзорны), а значит, являются проекцией социальных отношений, их превращенной формой. Через ритуал осуществляется функция установления и поддержания со-

гласия в религиозной группе, в конечном счете в обществе. В ходе ритуала осуществляется самоидентификация членов религиозной группы и групповая самоидентификация, не говоря уже о том, что ритуал - это форма трансляции религиозного опыта, религиозно-культурной традиции.

Совершенство функциональную природу своих элементов, религия тем самым не только равняется на канон, но и самоизменяется. Здесь заложено своего рода вечное противоречие самой религии - проблема сочетания традиции и новаторства. Если механизм и цели традиции понятны, то функция новаторства может быть сведена к перекодированию внерелигиозного в религиозное. Причём это внерелигиозное вторгается из сферы правового регулирования. Право, правовая система государства, пройдя испытание временем, постепенно становится элементами религиозных воззрений. Права человека и гражданина, равноправие гендерное и социальное, ныне освящённые авторитетом церковью различных конфессий и деноминаций изначально появились в правовых системах развитых экономически и социально государств, а затем постепенно ассимилировались религией.

Множество функций религии - не простой конгломерат, а сложноорганизованная многоуровневая система, в которой действуют и отношения координации, и отношения субординации. Религия при сохранении своей внутренней целостности способна в довольно широких пределах изменять соотношение своих компонентов. Этот динамизм системы функций обнаруживается в целом ряде направлений.

В зависимости от конкретно-исторического контекста каждый из компонентов религии функционирует по-своему: либо организует социальные действия, либо формирует сознание личности, либо осуществляет функцию целеполагания в культуре. Религия во всех своих вероисповеданиях ориентирована на развитие всех своих элементов, потому что их единство способно обеспечить религии выполнение ее роли в жизни общества и человека.

Система функций религии эволюционирует: в традиционных обществах на первый план выходят одни функции, в современных обществах - другие. Более того, разные области религии развиваются неравномерно в зависимости от того, как то или иное их соотношение соответствует строению данной функциональной системы, а значит, и способности адаптации к социокультурной среде. Даже в одну и ту же эпоху в пределах самой религии соотношение ее функций варьируется в зависимости от религиозных установок и предписаний веры.

Наряду с протокапиталистической реставрацией в начале 90-х годов, в России произошли и радикальные изменения в правовой системе и в отношении к религии. С определённой долей условности можно говорить о возврате общества к либеральным, так и христианским ценностям.

Победа либерализма произошла при более благоприятных политических условиях, чем в феврале 1917 года. Быть может, самым большим достижением либерализма за всю историю страны была его способность оказать сильное влияние на массовое сознание общества. Либерализм усилил всеобщее убеждение в том, что массовые убийства, столь характерные для деятельности советского государства, особенно в ленинско-сталинский период его истории, недопустимы сами по себе, они вне Права и вне Религии. Самое же главное - в основе победы либерализма была, прежде всего, массовая инверсия, массовый отказ от обанкротившейся системы принуждения и воспитание

⁴ См.: Никитина А. Г. Политизация религии // Вопросы философии. 1994. № 3.

добровольного принятия на себя обязанностей соблюдать правовые нормы.

Хотя сам идеал, за который можно было бороться, приобрел в отличие от прошлого, менее ясные социальные черты. В 1917 году этот идеал воплощался в лозунгах "власть советам", "земля крестьянам", "фабрики рабочим". Эти лозунги теперь утратили свой смысл. Поэтому в обществе очень быстро стали возрастать симпатии к "сильной руке", к определенному ужесточению законодательства, но на отношении к религии это не отразилось.

Религия, Церковь, Православная, прежде всего, стали символом патриотизма и олицетворением надежды на возрождение духовности, высоких нравственных идеалов в обществе.

Общество, постоянно ищущее себя, периодически себя находящее и вновь теряющее, следуя сложной си-

стеме переходов от одной крайности к другой, все же обрело новые социально-навигационные ориентиры: патриотизм и либерализм.

Это значит, что оно согласно следовать либерализму в определенных рамках, не разрушая свои глубинные/ценности. Это означает, что общество сделало попытку жить по новым принципам. Либерализм имеет в стране слишком слабые культурные почвенные корни. Он может быть господствующим при иной социальной субстанции: в условиях массовой частной инициативы, развитой формы частной собственности в экономической сфере. Для современной России развитие государственно-религиозного взаимодействия в сфере социального управления является проблемой выживания её многочисленных этносов в пространстве одной нации, проблемой сохранения целостности государства и нашей общей истории.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФОСТЕРНОЙ СЕМЬИ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Салморбекова Рита Бобуевна,

Доктор социологических наук, и.о. профессора КНУ им. Ж.Баласагына, г. Бишкек

Мусаева Айгуль Каныбековна

Старший преп. каф. Социальной работы ИСРиП, г. Бишкек

На современном этапе в Кыргызстане альтернативой детскому дому могли бы послужить фостерные семьи. Как показывает практика, имея даже самых неблагополучных родителей, практически все дети мечтают вернуться в родной дом и жить в полной семье. Никакое государственное детское учреждение не заменит ребенку тепло домашнего очага.

В Кыргызстане 2 тыс. 503 ребенка остались без попечения родителей. Об этом стало известно из отчета Министерства социального развития КР за 2013 год. Количество выявленных детей, оставшихся без попечения родителей, в разрезе регионов выглядит следующим образом:

- в Бишкеке – 286 детей (11,4 %);
- в Оше – 55 (2,1 %);
- в Чуйской области – 521 (20,8 %);
- в Жалал-Абадской области – 511 (20,4 %);
- в Иссык-Кульской области – 347 (13,8 %);
- в Ошской области – 279 (11,1 %);
- в Талаской области – 190 (7,5 %);
- в Нарынской области – 190 (7,5 %);
- в Баткенской области – 126 (5 %).

Из 2,5 тыс. детей под опеку и попечительство передано 1 тыс. 202 ребенка, на воспитание в семью – 757 детей, в интернатные учреждения – 488 детей, в приемные семьи – 56 детей. В настоящее время активно ведется работа по популяризации национального усыновления, опеки и попечительства над детьми.

Приемными родителями на практике чаще всего выступают супруги, имеющие своих детей. Поэтому приемные дети с первых минут проживания в приемной семье на примере приемных родителей и их детей учатся строить свои взаимоотношения как со взрослыми, так и с другими детьми. Они сразу же ощущают семейное тепло и уют. А для обездоленного ребенка чрезвычайно важно иметь близких, которых он может называть мамой и папой, братом и сестрой. Ребенку необходимо слышать такое обращение к себе, как «сыночек» или «доченька». При таком обращении и проявлении иных знаков внимания и любви «замерзшая» от невзгод душа ребенка наполняется теплом и нежностью, что так важно для его физического и

душевного здоровья, а также для всей его последующей жизни [1].

Цель приемной семьи - создание таких условий, чтобы приемный ребенок находился как можно дольше в отношениях с приемными родителями, не меняя этих родителей и тем самым имел надежду, что существующие связи сохранятся в будущем, по достижении им совершеннолетия. Поскольку отношения между приемными родителями и приемными детьми строятся на основании договора, истечение срока действия договора либо достижение ребенком совершеннолетия прекращают действие договора. Однако прекращение правовых отношений между приемными родителями и приемным ребенком не означает, что прекращаются фактические связи между ними. Практика показывает, что эти связи сохраняются. Совершеннолетние дети остаются проживать с приемными родителями, хотя никакой правовой поддержки ни такие дети, ни приемные родители не получают, что представляется неправильным [1].

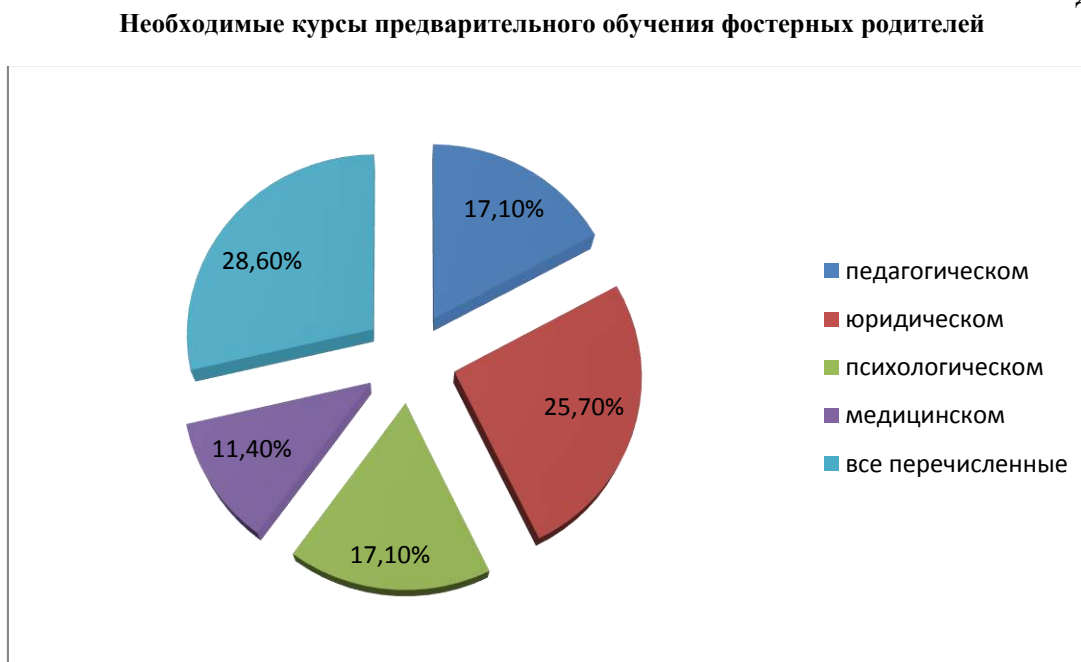
Методология. Эмпирическую базу исследования составили результаты социологического исследования, экспертного опроса (N = 66 человек). Был использован SWOT-анализ (опросом были охвачены представители НПО и госструктуры, занимающиеся в данной отрасли). Исследования проводился методом личного интервью с помощью специально разработанной анкеты с отдельным экспертом. На каждое интервью выделялось примерно 30-40 минут. *Опрос проводился в период 20 января по 20 февраля 2014 года.*

Эксперты - 70 % отметили о необходимости в обучении фостерных родителей в Кыргызстане. 20 % - эксперты ответили, что нет необходимости в обучении таких родителей. Так как, у нас в республике специалисты в этой области не имеются, еще не разработаны курсы для фостерных родителей. Всего лишь 10 % затруднились в ответе. 25,7% эксперты считают, необходимость в юридическом направлении, 17,10 % - педагогическом и психологическом, 11,4% указали медицинское направление. Остальные 28,5 % эксперты ответили по всем направлениям необходимо обучать таких родителей. Данные представлены в диаграммах № 1.

Диаграмма 1

Диаграмма 2

Молодежь перед собой, создавая семьи, ставит задачи профессионального роста и самореализации в обществе. В таких семьях особые проблемы в вопросах о лидерстве, распределении власти и ролей как воспитании детей и хозяйственно-бытовых условиях. Дети остаются без внимания, место родителей занимают воспитатели или родственники.

Поляризация возраста вступления в брак – либо очень рано (16-17 лет), либо после 30 лет. Раннее вступление в брак, чаще всего приводит к разводу. Естественно на это влияют социально-экономические, психологические и бытовые проблемы. Стрессовое состояние при разводах занимает высшее место, преодоление негативных эмоциональных последствий развода проходят спустя 1-3 года после развода. Психологическая реабилитация детей сирот при живых родителей и супругов не

производится, в результате некоторые заболевают психическими расстройствами. Супруги после развода, для снятия стрессовых эмоций ищут повторных браков. Отсюда – проблема неродных детей. Рост количества детей-подкидышей, беспризорных, социальных сирот, отказ от детей в роддомах.

На почве пьянства, «криминальных» ситуаций, преступлений семья разрушается. По результатам социологического опроса «очагом» социальной напряженности является нестабильность социального положения мужчин в возрасте от 25 до 55 лет [2]. Рост криминалов в стране уже стало идеалом молодого поколения. Количество беспризорных, уличных детей растет идеализируя криминогенных лиц.

В случае увеличения брачного возраста молодые люди, как правило, осознанно не торопятся создавать семью до более или менее сложившейся профессиональной

и финансово-экономической основы. В результате часто получается, что они остаются в одиночестве навсегда, особенно женщины. Исходя из этого, в обществе появляются неравные браки, увеличения возрастной разницы между супругами до 15-20 лет, причем в сторону – женщин.

Парадокс, увеличивается числа бездетных семей. «Отсрочки» часто обусловлены трудностями в молодости – финансово-экономическими, жилищными, а также задачами завершения образования или осуществления карьеры. Однако, в конечном счете супруги в таких семьях

приходят к осознанию недостаточной самореализованности и глубокому личностному кризису. Следует также отметить увеличение количества женщин (а в последнее время и мужчин), не имеющих возможности иметь детей в силу медицинских причин.

Процессом миграции «заграничные» браки распространяются. Уехавшие за семейным счастьем за рубеж, особенно молодые девушки и там рожают без мужа или остаются как материями одиночки. Увеличивается альтернативные формы брака как одиночества, гражданские браки, мать одиночки.

Таблица 1.

Ключевые факторы для создания фостерных институтов в Кыргызстане (SWOT - анализ)

СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ	СЛАБЫЕ СТОРОНЫ
<p>ВОЗМОЖНОСТИ</p> <p>1. Наличие желающих семей 2. Законы и нормативно-правовые акты 3. Есть предпосылки для того, чтобы фостер развивался в республике 4. Имеется потенциал - человеческие ресурсы, готовые и способные заниматься этим</p>	<p>УГРОЗЫ</p> <p>1. Нестабильность 2. Эксплуатация детей 3. После адаптации возвращение детей прежней жизни</p>
<p>ПРЕИМУЩЕСТВА</p> <p>1. Сокращение количества уязвимых детей. 2. Мотивация граждан заниматься детьми 3. Ответственность биологических родителей</p>	<p>НЕДОСТАТКИ</p> <p>1. Финансирование со стороны государства 2. Слабая информированность населения 3. Низкий профессионализм фостерных родителей 4. Разрушение психологии детей</p>

Таким образом, учитывая большое число разводов, рост лиц зрелого возраста, не вступающих в брак, появление других форм отношений – все это дает основание сторонникам теории крушения семьи строить мрачные прогнозы о вырождении семьи как социального института.

Однако, за последние годы наметился явный, безусловно положительный сдвиг в пользу выбора семьи как оптимальной формы партнерского союза с целью обеспечения необходимых условий для личностного роста и саморазвития.

Вывод: Одним из самых ответственных моментов в работе с фостерными семьями является их *отбор*, так как родители должны обладать определенными личностными качествами для профессиональной работы. С помощью анкеты довольно легко выясняются такие факты, как возраст, пол, социальная принадлежность, жилищные условия, наличие собственных детей и их возраст, профессия и место работы, религиозные убеждения, доход, состояние здоровья, занятия в свободное время и т. п. Значительно труднее определить психологические особенности личности будущего приемных родителей:

- мотивы, по которым они собираются взять в семью приемных детей;

- стиль супружеских отношений; воспитательные меры, применяемые к собственным детям;
- понимание молодежных проблем; отношение к родителям приемных детей и т. п.

Реформировать систему интернатных учреждений в соответствии с инновации: внедрение новых технологий управления социальными учреждениями; определения стандартов качества оказываемых медицинских и социальных услуг; изменение кадровой политики через систему конкурсных отборов на руководящие должности, организацию системы постоянного обучения и повышения квалификации сотрудников учреждений, изменение системы мотивации и т.д.; внедрение новых социальных услуг.

Список литературы:

1. Берне Р. Развитие «Я-концепции» и воспитание. — М.: Прогресс, 2006. — 233 с.
2. Салморбекова Р.Б. Основные причины социальной напряженности современной семьи: социологический анализ новых жилищных массивов вокруг города Бишкек. - Семья в социокультурном пространстве: Санкт-Петербург. 2011. С. 223-228.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ВЫСОКИХ ДОСТИЖЕНИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Дубровская Светлана Евгеньевна,

Санкт-Петербургский государственный университет, факультет социологии, старший преподаватель.

Паиков Михаил Владимирович,

Доцент, к.ф.н., Санкт-Петербургский государственный университет, факультет социологии, доцент.

Смирнова Елена Эмильевна,

Профессор, д.с.н., Санкт-Петербургский государственный университет, факультет социологии, профессор.

В настоящее время перед ведущими вузами России поставлена серьезная задача значительно повысить свои международные рейтинги, что неразрывно связано с дальнейшим совершенствованием качества образовательной деятельности в вузе. Уже признано, что одним из условий этого процесса является внедрение в процесс образования компетентностно ориентированного подхода. Компетентностный подход поворачивает образование лицом к общественной практике, принуждает образовательную услугу удовлетворять сложившиеся на данный момент потребности всех субъектов образовательного дискурса, широко использовать инновационные методы и технологии, формировать умения и навыки, способные существенно повлиять на развитие различных общественных практик. Однако, говоря о компетентностно ориентированном подходе в образовании, мы хотим обратить внимание не столько на его инструментальный, сколько на его ценностно- нормативный контекст, который обуславливает любую деятельность человека. Недооценка этого фундаментального факта ведет к тому, что мы забываем, что наиболее простым и эффективным способом внедрения компетентностно ориентированного подхода в практику образования является трансформация стандартов, образцов поведения, идей и норм, которые предлагаются организациями или профессиональными сообществами, во внутренние ориентиры и импульсы деятельности своих членов. Организации создают ценностно-нормативные критерии и оценивают деятельность своих работников на фоне уже сложившихся образцов и показателей своей деятельности, которые как-то формализуются (обобщаются и измеряются). Тот факт, что общезначимые и общепринятые образцы поведения и деятельности организации являются результатом деятельности людей, уходит из поля зрения, хотя в социологии с особой силой делается акцент на то, что именно люди являются не только объектом, но и субъектом социальных отношений и действий. Однако, как происходит трансформация значащих представлений, переживаний, интересов, желаний и установок участников любого профессионального сообщества (часто не отрефлектированных по критерию оценки) в ценностно-нормативные регуляторы, позволяющие оценивать свои достижения, успехи и недоработки коллег и задавать планку развития как своей деятельности, так и деятельности других, в социологии изучено недостаточно. Чтобы восполнить этот пробел, мы решили обратиться к феномену высоких достижений. Это социально-профессиональное явление понимается авторами как эмпирический «образец-эталон» результата, который достигнут ведущими специалистами в области преподавания (кроме статуса выдающихся типа Нобелевских и других лауреатов) и, так или иначе, оказывает существенное влияние на формирование общепринятой в профессиональном сообществе ценностно-нормативной базы деятельности и поведения людей. Причем, этот феномен рассматривается авторами в различных аспектах: организационно-управленческом (преподаватель-руководитель), научном (преподаватель-ученый, разработчик), педагогическом (мастерство), общественном (преподаватель-публицист и общественный деятель). Его можно анализировать как на уровне отдельного вуза, так и профессиональной сферы в целом, будь то физика, социология, медицина и т.д. Примером такого подхода является серия работ Б. Докторова [1], посвященная анализу творчества наиболее продуктивных социологов советско-российского периода. Однако авторы ограничивают свою задачу изучением феномена высоких достижений лишь во внутри вузовских масшта-

бах, так как выход за его пределы – это уже иной срез анализа, требующий других подходов и дающий иной результат. Нормы, как бы содержательно мы их ни понимали, являются неотъемлемой частью отношений между людьми. С одной стороны они пронизывают их жизненный мир, наделяют его значениями и смыслами, выступают критериями их оценок и предпочтений. С другой стороны нормы являются продуктом личностного, индивидуального продуцирования на мир явлений окружающего мира мотивов, целей, значений, смыслов, побуждений, решений человека, которые на уровне интересубъективных отношений шлифуются, редактируются и образуют социальный опыт, т.е. совокупность норм и правил, которыми руководствуются группы и сообщества в своей деятельности. На уровне коллективного сознания роль мотивационных проявлений и ориентаций отдельных личностей (экспертов, лидеров) в конструировании социальных норм и правил остается в тени. На первый план выходит социальная детерминация их поведения и деятельности, обусловленность последних как содержательно, так и формально социальным окружением. Иначе говоря, видится не столько общество в человеке, сколько человек в обществе. Исходя из вышесказанного, авторы предприняли попытку выявить и описать механизм формирования ценностно-нормативной системы образовательной организации группой, имеющей высокие достижения, которые выявляются по таким критериям, как качество работы, ее новаторские составляющие, ответственность, лидерство и пр. Представляемые здесь критерии отражают основные направления деятельности современного преподавателя. Это высокие достижения в области преподавания, научной деятельности (инновационная тематика, научная среда, школа), организационная деятельность (создание коллективов, продвижение идей), заметный вклад в представление и распространение имеющихся достижений (публикации, конференции, международные связи) и другое, уникальное для вузовской среды.

Объектом-носителем высоких достижений выступают преподаватели высшей школы. Это значимая социально-профессиональная группа (и профессиональное сообщество), осуществляющая передачу студентам фундаментальных профессиональных знаний, развитие их мировоззренческих ориентаций, адаптацию к широкому спектру социальных практик, включение в современные тренды. Профессия преподавателя высшей школы существует давно и в своей эволюции прошла несколько этапов: от модели «мастер-ученик» до специалиста, работающего по стандартам, которые задает государство, общество и профессиональное сообщество (от знаний-умений до миссии своего учебного заведения). Наличие социальных рамок работы преподавателя сопрягается и с феноменом педагогического мастерства как составляющей, которая не формализуется и всегда остается индивидуальной, иногда и скрытой. Процесс подготовки преподавателей высшей школы до сих пор не институализирован в той мере, как многие другие профессии. Современный выпускник становится преподавателем, часто не имея опыта, ситуативно, индивидуально. В лучшем случае выпускник бакалавр может в системе магистратуры получить диплом и статус преподавателя после прохождения соответствующего обучения, но для большинства современных выпускников этот путь «случаен» и малодоступен. Реально процесс попадания на должность преподавателя зависит от множества факторов (успешность обучения, наличие рабочих мест, соответствие требованиям среды и др.), которые пока еще мало

изучены. Несмотря на то, что административные рамки задают, а профессиональное сообщество вырабатывает достаточно серьезные критерии отбора преподавателей и оценки их деятельности, тем не менее, уровень их современной квалификации не всегда соответствует требованиям современного мира. Не случайно государство и общество предпринимают много усилий к модернизации российского образования. В этой ситуации изучение преподавателя как носителя потенциала, востребованного его профессией для решения значимых социальных задач, является важной исследовательской задачей, многие аспекты которой являются сферой и полем социологии.

В современных работах преподаватели высшей школы рассматриваются прежде всего, как особая социально-профессиональная группа. С этой точки зрения можно выделить такие направления исследований как особенности профессиональной деятельности и функции преподавателей в современных условиях, анализ социального статуса преподавателя высшей школы исследовали, проблемы профессионального самоопределения и идентичности преподавателей [3]. Однако какие бы аспекты деятельности преподавателей высшей школы ни рассматривались, исследователи не могут абстрагироваться от проблемы качества образования, так как именно качество образования рассматривается одной из доминант развития российского общества [2].

Тем не менее, никакие бюджетные вливания в высшее образование не повысят уровень его качества, если не появятся лидеры, устремленные к высоким достижениям. Не случайно проблема лидерства становится в наши дни чрезвычайно актуальной в мировой литературе. С лидерством связывают необходимые перемены в области образования, стирание гендерных, этнических и возрастных различий и формирование моделей лидерства, восприимчивых к этим различиям, обеспечение качества образовательного процесса и расширение межличностного взаимодействия и продуктивного вовлечения коллег в процесс преподавания [4]. Немалую роль исследователи отводят и статусу заведующего кафедрой как лидеру. Именно он разъясняет и интерпретирует ожидания и стандарты, устанавливаемые централизованно вузом [5]. Лидер рассматривается нами не просто ведущим, он тот, кто задает планку (является образцом, продвигает свои идеи) во всех (или любом из указанных) выше направлений и этим ориентирует и стимулирует движение остальных. В реальности это может быть тип теневого, инструментального лидера, часто не осуществляющего административных функций. Результаты деятельности лидера такого типа заметно отличаются от «средних», характерных для данного вуза и в целом для данной отрасли подготовки специалистов.

В связи с невысокой формализованностью преподавательского труда, наличием в нем тех составляющих, которые актуализируются при наличии личностных ресурсов/потенциала и востребованности средой определенных идей, практик, активности, предвидения, наиболее приемлемым методом их отбора является экспертный отбор. Их выявление именно экспертным методом вполне доступно, поскольку в вузовской среде, достаточно стабильной, такие фигуры видны (спорные оценки могут быть исключены). С лидером чаще всего связывают феномен высоких социально значимых достижений в сфере преподавания. Рассмотрение феномена высоких достижений является новаторским направлением в социологии, так как этот феномен явно не сопряжен с более изученными областями высшего образования, к каковым отно-

сится качество образования, эффективность педагогического труда, компетентность преподавательских кадров и их соответствие существующим нормативным моделям. Феномен высоких достижений авторы предлагают рассматривать в качестве нормообразующего элемента вузовского и профессионального сообщества, отражающего наличие в коллективе определенного потенциала развития, а также востребованность его данной средой. Высокие достижения выступают для преподавателей в качестве «некоего идеала возможного будущего», он понимается как «достижимая норма» и планка для продвижения в профессии. Причем, эта норма - норма меняющаяся, подверженная влиянию различных внешних обстоятельств как масштабного типа (вхождение России в Болонский процесс, глобализация образования), так и локального (нормативные документы Министерства образования РФ, требования работодателей). Кроме того, представления о «норме достижений» экспертного сообщества и административной среды в области оценивания и целеполагания часто демонстрируют серьезный дисбаланс. Известно, что высокие достижения имеют место и благодаря административному ресурсу (освоение Болонских принципов), и вопреки ему, как в случае выбора инновационных направлений. Администраторы часто поддерживают нормативные указания, задавая норму-идеал (ситуация в сфере публикаций, имеющих определенные индексы), тогда как специалисты стремятся создать свои приоритеты, превратить заданные нормы в достижимые, реально осуществимые. С эмпирической точки зрения феномен высоких достижений интересен тем, что соединяет в себе все то, что актуально и воспринято (аккумулировано) системой высшего образования, интернализировано ею и закреплено в современных образовательных практиках. Хорошо известно, что локальная среда вузов и система образования в целом какие-то положения принимает и реализует, а какие-то, напротив, отвергает. Важно отметить, что феномен высоких достижений – это не норма-идеал, задаваемая административно, нормативно или интеллектуально. В окончательном (сложившемся) виде феномен высоких достижений отражает успехи и проблемы как современного высшего образования, так и той социальной среды, в рамках которой он существует. Изучение этого феномена социологическим инструментарием позволяет не только показать его связь с административными, финансовыми, нравственными, педагогическими и другими ресурсами общества и государства, но и зафиксировать сложившуюся норму/планку (научную, преподавательскую, организационную) и, тем самым, дать описание ценностно-нормативных и профессиональных возможностей и ориентаций современного преподавателя. Кроме того, научные результаты помогут выявить проблемы в преподавательской деятельности, пути и технологии ее совершенствования, а также задать ориентиры для повышения эффективности работы системы повышения квалификации. Для этой последней, находящейся в поиске новых образовательных технологий, данные исследования могут оказаться весьма своевременными и востребованными. В заключении хотелось бы отметить, что оригинальность задачи, которую авторы хотят решить, они видят в обращении к феномену, отражающему сложившуюся в последние десятилетия картину достижений, в которой соединены факторы личностного потенциала (разнообразного по составу и интенсивности) и реакции среды (поощряющей или отвергающей усилия личности) как некий итоговый результат, включающий изучение социальных факторов масштабного и локального характера.

Литература

1. Докторов Б.З. Современная российская социология: История в биографиях и биография в истории. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013 - 560с.
2. Константиновский Д.Л., Вахштайн В.С., Куракин Д.Ю. Реальность образования. Социологическое исследование: от метафоры к интерпретации. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2013. - 224с.
3. Шереги Ф.Э., Стриханов М.Н. Наука в России: социологический анализ. М.: Центр социологического прогнозирования, 2006. - 455с.

4. Drew, Glenys M. () Issues and challenges in higher education leadership: engaging for change.// *Australian Educational Researcher*, 2010. Volume 37, Issue 3, pp. 57-76.
5. Justine Mercer & Victoria Pogolian. Higher education leadership in Russia: a case study of mid-level academic management at an elite State university. // *Compare: A Journal of Comparative and International Education*. 2013. Volume 43, Issue 2, p.p. 184-202

ПРИЕМНАЯ СЕМЬЯ В СИСТЕМЕ «СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ»

Забалова Екатерина Юрьевна
Аспирантка НИ ИрГТУ, г. Иркутск

Любой предмет социологических исследований составляют явления и процессы возникновения различных форм совместной жизни людей, структуры различных форм человеческих общностей, происходящие в них явления и процессы, возникающие из взаимодействия людей, силы, объединяющие и разрушающие эти общности, изменения и преобразования, происходящие в них.

Состояние современного знания таково, что институциональное направление в изучении общественных явлений стало одним из доминирующих, при этом многочисленность исследований не приводит к конвенциональным представлениям о происхождении и сущности социальных институтов. Это делает необходимым скрупулезное рассмотрение истории изучения проблемы и определение собственной позиции теоретического содержания категории «социальный институт».

Термин «институт», как в социологии, так и в обиходном языке, и в других социальных науках выступает в нескольких значениях. Совокупность этих значений можно свести к четырем основным: 1) термин «институт» может относиться к определенной группе лиц, призванных к выполнению дел, важных для совместной жизни. В этом значении институтом мы называем определенную группу людей, выполняющих общественные функции; 2) этот термин может обозначать определенные организационные формы комплекса функций, выполняемых некоторыми членами группы от имени всей группы; 3) также этим термином иногда обозначается совокупность материальных учреждений и средств деятельности, позволяющим некоторым уполномоченным индивидам выполнять общественные функции, имеющие целью удовлетворение потребностей или регулирование поведения членов групп; 4) иногда институтами называются некоторые социальные роли, особенно важные для группы.

Во всех группах, в которых появляются хотя бы зачатки организации, вырабатываются определенные способы действия от имени группы как целого; например, кто-то представляет группу вовне, определяет соответствующий образ поведения для членов группы, принимает решение от имени целого и т.п. Эти способы действия определены как безличные, т.е. они должны выполняться независимо от личных черт и интересов, который их выполняет, всегда одним и тем же образом. Индивид, выполняющий эти функции, имеет поддержку всей группы или решающей ее части. Способы выполнения этих функций определены группой как целым, и индивиды должны выполнять их в соответствии с этим определением. Таковы существенные элементы любого социального института.

Какие функции или задачи выполняет социальный институт в общественной жизни: 1) создает возможность членам группы удовлетворить различного рода потребности; 2) регулирует действия членов в рамках социальных отношений, то есть обеспечивает выполнение желательных действий и осуществляет репрессии по отношению к нежелательным действиям; 3) обеспечивает устойчивость общественной жизни, поддерживая и продолжая безличные общественные функции; 4) осуществляет интеграцию стремлений, действий и отношений индивидов и обеспечивает внутреннюю сплоченность общности.

Каждый институт обладает следующими составными элементами, выступающими в более или менее оформленном виде в зависимости от типа института. Он имеет свою цель или функции, т.е. круг вопросов, которые охватывает своей деятельностью. Далее он определяет круг функций, предусмотренных для решения этих вопросов. Для достижения цели институт располагает средствами, учреждениями, и определенными санкциями, как в отношении лиц, выполняющих институционализированные функции, так и в отношении лиц, которые являются объектом этих действий.

От чего зависит успешность функционирования социальных институтов? Можно указать следующие условия: а) от четкого определения цели и круга выполняемых действий или же объекта функций. Если функция института определена не четко, он не может без конфликтов включиться в глобальную систему институтов данного общества и наталкивается на различные противодействия; б) от рационального разделения труда и рациональной его организации; в) от степени деперсонализации действия и объективизации функций; г) и наконец, от бесконфликтного включения в глобальную систему институтов.

Здесь мы подошли к проблеме внутреннего интегрирования всех институтов, которые какая-либо общность создает в своих рамках. Система институтов в каждой общности очень сложна и разнообразна, развивающаяся потребность вызывает к жизни все новые институты, в результате, в каждой общности существуют рядом друг с другом много разных институтов. Согласно, Д.Гавра, к важнейшим функциям социального института можно отнести:

- регулирование деятельности членов общества в рамках социальных отношений;
- создание возможностей для удовлетворения потребностей членов общества;

- обеспечение социальной интеграции, устойчивости общественной жизни;
- социализация индивидов.

Затем, Д. Гавра, выделяет структурные элементы социального института:

- цель и сфера деятельности института;
- функции предусмотренные для достижения цели;
- нормативно обусловленные, социальные роли и статусы, представленные в структуре института;
- средства и учреждения достижения цели и реализации функций, включая соответствующие санкции [1; 34].

Понятию «социальный институт» в социологии отводится значительное место. Социальный институт определяется как единый компонент социальной структуры общества, интегрирующий и координирующий множество индивидуальных действий людей, упорядочивающий социальные отношения в отдельных сферах общественной жизни.

Одним из первых изучением социальных институтов занялся родоначальник социологической науки О. Конт. Его интересовали функции важнейших социальных институтов: семьи, государства, религии, образования - в процессах социальной интеграции. При этом ученый видел глубокую взаимосвязь между институтами и общественном моральными ценностями.

Само понятие «социальный институт» появляется уже в трудах Г. Спенсера. Его интересует не социальная статика, а эволюция и усложнение социального организма, проблема выживания социума в этих условиях. Именно задачей выживания объясняет Спенсер появление и формирование регулирующей системы, которая включает высшие центры регулирования и подчиненные центры. Эта система и есть особого рода регулятивный институт. Помимо регулятивной, социальный организм содержит еще две главных системы: производящую (средств для жизни) и распределительную. Он различал социальные институты родства (брак, семья), экономические (распределительные) и регулирующие (религия, политические организации) институты. Таким образом, институт, по Г. Спенсеру – устойчивая структура социальных действий, выполняющих значимые функции.

Выделение института семьи из других институтов общества и тщательное его изучение не случайно. Именно семья признается всеми исследователями основным носителем культурных образцов, наследуемых из поколения в поколение, а также необходимым условием социализации личности. Именно в семье человек обучается социальным ролям, получает основы образования, навыки поведения. Мы видим, что семья является основой всех социальных институтов, и, говоря о развитии семьи, подразумеваем развитие общества в целом.

Прежде чем проанализировать институциональную сущность приемной семьи, рассмотрим. Что такое семья как социальный институт и какое место в данной системе займет институт приемной семьи.

Социальные институты согласовывают и упорядочивают вклады отдельных людей в функционирование и развитие социальной системы в интересах социальных элементов, индивидуальных и коллективных.

Отечественная социология трактует социальные институты как исторически сложившиеся устойчивые формы организации совместной деятельности людей, подчеркивая организационно-инструментальный характер социальных установлений.

Социальный институт – это устойчивая исторически конкретная, воспроизводящая форма, которая включает в себя совокупность идеологических (формализованных или неформализованных) представлений о сущности и условиях деятельности института; систему определенных норм и правил, регулирующих отношения и деятельность в рамках данного института; структуры организации деятельности данного института.

Семья как социальный институт является характеристикой жизнедеятельности общества в целом и может рассматриваться как семейная группа, выполняющая определенную задачу.

А. Харчевым дано определение семьи как исторически конкретной системы взаимоотношений между супругами, родителями и детьми, как малой группы, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью, социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения [2; 56].

Историческое развитие ведет к превращению семьи в социальную общность, в социальный институт. В этих ипостасях семья рассматривается как элемент социальной структуры общества и оказывается зависимой от способа производства, экономического базиса общества.

Термин «семья» обычно относится к первичной группе, состоящей из двух родителей, хотя бы одного ребенка, находящегося на их иждивении, соединенных чувствами семейственности; данный термин относится и неженатым парам, парам без детей, к группе, состоящей из одного родителя, группе детей, живущих вместе, группе родственников и их детей, живущих вместе.

Под структурой семьи подразумевается способ обеспечения единства ее основных элементов, т.е. составляющих ее половозрастных групп и отдельных лиц. Характер семейной структуры определяется, в конечном счете, социально-экономическими условиями жизни, изменениями в составе, структуре и функциях семьи, являющихся неотъемлемой частью социокультурных различий.

Социальные функции семьи имеют два основных источника возникновения: потребности общества и потребности самой семейной организации.

Семья с одной стороны, осуществляет социетальные функции (репродуктивную, воспитательную, хозяйственно-экономическую, рекреативную, коммуникативную, регулятивную), а с другой – удовлетворяет личные потребности, участвует в регулировании, управлении и социальном контроле за деятельностью родителей и детей, обеспечивает устойчивые взаимоотношения между ними.

Социальные институты способствуют закреплению и воспроизводству тех или иных особо важных для общества социальных отношений. В любом реальном мире существует известная доля аномичного. Не подчиняющегося нормативному порядку поведения населения. Последнее обстоятельство может послужить основой дестабилизации системы социальных институтов. Аномия возникает тогда, когда стандарты поведения и ожидания перестают учитываться людьми. Можно считать аномию противоположностью институционализации.

Неполадки в системе социализации порождают не только конфликты поколений, но и дезорганизацию социальной жизни, распад общества. Его социальных институтов. Перед лицом реальной угрозы стабильности общества стала особенно актуальной задача смены приоритетов гос-

ударственной социальной политики, которая не может исходить из упрощенного уравнительного характера распределения. Тем более очевидна длительность переживаемых Россией социально-экономических процессов переходного периода, сложность и болезненность вхождения различных слоев населения в рыночную структуру, дефицит финансовых средств, которыми располагает государство.

Специфика приемной семьи заключается в том, что эта форма воспитания есть не только институт воспитания и социализации детей, оставшихся без попечения родителей, она представляет собой элемент государственной системы социальной защиты детей-сирот и потому является предметом исследования, как социологии, так и других наук. В ряду наук, изучающих институт приемной семьи с позиции своего предмета исследования, помимо социологии, следует назвать психологию, историю, медицину, социальную работу, педагогику и др. Так, различные аспекты проблемы социальной защиты детей в дореволюционной и советской России, вопросы борьбы с детской беспризорностью в историческом контексте исследуются как исторической наукой, так и историей соци-

альной работы, историей педагогики. Психическое и эмоциональное развитие детей, оставшихся без попечения родителей и воспитывающихся в различных условиях, в том числе в приемных семьях, исследуются психологией. Правовые аспекты отношений по созданию и функционированию института приемной семьи изучаются наукой семейного права. Названные факторы приводят к выводу о том, что социологическое познание института приемной семьи в настоящее время должно строиться на основе междисциплинарных связей посредством изучения конкретных явлений и фактов, являющихся предметом исследования иных отраслей науки. Это позволит выделить главные, существенные особенности приемной семьи, для того чтобы сложилась целостная характеристика института приемной семьи.

Список литературы:

1. Гавра Д.П. Категория социального института в социологии // Регион. Политика, Экономика. Социология. 1999. № 1-2. С. 79-83
2. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР: 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Мысль, 1979. - 367 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО – ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ВЗАИМОСВЯЗИ ОРГАНИЗАТОРСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ И ЭМПАТИИ

Абдуллаева Иннас Даниловна

мнс филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Ташкенте

The article presents the analysis of the results of research, the aim of which was to identify and study of the socio-psychological peculiarities of interrelation of managerial abilities and a component of the spiritually-moral characteristics of the person, as empathy.

Key words: entrepreneurship; managerial abilities; spiritually-moral characteristics of personality; empathy.

Обеспечение эффективности любой организации напрямую зависит от качественной и профессиональной деятельности руководителя. Основная сущность управленческой деятельности состоит в организации деятельности других людей, то есть, по своей сути, управленческая деятельность является «деятельностью по организации деятельности» [1, 2]. Это свойство рассматривается в теории в качестве основного, атрибутивного для управленческой деятельности. Следовательно, по своему содержанию управленческая деятельность представляет собой реализацию определенных универсальных управленческих функций: планирования, прогнозирования, мотивирования, принятия решения, контроля, регуляции, оптимизации. Эффективное выполнение перечисленных функций возможно, на наш взгляд, если организаторские способности, являющиеся одним из важных аспектов для руководителя, сформированы.

Проблема организаторских способностей в управленческой деятельности, на сегодняшний день, является одной из традиционных и важных проблем психологической науки. К сожалению, в научной литературе нет общепринятого определения организаторских способностей. В работах Л.И.Меньшикова (1978), Т.С.Кабаченко (2000), Р.Л.Кричевского (1993), А.Л.Свеницкого (1975), В.Е.Хруцкого (1991) организаторские способности рассматриваются, как умение оценивать и устанавливать отношения, совершенствовать формы и методы работы, умение организовывать рабочий коллектив и принимать правильные решения. Наиболее подробно, по нашему предположению, организаторские способности руководителя изучены Л.И.Уманским [9]. В группу организаторских способностей автор включает **психологическую избирательность**, проявляющуюся в нескольких основных личностных и поведенческих индикаторах, основными характеристиками которых являются: неосознанное отражение психологических особенностей состояния других людей; сопереживание человеком того, что переживают другие; возможность быстро и адекватно характеризовать психологические особенности людей; избирательно-психологическая память и наблюдательность, проявляющиеся в решении организаторских задач; склонность к психологическому анализу, объяснению поведения других людей и своего собственного; способность мысленно поставить себя в ситуацию другого человека.

Владение практической психологией, по мнению Л.И.Уманского, заключается в адекватном распределении обязанностей коллективной деятельности с учетом индивидуальных особенностей людей; в быстрой ориентации в ситуациях, требующих практического примене-

ния знаний людей; в способности вызвать стимулирующие мотивы деятельности, найти пути и способы заинтересовать людей делом.

Психологический такт проявляется в чувстве меры и граней во взаимоотношениях и взаимодействии с людьми; в индивидуализации общения с людьми в зависимости от их устойчивых индивидуально-психологических особенностей; в способности оставаться самим собой в отношениях с людьми, отсутствии наигранности в поведении; в чувстве справедливости, объективности подхода к подчиненным.

Требовательность к другим людям, по мнению автора, выражается в смелости предъявления требований с учетом гибкости их предъявления в зависимости от конкретной обстановки, а также индивидуализация требований в зависимости от психологических особенностей людей.

Критичность имеет следующие индикаторы: критическая наблюдательность как умение увидеть и выделить недостатки; логичность и аргументированность критики; прямота и смелость критичности; глубина и существенность критических замечаний.

Склонность к организаторской деятельности находит выражение в спонтанном самостоятельном включении в организаторскую деятельность; в принятии на себя роли организатора и ответственности за работу других людей; в естественности включения в эту деятельность; в эмоционально-положительном самочувствии при ее выполнении; в способности увидеть необходимость в организаторской деятельности в обстоятельствах, зримо ее не требующих.

Выделенные Л.И.Уманским компоненты относятся к коммуникативной сфере и различным ее сторонам и их реализация, по нашему предположению, не возможна без такого значимого психологического качества, как эмпатия. Поскольку во взаимоотношениях с людьми, какую бы сторону коммуникативного процесса мы не анализировали, то, что определяет характер этих отношений, в первую очередь, как предполагается, определяется уровнем сформированности эмпатических характеристик человека. Отметим, что традиционно в литературе говорится о сопереживании, как сущностной характеристике эмпатии. С нашей точки зрения, сущностной характеристикой эмпатии не может являться лишь когнитивный или эмоциональный уровень. Важным является действенный уровень, когда субъект взаимоотношений выражает, реализует поддерживающее отношение к другому субъекту взаимодействия. Эмпатия рассматривается нами как социально-психологическая характеристика, которая способ-

ствуется успешному взаимодействию человека с окружающими. Успешность обеспечивается не столько соперечиванием как сочувствие человеку, сколько сформированностью действенного уровня эмпатии.

Одной из гипотез исследования было предположение о том, что между организаторскими способностями в предпринимательской деятельности и эмпатией существует взаимосвязь. Мы предполагаем, что уровень сформированности эмпатии влияет на уровень сформированности организаторских способностей руководителя. Для доказательства гипотезы, нами было проведено исследование, в котором были использованы методика Л.И. Уманского и А.Н. Лутошкина «Психологическая оценка организаторских способностей личности» и авторский опросник «Изучение особенностей духовно-нравственных характеристик личности», созданный под руководством Р.И. Сунатовой. В основу создания авторского опросника легли современные, общепринятые в психологии положения о

том, что структурными и функциональными компонентами, осуществляющих развитие личности, в частности, духовно-нравственной сферы, являются: способность субъекта видеть взаимосвязи между своими действиями и значимыми для него событиями жизни и принимать за это персональную ответственность. А также способность личности действовать в рамках этических и нравственных норм с учетом интересов окружающих и себя.

В нашем исследовании, одной из групп респондентов были управленцы г. Ташкента (51 человек), занимающиеся предпринимательской деятельностью. В результате исследования были получены необходимые данные, подлежащие математической обработке и качественному анализу. Математическая обработка заключалась в проведении дескриптивной статистики для определения надежности анализируемых данных, показанных в таблице 1. Надежность методики по Альфа-Кронбаху составляет 0,939.

Таблица 1

Статистика по шкалам методики Л.И. Уманского, А.Н. Лутошкина

Шкалы	Альфа-Кронбах	Критерий Колмогорова-Смирнова		Стандартное отклонение	Асимметрия	Экссесс
		Z-значение	p-значение			
Психологическая избирательность	0,843	1,048	0,222	5,674	-0,783	0,182
Владение практической психологией	0,869	0,856	0,456	5,242	-0,847	0,472
Психологический такт	0,881	0,921	0,364	5,097	-0,691	-0,415
Требовательность к другим людям	0,874	0,902	0,390	4,614	-0,781	0,254
Критичность	0,789	0,581	0,889	4,679	-0,075	-0,418
Склонность к организаторской деятельности	0,847	0,787	0,565	5,258	-0,081	-0,763

Сутью качественного анализа являлись проанализированные шкальные результаты по методике Л.И. Уманского и А.Н. Лутошкина по каждому респонденту. Из общего числа респондентов, в первую очередь, была выделена группа, у которой доминирующими (т.е. средние и высокие баллы) были организаторские способности по шести шкалам, описанным выше. Группа, со сформированным набором организаторских способностей, составила около 35% от общего числа респондентов. Тех респондентов, у которых организаторские способности по шести шкалам с низкими баллами, мы определили, как

предпринимателей с несформированным профессионально значимым набором организаторских способностей. Иными словами, на основе качественного анализа были выделены две группы респондентов.

Результаты дескриптивной статистики по шкале "эмпатия" опросника "Изучение особенностей духовно-нравственных характеристик личности" представлены в таблице № 2. Надежность методики по Альфа-Кронбаху составляет 0,769. Показатели нормальности распределения шкалы эмпатии по критерию Колмогорова – Смирнова – Z - значение равно 0,670 при p – значении равном 0,760.

Таблица 2

Статистика по шкале эмпатии методики «Изучение особенностей духовно-нравственных характеристик личности»

Шкала	Альфа - Кронбах	Стандартное отклонение	Асимметрия	Экссесс
Эмпатия	0,732	4,024	-0,738	0,527

Далее был проведен сравнительный анализ по выявлению значимой связи между сформированным профилем организаторских способностей в управленческой деятельности и такой характеристикой духовно-нравственной сферы личности, как эмпатия. Результаты сравнительного анализа показали, что у респондентов со сформированным набором организаторских способностей показатели по шкале «эмпатия» являются средними и высокими. Следует отметить, что у респондентов с высокими баллами по шкале «эмпатия», результаты по шкалам организаторских способностей оказались низкими. Это дает нам основание говорить о том, что эмпатия на очень

высоком уровне в предпринимательской деятельности не является адекватным условием для обеспечения эффективности организаторской деятельности. Очевидно, что для людей, проявляющих завышенную степень эмпатии, характерны чрезмерная мягкость и доброжелательность, общительность и эмоциональность, что блокирует настойчивость в достижении своих предпринимательских интересов. Именно в такой ситуации начинает доминировать направленность внимания взаимодействующих на "отношения", а профессиональное внимание на "дело - решение профессиональных задач" начинает снижаться.

У респондентов с низкими баллами по шкале «эмпатия» результаты по шкалам организаторских способностей являются низкими. Этому мы также находим объяснение в том, что людям с низким уровнем эмпатии характерны замкнутость и отсутствие эмоционального проявления доброжелательности, выражающиеся зачастую в холодности и некоторой жесткости в общении, а это говорит об отсутствии или стремлении понять партнера по взаимодействию, что ведет к позиции только главенствовать и командовать над другими. Очевидно, что такая атмосфера взаимодействия тоже не может способствовать эффективности организаторской деятельности, а также достижению предпринимательских интересов.

Это дает нам основание сформулировать выводы о том, что такой важный аспект духовно-нравственной сферы как эмпатия и средний уровень ее сформированности предопределяет зрелость профессионально важного качества предпринимателя - организаторские способности. Перспективами нашего исследования представляется необходимость выявления и изучения и других психологических детерминантов, предопределяющих профессиональную успешность в управленческой деятельности.

Список литературы:

1. Дубинко Н.А. Психолого-акмеологический анализ компетенций руководителя по самоорганизации

деятельности // Акмеология. – 2010. - №2. – С. 39 - 44.

2. Ивашкин А.Г. Закономерности и социально-психологические детерминанты профессиональной успешности личности муниципального руководителя. Вестник Университета РАО.- М., 2007.- No 3.- С. 34-42.
3. Кабаченко Т.С. Психология управления: Учебное пособие. — М.: Педагогическое общество России, 2000. - 384 с.
4. Карпов А.В. Психология менеджмента: Учеб. пособие. — М.: Гардарики, 2005. — 584 с: ил.
5. Кричевский Р.Л. Если вы – руководитель. - М.: Дело, 1993.
6. Свенцицкий А.Л. Социально-психологические проблемы управления. - Л., 1975.
7. Меньшиков Л.И. Деловая оценка работников в сфере управления. М., 1974.
8. Суннатова Р.И. Самосознание субъекта жизнедеятельности. - Изд-во "ФАН". - Ташкент. - 2005.-342 с.
9. Уманский Л.И. Личность. Организаторская деятельность. Коллектив. / Избранные труды — Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2001.- 208 с.
10. Хруцкий В.Е. Как добиться успеха. – М.: Политиздат, 1991.

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ТРУДОВ ЗИГМУНДА ФРЕЙДА И АННЫ ФРЕЙД

Ларина Аэлита Александровна

Доцент, кандидат психологических наук

АНОО ВПО «ВЭПИ», преподаватель Воронежского Экономико-Правового института филиала г. Старый Оскол

Аникеев Иван Владимирович

Студент 3-го курса Воронежского Экономико-Правового института филиала г. Старый Оскол

«Психоанализ есть психология без души».

Н. А. Бердяев-русский философ

Современный взгляд на труды Зигмунда Фрейда дает основание для наиболее глубокого анализа его исследований, так, как являясь основателем психоанализа, он оказал значительное влияние на психологию, медицину, социологию, антропологию, литературу и искусство XX века. Воззрения Фрейда на природу человека были новаторскими для его времени и на протяжении всей жизни исследователя не прекращали вызывать резонанс в научном сообществе. Интерес к теориям учёного не угасает и в наши дни.

Учение Фрейда так же отразилось в дальнейших трудах таких учёных как К.Г. Юнг, А. Адлер, Э. Фром, К. Хорни, Г. Маркузе, В. Райх, Г.С. Салливан, М. Кляйн, Н. О. Браун, Х. Кохут, Ж. Лакан.

Среди достижений Фрейда наиболее важными являются разработка трёхкомпонентной структурной модели психики состоящая из «Оно», «Я» и «Сверх-Я», выделение специфических фаз психосексуального развития личности, создание теории Эдипова комплекса, обнаружение функционирующих в психике защитных механизмов, а также разработка таких терапевтических методик, как метод свободных ассоциаций и толкование сновидений [2, с. 5].

Центральным понятием теории Фрейда является концепция бессознательного — наших мыслей, убеждений, побуждений, влечений и мотивов, не осознаваемых нами. Фрейд считал, что неприемлемые желания ребенка

вытесняются из сознательной части психики и становятся частью бессознательного, откуда они продолжают оказывать влияние на наши мысли, чувства и действия. Бессознательные мысли находят различные способы выражения, включая сновидения, оговорки и манеры поведения. При терапевтической работе с пациентом Фрейд использовал метод свободных ассоциаций, прося пациента говорить все, что приходит ему на ум, с целью возвращения бессознательных желаний в область осознаваемого. Тем же целям служил и анализ сновидений.

Приняв бессознательное за главную характеристику человека, Фрейд, в конечном счете, подчинил ему и сознание, и личность в целом, в силу чего его драматическая теория личности стала полностью иррационалистической.

Следует отметить, что Фрейд является одной из центральных фигур, вокруг которой группируются почти все теории бессознательного, после того как им была предложена тотальная система анализа человеческой психики вплоть до анализа ее подспудных образований - бессознательной психики, причем это касается не только теорий, одна за другой потянувшихся вслед за ним, но и теорий, также одна за другой потянувшихся против него [1, с. 3].

Фрейдовский метод сбора данных неоднократно подвергался критике с разных сторон [5, с. 428]. Фрейд строил свои заключения на тех сообщениях, которые он получал во время психоаналитических сеансов. Критики говорили о недостатках и субъективности подобного ме-

тогда по сравнению с экспериментальным методом систематического сбора объективных данных при контролируемых условиях наблюдения.

Все свои наблюдения Фрейд проводил несистематическим и неконтролируемым образом. Он никогда не делал дословных записей сообщений пациента, а работал на основе отдельных заметок, производимых зачастую через несколько часов после окончания сеанса. Понятно, что часть исходных данных неизбежно при этом терялась по причине несовершенства памяти и неустраимой возможности искажений и неполноты записей. Таким образом, исходные данные содержат в себе лишь то, что Фрейд сумел запомнить.

Важно отметить, что разработка проблемы бессознательного внесла существенный вклад в исследование структуры индивидуального и общественного сознания, разграничив область человеческой психики на сферу сознательного и бессознательного. При этом представители фрейдизма ставили перед собой задачу прояснить индивидуальные поступки человека. Их последователи неотрефлексировали уже на основе базовых идей этой философии стремились объяснить социальное устройство жизни людей.

В классическом варианте теории Фрейда это мотивы, стоящие за бессознательными влечениями, практически всегда были связаны с сексом или агрессией. Именно в силу этого обстоятельства теории Фрейда не получили широкого признания, когда она была впервые представлена публике. Хотя большинство современных психологов также не вполне разделяют фрейдовскую концепцию бессознательного, они склонны соглашаться, что индивидуумы не до конца осознают некоторые важные аспекты своего поведения.

Зигмунд Фрейд лично провел учебный анализ своей дочери, хотя до начала 20-х годов он не являлся обязательным элементом подготовки психоаналитиков, что еще более усилило ее привязанность к отцу, а также сказалось на ее научной позиции в психоанализе - она навсегда осталась сторонником классического психоанализа Зигмунда Фрейда [4, с. 1]. Совместно с учёным Д. Барлингом, Анна Фрейд организовала «Хэмпстедский детский дом», где проводилось психоаналитическое исследование детей. Здесь А. Фрейд развивает детский анализ как самостоятельную область психоанализа.

В 1927 г. Анна Фрейд опубликовала работу «Введение в детский анализ». В нее вошли 4 лекции, прочитанные ею в Венском психоаналитическом институте и знакомящие со спецификой техники детского психоанализа. В этой книге Анна Фрейд исходила из того, что психоаналитическая жизнь детей подчиняется иным психическим законам, чем у взрослых. И поэтому при проведении психоанализа нельзя механически переносить на детей те методы анализа, которые используются при анализе психики

взрослых. Она так же подчеркнула роль окружения в развитии ребенка и показала эффективность «игровой терапии» [3, с. 502].

Взяв за основу классическую теорию психоанализа Анна Фрейд, занималась ее переработкой под психику детей пытаясь добиться состояния свободных ассоциаций у детей.

Главный ее метод работы состоял в том, чтобы, не пытаясь додумывать за детей, внимательно наблюдать за ними и максимально аккуратно обобщать все увиденное и услышанное. Но она также столкнулась с большими проблемами применения психоанализа к детям.

Анна Фрейд пыталась различными методиками подготовить маленьких пациентов к предстоящему анализу, что вызывало определенную эмоциональную связь между пациентом и аналитиком, что в свою очередь приводило к нарушению основного правила психоанализа. Ребенок подсознательно отказывался от свободного высказывания всех возникающих у него мыслей.

Бессилие психоаналитического метода в отношении детей определяется, тем, что дети не способны свободно ассоциировать. Кроме этого, они практически не в состоянии осуществить перенос испытываемых ими чувств любви и ненависти на врача. Это означает: если ребенок любит свою мать, то его невозможно заставить полюбить врача. При долгом отсутствии матери он начинает плакать; для него врач остается чужим человеком.

На основе анализа актуальной психологической литературы трудов Зигмунда Фрейда, и Анны Фрейд можно заметить множество общих черт в подходе к психоанализу, но стоит помнить, что Зигмунд Фрейд работал с взрослыми людьми, которые целенаправленно хотели лечения в отличие от маленьких пациентов Анны Фрейд. И все же концепция оставалась единой, менялся лишь подход. Анна Фрейд переработала концепцию агрессии и сексуальной энергии «Я», в детской практике считая не приемлемым эти два фактора. А Зигмунд Фрейд продолжал развивать классическую теорию психоанализа.

Литература:

1. Загулин К.А. Проблема бессознательного в философии, М., 2006. - с. 3
2. Змановская Е. В. Современный психоанализ, СПб.: Питер, 2011. – с. 5
3. Карпенко Л.А. История психологии в лицах, Москва, - 2005. с. 502
4. Старовойтов В.В. Современный психоанализ: Интеграция субъект-объектного и субъект-субъектного подходов, Москва, - 2014. с. 1
5. Шульц Д. История современной психологии, 2002. - с. 428

К СОВРЕМЕННОМУ СОСТОЯНИЮ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ: СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД

Бергис Татьяна Анатольевна

Канд. псих. наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии, Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти

В процессе жизни человек переживает бесчисленное множество различных ситуаций, событий, которые могут быть волнующими, яркими или монотонными, обы-

денными, простыми или сложными, стимулирующими активность или психотравмирующими. Согласно Н. В. Гришиной (2000), проблема ситуации - это фундаментальная методологическая проблема соотношения объективного и

субъективного, внешнего и внутреннего мира человека на протяжении его жизни [5]. Именно ситуация внутренне детерминирует человеческое поведение, что объясняет значение рассматриваемой категории для самых разных наук, изучающих широкий спектр ситуаций: социокультурных, конфликтных, учебно-познавательных, воспитательных, организационных, общения и др.

Цель работы - проанализировать современное состояние проблемы психологии жизненных ситуаций, рассмотреть положения ситуационного подхода и основные направления его развития.

В настоящее время общепризнанной теории ситуации как в европейской, так и в американской психологии не существует. Провозгласили появление ситуационистской традиции в психологии бихевиористы, ведомые Дж. Уотсоном. Суть их позиции сводилась к тому, что «человек» представляет собой сумму ситуативных превратностей, испытанных в прошлом, которые могут быть описаны объективно; при этом, внутренние процессы человеческой психики не могут быть объектом исследования научной психологии [7].

В 1917 году К. Левин сделал свои первые шаги в разработке теории поля. Согласно К. Левину, поведение представляет собой функцию личности и ситуации. В определении ситуации К. Левин (1936) обсуждает понятия «общая жизненная ситуация», «жизненное пространство», «сиюминутная ситуация». Одна сторона жизненной ситуации индивида образуется реальными условиями, в которых он живет: типом профессии, организации, семейными отношениями, социоэкономическими стандартами, типом географической зоны и т. д. Другая сторона - его собственное переживание и оценка этих условий. В психоаналитической теории и еще более в экзистенциальной психологии воспринимаемая жизненная ситуация является ключевым понятием [8].

В 30-е годы XX века в американских социологических журналах велись оживленные дискуссии о детерминации социального поведения и роли личности и ситуации в ней, в которых участвовали Г. Оллпорт, С. Квин, Дж. Рейнхард, В. Томас и многие другие [3, с.7]. Начало дискуссии о преимущественной детерминации поведения человека личностными или ситуационными факторами положил В. Мишель в 1968 г. Персонологи утверждали, что в поведении преобладающая роль отводится личностным факторам, и поэтому высказывались в пользу постоянства поведения в различных социальных ситуациях. Ситуационисты полагали, что поведение ситуационно специфично. Это положение утверждал Мишель. Впоследствии он пересмотрел свои взгляды в пользу личностно-ситуационного взаимодействия.

Новая отрасль исследования в конце 60-х гг. 20 в. получила название *психологии среды (environmental psychology)*, или психологической экологии, основателем которой считается Р. Баркер [3]. Среда понимается как комплекс неких условий, внешних сил и стимулов, воздействующих на индивида.

В общем виде под *ситуацией* понимается естественный сегмент социальной жизни с вовлеченными в нее людьми, местом действия, сущностью деятельности и т. д. (Furnham, Argyle, 1981) [3]. Анализируя социальные ситуации, авторы подразумевают в первую очередь различного рода взаимодействия людей [11]: проявления общительности, честности, агрессивности, конформизма и других социально-психологических феноменов. Ю. Н. Емельянов (1985) вводит в научный оборот термин «межличностная ситуация» [6]. Д. Магнуссон выделяет акту-

альные, воспринимаемые и жизненные ситуации. В физических и биологических терминах ситуация может быть определена как часть целостного окружения, которая доступна сенсорному восприятию в определенный промежуток времени. Физические и биологические свойства пространства дополняются социокультурными факторами - нормами, правилами, ролями и т. д., что обеспечивает целостное определение актуальной ситуации [8]. Интерпретируемая актуальная ситуация получила название воспринимаемой.

Реже, чем социальная ситуация, используется термин «жизненная ситуация» (Л. Ф.Бурлачук, 1998, Е. Ю. Коржова, 1999; Грачев, 2000; Н. В.Гришина, 2000), который часто встречается в сочетании с прилагательными «конфликтная» (Н. В.Гришина, 2000) и «критическая» (Ф. Е. Василюк, 1984; Jenkins, 1985). О «трудных жизненных условиях» и возможностях их преодоления пишет Л. И. Анцыферова (1994). Используется также понятие «ситуация жизненных перемен» (Карцева, 1988). В близком к нему понятие «адаптогенная ситуация» (С. Т. Посохова, 2000) подчеркивается взаимодействие личности с меняющимися жизненными обстоятельствами. Негативный оттенок, присутствующий во всех этих понятиях, обусловлен наличием в них акцента на некоторых препятствиях и усилиях человека по их преодолению. Жизненные ситуации часто приравниваются к «жизненным событиям», или просто «событиям», и в этом случае они чаще рассматриваются в контексте жизненного пути [6].

Коржова Е. Ю. анализирует жизненную ситуацию в качестве фрагмента среды, т. е. внешних объективных обстоятельств жизнедеятельности, с которыми непосредственно контактирует человек. Любую жизненную ситуацию можно рассматривать более широко - как социальную (Емельянов, 1985). S. Fisher, C. I. Cooper (1990) показывают, что любые жизненные изменения, т. е. жизненные ситуации, социальны, поскольку влекут за собой изменения во взаимоотношениях людей [6]. Психологическая теория ситуации предполагает исследование и объяснение трех основных реалий: 1) психологических особенностей естественных ситуаций жизни человека во взаимосвязи ситуативных и личностных переменных; 2) субъективной интерпретации ситуаций, их когнитивно-эмоциональных репрезентаций в сознании человека; 3) поведенческих стратегий и других форм активности в рамках конкретных ситуаций.

Центральное звено теории составляет объяснение динамики взаимодействия человека с ситуацией, анализ изменений в поведении человека под влиянием ситуации. Сущность ситуационного подхода, по мнению американских психологов Л. Росс и Р. Нисбетт, выражает теоретическая триада: ситуационизм, субъективизм, динамизм напряженных систем [10]. В Германии теорию ситуации разрабатывают: Х. Томэ, К. Грауман, Т. Герман, Г. Фиссени, в Голландии ситуативный подход представляет Утрехтская школа, в Швеции - Д. Магнуссон [3]. В конце 90-х годов в России были систематизированы положения ситуационного подхода (Ф. Л. Бурлачук, Н. Б. Михайлова, Л. Анцыферова, Т. Ушакова, В. Дружинин и др.) [4]. Теория деятельности А.Н. Леонтьева реализовала принцип деятельностного опосредования в анализе внешней и внутренней активности человека. Б.Ф. Ломов разработал системный подход к изучению психики. Идеи С.Л. Рубинштейна получили свое развитие в субъектно-деятельностной концепции К.А. Абульхановой и А.В. Брушлинского. Субъектно-деятельностный подход расширил теоретические возможности объяснения процесса взаимодействия человека с миром.

В настоящее время психологи склонны придерживаться *модели личностно-ситуационного взаимодействия*. В общем виде эта интерактивная позиция представлена Н. Эндлером и Д. Магнуссоном: 1) поведение является функцией непрерывного процесса взаимодействия личности и ситуации; 2) личность в этом интерактивном процессе выступает в качестве активного, целенаправленно действующего субъекта; 3) личностными детерминантами поведения являются когнитивные и мотивационные особенности; 4) ситуационными детерминантами поведения являются психологические значения ситуации [3].

Существует два основных подхода к пониманию ситуации: 1) понимание ситуации как внешних условий протекания жизненной деятельности на ее определенном этапе; 2) понимание ситуации как системы субъективных и объективных элементов, объединяющихся в жизнедеятельность.

Структурные аспекты анализа ситуаций выделяет А. Первин, определяющий ситуацию как некий гештальт, характеризующийся сочетанием четырех компонентов - действующих лиц, осуществляемой ими деятельности, ее временем и местом. Дж. Форгас делает акцент на когнитивной репрезентации социальных интеракций. Классификация подходов к анализу ситуаций Д. Магнуссона включает в себя: 1) анализ особенностей восприятия ситуаций; 2) анализ мотивационной стороны; 3) анализ реакций на ситуацию [3, с.10].

Проблема соотношения межличностных и ситуационных переменных в настоящее время решается обращением к категории поведения, которая является функцией взаимодействия личности и ситуации, причем обе переменные изменяют свои характеристики. Положение о различном влиянии жизненных ситуаций отразилось в гипотезе В. Мишеля о «сильных» и «слабых» ситуациях. В. Мишель указывает, что в «самой сильной» ситуации будет меньше всего индивидуальных вариаций, а «самыми слабыми» ситуациями являются те, в которых вариаций индивидуальных различий больше всего [3, с. 17].

В настоящее время теория ситуации приобретает междисциплинарный характер, а ситуация в широком смысле понимается как общая ситуация жизни человека или "жизненное положение". Ситуация в узком смысле связывается с конкретными событиями жизни. Ситуация может быть определена на разных уровнях, от микро - к макро.

Д. Магнуссон предложил пять уровней определения ситуации [4]: 1) стимулы - отдельные объекты или действия; 2) эпизоды - особые значимые события, имеющие причину и следствие; 3) ситуации - физические, временные и психологические параметры, определяемые внешними условиями; восприятие и интерпретация ситуации придает значение стимулам и эпизодам; 4) окружение - обобщающее понятие, характеризующее типы ситуаций; 5) среда - совокупность физических и социальных переменных внешнего мира.

В целом, ситуация рассматривается как совокупность элементов среды либо как фрагмент среды на определенном этапе жизнедеятельности субъекта (Д. Магнуссон, А. Фарнхейм и М. Аргайл, В. Мишель, Г.В. Балл и др.) [4]. Структура ситуации включает в себя предметы окружающего мира, действующих лиц, их деятельность, коммуникацию, взаимоотношения, происходящие события, пространственные и временные ограничения. Ситуация определяется как система субъективных (межличностные отношения, социально-психологический климат,

групповые нормы, ценности, стереотипы сознания) и объективных элементов, появляющихся в результате активного взаимодействия субъекта и среды. Понятие ситуации не совпадает с понятием среды, которая может быть внесубъектной, а ситуация всегда включает субъективный аспект, это всегда «чья-то» ситуация. Выделяют такой признак ситуации, как «выделенность» из макромира и «отграниченность» от него [3, с.19].

Для описания и классификации ситуаций представляют интерес характеристики ситуаций: 1) сложность, 2) ясность, 3) сила, 4) содействие или ограничение, 5) задачи, 6) правила, 7) роли, 8) физические условия, 9) другой человек. Эти характеристики можно обозначить как *актуальные ситуационные свойства*. Ситуации также могут быть охарактеризованы в терминах свойств, *связанных с человеком*: 1) цели, 2) воспринимаемый контроль, 3) ожидания, 4) потребности и мотивации, 5) аффективные настроения или эмоции [8].

Коржова Е. Ю. рассматривает соотношение термина «жизненная ситуация» со смежными понятиями [6].

Жизненная ситуация и социальная ситуация. Всякая социальная ситуация является жизненной, так как включена в контекст жизненного пути; однако не всякую жизненную ситуацию можно рассматривать как социальную, особенно в узком смысле, т. е. как ситуацию общения.

Жизненная ситуация и критическая ситуация (фрустрирующая, стрессовая и т. д.). Каждая критическая ситуация жизненна, но не каждая жизненная ситуация критична.

Жизненная ситуация и адаптогенная ситуация. Всякая адаптогенная ситуация является жизненной. Жизненная же ситуация не всегда адаптогенна (т. е. актуальна для личности, содержит меняющиеся в данный момент времени условия и взаимоотношения с ними личности; акцентируется необходимость для личности справиться с такой ситуацией).

Жизненная ситуация и ситуация риска, выбора, принятия решения, успеха и т. д. В данном случае речь идет о гораздо более узких, частных понятиях по отношению к понятию «жизненная ситуация».

Жизненная ситуация и проблемная (трудная) ситуация. Жизненная ситуация не всегда проблемна. Жизненная ситуация, в которой человек видит противоречие, выделяется им как проблемная или трудная. Большинство исследователей сходятся во мнении, что трудная ситуация представляет собой объективную трудность в процессе жизнедеятельности индивида. Н. В. Кузьмин определяет трудность как субъективное состояние напряженности, тяжести, которое определяется внешними факторами деятельности. При этом поведение человека зависит не только от объективных характеристик ситуации, но и от субъективного восприятия личности. Проблемная ситуация требует от человека целенаправленной активности и принятия жизненно важных решений (Н.Б. Михайлова, 2007, Е.В. Битюцкая, 2007) [2, 9].

Содержательная характеристика ситуации представлена в феномене событий [1]. Некоторые из них являются поворотными в жизни человека. Ситуации различаются по степени насыщенности событиями, психологическое изучение которых проводится с помощью биографического метода [6]. События и последовательность событий рассматриваются как важнейшие единицы изучения человека в ситуации в интеракционистском исследовании [8]. С позиций событийно-биографического подхода, *события* - это ситуации, характеризующиеся жизненными изменениями, имеющими начало и конец, и

поэтому из всех ситуаций наиболее поддающиеся измерению. В целом же, ситуация более широкое понятие, чем понятие «событие» (Argyle, 1981). Например, критическая ситуация связана с некоторым «вызывающим событием» - таким дезадаптирующим изменением в социальной среде, которое ведет к изменению ожиданий индивида, касающихся его личности и отношений с окружающим миром [1].

Таким образом, в настоящее время при анализе проблемы психологии жизненных ситуаций и поведения человека в них доминирует *модель личностно-ситуационного взаимодействия*, а содержательная характеристика ситуации часто раскрывается через феномен событий, психологическое изучение которых проводится с помощью биографического метода.

Список литературы:

1. Бергис Т. А. Социально-психологические факторы преодоления критических жизненных ситуаций женщинами-предпринимателями: дисс. ...кандидата психологических наук. СПб., 2012. – 231 с.
2. Битюцкая Е. В. Трудная жизненная ситуация: критерии когнитивного оценивания // Психологическая наука и образование. - 2007. - №4. - С. 87-93.
3. Бурлачук Л. Ф., Коржова Е. Ю. Психология жизненных ситуаций. Учебное пособие. М.: Рос-е педагогическое агенство, 1998 - 263 с., с. 24.
4. Бурлачук Л. Ф., Михайлова Н. Б. Методологические и теоретические проблемы психологии в психологической теории ситуации // Психологический журнал. – 2002. Т. 23. - № 1.- С. 5-17.
5. Гришина Н. В. Психология социальных ситуаций: хрестоматия. СПб, 2001.- С. 8–27.
6. Коржова Е. Ю. Психологическое познание судьбы человека. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, Из-во «Союз», 2002 – С. 335.
7. Коржова Е. Ю. Развитие личности в контексте жизненной ситуации // Психология социальных ситуаций / сост. и общая редакция Н. В. Гришиной. СПб.: Питер, 2001. – С. 279- 285.
8. Магнуссон Д. Требуется: психология ситуаций // Психология социальных ситуаций / Сост. и общая редакция Н. В. Гришиной. СПб.: Питер, 2001. – С.153-159 .
9. Михайлова И. В. Каузальная атрибуция в сложных жизненных ситуациях: дисс... канд. псих. наук. М., 2007 .
10. Росс Л, Нисбетт Р. Е. Человек и ситуация: Перспективы социальной психологии. М., 1999.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕДВЫБОРНОЙ КОМПАНИИ В ПЕНЗЕНСКОМ РЕГИОНЕ

Богатова Елена Борисовна

аспирант кафедры практической психологии Балашовского института (филиала) Саратовского государственного университета, г. Балашов

Константинов Всеволод Валентинович

Кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Общая психология» Пензенского государственного университета, г. Пенза

Современная политическая система России в процессе предвыборной агитации допускает присутствие различных технологий информационно-психологического воздействия на электоральное поведение избирателей.

Центральные и региональные СМИ играют существенную роль в проведении предвыборной кампании. Сегодня телевидение и интернет ресурсы становятся фактически основным для электората источником получения информации о кандидатах любого ранга. В этой связи одной из основных задач предвыборной агитации является активизация и привлечение максимального числа сторонников и получение наибольшего количества голосов за продвигаемого кандидата.

Наиболее известными технологиями психологического воздействия в предвыборной агитации являются убеждение и внушение. Известно, что личностные особенности и особенности ситуации влияют на способ восприятия и переработки информации, поэтому при работе с большими аудиториями для получения позитивного результата политикам необходимо обращаться и к разуму (через убеждение), и к эмоциям (через внушение). Убеждение нередко осложняется рядом причин, которые необходимо учитывать для обеспечения эффективности воздействия на субъектов политического выбора. В качестве таких причин могут выступать приемлемость аргументов для аудитории, их уместность для доказательства конкретного тезиса и обстоятельства, в контекст в котором осуществляется воздействие.

При внушении информационное воздействие организуется так, чтобы мысль, представление, образ непосредственно входили в сферу сознания и закреплялись в ней как нечто данное, несомненное и уже доказанное. Это происходит при подмене активного отношения психики к предмету коммуникации преднамеренно созданной пассивностью восприятия предлагаемых сообщений, через рассеивание внимания обилием информации, аффективную форму ее преподнесения.

Выделяют несколько условий эффективного внушения в ходе предвыборной агитации:

- совпадение внушающего воздействия с групповыми нормами либо личностными принципами;
- выступление субъекта влияния в качестве представителя и защитника интересов основной части «рядового» населения;
- источник информации ассоциируется в сознании аудитории как носитель высокого престижа;
- утвердительное предоставление информации подкреплено весомым доводом в его пользу.

Предвыборная агитация всегда связана с большим количеством разноплановой, порой противоречивой информации. Подобные условия способствуют возникновению ситуации информационной перегрузки.

Ю. Щербатых отмечает, что раздражение – это естественная реакция человека на массивный поток информационного воздействия, призывающий его голосовать за того или иного кандидата. Так как психика любого

человека обладает способностью сопротивляться давлению со стороны третьих лиц, то очень скоро после начала такой информационной атаки у граждан вырабатывается некий защитный рефлекс, отторгающий любые попытки привлечь их на сторону одного из кандидатов [1].

Результаты проведенного анализа свидетельствуют, что информационно-психологическое воздействие выступает сегодня одним из основополагающих принципов планирования предвыборных кампаний большинства кандидатов.

Нами было проведено пилотажное исследование (устный опрос и анкетирование) с целью выявления актуального состояния проблемы информационно-психологической безопасности личности, выявления отношения граждан к воздействию средств массовой информации на сознание человека, а также для определения субъективной оценки значимых социально-психологических факторов устойчивости к информационно-психологическому воздействию на примере предвыборной кампании [2]. В опросе и анкетировании приняло участие 150 жителей Пензенской области.

Данные анкетирования и опроса свидетельствуют о том, что 57 % респондентов испытывают потребность в информационно-психологической безопасности и хотели бы ограничить объем поступающей извне информации, 45 % опрошенных ощущают дискомфорт во время предвыборной кампании из-за постоянного информационного давления со стороны кандидатов. При этом, 30 % респондентов отметили, что вообще редко располагают полной

информацией о кандидатурах на выборах (преимущественно региональных). Интерес к региональным избирательным кампаниям (выборам в Законодательное собрание Пензенской области, выборам депутатов Пензенской городской Думы шестого созыва, выборам депутатов Комитетов местного самоуправления в Пензенской области) проявляют не более 15 % опрошенных, а к выборам федерального уровня, - 27 %.

Что касается участия средств массовой информации в проводимых предвыборных кампаниях, - 67% респондентов отметили их как основной информационных источник предвыборной кампании. 13 % опрошенных получают данные о кандидатах из агитационных баннеров и листовок, 10% - от агитаторов, 7 % - от знакомых и коллег, 3 % указали иной источник информации.

Отметим, что обеспечение информационно-психологической безопасности избирателей в условиях современной предвыборной кампании становится все более актуальной и значимой проблемой, так как является преградой манипулятивных воздействий на граждан.

Список литературы:

1. Щербатых Ю. В. Психология выборов: Манипулирование массовым сознанием: Механизмы воздействия. Популярная энциклопедия. М: Эксмо, 2007. - 400 с.
2. Богатова Е.Б. Психологические аспекты подверженности избирателей вербальному влиянию/ Е.Б. Богатова // Пензенский психологический вестник. 2013. №1 (1). С. 105-111.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И РЕФЛЕКСИИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН ЗРЕЛОГО ВОЗРАСТА

Черкевич Елена Анатольевна

Канд. психол. н., доцент кафедры психологии, Омский государственный педагогический университет, г. Омск

В настоящее время ускорение социального развития и социальных трансформаций во всех сферах жизнедеятельности современного общества, характеризующегося «размыванием» возрастных норм движения в процессе онтогенеза человека зрелого возраста, признаками которых могут служить, например, рождение детей женщинами в более позднем возрасте, неустойчивость профессиональной карьеры, необходимость повышения своей квалификации практически на всем протяжении трудовой деятельности, привело к изменениям в маршрутах жизненного пути личности. Это создает необходимость и возможность определения как мужчиной, так и женщиной пути для успешной интеграции в жизнь социума в виде выбора нового образовательного маршрута, профессиональной деятельности, межличностных отношений, а также в самоактуализации и в изменении смысло-жизненных ориентаций личности в зрелом возрасте. Это послужило основанием для эмпирического исследования смысло-жизненных ориентаций личности зрелого возраста, являющейся субъектом образовательного процесса Омского государственного педагогического университета заочной формы обучения [4].

На основе проведенного анализа теоретических и эмпирических данных в данном исследовании было принято толкование смысло-жизненных ориентаций как целостной системы сознательных и избирательных связей,

отражающих направленность личности, наличие жизненных целей, осмысленность выборов и оценок, удовлетворенность жизнью, способность брать за нее ответственность, тем самым влияя на ее ход [2, 3].

С целью исследования смысло-жизненных ориентаций личности зрелого возраста, в котором приняло участие 45 человек, из них 17 мужчин и 28 женщин от 40 до 49 лет, мы использовали методику «Тест смысло-жизненных ориентаций» Д.А. Леонтьева, полученные данные которой мы отразили в рисунке 1.

Как видно из рисунка 1, у мужчин (30,82) и женщин (28,85) в зрелом возрасте преобладают показатели «цели в жизни». Данное обстоятельство характеризует испытуемых как людей, имеющих жизненные цели, призвание, намерение, что придает, в свою очередь, жизни осмысленность, направленность на временную перспективу. Эти высокие показатели, на наш взгляд, связаны с тем, что в среднем возрасте у мужчин и женщин в большей степени выражена направленность на будущее. Это, в свою очередь, связано с тем, что в данном возрасте возникает необходимость передать опыт следующему поколению, начинается подготовка к спокойной и обеспеченной жизни в пожилом возрасте. Усиливается забота о сохранении близких отношений с родными и друзьями.

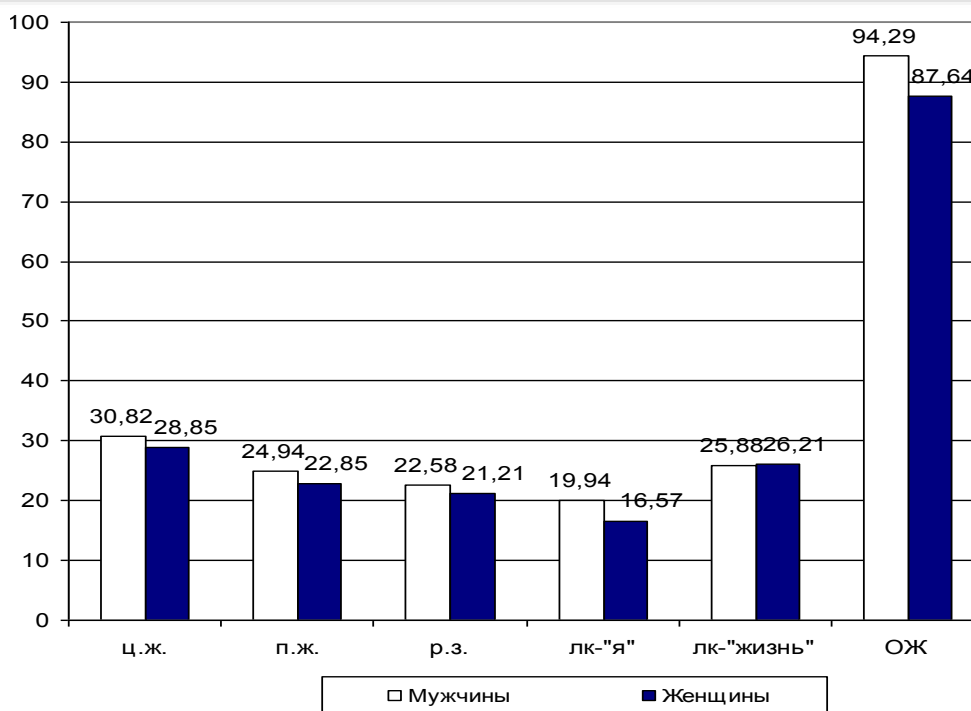

Рисунок 1. Выраженность показателей смысложизненных ориентаций личности зрелого возраста (в баллах)

Условные обозначения выраженности смысложизненных ориентаций личности: ц.ж. - цели жизни; п.ж. - процесс жизни; р.ж. - результат жизнедеятельности; л.к. - «я» - локус контроля - «Я»; л.к. - «жизнь» - локус контроля - «Жизнь»; о.ж. - общий показатель жизнедеятельности.

Однако, как видно на рисунке 1, наименьшие показатели составляют показатели локуса контроля - «Я». Мы предполагаем, что меньшие показатели локуса контроля - «Я» позволяют нам говорить о некоторой неуверенности мужчин и женщин зрелого возраста в своих силах контролировать события собственной жизни. Это может быть связано со склонностью к сомнениям в возможности осуществления своего жизненного выбора по своему желанию, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о её смысле.

Исходя из данных рисунка 1, показатели «процесс жизни», «результативность жизни», «локуса контроля - жизнь» у мужчин и женщин зрелого возраста примерно одинаковы.

Следующим этапом нашей работы стал расчет критерия λ Колмогорова-Смирнова с целью проверки соответствия

результатов измерения нормальному распределению, для того, чтобы мы могли применить t-критерий Стьюдента. Эти расчеты дают возможность утверждать, что во всех случаях статистическая значимость $p > 0,05$, а следовательно, значения показателей смысложизненных ориентаций мужчин и женщин зрелого возраста статистически достоверно подчиняются нормальному распределению, а значит, мы можем перейти к использованию t - критерия Стьюдента, что позволит нам подтвердить достоверность различий средних значений показателей исследуемого феномена.

Результаты расчета t - критерия Стьюдента, свидетельствующие о значимости различий средних значений показателей смысложизненных ориентаций испытуемых отражены в таблице 1.

Таблица 1

Средние значения показателей смысложизненных ориентаций мужчин и женщин зрелого возраста (по t-критерию Стьюдента)

Смысложизненные ориентации (субшкалы)	Средние значения (мужчины)	Средние значения (женщины)	t критерий	Уровень статистической значимости t критерия
Цели	30,8235	28,8571	0,821	0,416
Процесс	24,9411	22,8571	0,995	0,325
Результат	22,5882	21,2142	0,748	0,459
Локус контроля - «Я»	19,9411	16,5714	2,227	0,031
Локус контроля - «жизнь»	25,8823	26,2142	-0,145	0,886
Общий показатель ОЖ	94,2941	87,6428	1,114	0,272

Как видно из таблицы 1, показатели осмысленности жизни у мужчин и женщин зрелого возраста достоверно не отличаются, кроме локуса контроля - «Я», уровень до-

стоверности статистической значимости $p > 0,05$. Достоверно различаются мужчины и женщины только по показателю локуса контроля - «Я». Достоверное различие показателя локуса контроля - «Я», на наш взгляд,

объясняется тем, что в период зрелого возраста у мужчин более выражено стремление контролировать свою жизнь в целом, достижение определенных результатов в ней, присутствие своего «Я» в каких-либо действиях, ситуациях, окружении. То есть более высокий балл соответствует представлению о себе как о сильной личности обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о её смысле. Для женщин более характерно контролировать внешние события, действия, ситуации, отношение социума к самой женщине. Скорее всего, в среднем возрасте женщина верит в свои силы, в возможность контролировать события собственной жизни меньше, чем мужчина.

Таким образом, исходя из описанных смысло-жизненных ориентаций, можно сделать вывод, что мужчины и женщины зрелого возраста способны адекватно осмысливать реальность в настоящем, критически осмысливать

прошлый опыт, ставить индивидуальные цели. Посредством смысловых локусов происходит расширение границ субъективной реальности, то есть интеграция личности в новые условия жизни.

Для исследования рефлексии мужчин и женщин в зрелом возрасте мы воспользовались методикой А.В. Карпова «Индивидуальная мера рефлексивности» [1]. Выбор этой методики был определен тем, что она позволяет изучить как общую степень выраженности рефлексивности в организации деятельности человека, так и структурирование качеств и личности в целом.

При помощи данной методики нами были определены четыре направленности рефлексии: ретроспективная направленность, рефлексия настоящей деятельности, рассмотрение будущей деятельности, а так же рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми. Рассчитав средний балл, мы получили результаты, которые отразили в рисунке 2.

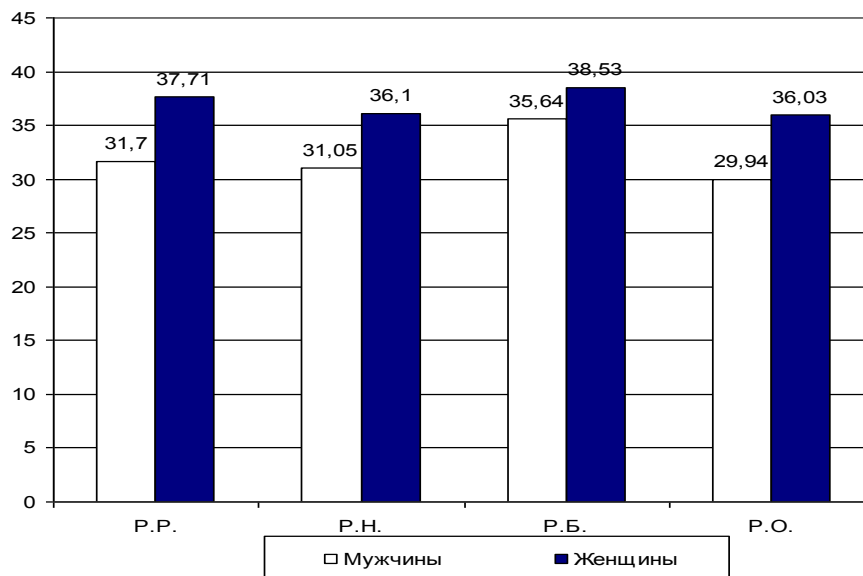

Рисунок 2. Выраженность направленности рефлексии мужчин и женщин зрелого возраста (в баллах)

Условные обозначения выраженности направленности рефлексии личности: Р.Р. – ретроспективная рефлексия; Р.Н. – рефлексия настоящей деятельности; Р.Б. – рассмотрение будущей деятельности; Р.О. – рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми.

Как видно из рисунка 2, у мужчин и женщин зрелого возраста преобладает направленность на будущую деятельность. Такое преобладание, на наш взгляд, связано с тем, что в зрелом возрасте и у мужчин (35,64), и у женщин (38,53) продолжается развитие отдельных способностей, особенно это связано с трудовой деятельностью. В этот период обостряется необходимость корректировать деятельность с точки зрения упущенных возможностей, идет подготовка к обеспеченной жизни в пожилом возрасте, будущее уже имеет границы. Кроме того, из рисунка видно, что выраженность направленности рефлексии и у мужчин и у женщин имеет общие тенденции. Так, для респондентов обеих групп характерна примерно одинаковая выраженность ретроспективной рефлексии (31,7 и 37,71) и рефлексии настоящего (31,05 и 36,1). Это связано с тем, что главной особенностью этого возраста может быть определена как достижение мудрости.

Чтобы судить о различии и сходности средних значений выраженности рефлексии у мужчин и женщин среднего возраста, можно проверить достоверность полученных данных при помощи *t*-критерия Стьюдента, результаты расчета которого представлены в таблице 2.

Из таблицы 2 видно, что уровень достоверности статистической значимости $p > 0,05$, что свидетельствует

о достоверном равенстве значений выраженности рефлексии ретроспективной, рефлексии будущего и настоящего у мужчин и женщин среднего возраста. Исключение составляют показатели рефлексии общения и взаимодействия с другими людьми ($p < 0,05$).

Выраженности показателя рефлексии общения и взаимодействия позволяют сказать, что женщины в большей степени характеризуются направленностью рефлексии на общение и взаимодействие, но при этом проявляют большую категоричность. Им свойственно либо рефлексировать процессы общения и взаимодействия, либо отрицать их. Мужчины же анализируют данную сферу на логическом, аналитическом уровне, тогда как у женщин рефлексия коммуникаций характеризуется эмоциональным реагированием на ситуацию. Если женщине не нравится то, что она наблюдает в процессе общения и взаимодействия, то ей свойственно отрицать, отвергать как сам процесс, так и желание анализировать ситуацию. Мужчинам же процесс общения и взаимодействия важен с точки зрения принятия опыта, независимо от того, имеет ли ситуация для него положительный или отрицательный результат, либо совсем не влечет каких-либо изменений и последствий.

Таблица 2.

Средние значения показателей рефлексии мужчин и женщин зрелого возраста (по t-критерию Стьюдента)

Направленность рефлексии	Средние значения (мужчины)	Средние значения (женщины)	t-критерий	Уровень статистической значимости t-критерия
Ретроспективная рефлексия деятельности	31,7059	37,7143	1,002	0,322
Рефлексия настоящей деятельности	31,0588	36,1071	1,339	0,188
Рассмотрение будущей деятельности	35,6471	38,5371	1,041	0,304
Рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми	29,9412	36,0357	2,060	0,046

Итак, в ходе эмпирического исследования мы выявили выраженность рефлексии и направленность рефлексии мужчин и женщин в зрелом возрасте, которая оказалась достоверно одинаковой по трем показателям (ретроспективной рефлексии, рефлексии настоящего и рефлексии общения) и достоверно различается по показателю будущей деятельности.

Таким образом, проанализировав эмпирические данные по проблеме смысловых ориентаций личности в зрелом возрасте, можно сделать вывод, что смысловые ориентации мужчин и женщин зрелого возраста достоверно одинаковые. Достоверное различие мы выявили только по показателю локуса контроля - «Я», что объясняется, на наш взгляд, тем, что мужчины зрелого возраста чувствуют себя увереннее в жизни, чем женщины этого же возраста, кроме того, у мужчин сильнее выражено стремление контролировать достижение своих результатов, они больше верят в возможность строить свою жизнь в соответствии со своими целями, в отличие от женщин этого же возраста. При этом выраженность показателей рефлексии тоже достоверно не отличаются. Исключения составляют показатели рефлексии общения и взаимодействия с дру-

гими людьми, что связано с тем, что коммуникативная рефлексия мужчин и женщин зрелого возраста выполняет разную функцию, преследует разные цели и характеризуется разной степенью эмоциональности.

Список литературы:

1. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.- 424 с.
2. Леонтьев Д.А. Самоактуализация как движущая сила личностного развития: историко - критический анализ [Электронный ресурс]/Д.А. Леонтьев.- Сетевой режим доступа <http://hpsy.ru>.
3. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности. М.: Смысл. - 1999. - С.251-280.
4. Черкевич Е.А., Самойленко С.А. Самоактуализация личности зрелого возраста. / Психолого-педагогические проблемы в целостном образовательном процессе: сборник научных статей / под ред. Л.Н. Антиловой. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2013. – С. 87-94.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ НА СТОЯНКЕ “ТАВАККУЛ” В СУФИЗМЕ

*Добрынин А. Р.
Магистр психологии*

Суфизм - религиозно-мистическое учение в исламе, которое основано на идее духовной эволюции человека. Основой этого учения является принцип прохождения личностью определенных этапов духовного развития. Первый этап – Шариат – выражает законы ислама. Второй – Тарикат – является практикой суфизма. На третьем этапе – Хакикат – человек узнает истину[3].

На этапе Тарикат человек должен пройти определенные уровни развития - стоянки (макамы). Принято выделять следующие стоянки: 1) Раскаяние (тауба); 2) Осмотрительность (вара’); 3) Воздержание (зухд); 4) Бедность (факр); 5) Терпение (сабр); 6) Упование (таваккул); 7) Удовлетворение (рида).

Личность должна пройти все эти стоянки для того, чтобы достичь совершенства. Оно понимается как близость к Богу, которая иногда даже ассоциируется с слиянием с Ним (М.-ал Халладж, (ок. 858-922 гг.), ‘Иса-ал Бистами, (ум.в 875 г.)).

“Таваккул” (с араб. - “доверять”), шестая стоянка в суфизме, означает полное доверие к Богу. В словарном значении слово таваккул означает довериться другому, доверить свои дела другому, назначить другого своим представителем, осознав свою слабость. А в переносном значении это слово означает уповать на Бога и ждать результатов от Него после выполнения всех условий для осуществления определенного дела. А также означает делать дела, которые тебе под силу, а в делах, которые тебе не под силу доверится Богу и уповать на Него. Довериться Богу, не выполнив свои обязательства, не является упованием на Него, а является элементарной ленью. На этом уровне у него выражен завершающий нафс (нафс-и-мардий).

Материальная природа наследуется от рождения; впоследствии она переходит в то, что обозначают термином нафс. Происходит это в результате взаимодействия с окружающей средой и в процессе социальной адаптации в семье и школе. Основным аспектом нафса заключается в том,

что он бесцеремонно навязывает свои желания, беспокоясь только о собственной удовлетворенности. Интеллект, в противоположность нафсу, является сдерживающей силой и советником, рекомендуя нафсу уместные поступки, которые надлежит совершить, и, советуя, от каких поступков следует воздержаться.

Нафс на самом деле представляет собой это со всеми его тенденциями, тогда как интеллект — это руководитель, который пытается направить это в сторону тех тенденций, которые, будучи проявлены в обществе, не приносят людям вреда. Интеллект ведет нафс в направлении, которое является социально приемлемым и в то же время улучшает состояние нафса [1].

В настоящее время нафс рассматривается как уровни развития личности [2]. На стоянке таваккул суфий прошёл уровни, которые связаны с улучшением своего поведения, на этой же стоянке начинается его объединение с Богом. С психологической стороны доверие к Богу значит уход в базовое доверие, которое есть у ребёнка. Это состояние достичь очень сложно, т. к. на пути встречаются разные испытания, которые люди проходят, и немногие доходят до конца. Такое доверие не является чем-то заданным с рождения, но оно достигается с помощью отказа от разрушающих сил нафса. Оно отличается от психоаналитического понятия доверия тем, что на стадии таваккул субъект достигает доверия на основе проработанных проблем в жизни. На этой стадии субъект достигает уверенности в себе, ответственности за свою жизнь. Доверие же в психоанализе говорит о беспомощности ребёнка, доверии к родителям на основании того, что сам он ещё не способен принимать решения, ему нужна поддержка. Ребёнок к началу подросткового возраста переходит от центрации к децентрации. Это показывает то, что он начинает понимать, что во внешнем окружении есть другие, у которых свои желания. В этот период формируется его уверенность, ответственность. Таваккул включает в себя способность понимать других. Это доверие человека, который достиг мудрости. Люди теряют своё “Я” (фана) с целью интеграции с Богом. В результате этого возникает экзистенциальное единство с Богом. Таваккул в суфизме - это не просто вера в Бога, это доверие, которое основано на принятии всех ситуаций. Освобождение от негативных качеств приводит к тому, что люди становятся похожи на Бога, что их и приближает к Нему. На этой стадии гностик понимает, что всё, что происходит с ним нужно только для того, чтобы он стал лучше. Объединение с Богом происходит на основе мистической любви (ишк). Гностик только в начале проявляет страх к Богу как необходимый период, но в процессе прохождения своей дороги, он переходит в период любви к Богу, что помогает ему быстрее прийти к объединению с Ним. Это происходит через регрессию, когда ищущий идёт в детство, что даёт ему осознание своей идеальности. В результате прохождения такой дороги, ищущий получает способность быть в реальности, но не зависеть от неё. Субъект, который проходит по ней, учится получать не только физическое единство с другими людьми, что часто заставляет делать нафс, а также психологическое единство, что уже его почти приводит к объединению с Богом [4].

Для того, чтобы лучше осознать доверие в суфизме, нужно рассмотреть понятие вахдат-и-вужуд (единство бытия), которое означает, что есть только Бог. Он проявляется во всём. Субъект на своей дороге теряет осознание противоположностей, что приводит его к пониманию единичности всех понятий. У него возникает доверие, но доверие не как вера без доказательств, а как осознанная вера в то, что всё, что с ним происходит, нужно ему, чтобы

достичь объединения с Богом. В конце доверие доходит до того, что субъект начинает воспринимать все ситуации как необходимые части. Сначала кажется, что такое объединение с Богом может привести к психическим болезням, когда субъект разрушает свою личность, но это объединение основано не просто на избавлении от всех своих качеств, а только тех, которые заставляют его совершать негативные действия. Доверие соответственно основано на том, что субъекта не пугают проблемы в жизни. Он решает их. Он знает, что это сложно, но совершая определённые действия по самосовершенствованию, он достигает состояния, когда он доверяет Богу настолько, что ему кажется, что по-другому и быть не может. Это состояние и есть характеристика этого качества.

Таваккул означает, что Бог доволен тем, кто находится на этой стоянке. Это то, когда субъект вообще не боится ничего, что происходит, и не жалуется на ситуации.

Таваккул связано с сознанием своих действий. Ведь субъект должен всегда понимать, что всё, что он делает, влияет на него. Если он правильно понял законы мира, живёт по ним, то для него не является сложным доверять всему, что происходит.

В российской психологии доверие рассматривалось в аспекте других психологических понятий (В. Виचेv, Б. Ф. Поршнев, И. С. Кон, А. В. Мудрик, В. А. Лосенков, В. Н. Куликов, Л. А. Петровская, А. И. Донцов, А. У. Хараш, М. Ю. Кондратьев, В. А. Петровский и др., 1958). В частности, это становление общности субъектов, этапы, типология такого становления, авторитетность, внушение, дружба, совместная, кооперативная деятельность, феномены внутригруппового, межгруппового взаимодействия и др.

Доверие отличается как от веры, так равно и от уверенности. Вера превышает силу внешних фактических и формально логических доказательств. Доверие же касается вопросов, находящихся в компетенции человеческого познания; доверяется тот, кто не хочет или не может решить или сделать чего-либо сам, полагаясь или на общепринятое мнение, или на авторитетное лицо. Уверенность есть сознание собственной силы и состоит в доверии к истинности своего знания или правоте своего дела; доверие, напротив, проистекает из сознания слабости, неуверенности в себе, признания авторитета.

Г.Г. Шпет дал самую общую характеристику веры. Вера состоит не в чем ином, как в принятии возможности за действительность. Вере всегда противостоит сомнение вообще или всеобщая возможность сомнения - скептицизм. И вера и скептицизм подлежат не опровержению, а изображению.

С. Московичи считает, что подчинение в конце концов тождественно доверию.

Доверие, в огромной своей части относится к эмоциональной, т.е. плохо рационализируемой сфере психики. Оно способно порождать многие др. чувства (от любви до ненависти), состояния (от комфорта до стресса и фрустрации), социальные установки (от приятия до отторжения). Доверие по отношению к личности играет формообразующую роль.

Одной из теорий, которые частично приближают нас к пониманию доверия в суфизме, является теория подлинного авторитета (М. Ю. Кондратьев, 1987). В ней рассматривается доверие к авторитету как важнейший момент самого психологического феномена авторитета. Авторитет рассматривается как внутренне признание за личностью права принимать решение, оценивать значи-

мые обстоятельства совместной деятельности. Была предложена типология межличностных отношений, в которой в качестве её основной частью является значимость одного субъекта для другого. В этой модели повышение значимости показывается как уровни становления авторитетности, которым соответствуют 3 позиции в межличностных предпочтениях: “информатор”, “референтное лицо”, “авторитетное лицо”. При этом, “закрепление” на каждой прошлой позиции не предопределяет переход на следующий уровень в порядке межличностных предпочтений. Сначала значимость одного субъекта для другого определяется его информированностью о какой-нибудь проблеме. Потом важна также отношение другого субъекта к важной информации. В итоге мнение авторитетного субъекта воспринимается как верное. Было выделено авансирование доверием как важный момент авторитета. Субъекты авансируют доверие авторитетному субъекту, дают ему свободу, которую они не могут разрешить себе.

В зарубежной психологии доверие рассматривалось во многих психологических теориях (С. Джурард, П. Ласкоу, Дж. Аллен, Н. В. Амяга, П. Козби, Дж. Хоманс, 1956).

Интересной теорией, которая исследует доверие, является теория обоженного обмена (Р. Эмерсон, 1992). Выявлено, что обмен создаёт этику, которая определяется менталитетом доверия. Менталитет доверия описывался как доверие субъектов друг другу как необходимый кусок сотрудничества.

Главное, что не было сделано в этих подходах к изучению доверия, это не выявлена сущность доверия. Везде описывается, как оно проявляется, но что это такое

до сих пор не известно. Это подчёркивает сложность данного психологического феномена.

В суфизме это решается. Для суфия Бог - это авторитет, правильность которого для него не может измениться. В отличие от доверия субъектам, в котором можно разочароваться, доверие к Богу остаётся стабильным. Бог не имеет качеств субъекта, хотя Его всегда пытаются персонализировать. Он - абсолют, который не проявляет себя никак. Поэтому доверие к Нему является обязательным законом. Субъект уходит от общения, в котором есть использование, манипуляция друг другом. Он встаёт на дорожку, на которой есть только любовь, которая даёт ему силы идти по ней.

Итак, суфизм является системой духовного развития, которая помогает субъекту достичь объединения с Богом. Это объединение основывается на доверие к Нему. Когда субъект находится на стоянке таваккул это значит, что он уже прошёл все сомнения, которые могли ему помешать объединиться с Богом. Он очистил свой нафс от всех негативных качеств, способен видеть в реальность такой, какая она есть.

Литература:

1. Нурбахш Дж. Психология суфизма. Амрита-Русь, 2004 г.;
2. Шафии М. Свобода от себя. М.:Эннеагон Пресс, 2007 г.;
3. Торчинов Е. А. Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Центр "Петербургское Востоковедение", 1998;
4. Ошо. Суфии. Люди пути. Беседы о суфизме: ОАО "Издательская группа "Весь"; Санкт-Петербург; 2011

РАЗВИТИЕ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ УЧРЕЖДЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ

Иванова Марина Анатольевна

Аспирант кафедры психологии ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный университет», г. Ульяновск

Система образования в нашей стране находится на стадии модернизации, возрастают требования к подготовке учащихся. Подростки в таких условиях требуют особого внимания педагогов и психологов, направленного на развитие личностных ресурсов и профилактику дезадаптации. Подростковый период – это время активного формирования самосознания, в течение которого претерпевает изменения отношение ребенка к себе и окружающим, особенно ярко начинает проявляться тенденция к психологическому росту, саморазвитию.

Одним из качеств, позволяющих подросткам адекватно реагировать на происходящие изменения, является жизнестойкость. Развитая жизнестойкость способствует активному преодолению препятствий и активизирует заботу о собственном здоровье, вследствие чего напряжение и стресс, испытываемые человеком, не приводят к психосоматическим заболеваниям и другим неприятным последствиям.

Жизнестойкость - не врожденная характеристика, а подвластный человеку ресурс, который он в состоянии переосмыслить и изменить. Одним из сензитивных периодов формирования жизнестойкости является именно подростковый возраст.

В этот период активно формируется собственная

независимая система эталонов, установок, формируется Я-концепция, которая способствует дальнейшему, осознанному или неосознанному, выстраиванию поведения. Активно вырабатывается индивидуальный стиль деятельности, который находит свое отражение в способе мышления.

В подростковом возрасте происходит бурное физическое развитие, половое созревание и психические изменения, одна из наиболее ярких характеристик данного периода – эмоциональная и личностная нестабильность, которая проявляется в тревожности, нравственной неустойчивости, двойственности чувств, колебаниях самооценки. От того, как в этом возрасте будет развиваться способность регуляции поведения, зависит не только способность решать трудные жизненные задачи, но и в целом благополучие личности в старшем возрасте.

В этот период также проявляется потребность в самораскрытии, самоутверждении, принятии себя. В поиске себя подросток может присоединяться к различным неформальным молодежным течениям, где он находит понимание и уважение. Чаще всего представители таких объединений представляют собой особый тип людей, живущих непонятной и неудобной для массового сознания жизнью. Часть из них успешно находит компромисс

между своим внутренним миром и запросами общества, а часть сталкивается с трудностями во взаимоотношениях с родителями, педагогами и сверстниками. Попытки общества искоренить инакомыслие, подавить личность с одной стороны и недостаток необходимых знаний, жизнестойкости, отсутствие целостной модели собственного жизненного пути могут привести к трудностям адаптации.

Именно поэтому в подростковом возрасте особенно актуален вопрос психологической поддержки формирования жизнестойкости личности и ее ресурсов.

Учреждение дополнительного образования детей обладает, на наш взгляд, большим потенциалом по сравнению с общеобразовательной школой для создания благоприятных условий, в которых каждый ребенок получает возможность для самопознания, саморазвития и самоактуализации. Это особая сфера, в которой акцент делается на развитие личности, познавательных и творческих способ-

ностей, формирование духовно-нравственного потенциала детей и подростков.

Дополнительное образование способно решать многие задачи, направленные на формирование жизненных установок личности, создание определенного жизненного пространства.

Однако, в настоящий момент, на наш взгляд, в системе общего и дополнительного образования отсутствуют программы, направленные непосредственно на развитие жизнестойкости подростков, в особенности тех, которые относят себя к различным неформальным молодежным объединениям.

В результате проведенного нами исследования мы выявили, что подросткам с выигрышным жизненным сценарием присущ более высокий уровень жизнестойкости (рис. 1.), подростки с проигрышным сценарием, напротив, менее жизнестойки и хуже приспосабливаются к окружающей действительности.

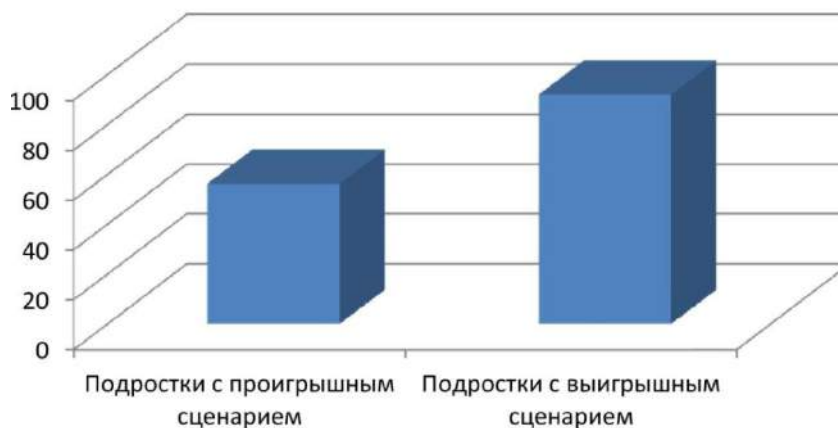

Рисунок 1. Уровень жизнестойкости подростков с различными жизненными сценариями.

Жизненный сценарий – неосознаваемый план жизни, заложенный в детстве и закрепленный родителями [3]. Согласно представлениям Э.Берна [1, с.244], индивид бессознательно выбирает такие формы поведения, которые соответствуют его сценарию. Авторами условно выделены три группы жизненных сценариев: проигрышные, выигрышные и безвыигрышные или банальные

Человек с выигрышным жизненным сценарием достигает заявленной цели, которая приносит ему чувство удовлетворения и успеха, проигрывающий не достигает заявленной цели, а индивид с безвыигрышным сценарием, предпочитая не рисковать, ничего не проигрывает, но и ничего не выигрывает [3].

Опираясь на вышеперечисленные факторы и эмпирические исследования [2], учитывая ведущие потребности подростков в общении со сверстниками и проявлении индивидуальности, нами была разработана программа поддержки формирования жизнестойкости посредством коррекции жизненного сценария подростка.

Жизненный сценарий состоит из комплекса решений, которые принимаются ребенком в ответ на сценарные послания. Сценарные послания исходят в первую очередь от родителей ребенка, ребенку могут говорить, что он должен делать или что он собой представляет. Такие послания называются оценочными определениями. Примером служат такие выражения, как "Тебе это не по силам" или "Ты хорошо читаешь!". Иногда оценочные определения даются косвенно, когда родитель говорит с кем-либо о своем ребенке в его присутствии [3].

Таким образом, в программу также вошли беседы и семинары с родителями и педагогами. Их задачей было

осознание своего влияния на жизненный сценарий детей и подростков и трансформация способов взаимодействия с ними.

В течение 2013-2014 учебного года был проведен ряд занятий с подростками с низким уровнем жизнестойкости, направленными на смену жизненных установок и осознание своего жизненного сценария. Параллельно проводились беседы и семинары с родителями и педагогами, целью которых было осознание ими сценарных посланий по отношению к своим детям и ученикам. В конце учебного года полученные результаты мы сравнили с контрольной выборкой подростков, не задействованных в реализации программы. Также был проведен сравнительный анализ показателей жизнестойкости до реализации программы и после, который подтвердил ее эффективность. Полученные данные мы отразили в рис.2.

На рисунке 2 синим цветом обозначена экспериментальная выборка, красным – контрольная. Точка 1 отражает данные в начале эксперимента, точка 2 – на заключительном этапе. Оценка уровня жизнестойкости на этапе контрольного эксперимента показала положительную динамику. Таким образом, на основании результатов, полученных в ходе контрольного эксперимента, мы можем подтвердить эффективность психолого-педагогической работы с жизненными сценариями для развития жизнестойкости подростков-представителей неформальных молодежных объединений

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в результате осознания подростками своего проигрышного жизненного сценария и его целенаправленной трансформации меняется уровень жизнестойкости.

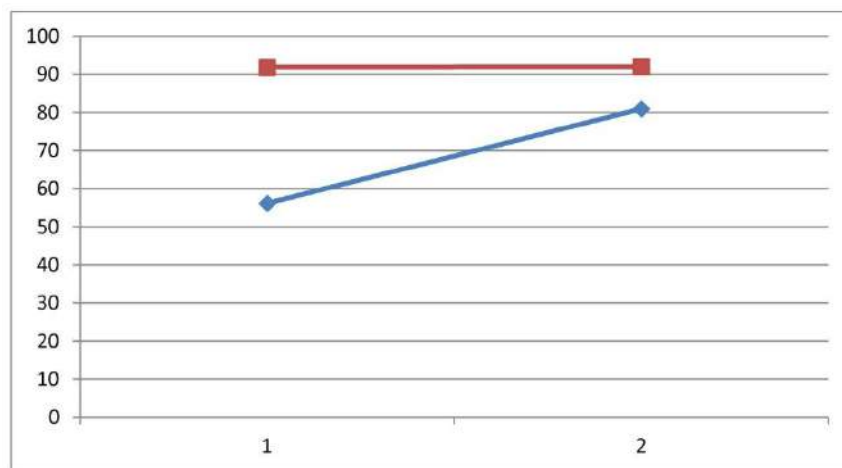

Рисунок 2. Сравнительный анализ жизнестойкости подростков на разных этапах эксперимента.

Список литературы:

1. Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: Эксмо, 2006. – 576 с.
2. Иванова М.А. Жизненные сценарии и жизнестойкость подростков // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 10 (часть 4). – стр. 875-878; URL: www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_arti

cle&article_id=10001630 (дата обращения: 25.09.2014).

3. Стюарт, Й., Джойнс, В. Жизненный сценарий: как мы пишем историю своей жизни // Библиотека фонда содействия развитию психической культуры (Киев). – 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/stewj01/index.htm>.

СВЯЗЬ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫМ ДИСЦИПЛИНАМ С ЭМОЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЕМ К УЧЕНИЮ В ПРОФИЛЬНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Капустина Светлана Юрьевна

младший научный сотрудник, Психологический институт РАО, г. Москва

Кравцов Андрей Витальевич

канд. физ.-мат. наук, зав. кафедрой, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, г. Москва

Целенаправленное формирование учебных коллективов является одной из важнейших составляющих управления образовательным процессом. Особое внимание формированию учебных классов и групп уделяется в профильных общеобразовательных организациях – лицеях и гимназиях. Проводится отбор поступающих, способы отбора разнообразны. В лицеях физико-математического профиля, как правило, проводится вступительное тестирование по профильным дисциплинам. При поступлении во многих лицеях также определяются психологические характеристики будущих лицеистов, используемые для формирования учебных групп. Тем не менее, это не всегда приводит к хорошему результату. Опыт преподавателей показывает, что есть учебные группы, где быстро формируется рабочее взаимопонимание, а есть такие, что подчас приходится заставлять группу работать, получая, в общем-то, неплохой средний результат, но не ощущая вдохновения. Поэтому выявление связей между психологическими характеристиками учащихся, стилем работы преподавателя и результативностью обучения является актуальной для практики и в силу своего междисциплинарного характера интересной задачей.

В работах [1] и [2] авторы показали, что имеется тесная связь между эмоциональным отношением к учению и результатами обучения. В работе [3] авторами были

получены результаты, позволяющие сделать предварительные выводы о характере такой связи. В настоящей работе приводятся новые результаты, позволяющие получить более полное представление о связях между эмоциональным отношением к учению и итоговыми результатами обучения физике.

В работе рассматриваются результаты исследования, проведенного в 2013 и 2014 г.г. среди учащихся выпускных классов Лицея № 1580 при Московском государственном техническом университете имени Н.Э. Баумана, имеющего физико-математический профиль.

Учащиеся были протестированы на эмоциональное отношение к учению. В исследовании использовался модифицированный Капустиной С.Ю. и Кравцовым А.В. опросник Ч.Д. Спилбергера, направленный на изучение уровней познавательной активности, тревожности и негативных эмоциональных переживаний. С учетом этих показателей было выделено 13 уровней эмоционального отношения к учению (см. таблицу 1).

Одним из наиболее важных результатов, полученных авторами ранее (см. [3]), является то, что учащиеся с диффузным отношением к учению показывают устойчивые средние результаты, а учащиеся с позитивным отношением показывают в среднем такие же результаты, как и "диффузники", а вот разброс результатов у них существенно больше.

Диагностика эмоционального отношения к учению проводилась с учащимися 11 классов (99 чел.)

Учебные успехи этих же учащихся определялись по результатам Единого государственного экзамена по физике в 2013 г. и 2014 г. При всей неоднозначности отношения научной и педагогической общественности к ЕГЭ следует отметить, что этот экзамен является независимой формой итогового контроля знаний учащихся и позволяет давать сравнительные оценки. Известно, что в 2014 г. условия проведения ЕГЭ отличались от условий 2013 г. Однако усредненные по Лицею № 1580 результаты ЕГЭ по физике в 2013 г., и в 2014 г. отличались незначительно (среднее значение было около 70 баллов), а также значительно превышало среднее значение по Москве и по Рос-

сии в целом (средние результаты в диапазоне 50 – 55 баллов), авторы сочли правомерным усреднение результатов лицейстов за два указанных года.

По результатам проведенных исследований были выявлены определенные закономерности.

Из данных, приведенных в таблице 1, видно, что большая часть лицейстов относится к разным разновидностям позитивного отношения к учению и диффузного отношения к учению. В единичных случаях встречается школьная скука, есть, к сожалению, единичные случаи негативного отношения к учению. При дальнейшем рассмотрении учитывались только уровни эмоционального отношения к учению, которые представлены не менее, чем 10 % протестированных учащихся.

Таблица 1

Уровни эмоционального отношения к учению

Уровни	Интерпретация	Лицей № 1580, 11 кл., 99 чел.
1	Продуктивная мотивация и позитивное эмоциональное отношение к учению	11,1 %
2	Позитивное отношение к учению	20,2 %
3	Переживание "школьной скуки"	2,0 %
4	Диффузное эмоциональное отношение к учению	32,3 %
5	Диффузное эмоциональное отношение к учению при фрустрированности значимых потребностей	11,1 %
6	Негативное эмоциональное отношение к учению	2,0 %
7	Резко отрицательное отношение к школе и учению	1,0 %
8	Чрезмерно повышенная эмоциональность на уроке, обусловленная неудовлетворенностью ведущих социогенных потребностей	-
9	Повышенная эмоциональность на уроке	-
10	Школьная тревожность	1,0 %
11	Позитивное эмоциональное отношение к учению при фрустрированности потребностей	19,2 %
12	Позитивное эмоциональное отношение к учению при повышенной чувствительности к оценочному аспекту обучения	-
13	Школьная тревожность с ярко выраженным негативным отношением к учению (повышенная агрессивность)	-

Следует отметить как негативную тенденцию, отмеченную в работе [4], где показано, что в течение последних лет отмечается рост доли лицейстов, имеющих диффузное отношение к учению.

Средние оценки и доверительные интервалы по Стьюденту при уровне значимости 0,05 оценок ЕГЭ для учащихся с разным эмоциональным отношением к учению приведены в таблице 2.

Таблица 2

Средние значения и доверительные интервалы оценок ЕГЭ

Уровень эмоционального отношения к учению	Среднее значение оценки ЕГЭ по физике	Доверительный интервал
1	65,8	9,7
2	74,9	4,8
4	65,1	4,4
5	65,5	7,0
11	73,8	7,0

Из приведенных результатов следует, что продуктивно мотивированные учащиеся с позитивным отношением к учению (уровень 1) имеют практически такой же средний балл, как и учащиеся с диффузным отношением (уровень 4). Однако разброс результатов в группе учащихся с уровнем 1 существенно выше, чем в группе с уровнем 4. Если подробно рассмотреть распределение оценок внутри группы, то заметно, что в группе с уровнем 1 практически не встречаются оценки, близкие к средней, только либо очень высокие, либо существенно ниже средней. А вот в группе с уровнем 4 оценки мало отличаются от средней.

Учащиеся из групп с фрустрированными потребностями, как позитивно (уровень 11), так и диффузно (уровень 5) относящиеся к учению, имеют меньший, чем продуктивно мотивированные учащиеся разброс оценок (но больший, чем "чистые диффузники"). При этом закономерен более высокий средний балл в позитивно настроенном уровне 11.

Учащиеся с выраженной мотивацией достижения учатся, прежде всего, из желания доказать самому себе, что способны на многое. Следовательно, учеба для учащихся с продуктивным позитивным отношением к учению является необходимым этапом к дальнейшему

успешному освоению научных дисциплин и правильному выбору профессии согласно мотиву самореализации. Для данных учащихся учебная деятельность является ведущей сферой самореализации, места, где он может заявить о себе, развивать себя, реализовывать свои достижения и т.д. Их желание тщательно продумать свою работу, беспокойство за результат становятся подчас причиной срывов в контрольных мероприятиях, в частности, на ЕГЭ.

У авторов по результатам аналогичных проведенных ранее исследований с другими группами учащихся различных образовательных учреждений есть основания полагать, что для учащихся с диффузным отношением к учению ведущим мотивом является боязнь наказания со стороны школы, семьи и мотив социального одобрения (родителями, педагогами, одноклассниками). Для этих учащихся важным является одобрение, признание его успехов со стороны родителей, и они учатся, прежде всего, ради похвалы, признания, поощрения при значимости наказания, порицания за его учебные неудачи. Такие учащиеся учатся из-за страха быть наказанными, особенно со стороны семьи, где они боятся быть неуспешными и неспособными. Обучение таких учащихся, как правило, носит характер «дрессировки». Они могут хорошо справляться с типовыми заданиями, но затрудняются при выполнении заданий творческого характера, так как боятся ошибиться и тем самым вызвать неудовольствие родителей или педагогов.

Авторы считают, что в целом результаты проведенного исследования подтверждают их представление о том, что учащиеся с позитивным отношением к учению могут достигать высоких результатов в обучении, учащиеся с диффузным отношением к учению сами устанавливают себе "потолок" учебных достижений и ограничивают себя в познавательной деятельности. К счастью, практическая деятельность одного из авторов, С.Ю. Капустиной, позволяет утверждать, что эмоциональное отношение к учению поддается психологической коррекции (см. [1]).

В связи с этим в процессе дальнейших исследований авторы предполагают сформировать рекомендации по объединению усилий педагогов, психологов и административных работников образовательных учреждений по

более полному учету индивидуальных особенностей обучающихся и целенаправленному формированию на этой основе индивидуальных траекторий обучения.

Список литературы

1. Капустина С.Ю. Одаренные дети в физико-математическом лице. Эмоциональное отношение к учению. – В кн. "Интеллектуальная и творческая одаренность. Междисциплинарный подход. Сборник трудов III открытого международного науч.-метод. семинара "Апрельский форум". /Под редакцией В.В. Альминдерова, А.А. Никитина, М.Г. Пашенко. – Новосибирск, Издательство ИПИО РАО, 2010. – с. 79 – 85. – ISBN 978-5-91650-042-4
2. Кравцов А.В. Одаренные дети и Единый государственный экзамен по физике. – В кн. "Интеллектуальная и творческая одаренность. Междисциплинарный подход. Сборник трудов III открытого международного науч.-метод. семинара "Апрельский форум". /Под редакцией В.В. Альминдерова, А.А. Никитина, М.Г. Пашенко. – Новосибирск, Издательство ИПИО РАО, 2010. – с. 89 – 92. – ISBN 978-5-91650-042-4
3. Капустина С.Ю., Кравцов А.В. Анализ эмоционального отношения к учению при обучении одаренных детей естественно-научным дисциплинам в профильных образовательных учреждениях. – Инженерный журнал: наука и инновации, 2013, вып. 8. – URL: <http://engjournal.ru/catalog/pedagogika/hidden/904.html>
4. Капустина С.Ю., Кравцов А.В., Строганова Л.Ю. Сравнительный анализ эмоционального отношения и мотивации среди учащихся основной ступени профильных и общеобразовательных учреждений. – Интеграция науки и образования: сборник статей Международной научно-практической конференции (13-14 июня 2014 г., г. Уфа). – Уфа: РИО ОМЕГА САЙНС, 2014. – с. 100 – 102. – ISBN 978-5-9905666-1-3

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД

Леонтьева Юлия Андреевна

Доцент, кандидат юридических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России, доцент кафедры педагогики и социальной психологии, Санкт-Петербург

Иванова Елена Сергеевна

Кандидат педагогических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России, старший преподаватель кафедры педагогики и социальной психологии, Санкт-Петербург

Такие понятия как нравственность, мораль и этика используются как синонимы. Если обратиться к истории возникновения этих терминов, то слово этика происходит от *ethos* и в переводе с греческого означает нрав, обычай, характер. Введенное Цицероном понятие *more* означает общепринятые традиции, негласные правила, позднее возникло слово *moralitas* (мораль). *Ethica* и *moralitas* соответствуют русскому слову нравственность.

Этика - это, прежде всего, принципы и нормы поведения людей по отношению друг к другу и к обществу.

В педагогике право, мораль и нравственность рассматриваются как социально-психологические регуляторы поведения и деятельности человека. Такая норма как

право оказывает воздействие на личность через закон (административная и уголовная ответственность), ограничивающим мотивом является страх. Мораль влияет на человека через общественное мнение и стыд перед общественным порицанием и осуждением. Нравственность проявляется через внутреннее убеждение человека и регулятором поведения выступает совесть.

Под нравственностью понимается область общественной жизни и поведения людей, характеризующаяся степенью практической воплощенности в них идеалов добра, справедливости, порядочности, совести, долга, ответственности [4, с.367].

В результате выбора профессии сотрудника ОВД человек обязан не только думать о своей чести и личном

достоинстве, но и оберегать честь других, защищать достоинство каждого гражданина. Именно этого требует долг сотрудника ОВД.

Вся правоохранительная деятельность сотрудников ОВД пронизана моралью:

- 1) Мораль и право находятся в нераздельной связи, оказывают взаимное влияние друг на друга. Право всегда имеет моральные начала. Правовые нормы в свою очередь, имеют силу, если они моральны, если они утверждают добро и справедливость, защищают господствующую мораль и отвечают моральным ожиданиям народа.
- 2) Решение правоохранительных задач – это, прежде всего защита справедливости, утверждение добра, борьба со злом, несправедливостью. Занимаясь профилактикой правонарушений, раскрывая и расследуя их, охраняя общественный порядок, сотрудники ОВД не только укрепляют законность, но одновременно действуют морально, защищают и укрепляют мораль, веру людей в справедливость, в неизбежность наказания зла и несправедливости.
- 3) Защищая общественный порядок, сотрудник обязан сам в своих действиях, поведении и личной жизни быть морально примерным. Это не только дает ему моральное право требовать должного поведения от других но и повышает успешность решения моральных проблем при выполнении служебных обязанностей.
- 4) Мораль – это не только требование, характеристика сознания сотрудника, его личных качеств и подготовленности, но и неотрывная сторона, результат профессиональных действий. Несоответствие подготовленности морально-психологическим требованиям, которые объективно ему предъявляет профессиональная деятельность, ведет к срывам, ошибкам, профессиональной деформации, нарушению законности, подрыву авторитета правоохранительных органов, престижа профессии сотрудника, снижению активности участия населения в укреплении правопорядка, утрате веры гражданами в справедливость [Ошибка! Источник ссылки не найден., с.367].

Нравственные проблемы профессиональной деятельности сотрудников ОВД изучает профессиональная этика.

Профессиональная этика – это наука о применении общих норм морали и специфических требований в повседневной деятельности сотрудника ОВД. Это и общие нормы нравственного поведения в их специфическом выполнении, а также особые нормы в определенном виде профессиональной деятельности.

Особенно большое внимание профессиональной этике юриста уделял А.Ф. Кони, считая ее единственным верным способом осуществления служебного долга. «Я всегда находил, что наряду со служебным долгом судебного деятеля вырастает его нравственный долг. Он предписывает никогда не забывать, что объектом действия этого деятеля, прежде всего, является человек, имеющий право на уважение к своему человеческому достоинству. Всякое поругание последнего есть, неизбежно, поругание собственной души в ее величайшем проявлении – совести».

Главные категории профессиональной этики сотрудника ОВД – это долг и честь.

Долг – осознание человеком важности выполнения в любых условиях требований, накладываемых на него профессией.

Понятие долга взаимосвязано с понятиями достоинство и честь.

Достоинство – этическая категория, признающая ценность любого человека в обществе. Достоинство неотчуждаемо, им обладает каждый член общества.

Честь – этическая категория, связанная с категорией достоинства, характеризующая, прежде всего, отношение к человеку со стороны общества. В отличие от достоинства, честь – понятие, отчуждаемое и неравноценное, связанное с положением каждого конкретного человека в обществе, с его нравственными заслугами.

Профессиональная честь – это особое отношение человека к себе и отношение общества к человеку. Честь – именно то, что возвышает человека, что придает его чувствам, интересам и стремлениям истинное благородство [1, 25].

Честь как стимул выполнения профессионального долга выступает обычно в форме кодекса чести. В прошлом существовал кодекс сословной чести (например, рыцаря). Древнейший кодекс – клятва Гиппократова (этический кодекс врачей), к которому за два тысячелетия было сделано всего лишь одно дополнение: «Клянусь обучаться всю жизнь» [Ошибка! Источник ссылки не найден., с.20].

Понятие «профессиональная честь» отражает оценку важности определенной профессии в обществе. Осознание этой значимости очень важно для сотрудника ОВД и является основой профессионального достоинства, самооценки своей службы. Понятия «честь» и «служба» тесно связаны между собой. В былые времена под честью понималось высокое звание, должность. В Толковом словаре Владимира Даля честь определяется как совокупность высших морально-этических принципов в личности. Понятие чести является основой для формирования нравственного достоинства человека, его доблести, честности, благородства души, чистой совести, стремления следовать возвышенному идеалу правды, справедливости, добра, служения своей Родине.

Честь не только нравственная, но и историческая категория. Она производная от условий эпохи, в которой живут люди, является частью их сознания, ориентирована на ту или иную систему ценностей, норм поведения и т.д. Честь вместе с тем и категория деятельная. Она проявляет себя в поступках людей, в их отношениях друг с другом.

Такие понятия, как честь, достоинство, служебный долг, в правоохранительной системе выступают как показатели оценки служебной деятельности сотрудников, в том числе и самооценки. Сотрудник выстраивает свое поведение, взаимоотношения с окружающими его людьми в соответствии со своими представлениями о долге, чести, верности делу. Если его работа либо ее последствия входят в противоречие с представлениями человека об этических категориях, то он не позволит себе совершить данное деяние, проступок. Верно и обратное, когда полное соответствие мотивов поступка и предполагаемых результатов представлениям сотрудника об этических категориях служит мощным стимулом решительных, энергичных и бескомпромиссных действий, в том числе связанных с риском для жизни и здоровья.

В 1992 году в России был принят Кодекс чести рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, в 2008 году принят Кодекс профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Аналогичные кодексы существуют и за рубежом: Кодекс профессиональной этики полицейского, принятый странами ЕЭС, Закон этики полицейского США.

Если проанализировать все многообразие этических норм, выработанных представителями профессиональной группы, то независимо от географических, национальных особенностей, можно найти много общего. Для деятельности сотрудников ОВД есть особенные, нехарактерные для других сфер человеческих отношений вопросы, нравственные проблемы в силу специфики методов профессиональной деятельности. Например, оперативная работа несет в себе целый «букет» таких профессионально-этических коллизий и подчеркивает наличие особых нравственных проблем: конспиративность (скрытность), оперативная комбинация (ложь, дезинформация), моральная маскировка (притворство), скрытое наблюдение и разведка, работа под прикрытием, внедрение в преступную группу (скрытое выведывание чужого замысла под личностью соучастника).

Серьезной этической проблемой становятся такие стрессовые ситуации как применение огнестрельного оружия, смерть товарища по службе, контакт с агрессивно настроенными гражданами.

Кроме того, правовое государство в России находится на стадии формирования. Не изжитыми остаются сильные традиции двойственной этики, существовавшие еще в милиции со времен НКВД.

Поэтому важно и необходимо этическое воспитание сотрудников ОВД, овладения системой знаний в области профессиональной этики.

Характер взаимоотношений между органами внутренних дел и населением в современных условиях является индикатором социально-политической ситуации в стране. В глазах граждан ОВД являются осязаемым инструментом власти, органом, осуществляющим от имени государства непосредственный, повседневный контакт с гражданами. От эффективности взаимоотношений органов внутренних дел с населением зависит стабильность в обществе и успешность профессиональной деятельности.

Специфика профессиональной этики сотрудника ОВД заключается в регламентации правовыми и нормативными актами. В связи с этим одной из задач становится изучение актуальных правовых актов, содержащих этические нормы и требования к деятельности сотрудников ОВД. Деятельность правоохранительных органов строится на основе Конституции Российской Федерации, закона «О полиции», Кодексе профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в точном соответствии с принципами законности, гуманизма, уважения прав человека, гласности, открытости, защиты граждан независимо от их социальной, этнической и иной принадлежности. В этих условиях возрастает значение этического воспитания сотрудников ОВД.

Профессиональная этика должна быть неотъемлемой характеристикой облика сотрудника ОВД. Она предписывает сотруднику быть справедливым, непредвзятым, честным, ответственным, беречь свою честь, выполнять свой долг, безупречно себя вести как на службе, так и вне профессиональной деятельности. В профессиональной этике находят выражение мораль и культура человека. Главное отличие профессиональной этики сотрудника ОВД в том, что все требования к моральному облику, служебному поведению и общению являются нормативными, то есть обязательными для выполнения.

В деятельности сотрудников ОВД имеется ряд серьезных нравственных ситуаций, специфичных только для данного вида профессиональной деятельности:

- экстремальность общения с правонарушителями, агрессивно настроенной толпой;
- применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.
- противоречие между нравственными нормами и методами ОРД.

В процессе профессиональной деятельности сотрудник ОВД повседневно вмешивается в сложные области человеческих взаимоотношений, выступает в роли арбитра в конфликтных ситуациях, поэтому от сотрудника требуется:

- профессионального решения задач по охране правопорядка
- умения разяснять и применять принудительные санкции
- владения способами ненасильственного разрешения конфликтов.

Все многообразие проблем профессиональной этики сотрудников ОВД можно свести к трем группам:

- изучение отношения сотрудников ОВД к своей деятельности (объекту деятельности, целям, методам и формам работы);
- профессионально-нравственные отношения внутри коллектива ОВД;
- профессионально-нравственные отношения сотрудников ОВД с различными категориями граждан.

Придавая большое значение субъектной деятельности людей, А.Ф. Кони писал: «Как бы хороши ни были правила деятельности, они могут потерять свою силу и значение в неопытных, грубых или недобросовестных руках. Чем больше оттенков в своем практическом применении допускаю эти правила, чем глубже они касаются личности и участия человека, чем более важным интересам общественной жизни они служат, тем серьезней представляется вопрос – в чьи руки отдается приложение этих правил» [3, с.32-33].

Соблюдение моральных требований способствует достижению целей управления наиболее приемлемым для общества путем, обеспечивает правильное применение норм закона. Поэтому этические нормы для сотрудника ОВД обязательны. При этом в понятие этики включаются вопросы, связанные с правилами поведения и общения людей в процессе служебной деятельности как внутри коллектива, так и во внешней среде.

Реализации этических норм способствует не только внутреннее убеждение сотрудника, его готовность поступить правильно, но и боязнь осуждения со стороны коллег. Этика взаимоотношений находится под пристальным вниманием общественного мнения. Одобрение или осуждение – важный импульс формирования определенных качеств и привычек. Государственные служащие должны исполнять свои обязанности честно, добросовестно, старательно, на основе взаимного уважения, товарищества и взаимопомощи. Вся деятельность сотрудника ОВД и его руководителя должна протекать с учетом управленческой этики, этики сотрудника ОВД.

Нарушение норм этики особенно нетерпимы в отношениях между сотрудниками ОВД и гражданами. В этом плане особенно важно, чтобы сотрудник в любых ситуациях был беспристрастен, вежлив и внимателен, соблюдал принцип равенства граждан перед законом, проявлял к ним индивидуальный подход.

Большую опасность представляет бюрократизм, т.е. формальное бездушное применение закона, шаблонов, игнорирование творческого и уважительного к людям подхода к решению служебных задач. С этих позиций важно в любую инструкцию, положение или нормативные акты, имеющие цель регламентировать служебную деятельность сотрудников ОВД, вкладывать этическое содержание. Чем выше культура сотрудников ОВД, тем выше их авторитет среди населения. Поэтому одна из важных задач управления – разработка норм деятельности сотрудников, изучение вопросов этики применительно к различным ситуациям, возникающим в работе сотрудников.

Подводя итоги сказанному, можно сделать вывод, что в свете требований предъявляемых сегодня к сотруднику ОВД профессиональная этика занимает важное место в правоохранительной деятельности и задача этического воспитания сотрудников ОВД является первоочередной.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «СУПЕРПОТРЕБЛЕНИЕ»¹

Список литературы:

1. Витольник Г.А. Воспитание профессиональной чести слушателей вузов МВД России : дис. ... канд. пед. наук : СПб., 1997.- 159 с.
2. Котлярчук А.С. Основы профессиональной этики. Комплект учебно-методических материалов для отделений заочного обучения образовательных учреждений МВД России. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2001. – 72с.
3. Кулагин Н.И. Психология и этика управления в следственном аппарате органов внутренних дел: учебное пособие. – Волгоград, 1981.- 56 с.
4. Юридическая педагогика: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» [Беличева С.А., Беляева Л.И., Буданов А.В. и др.]; Под ред. проф. В.Я. Кикотя, проф. А.М. Столяренко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. – 895с.

Истратов Виктор Александрович,

канд. экон. наук, старший научный сотрудник, ЦЭМИ РАН, г. Москва;

Ноакк Наталия Владимовна,

канд. психол. наук, ведущий научный сотрудник, ЦЭМИ РАН, г. Москва

Патоша Ольга Ивановна,

канд. психол. наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва,

К характерным особенностям новой потребительской культуры, являющейся неотъемлемой частью общества потребления, относятся индивидуализация потребления, массовое потребление материальных благ, ориентация на потребление как процесс социального самоутверждения, конструирования идентичности и коммуникации. В качестве основной характеристики современного потребления можно выделить избыточное использование товаров и услуг, в противовес рациональному, необходимому для нормального функционирования человека, или *суперпотребление*. Данный феномен, несмотря на высокую желательность для компаний-производителей продуктов, является весьма опасным для субъективного благополучия потребителей. Следствием избыточного потребления могут стать ухудшение материально благосостояния и долги, резкое снижение уровня удовлетворенности жизнью, социальная дезадаптация, связанная с уходом в мир вещей, подмена ценности обладания ценностями обладания, что может приводить к проблемам в межличностной сфере.

Несмотря на актуальность исследований этой сферы, экспериментальные результаты изучения феномена не очень обширны. Кроме того, как правило, отечественные потребители представлены недостаточно широко. Эти основания побудили нас к экспериментальному исследованию феномена *суперпотребления* [1].

Анализ литературы показал, что наиболее адекватным дизайном эмпирического исследования поведения потребителей является сочетание качественных и количественных методов, т.е. использование проективных, нестандартизированных методов для вскрытия глубинных

структур личности совместно с прямыми методами, рассчитанными на самоотчет испытуемых о своих действиях, намерениях, желаниях [2]. В ходе исследования использована модифицированная авторская методика «Определения», в основу которой положен принцип сбора формулировок представлений о ряде часто встречающихся качеств личности. Формулировки даются в свободной форме, что должно привести к отражению в них реальных представлений испытуемых о конструкциях качеств, их назначении, пределах их действия, а также позволяет выявить индивидуальные тяготения к определенному способу «презентации» себя, удобному для последующего выбора тактики конкретного поведения. Отличительной особенностью используемой процедуры является также то, что, благодаря её конструкции, респонденты в своих определениях используют ряд способов толкования, позволяющих им впоследствии регулировать свое поведение и отношения, оперируя тем или иным словом-понятием. Проведенная работа позволит в будущем скорректировать опросник в плане адекватного отражения в нём представлений и понимания испытуемыми изучаемых психологических характеристик. Параллельно была проведена методика, выявляющая ассоциации испытуемых с предложенными качествами («Ассоциации»). Выборку составили 85 студентов вузов в возрасте от 18 до 23 лет (средний возраст – 20 лет, ст. отклонение 2,5 года).

В ходе анализа определений и ассоциаций мы выделяли ключевые слова и словосочетания (признаки), характеризующие представление респондента о качестве, присваивали им порядковые номера в зависимости от частотности употребления; похожие, по нашему мнению,

¹ Материал подготовлен по результатам исследования, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (проект №13-06-00018а)

признаки объединяли (опуская некоторые различия). Рядом стоит число, указывающее на количество упоминания признака в выборке. Порядок перечисления определяется принципом – «от большего к меньшему».

Бросается в глаза большая разница в количестве и содержании интерпретаций при сравнении результатов методик «Определения» и «Ассоциации»: количество признаков в «Ассоциациях» в несколько раз превышает количество признаков в «Определениях». Скорее всего, это различие ещё более выражено, если некоторые близкие признаки определений объединить в одну группу. Ассоциации испытуемых более разнообразны, охватывают как мотивы качества, так и его функции, не считая структурных компонентов.

Проанализируем частотность признаков:

В Определениях преобладает признак, связанный с представлением о мере, границах, пределах потребления или покупки (в совокупности - 91 раз)

1. чрезмерное потребление - 20; потребление, выходящее за рамки необходимого (в больших количествах) - 37;
2. чрезмерное стремление покупать -20; покупка предметов, которые не нужны в таком количестве -7;
3. больше, чем требуют реальные потребности -7.

Дальше частотность распределяется следующим образом:

4. указание на неконтролируемое поведение («человек не может остановиться») - 8; сметает всё с полок – 5;
5. сверхиспользование объекта, до конца, на 100% 4;
6. возникает из-за увеличения доходов человека 2;
7. навязывание потребителям товаров и услуг 2;
8. через потребление реализует другие цели 2.

Как явствует из таблицы, на втором месте по частотности использования – признак, указывающий на неконтролируемость поведения человека в ситуации потребления. Несколько особняком стоит признак №5 – непонятно, что респонденты имели в виду. Возможно, такое качество современного потребления, когда его объект важен не только в силу прямых функций (как, например, потребность в одежде для тепла), но и как элемент престижа, принадлежности определённой группе, следования моде (как в случае с демонстративным или престижным потреблением).

Два следующих признака (№№ 6, 7) представляют возможные причины подобного поведения: увеличение доходов (№6), маркетинговые стратегии (№7). Наконец, №8, вполне вероятно, также акцентирует престижность (демонстративность) потребления.

Подводя итог, можно сказать, что ключевым признаком в определении понятия «суперпотребление» всё же остаётся указание на пересечении некоторой границы, меры, которая определяет необходимость потребления.

Ассоциации

1. переизбыток 46;
2. перенасыщение 30;
3. пустота 16;
4. долг 15;
5. шопоголик(зм) 11;
6. безрассудность 10;
7. нерациональность 10;
8. замещение желаемого множеством доступного 10;
9. зависимость 9;

10. тревогоудие 9;
11. гипермаркеты, бутики, тележки с товарами 9;
12. кредит 6;
- патология 5;
13. лишние покупки 5;
14. потребность заполнить пустоту4;
15. отсутствие конкретных ценностей 3;
16. возрастающая потребность 2;
17. захламенение 1;
18. истощение 1.

В ассоциациях основной акцент также сделан на понятии меры, предела границ, выходящих за рамки необходимого, здравого смысла. В данном случае, однако, видимо, в силу возможностей самой методики, указываемые ассоциации воспринимаются в более широком семантическом контексте: речь может идти не только о поведении или стремлении человека к чрезмерному потреблению, но и об особенностях общества, которое характеризуется «переизбытком», «перенасыщением» товаров потребления. Оценка опрашиваемых подобного явления неоднородна. Просматривается, к примеру, тенденция оправдать это желание - в качестве причин подобного поведения указываются, например, финансовые проблемы (связанные с долгом) или общеличностные (ощущение пустоты, отсутствие конкретных ценностей). В качестве социальных причин приводятся маркетинговые стратегии - гипермаркеты, бутики, тележки с товарами (9). Отдельно можно выделить группу ассоциаций, указывающих на проблемы с самоконтролем (№6; отчасти - №7). Есть также прямые ссылки на болезненность проявлений (зависимость, шопоголизм, патология). Некоторые ассоциации указывают на негативные последствия подобного поведения (№№ 6; 18; 19; 4; №10; 12). По количеству указанных признаков этот аспект *суперпотребления* представлен наиболее полно.

И в определениях, и в ассоциациях не замечено отчётливо отрицательное отношение к данному феномену. Испытуемые, скорее, пытаются найти причины такого поведения, тем самым, оправдать, понять его. Несмотря на желание респондентов определить явление суперпотребления, указать его причины, механизмы, последствия, неясным остаётся самое главное – представление о мере, границе, через которые в данных ситуациях человек переступает. Акцент делается именно на самом моменте перехода, выхода за пределы, но ни качественного, ни количественного выражения эти границы и пределы не получают. Указание на рациональность поведения как на возможный критерий разграничения, равно как и на патологию проявлений, практически, мало что даёт для определения количественных инструментов диагностики изучаемых феноменов. Это побудило нас обратиться к исследовательской литературе, связанной с определением социальных норм потребления.

Пожалуй, первое, что приходит в голову, когда поднимается тема нормирования потребления в социальном аспекте – это прожиточный минимум. Официальные прожиточные минимумы формируются в каждой стране по своему с учетом национальной специфики. В России за основу берется потребительская корзина, состав которой утверждается постановлением правительства (на момент написания действует Постановление Правительства РФ №54 от 28.01.2013) [3]. Согласно постановлению корзина состоит из 156 наименований, в том числе из 33 наименований продовольственных товаров. Документ предполагает разделение населения на социальноэкономические группы, а субъектов федерации - по специальным зонам,

главным образом, на основе климатических особенностей. Затем базовый норматив потребления корректируется с учетом принадлежности к группе и зоне.

Происхождение нормативов потребления продуктов питания традиционно: на основе специальных исследований рассчитывается средняя минимальная норма потребления питательных веществ (белков, жиров и углеводов) на одного человека, а затем на основании содержания этих питательных веществ в продуктах питания рассчитывается норма потребления продуктов питания в натуральном выражении. Но в случае непродовольственных товаров минимум потребления определить не так просто. В постановлении Правительства минимально необходимая стоимость непродовольственных товаров определяется не в натуральном, а в денежном выражении и рассчитывается как доля от стоимости продовольственной корзины. Ясных критериев для определения минимума потребления непродовольственных товаров не приводится. Это подчеркивает сложность определения подобного минимума.

Выводы. Понятие «суперпотребление» является многогранным понятием, отражающим различные аспекты потребительского поведения, недостаточно сформированные в представлении респондентов. Последнее, с одной стороны, даёт возможность снизить риск социально желательных ответов, открывая возможности для индивидуального творчества, с другой, затрудняет понимание конструкции феномена. Преобладание в определениях *суперпотребления* указания на пределы, меру данного качества указывает на потребность задания такой нормы

извне, со стороны социума. Однако, можно предположить, что такая ситуация даст возможность определённым группам людей оправдывать свои потребительские действия именно отсутствием таких норм, что может вести к девиантному, а также социально опасному поведению.

Список литературы:

1. Истратов В.А., Ноак Н.В., Патоша О.И. Феномен суперпотребления: структура, детерминанты, психологические корреляты // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. М.: Финансы и кредит, №22 (211). 2013. - С. 55-61
2. Патоша О.И. Психологический анализ мотивации поведения потребителей на рынке товаров бытового потребления. Режим доступа: http://rumagic.com/ru_zar/sci_psychology/ivanova/1/j13.html
3. Постановление Правительства РФ от 28.01.2013 N 54 (ред. от 19.08.2014) «Об утверждении методических рекомендаций по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения в субъектах Российской Федерации». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167676/
4. Gordon D. Indicators of Poverty & Hunger: Выступление на Expert Group Meeting on Youth Development Indicators United Nations Headquarters, New York: 12th–14th December, 2005.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ВЗАИМОПОЗНАНИЯ В ДИАДЕ «ПРЕПОДАВАТЕЛЬ-СТУДЕНТ»

Перышкова Светлана Алексеевна

Канд. псих. наук, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии, Мичуринский государственный аграрный университет, Социально-педагогический институт, г. Мичуринск

Важная задача, стоящая перед системой вузовского образования, – всестороннее развитие личности студентов и подготовка их к профессиональной деятельности. Педагогическое взаимодействие в высшей школе создает неповторимые и естественные условия обучения и воспитания студента. Благодаря целесообразному взаимодействию с преподавателем у студента можно развить способность к дальнейшему личностно-профессиональному становлению. Говоря об эффективности педагогического взаимодействия, необходимо четко представлять его цель, состоящую в личностно-профессиональном развитии студента, необходимом для успешной профессиональной деятельности.

Категория взаимодействия является существенным методологическим принципом познания природных и общественных явлений. Чтобы действительно вскрыть суть объекта, необходимо выявить его закономерные взаимодействия. Любой объект может быть понят и определен лишь в системе отношений и взаимоотношений с другими окружающими явлениями, их частями, сторонами и свойствами. Взаимодействие не только исходный, но и конечный пункт познания.

Педагогическое взаимодействие по развитию предпосылок личностно-профессионального становления у студентов может быть эффективным лишь в том случае, если его участники – в данном контексте преподаватель и

студент – являются взаимно значимыми. Безразличие к студенту, равнодушие к его индивидуальным особенностям и запросам, игнорирование его внутреннего мира, оценки, которую он дает преподавателям, его позиции по отношению к ним, искажает и парализует результаты воздействий, которые кажутся «педагогическими». Именно поэтому в современной психологической мысли особое значение приобретает познание личностных особенностей участников взаимодействия в процессе воспитания. Актуальна проблема «значимого другого» (понятие впервые введено Г. Саливаном). Субъективная оценка значимости другого человека, возникающая в совместной деятельности или общении, занимает важное место в развитии человека.

Проведенный анализ позволил нам в качестве важного компонента предпосылок личностно-профессионального развития выделить взаимопознание, которое предполагает воспроизведение личностью зафиксированных в общественном опыте приемов, действий, знаний, умений, навыков, привычек. Личностно-профессиональное развитие студента является результатом всего предшествующего взаимопознания в процессе взаимодействия с преподавателем, родителями, сверстниками, на которое можно опереться в дальнейшей деятельности. Мы полагаем, что основной целью взаимодействия преподавателя со студентом является построение взаимопознающего вза-

имодействия по развитию предпосылок личностно-профессионального становления студентов.

Мы исходим из понимания взаимодействия как процесса непосредственного или опосредованного влияния преподавателя на студента, предполагающего их взаимообусловленность общими задачами, интересами, совместной деятельностью. Как показывают исследования, условием реализации взаимодействия является взаимопознание, на основе которого возникает готовность субъектов к сотрудничеству, к личностному контакту, к прогрессивному движению в направлении разрешения основной для субъекта проблемы. Таким образом, взаимодействие между преподавателем и студентом может быть охарактеризовано как форма их совместной деятельности, основанная на взаимопознании и личностном общении.

Педагогическое взаимодействие, как один из основных механизмов развития и формирования профессионализма личности, является сложным структурным образованием. Динамизм взаимодействия и его сложная структура направлены на конкретную цель – познание партнерами по контакту друг друга. Соответственно, эта цель определяет выбор форм, уровней взаимодействия, динамическое сочетание функций. В то же время, взаимопознание является и результатом межличностного контакта, завершающей фазой взаимодействия. Поэтому, взаимопознание включает в себя и определяющую (цель взаимодействия) и завершающую (результат взаимодействия) функции в системе общения «Я» - «другой».

В результате состоявшегося взаимодействия участники выходят из него измененными (меняется объем информации, настроение, переживания, установки, позиции, отношения и т.д.). Небольшие частные изменения в совокупности определяют некоторые изменения в личности. Чем более часто происходят взаимодействия с другими, чем более они интенсивны и глубоки, тем скорее эти изменения приобретают необратимый характер, определяя развитие личности. Только в диалоге с другими осуществляется становление личности, познание себя, познание другого и познание мира в целом.

По мнению А.А. Ухтомского человек не видит людей такими, каковы они есть в действительности, а проецирует на них свои взгляды, установки, предубеждения. Чтобы освободиться от этого, необходимо избавиться от эгоцентрической доминанты, то есть перенести «доминанту с себя» на «доминанту на собеседника». В этом проявляется глубокий смысл взаимопознания. Переключаясь на другого, человек обретает свое «лицо» – свою неповторимую индивидуальность. Преподаватель, владеющий способом «перенесения доминанты» способен глубже понять студента и самого себя в образовательном процессе, в результате чего его взаимодействие со студентом становится не столько обслуживающей формой обучения, сколько процессом взаимного личностного развития.

Таким образом, взаимопознание не только является единицей взаимодействия, но и имеет развивающие функции. Развитие личности в процессе взаимопознания происходит как движение от конфликтной личностной позиции к объективному пониманию и, дальше, к новой личностной позиции. И, что самое важное, завершенная целостность и логика взаимопознания позволяют рассматривать его как основу взаимодействия преподавателя со студентами.

Психологическое взаимопознание возникает в результате общности психического состояния людей, вызванной их взаимным пониманием и связанных с обоюдной заинтересованностью и доверием друг к другу взаимодействующих сторон. В условиях взаимопознания наиболее полно проявляются все личностные свойства субъектов взаимодействия, сам факт его установления приносит им интеллектуальное и эмоциональное удовлетворение.

Внешним проявлением взаимопознания является поведение взаимодействующих субъектов. Внутренним условием взаимопознания между взаимодействующими сторонами является проявление искреннего, подлинного уважения друг к другу, эмпатийность и толерантность. В педагогическом взаимодействии психологический контакт определяет возможность естественного незатрудненного общения, наличие которого важно для продуктивного взаимодействия его субъектов. Взаимопознание является основой, которая служит для того, чтобы скрепить партнеров в диадное взаимодействие. Основная функция взаимопознания – формирование общего смыслового поля участников взаимодействия, позволяющего объединить интересы сторон, выработать сходное видение задач в данной конкретной ситуации. Таким образом, взаимопознание в образовательном процессе – это условие и следствие продуктивного взаимодействия преподавателя и студента, повышающее эффективность учебного процесса и его результат.

Педагогическая деятельность, имея своим содержанием воспитание и обучение, с необходимостью направлена на развитие целостной личности. Взаимопознание, являясь основой межличностного взаимодействия в педагогическом процессе приобретает особую форму и содержание. В отличие от обыденной жизни, в педагогической деятельности взаимопознание должно быть целенаправленным и активным, а также должно интегрировать учебные и развивающие функции, то есть выступать как развивающее взаимопознание. Такая особая форма взаимопознания имеет, по крайней мере, следующие специфические черты: организованность, управляемость, адекватность, полноту и непрерывность. Иначе говоря, преподаватель в таком взаимопознании является не только партнером по взаимодействию, а организатором всего процесса, имеющим свою стратегию и тактику. Сам процесс взаимопознания должен быть управляемым со стороны преподавателя в соответствии с целями обучения и конкретными задачами преподавателя. Формы отражения, отношения и обращения должны быть адекватны индивидуально-возрастным особенностям учащихся, а также наличной ситуации взаимодействия. Во взаимопознании преподавателя со студентом должны быть представлены все его фазы: отражение студентов преподавателем, эмоционально-ценностная переработка полученной информации, использование соответствующих способов обращения, организация отражения студентами своего обращения, обеспечение эмоционально-ценностной переработки полученной информации студентом, организация обращения студента к преподавателю. Выпадение любого звена ставит под сомнение развивающий эффект взаимопознания. Наконец, взаимопознание преподавателя со студентом должно быть непрерывным, в том смысле, что смена фаз взаимопознания должна быть последовательной и адекватно ритмичной.

В таком взаимопознании преподаватель и студент выступают как равноправные участники при организующей роли преподавателя. При этом развивающий эффект взаимопознания зависит не только от уровня развития студентов, но, также, и самого преподавателя. С нашей точки зрения, для осуществления взаимопознания в рамках взаимодействия у преподавателя должны быть сформированы необходимые психологические качества: адекватность и полнота отражения себя и другого, активно-положительное отношение к себе и другому.

Сужая круг концепций до линии педагогического взаимодействия в диаде, которые в научных исследованиях выражаются в терминах «я - ты», или внутреннее духовное единство, а также сотрудничество, диалогичность, творческое взаимодействие, личностное общение, педагогическое взаимодействие важно проанализировать с позиции взаимопознания в диаде «преподаватель - студент».

Специфическая форма педагогического взаимодействия в диаде, подразумевает взаимопознание, поскольку каждый включенный в систему отношений в диаде индивид обладает потребностью в подтверждении себя через другого, т.е. взаимопознание в диаде «преподаватель - студент» способствует раскрытию внутреннего потенциала каждого участника педагогического взаимодействия. Потребность взаимопознания в диаде наиболее необходима в условиях педагогического взаимодействия и связана не столько с результатом учебной деятельности, сколько с удовлетворением потребности подтверждения своей «самости», постижения собственного «Я», профессионального становления через взаимоотношения с другими.

В качестве субъектов педагогического взаимодействия представлена диада «преподаватель - студент», где у студента субъективная значимость так называемого подлинного общения (Л.А. Петровская) в сущности своей как раз и подразумевает глубинное взаимопознание, которое затрагивает личностно-смысловые образования.

На основании проведенного факторного анализа можно утверждать, что взаимопознание в диаде «преподаватель - студент» определяется как выделенными факторами «межличностного взаимодействия», «совершенствования взаимоотношений», «профессионального роста» так и неким общим фактором «включенности в педагогический процесс». Активное участие в учебной деятельности в условиях вуза, выражаемое в интенсивном взаимодействии с педагогом, в стремлении улучшить деловые отношения с преподавателем как в формальном, так и неформальном общении, желание получить качественные знания оказывают определяющее влияние на взаимопознание в диаде «преподаватель - студент». Данный анализ характеризует познание личности преподавателя студентом.

Выделенная «простая структура» факторов, влияющих на взаимопознание «преподаватель - студент», показала, что процесс познания в педагогической диаде определяется осознанием необходимости взаимодействия с преподавателем в учебных/внеучебных ситуациях. Взаимопознание способно повышать эффективность взаимоотношений и обеспечивать собственный профессиональный рост. Это означает, что взаимопознание между преподавателями и студентами зависит от взаимодействия в разных сферах учебно-воспитательного процесса, определяется качеством межличностных отношений и направлено на эффективность профессиональной подготовки.

Психологические факторы в диаде «преподаватель - студент» существенно отличаются в восприятии студентов преподавателями. В результате факторного анализа были выделены следующие факторы: «профессионально-личностный»; «индивидуально-избирательный»; «ситуативно-деятельный». В целом, познание студента преподавателем определяется решением как глобальных, так и ситуативных задач педагогической деятельности под влиянием индивидуального выбора, предпочтения и отвержения.

Сравнение двух групп факторов, влияющих на взаимопознание студентов и преподавателей, показывает как сходство, так и различия. Сходство заключается в том, что как с одной, так и с другой стороны взаимопознание побуждается заботой о результатах педагогического взаимодействия и интересом к личности друг друга.

Различия заключаются в том, что познание личности преподавателя студентом обусловлено совершенствованием взаимоотношений с преподавателем через межличностное взаимодействие и заботой о собственном профессиональном росте. Это означает, что в случае незаинтересованности студента в профессиональном развитии при недостаточном сотрудничестве с преподавателем и нежелании совершенствовать педагогические отношения, познание студентом личности преподавателя существенным образом осложняется, а общая картина «преподаватель глазами студентов» может быть искаженной.

В отличие от студентов преподаватели познают их в условиях комплексного профессионально-личностного взаимодействия, включающего как учебное (деловое), так и внеучебное сотрудничество. Такой процесс характерен и для профессиональной деятельности в целом, и для отдельных эпизодов. При этом не исключается индивидуальная избирательность в восприятии студента преподавателем.

Таким образом, во взаимопознании преподавателей и студентов присутствует побуждение узнать друг друга в решении как деловых, так и личностных задач. При этом у студентов преобладают побуждения межличностного характера (каков педагог в общении), в то время как у преподавателей доминируют профессиональные задачи (каков студент в обучении).

Факторный анализ позволил определить взаимопознание в диаде «преподаватель - студент» как процесс раскрытия индивидуальных свойств, состояний и функций, включая свойства характера, интеллекта и коммуникации, процессы взаимодействия, усвоения/передачи знаний, установления взаимоотношений, состояния симпатии/антипатии, увлеченности, активности и включенности в учебный процесс, а также функции учения/обучения, личностного роста/воспитания, аттракции и отторжения. Таким образом, взаимопознание в диаде «преподаватель-студент» представляет собой формирование психологического портрета с описанием состояний, свойств и функций, существенных для совместной деятельности учебного и внеучебного характера.

Последовательное отношение к студенту как к личности, как к ответственному субъекту собственного развития выступает в качестве базовой ценностной ориентации взаимопознания. Оно предполагает помощь студенту в выявлении, раскрытии и развитии своих возможностей, в становлении лично и общественно значимых интересов и устремлений, в его самоопределении, самореализации и самоутверждении.

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СРЕДОВЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ²

Пономарева Ирина Владимировна

к.пс. наук, преподаватель кафедры психологии Челябинский государственный университет, г. Челябинск, РФ

Эвнина Ксения Юрьевна

преподаватель кафедры психологии Челябинский государственный университет, г. Челябинск, РФ

Евстафеева Евгения Александровна

ст. преподаватель кафедры психологии Челябинский государственный университет, г. Челябинск, РФ

Впервые исследование личностной беспомощности как феномена определяющего психологическое благополучие субъекта, было инициировано Д. А. Циринг в авторской концепции личностной беспомощности [3]. Личностная беспомощность определяется как качество субъекта, сопряженное с низким уровнем субъектности, в частности, с неспособностью справляться с трудными жизненными ситуациями, осуществлять успешную деятельность, со сложностями во взаимоотношениях с окружающими [3]. Одним из ключевых вопросов исследования личностной беспомощности является проблема понимания того, как и под влиянием каких факторов возникает личностная беспомощность. Его решение имеет прямую прикладную ценность, так как позволит определить возможности коррекции личностной беспомощности и профилактики. Согласно положениям концепции личностной беспомощности её природа носит преимущественно социально обусловленный характер, но не исключаются врожденные и генетически обусловленные предпосылки [3]. В качестве средовых детерминант формирования личностной беспомощности могут выступать такие предпосылки как интенсивные травмирующие события [3, 4], деформация взаимоотношений в семье ребенка [2, 3], факторы социального характера (полнота семьи, финансовое благополучие и др.) [3].

Для получения более полной картины представлений о роли семьи в формировании личностной беспомощности нами была проведена психодиагностика детей с помощью методики Рене Жилия, направленное на определение того, как воспринимает отношения внутри семьи ребёнок. В данном исследовании принимали участие дети 8-12 лет, у которых предварительно была проведена психодиагностика личностной беспомощности и самостоятельности, как противоположного качества субъекта. Таким образом, были сформированы две контрастные группы.

При сравнении показателей восприятия внутрисемейных отношений детей с личностной беспомощностью и самостоятельностью, характеризующих конкретно-личностные отношения ребёнка (отношение к матери, отцу, к матери и отцу как семейной чете, к братьям и сёстрам, к бабушке и дедушке, к другу, к авторитетному взрослому) с помощью критерия U Манна Уитни значимые различия были обнаружены только по одному показателю – отношению к матери и отцу как семейной чете ($U=1646$, $p=0,018$). Дети с личностной беспомощностью реже проявляют стремление быть рядом одновременно с матерью и отцом, чем самостоятельные дети, и можно предположить, что они воспринимают отношения между родителями как менее гармоничные, тяготеют больше к одному

из родителей. Возможно, в этих семьях связь внутри одного поколения (в данном случае родителей) слабее, чем связь между поколениями (родители и дети), что свидетельствует о дисфункциональности семьи [1]. Самостоятельные же дети воспринимают родительскую чету как одно целое и проявляют стремление быть рядом с обоими родителями одновременно.

При сравнении показателей восприятия внутрисемейных отношений детей с личностной беспомощностью и самостоятельностью, характеризующих особенности самого ребёнка (любопытность, стремление к доминированию, общительность, отгороженность, адекватность) с помощью критерия U Манна Уитни значимые различия были обнаружены показателю «стремление к доминированию в группе» ($U=1450$, $p=0,004$). Дети с личностной беспомощностью реже проявляют стремление к лидерству, к тому, чтобы оказывать влияние на других, на своих сверстников, быть в центре внимания. Они чаще предпочитают роль ведомого, что согласуется с результатами исследования их личностных особенностей (беспомощные дети чаще имеют экстернальный локус контроля, экстремную мотивацию, проявляют зависимость от мнения окружающих, ориентированы в большей степени на других, чем на собственную позицию). Можно предположить, что в семье такой ребёнок приучен к тому, что инициатива не должна исходить от него, что ему отводится пассивная роль, его мнение не имеет решающего значения в принятии решения, родители не позволяют ребёнку получить опыт ответственности и лидерства внутри семьи, он не приучен к тому, чтобы оказывать влияние на ход событий.

В качестве дополнительных показателей, свидетельствующих о влиянии семьи на формирование личностной беспомощности использовались такие показатели, как «материальная обеспеченность семьи» и «полная / неполная семья». Личностная беспомощность у детей достоверно чаще встречается в малообеспеченных ($\chi^2=198,535$ при $p=0,001$) и неполных ($\chi^2=169,217$ при $p=0,05$) семьях. Этот факт свидетельствует о важном значении не только психологических, но и социальных факторов в детерминации беспомощности.

Таким образом, результаты исследования подтверждают средовую обусловленность личностной беспомощности, а именно, влияние нарушений в системе семейных взаимоотношений и социальных факторов. Имея на вооружении психологической практики данные о факторах, детерминирующих личностную беспомощность, психологи смогут предотвратить ее формирование у детей, относящихся к группе риска.

Список литературы:

1. Варга, А. Я. Системная семейная психотерапия : краткий лекц. курс / А. Я. Варга. – СПб.: Речь, 2001. – 144 с
2. Циринг, Д. А. Влияние детско-родительских отношений на формирование беспомощности у детей (системный подход) / Д. А. Циринг, С. А. Сальева // Психологические проблемы современной семьи : материалы третьей Междунар. науч. конф.: в 2-х ч. / под общ. ред. А. Г. Лидерса. - М., 2007. – Ч. 2(2). - С. 398-403.
3. Циринг Д. А. Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности. – М.: Академия, 2010. – 410 с.
4. Циринг Д. А. Травмирующие жизненные события как фактор формирования личностной беспомощности у детей / Д. А. Циринг, И. В. Пономарева // Психология человека в условиях здоровья и болезни : материалы четвертой международной конференции / под отв. ред. О. А. Степичева.- Тамбов, 2014. – С. 156-160.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПОДГОТОВКИ ВОЛОНТЕРОВ К РАБОТЕ С ДЕТЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Шевырева Елена Геннадиевна

Кан. псих. наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Игнатенко Анна Геннадьевна

магистрант 1 курса, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Волонтерство или волонтерская деятельность (от лат. *voluntarius* — добровольно) — это широкий круг деятельности, включая традиционные формы взаимопомощи и самопомощи, которая осуществляется добровольно на благо широкой общечеловеческой без расчета на денежное вознаграждение.

Основой волонтерской деятельности является помощь социально незащищенным людям в разных ее видах. Устоявшимися, традиционными для России являются милосердие, благотворительность и меценатство. В практике и научной литературе освещаются разновидности волонтерской деятельности. На основе анализа исследований Е.С. Азаровой, Е.В. Акимовой, Н.В. Черепановой и др., а также нормативных источников выделены следующие виды волонтерской деятельности: благотворительная, психологическая, педагогическая, правовая, социальная, и др.

Среди форм организации волонтерской деятельности выделяют добровольческие организации, волонтерские группы, индивидуальные волонтеры, По видам оказываемой помощи: милосердие, благотворительность, меценатство.

На сегодняшний день содержание подготовки и реализации педагогически организованной волонтерской деятельности будущих социальных педагогов и специалистов по социальной работе должно носить междисциплинарный характер. И включать в себя, на наш взгляд, следующие необходимые компоненты: знания нормативно-правовой базы, регламентирующей волонтерскую деятельность; необходимый минимум психолого-педагогических знаний, умения взаимодействовать с лицами, и особенно с детьми с ограниченными возможностями здоровья, с учетом возможных изменений ситуации; проектирование возможных проблемных ситуаций и способов их решения.

Следует отметить опыт в данном виде деятельности, накопленный Степановой И.А., которая выделяет два этапа обучения волонтеров:

1 этап - теоретический, он включает в себя освоение элективного курса и теоретической подготовки в рамках общепрофессиональных, специальных дисциплин и специализации, и проектно-тренингового компонента.

Наполняемость, которого состоит из программы подготовки волонтеров, практических семинаров и тренингов, проектирования возможных проблемных ситуаций и способов их разрешения.

2 этап – практический. В него включены волонтерская практика, практика в социальных учреждениях, работа в волонтерских отрядах и группах, разработка и реализация волонтерских акций.

Комплекс условий, обеспечивающих эффективность психолого-педагогического сопровождения обучения организованной волонтерской деятельности, на наш взгляд, должен включать следующие составляющие:

- мотивированность и направленность студентов на профессиональное развитие и самореализацию в будущей профессии;
- стимулирование социальной активности,
- проявления лидерских качеств будущих социальных педагогов и специалистов по социальной работе с учетом специфики их будущей профессиональной деятельности;
- развитость системы студенческого самоуправления;
- организация эффективной системы внеучебной самостоятельной деятельности студентов;
- научно-методическое обеспечение процесса (социально-педагогические задачи, ситуации, игры, методическое пособие для элективного курса и проектирования возможных проблемных ситуаций, программы подготовки волонтеров и волонтерской практики).

В волонтерской деятельности студент, с одной стороны, осознает себя как будущего профессионала и создает свой образ «Я-концепция». С другой стороны, осознает образ клиента, с которым ему предстоит работать. Он учится адекватно воспринимать людей, имеющих те или иные проблемы, способствует их позитивному принятию, точному пониманию клиента, его проблемы и переживаний, оказании активной поддержки и помощи - «Концепция другого человека».

По результатам работы Степановой И.А., было выявлено, что эмоциональный и поведенческий уровни «Я-концепции» и «Концепции другого человека» особенно ярко проявляются в социально-педагогической игровой

деятельности. Разработанная Степановой И.А. программа, получила экспериментальную проверку в реальных условиях учебно-воспитательного процесса в ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет». Если студенты первого курса при распределении ролей в игровой ситуации руководствуются, в основном, эмоциональным восприятием клиента, то волонтеры старших курсов обращают внимание на поведение человека в той или иной ситуации для решения поставленных в игре задач. Анализ дневников волонтерской деятельности студентов показал сформированность у волонтеров к пятому курсу специальных знаний и умений, позволяющих им делать выводы по проблемам социально-незащищенных людей в нашем обществе.

При психолого-педагогическом сопровождении обучения волонтеров работы с «особыми детьми», необходимо учитывать специфику детей с разными нарушениями развития: нарушениями слуха, зрения, речи, опорно-двигательного аппарата, интеллекта, с выраженными расстройствами эмоционально-волевой сферы, включая РДА; с задержкой и комплексными нарушениями развития.

На основании анализа работ по изучаемой проблеме, проведенных Черняевой Т.Б., Степановой И.А. нами были выделены основные задачи волонтерской организации в работе с детьми с ОВЗ:

1. Создание активной жизненной позиции у семей, имеющих детей с инвалидностью. Защита их прав.
2. Реабилитация детей, страдающих неизлечимыми заболеваниями.
3. Изменение отношения общества к инвалидам.
4. Организация клубно-досуговой деятельности для семей, имеющих детей с ограниченными физическими и психическими возможностями.
5. Развитие стимулов к добровольному труду, материальное укрепление организации, обучение волонтеров.

По мнению родителей и психологов, встречи с волонтерами для «особых детей» лучше любого лекарства. С логопедами и врачами малыши знакомы с ранних лет. Но гораздо полезнее таблеток им социальная адаптация, которую им может дать взаимодействие с волонтером.

На основании проведенного теоретического исследования мы можем сделать вывод, что психолого-педагогическое сопровождение обучения волонтеров позволяет воспитать грамотных добровольцев, которые смогут наравне с квалифицированными специалистами помогать проходить успешную адаптацию к социальной среде и окружающему миру детям с ограниченными возможностями здоровья.

Список литературы:

1. Вестник СМУС (совет молодых ученых и специалистов). выпуск №1(3) декабрь 2013 . <http://www.chelsma.ru/files/misc/131211psikhologija.pdf>
2. Малофеев Н.Н., Никольская О.С., Кукушкина О.И., Гончарова Е.Л. Единая концепция специального федерального государственного стандарта для детей с ограниченными возможностями здоровья: основные положения. Альманах института коррекционной педагогики <http://almanah.ikprao.ru/articles/almanah-13/edinaja-koncepcija-specialnogo-federalnogo-gosudarstvennogo>
3. Материалы I всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых «Психолого-социальная и медико-реабилитационная поддержка незащищенных слоев населения».
4. Степанова И.А. Формирование мобильности будущих специалистов социальной сферы в волонтерской деятельности. [Электронный ресурс] автореф. дис. ... канд. пед. наук / Степанова И.А. – М., [2010]. – 25с.
5. Черняева Т.Б. Значение развития волонтерского движения в коррекционной работе с детьми, страдающими нервно психическими заболеваниями и инвалидами
6. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C2%EE%EB%EE%ED%F2%B8%F0%F1%F2%E2%EE>
7. <http://sibsocio.ru/associacia/29-articles/30-volunteer.html>

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Свиридов Андрей Константинович

*кандидат юридических наук, доцент кафедры экономики и права
Университет Российской академии образования, Москва*

В настоящее время существует ряд частных подходов к раскрытию содержания управленческой деятельности. Каждый из них направлен преимущественно на описание какого-либо ее аспекта. Синтетическая природа управленческой деятельности как индивидуально-совместной определяет не только ее принадлежность к особому, специфическому типу деятельности, но и обуславливает наличие у нее ряда основных психологических особенностей. А. В. Карпов к ним относит следующие [3, с. 38-46].

1. Управленческая деятельность характеризуется не прямой, а опосредованной связью с конечными результатами функционирования той или иной организации. По данному признаку управленческая деятельность дифференцируется от исполнительской. Чем в большей степени управленческая деятельность концентрируется вокруг не-

исполнительских функций и освобождается от непосредственно исполнительского труда, тем выше ее эффективность.

2. Управленческая деятельность очень специфична по своему предмету. Ее предметом выступают специфические объекты, каковыми являются люди, личности. Специфичность управленческой деятельности состоит в том, что ее предметом, объектом воздействия являются субъекты. В связи с этим необходимо отметить интересную особенность управленческой деятельности. В ней субъект и объект труда являются не только идентичными по сложности своей организации, но и тождественными по своим основным, т. е. психологическим, особенностям. Кроме того, руководитель имеет дело одновременно со многими субъектами, между которыми складываются закономерные социально-психологические отношения. Последние составляют важный фактор управления и также входят в

предмет деятельности руководителя, придавая ему дополнительную специфику. В связи со сказанным управленческую деятельность относят к субъект-субъектному классу, более сложному, нежели класс субъект-объектных деятельностей.

3. Управленческая деятельность очень специфична и по своему процессу. Ее суть – организация деятельности других людей, т. е. «деятельность по организации деятельности» (деятельность «второго порядка»). Это свойство вообще рассматривается в теории как основное – атрибутивное для управленческой деятельности. Она поэтому обозначается понятием метадеятельности.

4. По своему содержанию управленческая деятельность представляет собой реализацию определенных универсальных управленческих функций (планирования, прогнозирования, мотивирования, принятия решения, контроля и др.). Система этих функций присуща любой управленческой деятельности, независимо от ее конкретного вида, хотя степень их выраженности может быть различной. Поэтому инвариантная система управленческих функций является еще одной из основных ее характеристик.

5. Целью управленческой деятельности является обеспечение эффективного функционирования определенной организационной системы. Последняя принадлежит к особому типу систем – социотехническим. Они качественно разнородны по составу своих компонентов и включают, как минимум, две основные разновидности – «технологическую» и «человеческую» ее составляющие. Поэтому труд руководителя включает два основных аспекта – связанный с обеспечением технологического процесса и связанный с организацией межличностных взаимодействий. Первый аспект обозначается понятием инструментального контура управления, а второй – понятием экспрессивного контура. Эти контуры далеко не всегда гармонично сочетаются между собой и к тому же требуют от руководителя реализации качественно разных способов и форм поведения. В связи с этим возрастает и общий уровень сложности деятельности.

6. Управленческая деятельность специфична и по организационному статусу ее субъекта – руководителя. Этот статус двойствен. Руководитель по определению одновременно является членом организации (группы) и стоит как бы вне ее – над ней – в силу своего иерархически высшего положения. Это порождает множество трудностей практического характера.

7. Наконец, управленческая деятельность достаточно специфична по ее типичным условиям. Они подразделяются на внешние и внутренние. К внешним условиям относятся, в первую очередь, жесткие временные ограничения, хроническая информационная неопределенность, наличие высокой ответственности за конечные результаты, нерегламентированность труда, постоянная нехватка ресурсов, частое возникновение так называемых экстремальных – стрессовых ситуаций. К внутренним условиям относятся, в частности, необходимость одновременного выполнения многих действий и решения многих задач; противоречивость нормативных (в том числе – и законодательных) предписаний, их неопределенность, а часто – и отсутствие; несформулированность в четком и явном виде оценочных критериев эффективности деятельности, а иногда их отсутствие; множественная подчиненность руководителя различным вышестоящим инстанциям и обусловленная этим противоречивость требований с их стороны; практически полная неалгоритмированность деятельности и др.

В имеющихся исследованиях отмечается, что в деятельности современных руководителей и управленческих кадров заложено немало объективных и субъективных противоречий, которые существенным образом ее усложняют, снижая результативность (В.С. Агапов, В.С. Гончаров, С.П. Дырин, Л.Н. Качалина, А.И. Китов, К.И. Лысенко, Е.Г. Молл, П.А. Папулов, Н.П. Сашенко, Т.П. Хохолова и др.).

Прежде всего, это касается противоречий между требованиями социальной практики и уровнем профессионализма кадров управления. Особенно неблагоприятные ситуации складываются, когда эти требования находятся на границе возможностей субъектов управленческой деятельности или превышают их. В связи с этим зафиксирован значительный рост нагрузки на интеллектуальную, эмоциональную и волевыми сферы современного руководителя, который приводит к возникновению негативных психических состояний, снижает работоспособность и эффективность деятельности [1, С.161].

Управленческая деятельность отличается следующими особенностями:

- носит постоянно усложняющийся гетерохронный, социономический характер;
- включает разнообразие сложных видов конкретной деятельности, включенных в иерархические отношения;
- носит, в основном творческий характер ввиду доминирования нестандартных ситуаций;
- сопровождается высокой психической напряженностью и другими негативными психическими состояниями;
- имеет высокую психологическую «цену»;
- отличается выраженной прогностической природой решаемых задач;
- требует принятия ответственных решений в сложных ситуациях;
- предъявляет весьма жесткие требования к личностно-профессиональным качествам субъекта деятельности и его профессионализму [2, С.162].

А.А. Деркач и В.Г. Зазыкин [1] разработали модель личности управленца, включив в нее совокупность структурных составляющих, а именно:

- блок способностей к управленческой деятельности,
- блок личностной компетентности,
- блок личностно-профессиональных качеств,
- блок личностно-деловых качеств,
- мотивационно-целевой блок,
- блок акмеологических инвариантов профессионализма,
- блок управленческого опыта,
- блок морально-нравственных качеств,
- блок управленческой позиции,
- блок самоэффективности.

Способности выступают одним из важных внутренних условий успешного овладения управленческой деятельностью, а также постоянного совершенствования и достижения высокой служебной карьеры. Мы уже указывали, что способности не сводятся к знаниям и навыкам, а представляют собой устойчивые особенности психической деятельности, отвечающие требованиям определенной профессии или виду деятельности. Одни и те же особенности расцениваются как способность к одной деятельности и неспособность к другой. Вне такого сопоставления они выступают просто как качества данного человека, его индивидуальные особенности.

В блок способностей к управленческой деятельности А.А. Деркач и В.Г. Зазыкин включают: общие способности к управленческой деятельности, интеллектуальные, коммуникативные и организаторские способности, а также способность к саморегуляции [там же].

Так, организаторские способности менеджера включают в себя умения: познавать самого себя; познавать людей по неполным данным; устанавливать и поддерживать психологический контакт с окружающими людьми; изучать людей в их повседневной деятельности; оказывать на людей управляющее воздействие; пользоваться властными полномочиями и др. В основе организаторских способностей лежат такие черты характера, как активность, самостоятельность, инициативность, решительность, определенные волевые качества, способность предвидеть результаты своей целенаправленной деятельности.

Особое место среди способностей, востребованных в управленческой деятельности занимают коммуникативные. Именно они способствуют эффективности делового взаимодействия руководителя с сотрудниками. К числу коммуникативных способностей принято относить следующие личностные качества: организованность, уверенность, независимость, умение слушать, скромность, эмпатийность, сочувствие, обязательность, искренность, активность, тактичность и др.. Затрудняют деловое взаимодействие следующие качества: скептицизм, застенчивость, покорность, сверхконформность, переоценка своих возможностей, агрессивность, стремление к доминированию, самодовольство, обособленность, вспыльчивость, обидчивость, недоверчивость, подозрительность, робость, грубость, снисходительность, замкнутость, скрытность.

К числу ведущих можно отнести и педагогические способности менеджера. В содержание педагогических способностей обычно включают: педагогический такт; психологическую наблюдательность; интерес к работе с людьми; умение проектировать личность подчиненного, видеть перспективы ее развития; умение объективно оценивать уровень профессиональности подчиненных; умение владеть речью и др.

Важнейшей составляющей успешности управленческой деятельности выступает компетентность ее субъекта. В науке компетентность трактуется как характеристика обладания знаниями, позволяющими судить о чем-либо, высказывать веское, авторитетное мнение, осведомленность, авторитетность в определенной области. Поэтому компетентный – это знающий, сведущий в определенной области специалист, имеющий право по своим знаниям и полномочиям делать или решать что-либо, судить о чем-либо, имеющий право решать вопросы как подведомственные. Структура и содержание профессиональной компетентности в значительной мере определяются спецификой выполняемой профессиональной деятельности и ее принадлежностью к определенным профессиональным типам [там же].

Следующий блок качеств субъекта управленческой деятельности образуют его морально-нравственные качества. Мораль – это область жизни общества и поведения людей, обладающая характеристиками добра и зла, справедливости и несправедливости, долга и ответственности и связанная с ними система норм человеческого поведения (моральных норм). Морально подготовлен тот, кто всегда и везде следует этим нормам, выполняет свой долг, защищает добро и справедливость, борется со злом и несправедливостью всегда и везде. Любые средства и методы должны быть, прежде всего, моральны, чего часто не хватает управленческой деятельности.

Управление и нравственность должны сливаться друг с другом, т.к. решение управленческих задач – это, прежде всего, оказание помощи людям, утверждение добра, борьба со злом и несправедливостью, защита справедливости. Мораль – это не только результат профессиональных действий, но и характеристика сознания управленца, его психологии, его личных качеств и подготовленности. Несоответствие подготовленности морально-нравственным требованиям, которые объективно предъявляет к нему профессиональная деятельность, ведет к срывам, ошибкам, неэффективности решения задач, нарушениям законности, подрыву авторитета и к другим неприятным последствиям.

Морально-нравственные качества субъекта управленческой деятельности включают, в первую очередь такие качества, как порядочность, честность, верность своему слову, доброжелательность, справедливость [2].

Следующий блок качеств субъекта управленческой деятельности образует сама управленческая позиция, которая обладает значительной смысловой нагруженностью. Так, при функциональном подходе к управлению А. Файоль выделяет следующие функции: планирование, принятие управленческого решения, организацию, укомплектование штата, эффективную коммуникацию, стимулирование, руководство и контроль. Все эти функции в процессе управленческой деятельности должны регулярно реализовываться.

Реализация управленческих функций ежедневно требует от менеджера проведения множества конкретных мероприятий и действий: совещаний, работы с документами, приема посетителей и т.д. Множество функций и задач, которые стоят перед управленцем, предъявляют большие требования к его личностным и профессиональным качествам, управленческой подготовленности. Блок управленческой позиции включает: управленческую позицию, «узел» коммуникаций и отношений, находящихся под контролем и обуславливающих направленность активности, свободу организационного маневра, который предполагает «взвешивание» диспозиций, гибкое маневрирование.

Как видим, управленческая подготовленность включает в себя знания, навыки и умения, позволяющие эффективно решать различные управленческие задачи. В ее структуре выделяются два блока подготовленности:

- технологической, включающей в себя знания производственного процесса, умения работы с техникой и продукцией, а также владение экономико-организационными методами и приемами, направленными на повышение эффективности работы предприятия, организации;
- психологической, направленной на совершенствование работы с подчиненными, эффективное взаимодействие с ними, бесконфликтное воздействие на их поведение и обеспечение формирования руководителем благоприятного управленческого климата в организации.

В соответствии с данным разделением представим значимые для менеджера управленческие умения и навыки.

Технологические умения и навыки:

- иметь общее представление о направлениях и владеть способами использования знаний по управленческой деятельности в своей профессиональной деятельности;
- уметь производить выбор и корректировку стратегии управления в организации, на предприятии;
- уметь практически производить основные расчеты по управлению организацией на компьютере;
- умение применять знания по правовым аспектам работы организации в современных условиях;

- владеть навыками проектирования работы организации, составления проектно-сметной документации, технологических и технических расчетов.

Умения и навыки, обеспечивающие организацию межличностных взаимодействий:

1) организаторские:

- умение строить общение на гуманной, демократической основе, инициировать благоприятную эмоционально-психологическую атмосферу;

- умение организовывать сотрудничество;

- умение самоконтроля и саморегуляции;

- умение руководствоваться принципами и правилами профессиональной этики и этикета;

- устанавливать и поддерживать психологический контакт с окружающими людьми;

- изучать людей в их повседневной деятельности;

- оказывать на людей управляющее воздействие;

- пользоваться властными полномочиями;

2) коммуникативные:

- умение адекватно воспринимать и оценивать поведение партнера в общении, распознавать по невербальным сигналам его состояния, желания и мотивы поведения;

- умение переносить известные знания, навыки, приемы общения в условиях новой коммуникативной ситуации, трансформируя их в соответствии со спецификой ее конкретных условий;

- умение для каждой коммуникативной ситуации находить новое решение их комбинации уже известных идей, знаний, навыков, приемов;

- умение создавать способы и конструировать новые приемы для решения конкретной коммуникативной проблемы;

- умение ориентироваться в ситуации, во времени и партнерах, а также в отношениях с ними;

- умение общаться в группе;

3) педагогические:

- педагогический такт;

- психологическая наблюдательность;

- интерес к работе с людьми;

- умение проектировать личность подчиненного, видеть перспективы ее развития;

- умение объективно оценивать уровень профессиональности подчиненных.

Перечисленные умения и навыки управленческой деятельности менеджеров необходимо формировать еще на этапе профессиональной подготовки. Для реализации формирующих мероприятий важным является анализ возможностей образовательного пространства современного вуза в формировании управленческих умений и навыков личности в процессе профессиональной подготовки.

Список литературы:

1. Деркач, А.А., Зазыкин, В.Г. Акмеология: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2003. – 256 с.
2. Деркач, А.А., Кузьмина, Н.В. Акмеология: пути достижения вершин профессионализма. – М., 1993.
3. Карпов, А. В. Психология менеджмента [Текст] : Учебное пособие / А. В. Карпов. – М. : Гардарики, 1999. – 584 с.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

СПЕЦИФИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ СТИЛИСТИКИ ИСПОЛНЕНИЯ ЯКУТСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

Ларионова Анна Семеновна

доцент, доктор искусствоведения, зав. сектором якутского фольклора, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск

Преимущественно песенная культура народа саха отличается национальной самобытностью и своеобразием. Песенность находит преломление во многих якутских фольклорных жанрах. У народа саха специфические типы интонирования присущи напевам древнего происхождения и сейчас почитаемым в Якутии: это *дьиэрэтии ырыа* (термин Ф.Г. Корнилова) и *дэгэрэн ырыа* (термин М.Н. Жиркова). В обоих случаях они представляют собой тип, своеобразную манеру пения, не имеющую прямых аналогов у других этносов. И *дьиэрэтии ырыа*, и *дэгэрэн ырыа*, несомненно, связаны и с понятием национального стиля. Термин *ырыа* означает песню. Соответственно: *дьиэрэтии ырыа* – протяжная, плавная песня; *дэгэрэн ырыа* – подвижная, ритмичная, размеренная песня.

Якутский тип пения *дьиэрэтии ырыа* тесно связан с горловыми призвуками – *кылысахами*. *Кылысах* вместе с главной мелодической линией создает «эффект специфического “солного двухголосия” – раздвоения певческого голоса на две самостоятельные по тембру мелодические линии. Этот вполне оригинальный способ пения снижал якутским народным певцам известность ничуть не меньшую, чем слава тувинских “горловиков”, исполнителей традиционного двутембрового “хомея”, встречающегося и у некоторых других народов» [1, с. 5]. *Кылысах* как горловой призвук является сложным конгломератом игры тембров. Он имеет неоднородный характер и может звучать разнообразно. Именно горловое пение *кылысах* является отличительным национальным признаком напевов стиля *дьиэрэтии ырыа*. Мелодика напевов песен стиля *дьиэрэтии ырыа* основана на нетемперированном характере мелодии. Интонацию составляют узкообъемные ячейки, в которых преобладает раскачивающийся между двумя тонами мелодический рисунок.

Якутские народные песни характеризуются разнообразием региональных исполнительских традиций. Каждая локальная традиция исполнения якутских народных песен имеет свою специфику. Исполнение *кылысахов* и распевов также имеет свои особенности в каждом регионе Якутии.

Региональные особенности метроритмической структуры песен *дэгэрэн ырыа* Олекминского улуса Якутии впервые отметил В.М. Беляев в своей статье «Якутские народные песни», вышедшей в журнале «Советская музыка» в 1937 г. [2]. Фольклорные записи М.Н. Жиркова отражают существование региональных песенных традиций. В экспедиционных записях им выделяются песни виллоиского и приленских районов. Приленский район представлен у него записями усть-алданских и амгинских осуохаев. Позже, Э.Е. Алексеев виллоиское пение обозначает термином *этэн ыллыыр* (поет, четко выговаривая), а приленское – *тардан ыллыыр* (поет с распевами). Ю.И. Шейкин выделяет 3 локальных стиля: лено-алдано-виллоиский (ЛАВ), яно-индигиро-кольмский (ЯИК), оленеко-анабаро-хаганский (ОАХ) [5]. Он разделяет их по способам звукоподдачи. По его мнению ЛАВ характеризуется как *дьигитити ыллы* (тремолированное пение),

сыһалыйан ыллы (кантиленное пение с распевами слогов), *дэгэрэн ыллы* (метризованное пение без распевов), *дьиэрэтии ырыа* (протяжное пение в высокой тесситуре с приемом *кылысах*), *тангалай ыллы* (пение с применением нёбных щелчков языка на двойном вдохе), *хонгсуо ыллы* (пение с хрипами в горле), *бюрдьюнгиас ыллы* (возгласное пение с сажатым горлом, вокальная фарингализация) и *ордоотон ыллы* (громкое возгласное пение). ЯИК – *аргый ыллы* (кантиленное пение с распевами слогов), *хонгсуо ыллы* (пение с хрипами в горле), *муоралы* (приморские) и *дойдулу ыллы* (срединные) *ыллы* стили пения [там же]. Таким образом, Ю.И. Шейкин рассматривает региональные стили, укрупняя диалектные образования по территориальному признаку, обозначая территории, расположенные по крупным рекам Якутии. В свою очередь он выделяет и менее крупные стилистические группы. Так, стиль пения ЛАВ он подразделяет на *тардан ыллы* (тянущиеся), орнаментированное пение ленско-алданское и *этэн ыллы* (отчетливо скандированное) виллоиское пение. В ЯИК он выделяет в отдельную группу ИК и определяет ее по способу пения как *доргоон ыллы* (громкое возгласное пение). В.С. Никифорова изучила эпические традиции пения верхоянской локальной стилистики, в частности, якутского героического эпоса *олонхо* Д.А. Томской «Ючюгэй Юдюгуйээн, Кусаган Ходьугур».

В настоящее время наиболее изученными являются центральный (приленский), виллоиский исполнительские традиции, которые представляют обширные регионы. Так, в центральную группу улусов входят Амгинский, Намский, Хангалаский, Мегино-Кангалаский, Таттинский, Усть-Алданский, Горный и Чурапчинский улусы. Виллоискую группу улусов Якутии представляют Виллоиский, Верхневиллоиский, Нюрбинский и Сунтарский улусы, расположенные по р. Виллой. Эти улусы включают города Виллойск, Нюрба, поселки и села Верхневиллоиск, Сунтар, Малькай, Эльгый, Арангастах и др.

В то же время традиции исполнения песен Хангалаского и Горного улусов иногда разительно отличаются от пения в Амгинском и Намском улусах. Таким образом, можно говорить и об улусных исполнительских традициях. Из улусных стилей пения наиболее изученным является верхоянская стилистика пения якутов. Возможно такие же отличия можно обнаружить и в наследиях Якутии и говорить о наследной исполнительской традиции.

Песни центральной (приленской) региональной стилистики исполнения, именуемые *тардан ыллыыр* (поет с распевами), были той основой, на которой формировались остальные региональные стили пения и процесс проникновения якутской традиционной песенности происходил постепенно, перемещаясь из центральных регионов Якутии на ее периферию.

Существенным для напевов данного стиля является «раскрывающийся» безполутоновый лад. Звукоряды подобных песен не превышает кварты или тритона. Мелодия

напева имеет маятникообразный раскачивающийся рисунок. Напевы *тангалай ырыата* центральной (приленской) стилистики исполнения имеют мажорное наклонение. Метрика *дьиэрэтии ырыа* этого региона свободная, а ритмика самая разнообразная. *Дэгэрэн ырыа* центральной (приленской) стилистики исполнения резко отличаются от напевов *дьиэрэтии ырыа* своей метроритмикой и отсутствием *кылысахов*. Основу метроритмики составляют хореические конструкции в двухдольном метре в отличие от свободного метра *дьиэрэтии ырыа*. Форма напевов опирается на тирады достаточно протяженных по размеру.

Термин *тардан ылыыр* ('пять растягивая') характеризует особенности исполнения певцов данного региона, в которых преобладают разнообразные распевы преимущественно протяженные, вокализованные не только согласных и гласных звуков, но и практически каждого слога. Мелодический рисунок распевов характеризуют большеперцовые и большесекундовые, по преимуществу нисходящие интонации, что свойственно центральному (приленскому) стилю пения. Термин *тардан ылыыр* характеризует, в основном, напевы *тойуков* (песнопение) и *алгысов* (обрядовое благожелание). Так, в *тойуке* У.Г. Нохсорова (приленская стилистика) «День великой Победы» [1, с. 45-46] распеты практически все слоги. Особенности кратких распевов центральной стилистики заключаются в их метроритмическом и звуковысотном разнообразии. Для приленской стилистики исполнения свойственна в *дьиэрэтии ырыа* цветистость протяженных распевов, характеризующихся разнообразием мелодикоинтонационного и ритмического контуров. Распевы в *дэгэрэн ырыа* центральной (приленской) стилистики исполнения чаще краткие как восходящего, так и нисходящего мелодического рисунка в самых разнообразных ритмических сочетаниях.

У приленских певцов преобладающим является *кылысах* в виде непрерывного призвука к основной мелодии песни. Это – *кылысах-флажолет* в виде параллельного к основной мелодии призвука, чаще на расстоянии кварты или тритона. Подобный вид *кылысаха* часто предваряется форшлагом, а у У.Г. Нохсорова он появляется во время распевов, типа вибрато.

В песнях *дэгэрэн ырыа* других жанров у народа саха часто используются внесмысловые слоги-вставки после изложения каждой строки. Для центральных улусов Якутии – это *ини*.

В напевах *тангалай ырыата* центральной (приленской) стилистики исполнения специфические звуки имеют вид *һыт-тыа*, после которого следует мелодия, поющая обычным голосом, напоминающая танцевальную мелодию *осуохая*. Так, в песне «Сырдык кюммот тыкпыт» («Засияло солнце ясное») [3, с. 56] после повтора специфических звуков следует напев, включающий два слова вербального текста, после которых опять звучат специфические для *тангалай ырыата* звуки. Далее опять звучит основная мелодия песни, содержащая также два слова словесного текста, при этом, первое слово является повтором второго слова предыдущего вербального текста песни.

Виллойская стилистика исполнения якутских народных песен, именуемая *этэн ылыыр* (поет, четко выговаривая), активно сохраняет свои традиции вплоть до наших дней. Данный региональный стиль пения распространен в улусах, расположенных по реке Вилюй – это: Верхневиллойский, Виллойский, Нюрбинский, Сунтарский улусы.

Песням *дьиэрэтии ырыа* виллойской традиции, как и для центрального (приленского) стиля пения, свойственна импровизационность развития. Форма их тирадная, в которой структура вербального текста влияет на формирование мелостроки напева. Лад песен основан на характерном для якутской традиционной песенности «раскрывающемся ладе» с использованием микроальтерационно измененных ступеней. Для якутских народных песен виллойской стилистики исполнения свойственно характерное для традиционной музыки народа саха избегание полутоновых ходов в мелодии. В *дэгэрэн ырыа* виллойской стилистики исполнения также достаточно часто встречаются свойственные для якутской традиционной песенности целотоновые ходы, а в мелодии соответственно – тритоновые интервальные соотношения.

В таком жанре, как *тойук* виллойской стилистики исполнения, последние слоги слов распеваются в большей степени, чем другие по местоположению в слове слоги, и, в особенности, обязательному протяженному вокализованному распеву подвергается последний слог строки тирады. Например, в *тойуке* «Улуу Элиэни уруйдуубун» («Славлю великого Ленина») [1, с. 47-48] С.А. Зверева, представляющего виллойскую традицию, краткие распевы слога чаще переданы двумя звуками. Типичный для виллойского диалекта равномерный распев двумя слиговыми восьмыми, представленный повторением звука через *кылысах*, нотографически отображаемый в виде форшлага, является основой данного исполнительского стиля. Так, в *тойуке* «Песнь ступы» в исполнении В.А. Гаврильева [4, с. 298-314] из Нюрбинского улуса типичный виллойский распев встречается достаточно часто. В них преобладают распевы разной звуковосотности в виде восьмой и двух шестнадцатых или тридцатьвторых, что, видимо, связано с жанровой спецификой напева.

У виллойских певцов *кылысах-флажолет* имеет прерывистый характер. У них флажолетные призвуки, звучащие параллельно основному тону, появляются лишь эпизодически. Остальные *кылысахи* напоминают форшлаг, так как их звучание прекращается почти сразу, после того как вступает основной тон.

Дэгэрэн ырыа виллойской стилистики пения различается от *дьиэрэтии ырыа* только метром, который в *дэгэрэн ырыа* имеет четкую хореическую основу в двухдольном метре, в отличие от свободной метрики *дьиэрэтии ырыа*. Виллойская стилистика исполнения характеризуется использованием *кылысаха* в данном типе пения, что отличает виллойский стиль пения от центрального (приленского) стиля.

Формирование культуры северных якутов обусловлено различными факторами. Один из них заключается в том, что предки северных якутов, как показывают исследования этнографов, пришли на территорию Якутии с первой волной переселенцев и, видимо, в более древний период, чем остальная масса якутов. Поэтому у них, с одной стороны сохранился автохтонный субстрат, а с другой – они в большей степени испытали многостороннее влияние северных этносов, что проявилось во многих чертах, например в одежде. Кроме того, хозяйственная деятельность северных якутов имеет свою специфику. Основное их занятие – оленеводство, в отличие от скотоводства, которым занимаются якуты более южных территорий Якутии. Все это могло прямо или косвенно отразиться и на музыкальном фольклоре, который резко контрастирует с другими региональными якутскими традициями.

Северный стиль пения, сложился у яно-индигирско-колымских якутов не без влияния коренных жителей

края, прежде всего эвенов. В Усть-Янском районе, например, существует даже свой особый термин для местной манеры пения – *муоралы тойук* (морской напев). Сходный стиль пения, отличается мягкой, своеобразной по тембру, и гибкой, пластичной по ритму манерой интонирования. Последняя запись подобного напева представлена С.Д. Мухоплевой, которая произвела ее перезапись во время фольклорной экспедиции в Анабарском улусе в 2012 г. Сейчас подобная манера исполнения уже исчезла. Северная исполнительская традиция достаточно разнообразна и включает как верхоянскую, так и яно-индигирскую стилистику пения якутских народных песен. Для мелизматике в данных улусах в пении используется тембр в виде легких форшлагов, которые сопровождают мелодию не постоянно. Часто им свойственно пение в несколько самоуглубленной камерной манере, негромким гнусавым голосом. Кроме того, привлекает внимание отсутствие распева. Самым протяженным распевом, например, в верхоянской эпической традиции является распев слога всего 4 звуками, тогда как в приленских и вилюйских традициях исполнения подобный распев может включать до 21 звука.

Из существующих нотных записей следующие якутские народные песни представляют различные улусы, расположенные по рекам Яна и Индигирка, изданные в сборнике Э.Е. Алексеева и Н.Н. Николаевой «Образцах якутского песенного фольклора» (Якутск, 1981):

1. «Усуйаана эбэкэм» («Песня об Усть-Яне), в исполнении Н.С. Колесова на побережье моря Лаптевых [1, с. 66], репрезентирует манеру пения якутов этого региона *муоралы тойук*;
2. *Алгыс* «Байанай ырыата» («Обращение к Баянау») в исполнении П.Е. Слепцова из Абыйского улуса [там же, с. 67-68];
3. Лирическая песня «Сэргэлэрбэр» («К моим коновязям») в том же исполнении [там же, с. 71-72];
4. Любовная лирическая песня «Андагар» («Клятва») в том же исполнении [там же, с. 73-];
5. Лирическая песня «Кююн кётёрю атаары» («Осенние проводы птиц») в том же исполнении [там же, с. 74-76].

В песне «Андагар» («Клятва») присутствует прихотливость ритмического распева. Для данного устьянского напева характерна нетемперированность звукоряда

в квартовом объеме, кварта при этом звучит микроальтерационно уже, чем ч.4. Такого рода микроальтерационные понижения ступеней четырехопорного звукоряда, изложенные в неспешном темпе, в целом смягчают интонационный контур песни, образуя интервалы, которые невозможно обозначить терминами профессиональной музыки. И именно они придают напеву переливчатую изменчивость мелодии напева.

Таким образом, региональные исполнительские стили в пении якутов отличаются своими, иногда только им присущими закономерностями, что находит отражение, как в манере исполнения, так и в тембровой специфике и особенностях распевов. Манера пения в центральной и вилюйской группе улусов характеризуется некоторой концертностью и яркостью, в то время как в северных улусах свойственна камерность исполнения. *Кылысах* трансформируются по мере отдаления от центральных регионов Якутии превращением их из *кылысах* типа флажолет, в *кылысах* типа форшлаг, либо отсутствием мелизматических украшений. Распевы слога также видоизменяются в сторону либо уменьшения музыкальных звуков на один слог, либо полным отсутствием распева слога в исполнительских традициях Северных регионов Якутии.

Список литературы:

1. Алексеев Э., Николаева Н. Образцы якутского песенного фольклора. Якутск: Кн. изд-во, 1981. – 100 с.
2. Беляев В.М. Якутские народные песни // Сов. музыка. 1937. №9. – С. 11–26.
3. Корнилов Ф.Г. Сборник якутских песен. Для голоса без сопровождения. – М.: Музгиз, 1936. – 121 с.
4. Покидько Е.Б. Тойук и его претворение в творчестве композиторов Саха (Якутии): Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. – Новосибирск, 2001. – 398 с. (Рукопись)
5. Шейкин Ю.И. Музыкальная культура народов Северной Азии. – Якутск: РДНТ, 1996. – 123 с.

О НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ РЕСУРСАХ ОПТИМИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В ДИЗАЙН-ОБРАЗОВАНИИ

Мирошников Виталий Васильевич

Доцент кафедры дизайна, технической и компьютерной графики, ФАД, КубГУ г. Краснодар

Сложившаяся еще во времена Советского Союза, современная система отечественного художественного образования убедительно доказала свою состоятельность. Сотни профессионалов высочайшего класса в разных областях художественного творчества по-настоящему прославили немногочисленные тогда художественные вузы. В недрах советской системы художественного образования в 70-80-х годах были заложены основы нового для того времени направления творческой деятельности – художественного конструирования и проектирования. Первые дизайнеры получали образование на базе крепкой отечественной школы. Выпускники ВХПУ им. Мухомовой (ныне СГХПА им. А. Л. Штиглица), МГХПА им. С.Г.

Строганова, художественных институтов в Харькове, Киве, национальных академий художеств прибалтийских республик достойно участвовали в крупных проектах внутри страны и за рубежом, успешно выступали на международных выставках и конкурсах. Наиболее активные и успешные из них сделали профессиональную карьеру в солидных зарубежных дизайн-бюро.

Современное художественное образование сталкивается с рядом вызовов, связанных с процессом адаптации системы высшего образования России к требованиям и нормам западноевропейской модели. Отечественное художественное и, в частности, и дизайн-образование, переживающее процесс реформирования на фоне глобальной

реформы высшей школы, претерпело системные изменения. Это изменения касаются структурных основ художественного образования и являются причиной серьезных противоречий и проблем. Предлагаем рассмотреть эти проблемы.

1. Количество отделений (факультетов), которые осуществляют подготовку по специальностям дизайна, во много раз превосходит число дореформенных художественных вузов. Многие отделения дизайна открыты в непрофильных высших учебных заведениях. Это сопряжено с проблемой отсутствия должного понимания со стороны администраций вузов к специфике творческого образования и организации учебного процесса на специальностях искусства.

2. Нынешние абитуриенты при поступлении на отделения дизайна принимаются на базе средней школы. В возрасте 18-20 лет, им, не достигнувшему определенной когнитивной и эмоциональной зрелости, со сравнительно слабой художественной подготовкой, довольно сложно решать учебно-творческие задачи, предусмотренные программой подготовки.

3. Сегодня, нормативно-методическая база функционирования вузов, в том числе, в сфере дизайн-образования находится в стадии формирования. Это не позволяет выстраивать учебные стратегии развития на творческих специальностях.

Кроме того, отсутствует эффективная система, в формате которой возможна реализация профессионального потенциала специалистов дизайна в процессе социально-экономического и социально-культурного развития страны.

Что бы минимизировать неизбежные издержки процессов модернизации в сфере дизайн-образования, мы предлагаем меры оптимизации, не требующие дополнительного финансирования. Мы называем их «нематериальные» ресурсы. Речь идет о методологической оптимизации учебного процесса на направлениях подготовки «дизайн». Для более точного понимания сути предлагаемых мер, мы должны обратиться к теме специфики художественного образования.

При всей очевидности многочисленных принципиальных особенностей учебного процесса на творческих специальностях (специальностях дизайна), подробно специфика обучения и соответствующие особенности организации учебно-творческого процесса в образовательном стандарте отражена в недостаточной мере. Поэтому содержание специфики и уровень ее реализации зависит от компетентности и методической гибкости административного аппарата и профессорско-преподавательского состава конкретного вуза.

Уточним основные *специфические* особенности учебного процесса на специальностях дизайна.

1. Всякое творческое, в том числе художественное образование, в отличие от другого гуманитарного образования основано на освоении художественного мастерства. Мастерство подразумевает сложный, многомерный комплекс системно усвоенных знаний, умений и навыков по созданию объектов, обладающих признаками продукта художественной деятельности. Формирование таких знаний, умений и навыков требует особых материальных условий, специфических методик и уникальных личностных способностей представителей профессорско-преподавательского состава. Это фундаментальное отличие художественного образования определяет целый ряд специфических черт учебного процесса на художественных специальностях. Специальности дизайна, в этом смысле, еще более специфичны, поскольку формируют

комплекс навыков ведения *проектного* процесса и характерного для него проектного поиска.

2. Освоение художественного и, особенно, проектного мастерства осуществимо только при активном участии «мастера». Мастер, в данном случае, – это специалист, обладающий достаточным уровнем специального образования, профессионального творческого опыта и определенными творческими достижениями. По сути, освоение мастерства в рамках учебного процесса на специальностях дизайна – это процесс методически эффективной передачи мастером своего профессионального опыта студенту, готовому этот опыт усвоить. Важно отметить, что передача мастерства, в основном, осуществляется в режиме интеллектуального контакта «мастера» и студента. Такой контакт - необходимое условие для доверительного диалога учителя и обучаемого, в котором у обучаемого формируется сущностный каркас профессиональных знаний, умений и навыков. Диалог мастера и студента, в идеале, носит характер сотворчества, в процессе которого возникает некий художественный смысл-стимул, активизирующий творческий аппарат обучаемого, помогающий найти решение творческой задачи.

3. Очевидно, что главным условием эффективности диалога между мастером и студентом является особая *учебно-творческая атмосфера*. Речь идет о специально организованном позитивном эмоциональном, интеллектуальном, информационном пространстве, задача которого стимулировать творческую активность обучаемых. Такая специфическая стимулирующая атмосфера выступает и как фон творческого диалога мастера и студента, и как составляющая этого диалога. Формирование стимулирующей атмосферы требует понимания, времени и серьезных усилий со стороны администрации, преподавателей и самих студентов учебного заведения.

Опыт преподавательской деятельности на отделениях подготовки дизайнеров в вузах дает нам основания утверждать, что игнорирование или не достаточное внимание к перечисленным выше специфическим особенностям учебного процесса в дизайн-образовании существенно снижает уровень подготовки специалистов. Это, в свою очередь, ведет к профанации художественного образования, размывает квалификационный статус профессиональной дизайн-деятельности. Подтверждение такой трактовки обозначенных проблем можно найти в работах других авторов, наших коллег по дизайн-образованию [1, 2].

Напрямую связанные со специфическими особенностями дизайн-образования меры оптимизации учебного процесса на отделениях подготовки дизайнеров:

1. Разработка нормативной базы для организации эффективного учебного процесса в сфере художественного (дизайн) образования с учетом специфических особенностей этого вида учебно-творческой работы.

Нормативная документация, регламентирующая учебный процесс в художественном образовании должна быть нацелена на формирование зрелой творческой личности, обладающей высоким уровнем творческого мастерства, необходимого для эффективной профессиональной деятельности в актуальных сферах развития социума. Нормативная база должна в полной мере учитывать *специфику* художественного образования, опираясь на доказавшие свою эффективность лучшие отечественные и зарубежные современные и классические методики.

2. Признание основной целью обучения специальным дисциплинам – овладение обучаемыми про-

фессиональным творческим мастерством. Где творческое мастерство – синтетический комплекс профессиональных знаний, умений и навыков, сформированный при активном участии «мастера».

Рассмотрение итогового качества подготовки по специальным дисциплинам как синтетического комплекса – крайне важно, поскольку такой подход определяет особый вектор, последовательность и содержание алгоритмов учебного процесса. Существенным здесь является интегративное содержание понятия «творческое мастерство», когда актуальны не отдельные, хотя и параллельно изучаемые основы профессии, а их системное единство. Особое внимание необходимо уделить организации описанного нами диалога мастера и обучаемого. Необходимо максимально оптимизировать этот процесс, используя административный, технологический и методический потенциалы вуза.

3. Формирование стимулирующей атмосферы на отделениях подготовки по художественным (дизайнерским) специальностям.

Крайне важно качественное формирование преподавательского коллектива, основу которого, в идеале, должны составлять профессионалы с достаточным уровнем образования, опыта, признанными достижениями в творческой деятельности. Учитывая сложность процесса овладения творческим мастерством, необходимо проявлять толерантное, уважительное отношение к достижениям обучаемых. Неотъемлемой составляющей стимулирующей атмосферы является активная внеурочная работа

с обучаемыми в стенах и вне учебного заведения. Она должна быть направлена на формирование творческого кругозора, активизации творческой инициативности, воспитание эстетического вкуса. Важным способом организации стимулирующей атмосферы является учреждение и поддержание традиций, связанных с творческой активностью обучаемых и преподавателей.

Разумеется, предлагаемые меры должны основываться на глубоком понимании возрастных особенностей обучаемых, учитывать тенденции развития современных образовательных технологий и специфику современных проблем профессиональной дизайн-деятельности.

Представленный перечень мер, не требует особых материальных затрат и направлен на оптимизацию профессиональной подготовки специалистов дизайна, специалистов, способных активно участвовать в инфраструктурном обеспечении потребительской и производственной сферы, всемерное развитие которой сегодня особенно актуально.

Список литературы:

1. Ажгихин С.Г., Марченко М.Н. Визуальные коммуникации в дизайне: учеб. пособие. Кр.: КубГУ, 2011. – 261 с.
2. Марченко М.Н. Научно-педагогические основы развития способностей к дизайнерской деятельности: монография. Кр.: КубГУ, 2012. – 236 с.

МНОГОЗНАЧНОСТЬ НАРРАТИВНОЙ СИМВОЛИКИ В ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ПРОГРАММАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЕЩАНИЯ

Н. В. Суленёва

доктор культурологии, профессор кафедры сценической речи, г. Санкт-Петербург

Изучение традиций работы с художественными текстами режиссеров театра, кино и телевидения показывает, что до сих пор встает проблема определения меры присутствия авторского и режиссерского начала в сценической или экранной интерпретации художественного текста. При внесении литературного текста в телевизионную программу, при переводе его с языка вербального в аудио-визуальный, режиссер предлагает телезрителю нарративный эквивалент художественного произведения, выраженный через специфические средства телевидения. Режиссерское произведение представляет собой результат герменевтико-дискурсивной деятельности творческой личности при работе с литературным материалом и позволяет судить о профессиональной компетенции его создателя. Не секрет, что в современном российском обществе «снижена роль отечественной интеллигенции во всех слагаемых целостного культурного процесса», если сослаться на А. А. Аронова [3, с. 228]. Для нашего исследования принципиально важным является позиция Ю. Хабермаса утверждающего, что пересоздание текстовой действительности, требует от интерпретатора объективности ее понимания, приводящей к трем результатам, герменевтического образа действий [12, с. 139]:

1) интерпретатор отказывается от преимуществ, присущих привилегированной позиции наблюдателя-читателя, так как он, оказавшись в виртуальной реальности текстового поля, вовлекается в обсуждение смысла и значимости высказываний автора;

2) интерпретатор решает проблему преодоления контекстной зависимости своих интерпретаций;

3) интерпретатор вступает в виртуальный диалог с гипотетическим адресатом, на основе чего обнаруживает ходы интерпретации художественного текста.

Можно утверждать, что классическая модель взаимодействия адресанта с аудиторией предполагает нормативность отражения произведения на экране в плане ориентации на общественный идеал, существующий в данный момент истории и одновременное преобразование внехудожественной действительности в художественный образ, как продукт творческого воображения режиссера. Особенно слой словесных звучаний оказывается поэтически обозначенным не исчерпывающе, а лишь приблизительно, и тон, которым произносятся слова и сочетания слов, и то, как в них выражается психологическая составляющая и функция говорящего, выявляет глубинные значения текста и способствуют трансформации письменного текста в звучащую речь.

Подтверждение вышесказанного можно найти у Р. Ингардена, считающего, что звуковой тон текста есть «верный произведению способ его прочтения, направленный на сохранение всего его художественных эффектов, предусматривающий сохранение выступающих в произведении смысловых пробелов, а не грубое их разъяснение» [6, с. 70].

Мы исходим из постулатов П. Рикёра, который считает, что чтение «всегда осуществляется внутри того

или иного общения, той или иной традиции или того или иного течения живой мысли, которые имеют свои предпосылки и выдвигают собственные требования» [229, с. 4]. Таким образом, сама работа телережиссера по интерпретации обнаруживает глубинный замысел – преодолеть культурную отдаленность, дистанцию телезрителя от неизвестного ему текста, адаптировать его к телепрограмме таким образом включить смысл этого текста в нынешнее понимание, каким обладает потенциальный телезритель.

Наше исследование сосредоточено на процедуре трансмутации художественного текста в звучащее слово, в нарративные процедуры телевизионного произведения через отражение индивидуальной картины мира автора, воплощенной телережиссером в постановочном дискурсе. Коммуникативная адекватность интерпретационных действий телережиссера способствует определению текстовых задач и выбору «модели общения со зрителем».

Здесь ключевым становится понятие «провокативный дискурс» (В. Н. Степанов [10]), который «учитывает коммуникативные ожидания партнера по общению и превышает их, предоставляет в силу своей сложной смысловой структуры и реализации стратегий непрямой коммуникации в рамках одной конструкции множественный выбор часто радикально противоположных интерпретаций» [10, с.11]. Если сослаться на К. В. Киуру, «вербализованный текст» [8, с.3], зафиксированный телережиссером при разборе художественного текста с целью создания его звучащего телевизионного аналога, оказывается важнейшим фактором восприятия информации аудиоторией.

Сегодня проявления индивидуальной эсхатологии, рассуждения о посмертной судьбе единичной человеческой души, о маргинальном состоянии «души» или «духа» человека все чаще звучат в телепрограммах художественного вещания. К примеру, в «Орлионтане» режиссер В. Ткачев презентует стихи Д. Андреева как космические знаки, как мифологическая интерпретация космоса, схожего с человеческим организмом (ГТРК «Культура», 2006 г.); в передаче «Монолог длиною в жизнь» (реж. Я. Назаров, ГТРК «Культура», 2006 г.) стихи С. Липкина звучат в атмосфере натянутой скрипичной струны, и появляется напряжение от осознания, как хрупко творчество поэта и как легко потерять его современникам, возникают ассоциации о смене мирового одряхлевшего тела молодым; а в моноспектакле «Медный всадник» (реж. Л. Хмельницкая, ГТРК «Культура», 1998 г.) образ пушкинского Петра I создается М. Козаковым как образ Мефистофеля из «Фауста» И. Гёте и ритм бытия интерпретируется режиссером как возвращение всего космоса в самобытие единого микрокосмоса. Присущая данным программам монологическая модель телевизионного вещания, благодаря дискурсивному характеру работы с авторским текстом, словно «разрушает» границы экрана и выводит на первый план взаимодействие телекоммуникатора (исполнителя литературных произведений) с телезрителем. Индивидуальная эсхатология воспроизводится в бесконечном круговороте, где герой всегда готов к смерти, но сердцевина его «Я» готова к продуцированию новой жизни.

Интересен в этом плане режиссерский опыт создания авторской текстовой действительности в цикле передач Детского вещания «Плоды просвещения. Отечество и судьбы» (Производство ООО «Актуальные проекты», по заказу телеканала «Культура», ГТРК «Культура» 2007 – 2008 г.г.). В программах художественный текст замечательных писателей звучит проникновенно, словно под

знаком метания души автора от «Я» к «не-Я», находящейся в ожидании конца этой жизни и фантазирующей о «Завтра». Так в программе о семье Беляевых («Плоды просвещения. Отечество и судьбы. Беляевы», реж. М. Катушкин, ГТРК «Культура», 2008 г.) отрывки произведений даются в виде коротких нарративов, притягивая к себе загадочностью их недосказанности и создают ощущение невыносимой безнадежности, так как судьбы героев балансируют на грани жизни и смерти. Программа о судьбах Набоковых («Плоды просвещения. Отечество и судьбы. Набоковы», реж. С. Гельвер, ГТРК «Культура», 2008 г.) пропитана ароматом ностальгии о высоких чувствах, о красивых взаимоотношениях, в ней ощущается какая-то хрупкость во взаимопонимании современных людей, точно лирический герой растерян и не знает, куда ему идти дальше.

Рассказ о Тютчевых («Плоды просвещения. Отечество и судьбы. Тютчевы», реж. М. Катушкин, ГТРК «Культура», 2007 г.) ведется совсем в ином ключе. Произведения поэта словно переливаются разными цветами, они не озадачивают зрителя, а развлекают, уводя в авторские фантазии, переселения души в сказочный мир.

Данный вид деятельности телережиссера отражает инструментальный уровень работы с текстом. Звукоподражание как вид инструментовки художественного текста состоит в том, что выделением определенных звуков режиссер намекает исполнителю на звуковую сторону окружающего душу пространства. Эсхатология все увереннее развивается в программах художественного вещания, в которых режиссеры решают проблемы личных и вселенских судеб. Так в программе о С. Кирсанове акцентируется внимание на ударах колокола в произведении «Колокола»:

КоЛ-ЛокоЛ-Ла. КоЛ-Л-Лквиум
коЛ-Л-окоЛ-Лов.
Зарево их даЛ-Лекое
овоЛ-ЛокЛ-Ло.

Результатом интерпретационной работы телережиссера с художественным текстом является нарративное его осознание, тем самым возникает диалогический принцип построения звуковой организации литературной основы в формате телевизионной передачи, и все повествование структурируется в контексте ориентации на гипотетического адресата, которого все больше на сегодняшний день интересуют вопросы духовного мира человека, его мотивирование отношения с другими людьми, существование Божественного милосердия и карающей справедливости.

Лейтмотивная инструментовка отражает звуки в важном для телережиссера по смыслу слове, которые повторяются в окрестных словах. Они подчеркивают для исполнителя внутреннюю связь или противоположность тех или иных понятий, явлений, ситуаций. Кодовое слово «ночь» в стихотворении М. Цветаевой в исполнении Е. Добровольской (программа «Мелодия стиха», ГТРК «Культура», 2008 г.) обрамляется звуком [Н] (в философии звуков русской речи «Н» является знаком отрицания мира) и в других словах:

В огрмНом городе моем - Ночь.
Из дома соННого иду – прочь
И люди думают жеНа, дочь, -
А я запомНила одНо: Ночь.

Кинетическая инструментовка используется исполнителем в изобразительных целях. В партитуре изображается такой подбор звуков, при котором само движение произносительного аппарата исполнителя

воспроизводит изображаемое явление. Усиливается интерес переноса физиологии в сферу свободного духа, как репетиция к жизни вечной. Умело данным приемом пользуется О. Табаков, читая стихотворение К. Симонова «Ты помнишь, Алеша...» (программа «Мелодия стиха», ГТРК «Культура», 2008 г.). Губной звук [М] мягко, но настойчиво передает муки лирического героя, бесконечную борьбу между добром и злом и надежду на победу первого над вторым:

Ну, что иМ сказать, чеМ утешить Могли Мы их?
Но, горе поняв своиМ бабьиМ чутьеМ,
Ты поМнишь, старуха сказала: «РодиМые,
Покуда идите, Мы вас подождеМ».

К упорядоченности в размещении звуков, их симметричности стремится линейная инструментовка. Она позволяет исполнителю добавить к содержанию дополнительное чувство ритма. Примером линейной словесной инструментовки может служить стихотворение А. С. Пушкина «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» в исполнении Е. Миронова (программа «Мелодия стиха», ГТРК «Культура», 2008 г.). Ассонансы [Е], [А], [Я] расположенные в «линию» в конце каждой строки стихотворения словно убаюкивают, словно останавливают действие, перемещая центр внимания зрителя из быта в иллюзорный мир (опять-таки в философии звуков русской речи йотированный «Я» трактуется как «Й» - действие, «А» - мир вокруг меня):

Парки бабье лЕпЕтАньЕ,
Спящей ночи трЕпЕтАньЕ
Жизни мышья бЕготнЯ...
Что тревожишь ты мЕнЯ?

Список литературы

1. Аверьянов, А. Н. Системное познание мира: методологические проблемы / А. Н. Аверьянов. – М.: Политиздат, 1985. – 263 с.
2. Арнхейм, Р. Новые очерки по психологии искусства / Р. Арнхейм; пер. с англ. – М.: Прометей, 1994. – 352 с.
3. Аронов, А. А. Мировая художественная культура. Россия. Конец XIX – XX век. Учебное пособие для учащихся старших классов, гимназий, лицеев, колледжей и школ гуманитарного профиля, а также для студентов гуманитарных ВУЗов. – М.: Издательский центр АЗ, 1999. – 360 с. ISBN 5-8895-031-9
4. Арутюнова, Н. Д. Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке: Сб. ст. / Рос. Ак. Инст. Языкознания; отв. ред Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. – М.: Наука, 1995. – 200 с. ISBN 5-02-011254-2
5. Барабаш, Н. А. Телевидение и театр: игры постмодернизма / Н. А. Барабаш. – М.: МПГУ, 2003. – 182 с.
6. Ингарден, Р. Исследования по эстетике / Р. Ингарден; пер. с польск. А. Ермилова и Б. Федорова; предисл. В. Разумного. – М.: Иностран. лит., 1962. – 572 с.
7. Кириллова, Н. Б. Медиаккультура: от модерна к постмодерну / Н. Б. Кириллова. - М.: Культура; Академический Проект, 2006. – 448 с. [Технологии]
8. Киуру, К. В. Публичная коммуникация: дискурсивные практики и коды / К. В. Киуру, С. В. Миньшина, Е. Н. Пескова, Е. В. Пономарева, Е. П. Соколова. – Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. ун-та, 2005. – 160 с.
9. Рикёр, П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера / П. Рикёр; пер. с фр., послесл., примеч. И. С. Вдовина. – М.: Искусство, 1996. – 270 с. – ISBN 5-220-01333-2.
10. Степанов, В. Н. Провокативный дискурс массовой коммуникации [Электронный ресурс]: Дис. д-ра филол. Наук : 10.01.10. – М.: РГБ, 2005 (Из фондов Российской Государственной библиотеки).
11. Суленёва, Н. В. Основы создания речевой партии телевизионного постановочного дискурса: учеб. пособие / Н. В. Суленёва; Челяб. гос. акад. культуры и искусства. – Челябинск, 2007. – 174 с., 16 с. ил.
12. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие: пер. с нем. / Ю. Хабермас; под ред. Д. В. Скляднева. – СПб.: Наука, 2000. – 383с.